

СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

АРХЕОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ ЕВРАЗИИ

Выходит на русском и английском языках

Номер 3 (31) 2007

СОДЕРЖАНИЕ

ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ. КАМЕННЫЙ ВЕК

Ситливый В., Собчик К., Карканас П., Кумузелис М. Среднепалеолитические комплексы пещеры Клисура (Пелопоннес, Греция): сравнительный анализ	2
Беляева В.И., Моисеев В.Г. Наконечники с выемкой костенковского типа: опыт статистического анализа	16
Питулько В.В. Основы методики раскопок памятников каменного века в условиях многолетнемерзлых отложений	29
Раков В.А., Бродянский Д.Л. Древняя аквакультура (возделывание устриц в бойсманской неолитической культуре)	39

ЭПОХА ПАЛЕОМЕТАЛЛА

Молодин В.И., Соловьев А.И. Типология культовых комплексов эпохи средневековья Обь-Иртышской лесостепи и некоторые аспекты их семантики	44
Кокшаров С.Ф. Памятник атлымской культуры на реке Ендырь	53
Кубарев В.Д. Билуут-Толгой: новый памятник наскального искусства Монголии	63
Кисель В.А. Рассказ Геродота и ритуальные сосуды древних кочевников	69
Бурханов А.А. Кушанские и кушано-сасанидские монеты из Лебапского региона (по материалам археологических исследований в области Амуля)	80

ДИСКУССИЯ
Проблемы изучения первобытного искусства

Черемисин Д.В. К дискуссии о семантике искусства звериного стиля и реконструкции мировоззрения носителей пазырыкской культуры	87
Советова О.С. К вопросу об "искусствоведческом" и "археологическом" подходах к интерпретации изобразительных памятников	103

ЭТНОГРАФИЯ

Степanova О.Б. Мифологический образ матери-дерева в традиционном мировоззрении селькупов	115
Бауло А.В. "Мундир" осязного божества	119
Голубкова О.В. Орнитоморфные представления о душе у коми-зырян	125
Черных А.В. Обычаи, связанные с домашним скотом, в календарной обрядности русских Прикамья	135

АНТРОПОЛОГИЯ

Медникова М.Б. К вопросу об особенностях юношеской стадии онтогенеза у европейских неандертальцев	145
---	-----

ПЕРСОНАЛИИ

Владимир Дмитриевич Кубарев	154
-----------------------------	-----

СООБЩЕНИЯ

Международная конференция по археологии скифов и Алтайских гор, Гент, Панд, 4–6 декабря 2006 года.	156
--	-----

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	160
-------------------	-----

ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ. КАМЕННЫЙ ВЕК

УДК 903.2

В. Ситликий¹, К. Собчик², П. Карканас³, М. Кумузелис³

¹*Королевские музеи искусств и истории, Брюссель, Бельгия
Royal Museums of Art and History, Parc du Cinquantenaire, 10, B-1000, Brussels, Belgium*

E-mail: valery.sitlivy@teledisnet.be

²*Ягеллонский университет Кракова, Институт археологии, Краков, Польша
Jagiellonian University of Cracow, Institute of Archaeology
ul. Gołębia, 11, 31-007, Cracow, Poland*

³*Центр палеоантропологии и спелеологии, Афины, Греция
Ephoreia of Palaeoanthropology-Speleology, Ardittou, 34b, 11636, Athens, Greece*

СРЕДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ ПЕЩЕРЫ КЛИСУРА (ПЕЛОПОННЕС, ГРЕЦИЯ): СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Введение

Средний палеолит на территории Греции известен по находкам из ряда пещерных и открытых стоянок [Darlas, 1994; Darlas, Lumley, 1999; Kyparissi-Apostolika, 1999; Panagopoulou et al., 2002–2004; Papaconstantinou, 1988; Papagianni, 2000], но до недавнего времени не было зафиксировано ни одного представительного многослойного памятника этой эпохи.

Раскопки средне-, верхнепалеолитической стратифицированной стоянки Клисуря, пещера № 1 (далее – Клисуря-1), на востоке п-ва Пелопоннес (рис. 1, 2) дали важные материалы по стратиграфии отложений памятника, технико-типологическим особенностям каменных индустрий и различным аспектам человеческой деятельности. До сих пор опубликованы только результаты изучения самых верхних мусьеерских слоев VII, VIIa, VIII и X, вскрытых небольшим шурфом в 1997 г. [Koumouzelis et al., 2001b]. В этих отложениях представлена индустрия микролитоидного характера; в орудийном наборе господствуют скребла, встречаются конвергентные изделия, а формы типа кина и продукты леваллуазского раскалывания очень скучны. Раскопками в 2001–2006 гг. выявлено много новых среднепалеолитических слоев с открытыми очагами, обильными фаунистическими остат-

ками и богатыми каменными индустриями, включающими многочисленные ретушированные орудия (различные скребла и остроконечники), а также нуклеусами и сколами. Как ни странно, в верхней части среднепалеолитической колонки были представлены леваллуазские формы, удлиненные острия и конвергентные скребла.

В данной публикации дается характеристика мусьеерских индустрий и излагаются результаты их сравнительного технологического и типологического анализов. Исследование базируется на выборке из 37 922 артефактов из 14 слоев. Кроме того, в ходе некоторых сопоставлений использовались также материалы из кровли слоя XX.

Пачка среднепалеолитических отложений мощностью до 6,5 м составлена многочисленными слоями со свидетельствами интенсивного обитания (слои VI–XX a-g, считая сверху вниз); даты для нее пока не определены. Для слоя V, перекрывающего среднепалеолитическую толщу и представляющего индустрию раннего верхнего палеолита с сегментовидными пластинами с притупленным краем (улущо), получена радиоуглеродная дата $40\ 010 \pm 740$ л.н. (GifA-99168) [Ibid]. В шурфе 1997 г. слой VI оказался смешанным с перекрывающим слоем улущо [Ibid], но на остальной площади раскопа он включал чистый мусьеерский комплекс.

Отложения Клисуры-1. Среднепалеолитическая толща

Среднепалеолитические отложения Клисуры-1 заметно контрастируют с верхнепалеолитическими. Последние, содержащие больше компонентов антропогенного происхождения, более рыхлые и каменистые. Цвет их варьирует от серого до белесоватого, что объясняется насыщенностью кальцитовым пеплом и другими продуктами горения. Кроме того, эти слои характеризуются хорошо выраженным очажными сооружениями из глины, перекрытыми пепельными прослойками [Karkanas et al., 2004; Koumouzelis et al., 2001a, б]. В противоположность этому верхняя часть пачки напластований среднепалеолитического времени (слои VII–XV) постепенно, но отчетливо трансформируется в более компактные коричневатые или красноватые мелкозернистые отложения, которые в задней части пещеры включают ряд каменистых прослоев. Эти черты являются следствием участия в процессе седиментации большего количества глины и иных кластических материалов, что свидетельствует о ведущей роли естественных процессов в формировании верхней части среднепалеолитических слоев. Вместе с тем, в них представлен и антропогенный компонент в форме отдельных прослоев разноцветных продуктов горения.

Эта верхняя часть среднепалеолитической колонки демонстрирует несколько эпизодов естественной и антропогенной седиментации, разделенных четки-

Рис. 1. Вид на ущелье Клисура с Арголического залива (а) и из крепости Ларисса в Аргосе (б).

ми горизонтами эрозии. Слои XI–XIV представлены горизонтами красноватого цвета с высоким содержанием глины, чередующимися с тонкими многоцветными горизонтами горения. Формирование первых,

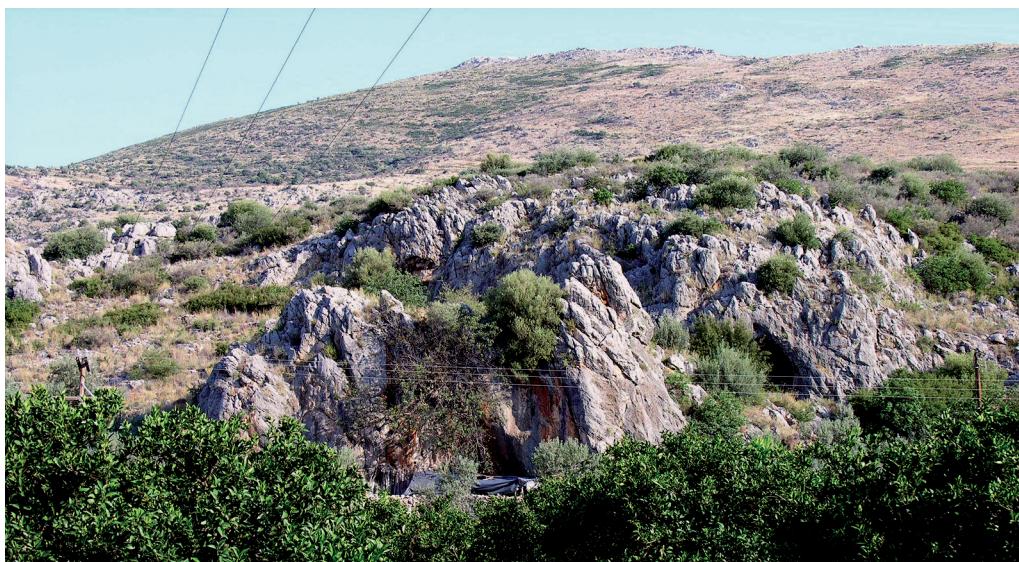

Рис. 2. Пещера № 1 Клисура.

Rис. 3. Западный раскопочный профиль Клисуры-1. Видна часть среднепалеолитической толщи отложений (слои XVI–XXc) с серыми прослойями вверху (насыщенный золотой слой XVI), каменистым слоем XVIII в середине и обожженными материалами (слои XXa и XXc).

скорее всего, было результатом работы потоков дождевой воды, перемещавших кластические материалы с возвышающихся над пещерой холмов. Слои XI–XIV содержат также хорошо развитые карбонатные корки, которые сохранились благодаря цементации подстилающих поверхностей и маркируют небольшие перерывы в осадконакоплении. Многоцветный горизонт горения в слое XI маркирует окончание формирования пачки слоев XVI–XI. Часть этой пачки подверглась размыву, в результате чего в привходовой части пещеры образовалась впадина. Слои X и IX местами сильно осветлены и имеют беловатый цвет, хотя включают также более темные (от темно-серых до черных) прослои, сформировавшиеся, по-видимому, благодаря цементации обожженных остатков поверхностными водами. Еще один эрозионный эпизод привел к образованию желоба, обрезавшего все ранее отложившиеся слои среднепалеолитической толщи. Желоб тянется от северного профиля в задней части пещеры к западному профилю. Он заполнен материалами слоев XIa и XIb, представляющими собой смесь обожженных остатков и естественных отложений со слабовыраженной слоистостью. Пока неясно, это заполнение является результатом развития природных процессов или же деятельности человека. В задней части пещеры они и слои, следующие за слоем XI, залегают непосредственно под слоями VIII–VI, что является следствием комбинированного воздействия антропогенных и естественных процессов. Они глинистые, имеют коричневатый оттенок, но содержат и включения обожженных остатков, что придает им местами более темный цвет. Таким образом, верхняя часть среднепалеолити-

ческой толщи испытала воздействие размыва и ряда других эрозионных процессов.

Верхняя и нижняя части среднепалеолитической толщи резко отличаются между собой: глинистые, красноватые, с каменистыми включениями верхние слои четко контрастируют с подстилающими их мелкозернистыми, иловатыми и золистыми слоями. Эти различия связаны, возможно, с изменением карстовой конфигурации пещеры. Примерно во время формирования слоя XV в задней части пещеры, вероятно, произошел обвал и образовалась расселина, сохранившаяся до настоящего времени. Через нее в пещеру стали попадать дождевые воды, красноземы, обломки скальных пород, что сказалось на характере отложений в верхней части среднепалеолитической толщи.

Нижняя часть толщи (слои XVI–XX) представлена гомогенными мелкозернистыми отложениями с признаками постдепозиционного химического видоизменения, особенно заметного в низах слоя XX (рис. 3). Это видоизменение проявилось в образовании фосфатных стяжений вокруг известняковых глыб. По мере движения от верхних слоев к нижним наблюдается также постепенное возрастание их наклона по направлению к входу.

Слои XVI и XVII состоят из чередующихся серых и беловатых горизонтов значительной протяженности. Слой XVIII коричневато-серый, иловатый, включает много костей и каменных артефактов. Высокое содержание последних придает слою каменистый вид. Слой XIX темно-серый, иловатый, гомогенный. Слои XXa, XXc и XXf насыщены обожженным материалом в виде беловатых и черных линз. Слои XXb и XXd светло-коричневые, иловатые, с меньшим, по сравнению со слоями XVIII и XIX, количеством признаков антропогенного воздействия. Локальной разновидностью слоя XXa является слой XXa1, красноватого цвета, выделяемый по большому содержанию краснозема. Слои XXe и XXf умерено сцеплены за счет большого количества фосфатных жил и стяжений. Кроме того, они содержат значительный песчанистый компонент. Слой XXg рыхлый, серый, песчанистый. Слой XXI выявлен лишь у восточной стены пещеры, где он представлен темно-красными отложениями, налегающими непосредственно на скальное дно. Он состоит из красноземов с большим количеством известняковых глыб и щебня. Отмечаются следы интенсивного фосфатного преобразования. Контакт между слоем XXI и

Каменный инвентарь среднепалеолитических слоев Клисуры-1, экз.

Каменный инвентарь	VI	VII	VIIa	VIII	X	XIb	XII	XIII	XIV	XV	XVI	XVII	XVIII	XIX	Всего
Чешуйки	1 711	1 189	1 334	1 270	820	101	29	82	649	698	1 542	1 543	4 141	493	15 602
Куски и обломки	607	481	244	425	297	15	2	13	40	34	64	75	259	19	2 575
Преформы	0	0	0	0	2	1	1	0	1	0	3	0	2	0	10
Нуклеусы	36	23	29	43	49	12	17	10	35	19	40	56	148	70	587
Отщепы	571	705	742	945	1 044	287	263	241	638	547	862	1 288	4 791	1 489	14 413
Пластины	41	22	22	20	33	9	17	14	18	14	20	41	439	265	975
Орудия	103	95	108	240	340	106	89	61	212	150	254	202	1 028	677	3 665
Отбойники	1	0	0	5	2	0	0	0	2	3	2	1	12	0	28
Сколы подновления орудий	1	0	0	0	7	2	6	2	4	6	6	3	8	4	49
Чопперы	0	0	0	0	2	0	0	0	1	0	0	0	1	0	4
Куски с пробными сколами	2	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	5	5	2	14
Всего	3 073	2 515	2 479	2 948	2 596	533	424	423	1 600	1 471	2 793	3 214	10 834	3 019	37 922

вышележащими отложениями несогласный, что, возможно, является отражением резких природных изменений в соответствующий период.

Окончательные выводы делать еще рано, однако уже сейчас можно предположить, что основная часть среднепалеолитической пачки отложений формировалась в более влажных, по сравнению с верхнепалеолитическим временем, условиях. Песчанистые линзы в ее нижней части были, по-видимому, оставлены карстовыми водами в подземных туннелях, которые образовались в уже сформировавшихся в тот период отложениях. Последнее, вероятно, имело также следствием повышение уровня грунтовых вод, что способствовало изменению химического состава отложений. Фосфат в них появился, скорее всего, в результате гниения гуano, большое количество которого скопилось к тому времени в пещере.

Состав артефактов

Общая структура среднепалеолитических комплексов характеризуется доминированием мелких продуктов раскалывания и ретуширования (чешуйек) размером до 1,5 см (по предварительным подсчетам они обычно составляют 30–55 % артефактов), небольших обломков (до 20 %; они особенно многочисленны в самых верхних среднепалеолитических слоях X–VII), а также мелких

отщепов (см. таблицу). Однако в средней части колонки (слои XIb, XII, XIII) чешуйки встречаются реже (менее 20 %). Частота встречаемости орудий колеблется от средней до довольно высокой (от 3,7 до 20 %) и контрастирует с малым количеством нуклеусов. Если исключить из подсчетов чешуйки, куски и обломки, то преобладающей категорией каменного инвентаря окажутся отщепы (70–83 %). Орудия будут занимать вторую позицию (11–25 %; самые низкие показатели приходятся на верхние слои VII и VIIa) (рис. 4). Наиболее низок процент нуклеусов (2,3–4,4 %) и пластин (1,5–4,4 %). При этом, если доля нуклеусов остается низкой во всех

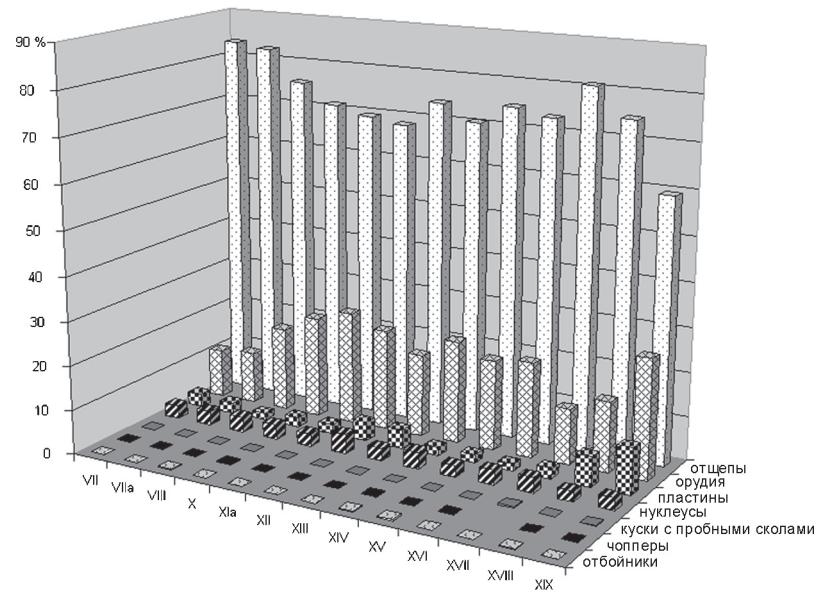

Рис. 4. Распределение основных категорий артефактов в слоях Клисуры-1.

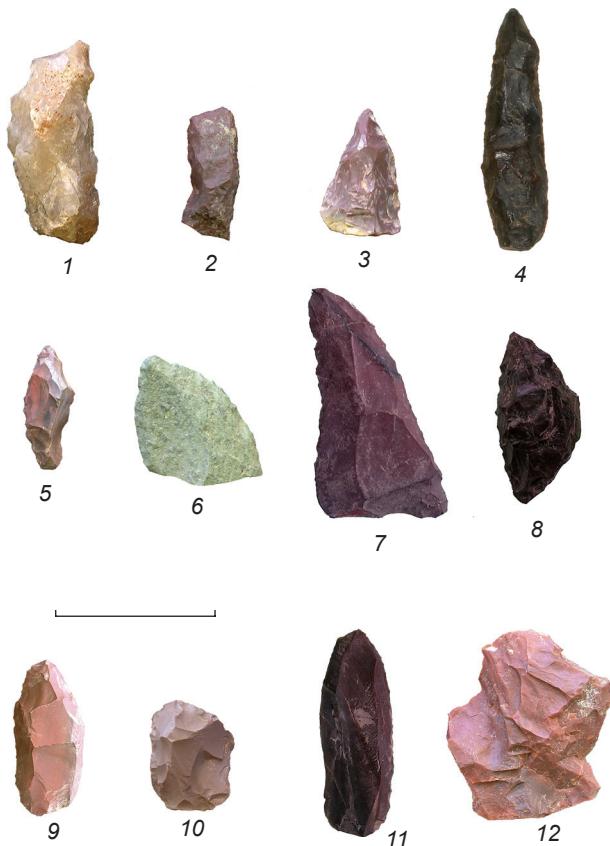

Рис. 5. Лимасы (1, 5), скребла: трапециевидное (2), угловатые (6, 7), сегментовидное (8), двойное (9), боковое с дистальным и обушковым утончением (10), боковое на пластине (11); остроконечник (3); остроконечник на пластине (4); леваллуазский отщеп (12).

1 – халцедон; 2, 3, 5, 7–12 – радиолярит; 4 – кремень;
6 – вулканическая порода.

1, 3, 8–10, 12 – слой XIV; 2, 6, 11 – XI; 4 – XIX; 5 – X; 7 – XII.

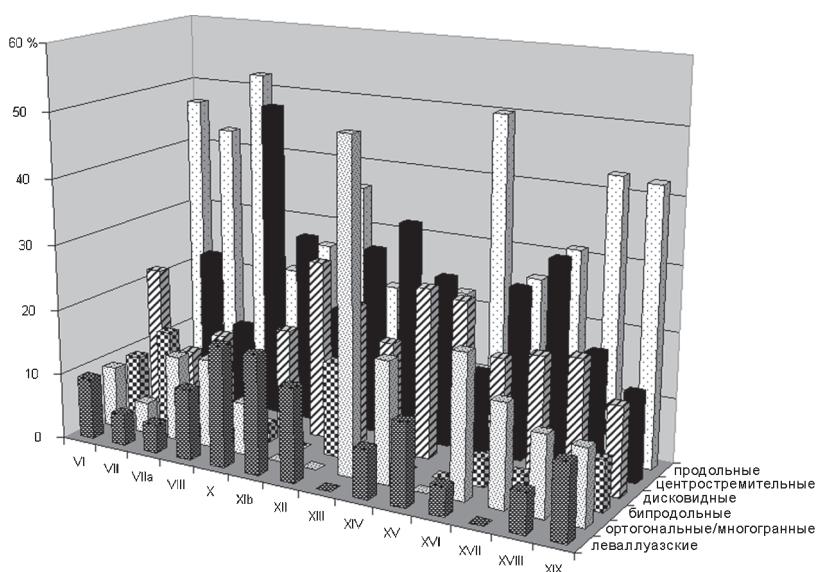

Рис. 6. Нуклеусы в слоях Клисуры-1.

слоях, то частота встречаемости пластин несколько повышается в самой нижней части среднепалеолитической толще, достигая в слоях XVIII и XIX 6,8–10,5 %. Куски с пробными сколами, отдельности породы (сырьевые запасы), как и отбойники, либо отсутствуют, либо представлены в очень незначительных количествах в нескольких слоях, главным образом в нижней части отложений. Отношение количества орудий к количеству нуклеусов остается высоким во всех среднепалеолитических комплексах: от 3,6 : 1 до 9,6 : 1. Высокие значения дали и подсчеты количественного отношения заготовок и нуклеусов: обычно от 20 : 1 до 35 : 1, причем самые большие – для верхних и нижних слоев. Таким образом, состав каменного инвентаря среднепалеолитических комплексов указывает на то, что первичное раскалывание, изготовление и использование орудий происходили непосредственно на памятнике. Что касается немногочисленных различий в составе артефактов между слоями, то наиболее значительным среди них является увеличение количества пластин и пластинок в наиболее древних среднепалеолитических комплексах.

Сырье

Радиолярит был доминирующим видом сырья для артефактов во всех палеолитических слоях Клисуры-1 (рис. 5, 2, 3, 5, 7–12); такие изделия в среднепалеолитических комплексах составляют 60–80 %. На втором месте – кремень (15–32 %). Другие породы (в т.ч. известняк, кварц, халцедон) играли незначительную роль; изделия из них не превышают 4 %, составляя обычно 1–2 % (рис. 5, 1, 6). Неизменными остаются такие характеристики сырьевых материалов, как небольшой размер исходных кусков, плиток и обломков, а также их среднее качество, обусловливавшее во многих случаях ненамеренный излом (продольный или петлеобразный) сколов. Особенностями сырья (прежде всего некоторых типов радиолярита) объясняется и высокий процент отщепов с плоским ударным бугорком, что может привести к ложному выводу об использовании мягкого отбойника.

Нуклеусы

Преобладают нуклеусы трех типов: со следами односторонних (продольных), центростремительных сколов и дисковидные (рис. 6). Нуклеусы одностороннего скальвания для отщепов и пластин/плас-

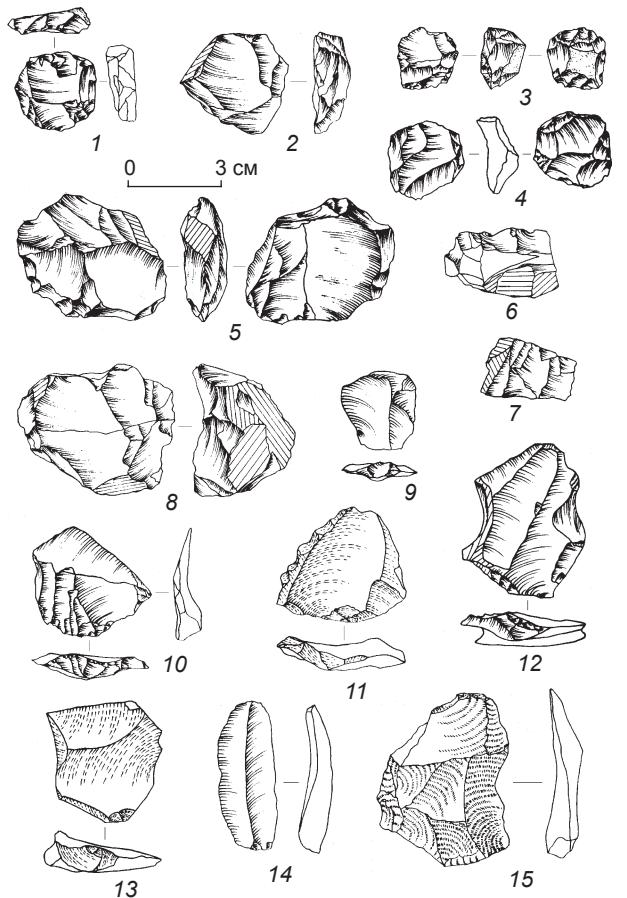

Рис. 7. Леваллуазские нуклеусы (1, 4) и отщепы (9, 10, 12, 15), нуклеусы с однородными негативами (2, 6), нуклеусы со следами центростремительной системы снятий (3, 5), нуклеус с признаками бипродольного скальвания (7), ортогональный нуклеус (8), зубчатое орудие (11), краевой (*débordant*) скол (13), пластина (14).

1 – слой XII; 2, 4, 6, 7, 10, 11 – XV; 3 – X; 5, 13, 14 – XI; 8, 9 – XIII; 12, 15 – XIV.

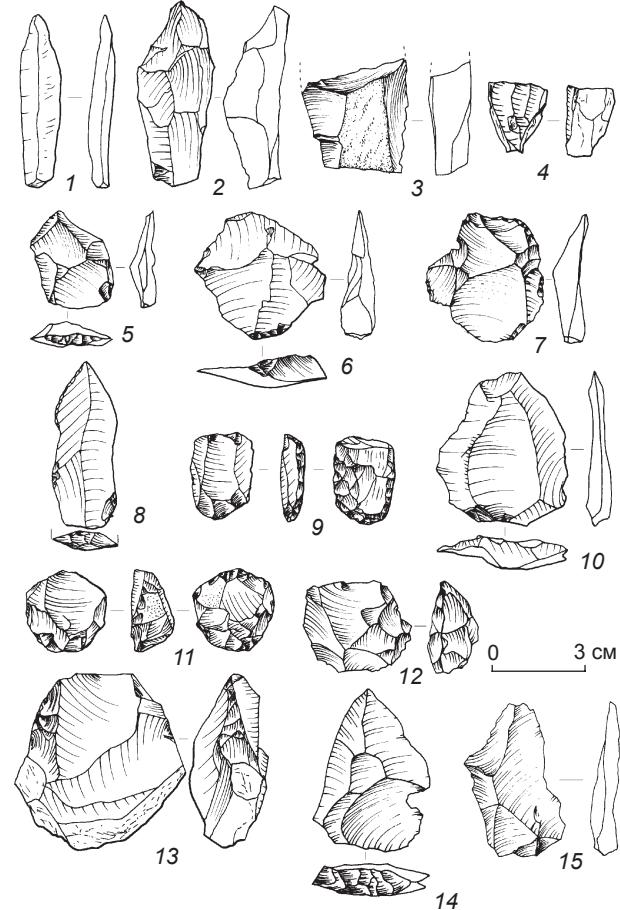

Рис. 8. Пластины (1, 3), реберчатая пластина (2), нуклеус для пластин (4), леваллуазские отщепы (5–7, 15), леваллуазская пластина (8), леваллуазские нуклеусы (9, 11–13), леваллуазские острия (10, 14).

1 – слой XVIII; 2, 3 – XXс; 4, 12, 15 – XVII; 5, 7–9, 11 – VIII; 6 – X; 10 – VII; 13 – XXд; 14 – XIV.

тинок (рис. 7, 2, 6, 7; 8, 4) наиболее многочисленны (до 50 %) в двух верхних (VII и VIIa) и в самых нижних (XV, XVIII и XIX) слоях. Часто они несут широкий, далеко заходящий негатив завершающего скола. Отдельные нуклеусы имеют следы подготовки ребра и частично – поворотную рабочую поверхность. Ударные площадки обычно гладкие. Бипродольные нуклеусы редки, но в верхних и нижних слоях (VII и XIX) они встречаются чаще, чем в остальных.

Нуклеусы для пластин/пластинок в большинстве своем имеют узкий фронт, сформированный на торце скола или плитки. Ортогональные нуклеусы (см. рис. 7, 8) встречаются в относительно небольшом количестве; среди них есть образцы полиздрической формы. Нуклеусы со следами центростремительных сколов (см. рис. 7, 3, 5) и дисковидные (их либо поровну, либо первых больше) преобладают в слоях сред-

ней части колонки (VIII или XIV). Нуклеусы и сколы леваллуа представлены в ограниченном количестве, и никакой тенденции к увеличению их роли в средне-палеолитических слоях не прослеживается. Частота встречаемости леваллуазских нуклеусов в верхних и нижних слоях одинакова, и лишь в средней части колонки они несколько более многочисленны. Леваллуазские нуклеусы для отщепов демонстрируют обычно линейную (см. рис. 7, 1; 8, 11–13) или рекуррентную (см. рис. 7, 4; 8, 9) системы снятий. Нуклеусы для острий и пластин редки. В нижних слоях многие ядрища представлены фрагментами и неопределенными, сильно сработанными образцами. Отдельности сырьевых пород, как правило, небольших размеров. Более крупные куски с пробными сколами были найдены только в слоях XVII–XIX. Пренуклеусы редки; они встречены в малом количестве в слоях X, XVII и XIX.

Отщепы и пластины

В большинстве среднепалеолитических слоев пластин немного. В слоях VII–XVII их индекс не превышает 5 (исключая слой XII). Значительный рост индекса пластин/пластиночек (с 9,7 до 16) зафиксирован в трех нижних слоях среднепалеолитической колонки (рис. 9). Здесь же впервые появляются реберчатые пластины (см. рис. 8, 2) и отщепы. Увеличению индекса пластин в этих слоях соответствует рост количества нуклеусов с признаками одностороннего скальвания (в основном они сильно сработаны). Вместе с тем, преобладание таких же нуклеусов в верхних слоях VII и VIIa (где имеются даже нуклеусы для пластиночек: 1 экз. – в слое VII и 5 экз. – в слое VIIa) не привело к аналогичному изменению характера заготовок.

Отщепы в большинстве своем “нелеваллуазские” с односторонними или центростремительными негативами на дорсальной поверхности. Индекс леваллуа низок (от 1 до 7) во всех среднепалеолитических комплексах (см. рис. 9). Леваллуазские заготовки встречаются во всех слоях (см. рис. 7, 9, 10, 15; 8, 5–8, 10, 14, 15), и, хотя их количество варьирует, никакой тенденции в этой вариабельности не прослеживается.

Пластины несут в основном негативы односторонних снятий (см. рис. 8, 1), а центростремительная огранка встречается редко, в т.ч. и на леваллуазских сколах (см. рис. 8, 8). Характер огранки дорсальной поверхности сколов, как правило, соответствует картине, наблюдавшейся на нуклеусах (исключение демонстрируют находки из слоя VIII). Нуклеусы параллельного скальвания и соответствующие им отщепы

преобладают над нуклеусами и отщепами с центростремительными негативами в верхних слоях, тогда как в средней части колонки (слои X–IX) ситуация меняется на противоположную. Далее наблюдается относительное равновесие между разными типами огранки (хотя нуклеусы со следами центростремительной системы снятий, включая дисковидные, остаются более многочисленными), а затем параллельное скальвание вновь становится преобладающим. В слое XVIII доминирование односторонней системы снятий (48,7 %) над центростремительной (10,8 %) еще более заметно, чем в верхних слоях. Редкость первичных и полупервичных пластин и отщепов во всех комплексах свидетельствует о том, что начальное расщепление осуществлялось за пределами памятника. Что касается подготовки ударных площадок, то во всех мустерьерских слоях преобладают сколы с гладкими площадками (40–60 %); сколько-нибудь явной тенденции к сокращению их числа не наблюдается. Доля грубо подготовленных площадок (двугранных и многогранных) остается стабильной; лишь в средней части колонки имеет место некоторый рост количества многогранных площадок. Частота встречаемости признаков тонкого фасетирования резко возрастает в слое VIII, и особенно в слое X, но значительное увеличение IL при этом наблюдается лишь во втором из двух названных комплексов. По мере продвижения сверху вниз фиксируется постепенное уменьшение процента фасетированных площадок. Комплекс слоя X (а также, вероятно, и индустрия нижележащего слоя XI) кажется наиболее “леваллуазским” во всей колонке Клиссы-1 по характеру подготовки площадок, индексу леваллуа, типам нуклеусов и заготовок. В целом ин-

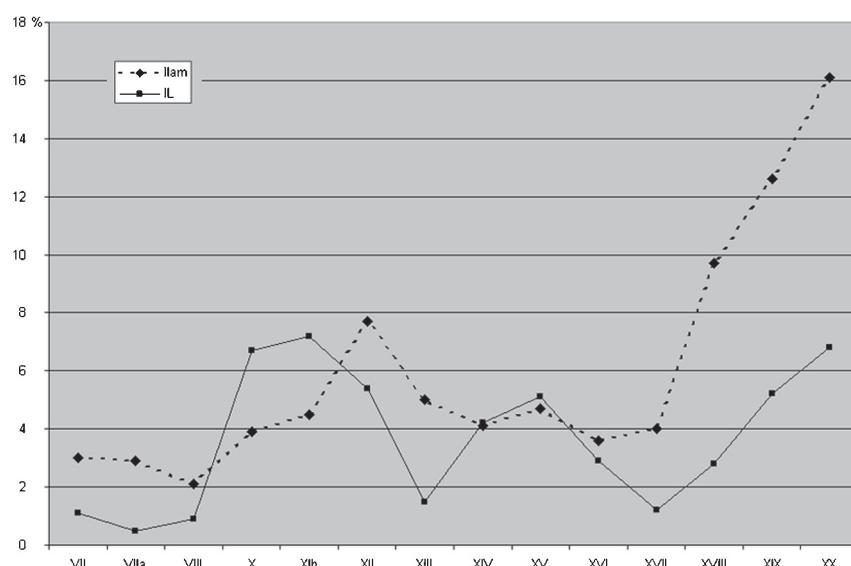

Рис. 9. Индексы пластин (Ilam) и леваллуа (IL) для слоев Клиссы-1.

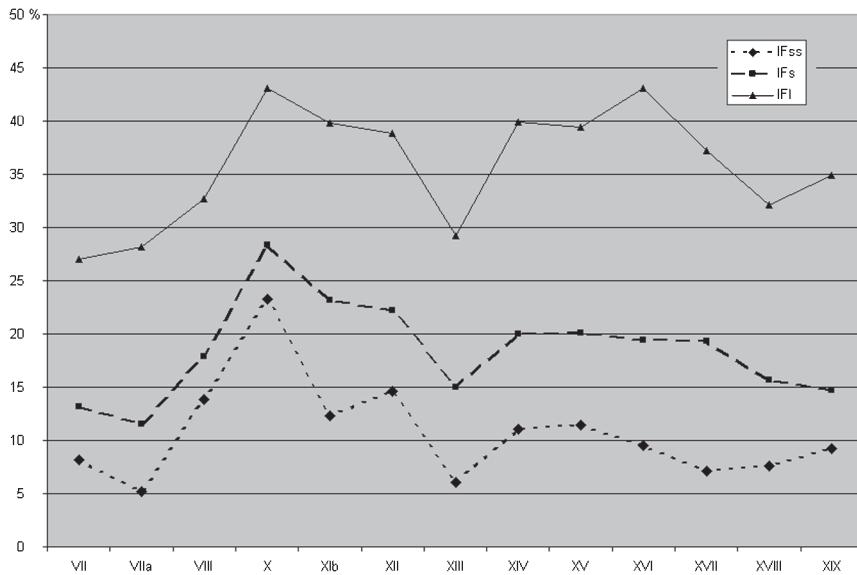

Рис. 10. Индексы фасетирования площадок для слоев Клиссы-1.

декс фасетирования низкий или средний (рис. 10); максимальные его значения соответствуют слою X (IFI = 43,1; IFs = 28,4). Общий индекс фасетирования подвержен колебаниям в гораздо меньшей степени, чем индекс тонкого фасетирования, и демонстрирует большую стабильность при сравнении по слоям. По характеру площадок пластины и отщепы обычно похожи. Значительные различия между ними по этому признаку были зафиксированы лишь в самых ранних среднепалеолитических комплексах. В слое XVIII, например, фасетированные площадки гораздо более характерны для отщепов (IFss = 8,4; IFs = 16,5; IFI = 32,1), чем для пластин (IFss = 3; IFs = 7,5; IFI = 20,4), тогда как гладкие (58,3 против 51,8 %), линейные (10,6 против 3 %) и точечные (17,5 против 1,9 %) площадки чаще встречаются на пластинах, чем на отщепах. Пластины с признаками параллельной огранки имеют в большинстве случаев гладкие площадки (67,9 %, а вместе с линейными и точечными – 83,4 %), тогда как фасетированные очень редки (4,1 %). Леваллуазские заготовки, напротив, характеризуются высоким индексом фасетирования (IFss = 45,6; IFI = 86,8), хотя и у них иногда встречаются гладкие площадки (10,8 %). Техника получения заготовок вполне обычна: хорошо развитые ударные бугорки (> 70 %) и тупые углы (70–90 %) свидетельствуют об использовании твердого отбойника. Производство пластин, выявленных в нижних слоях, также основывалось на применении твердого отбойника: венчик (губа) на внутренней стороне площадки встречается здесь очень редко (2,9 %); процент плоских ударных бугорков достигает минимального значения по сравнению с другими слоями (5 против 11–24,4 %).

“Микролитоидный” облик индустрис и наличие мелких пластин объясняются, вероятно, как характером большинства разновидностей местного сырья, так и особенностями использовавшихся обитателями пещеры стратегий расщепления. Артефакты размером более 70 мм редки во всех слоях (часто такие вещи сделаны из кварца, известняка и песчаника). Однако, например, в слое XVIII вещи длиной >50–70 мм более многочисленны (67 шт.), чем в слое XVII (4 шт.). Нуклеусы обычно небольшого размера (максимальная длина 68 мм, средняя – менее 35 мм, в основном 25–32 мм); они либо сильно сработаны, либо оформлены на мелких исходных отдельностях породы. Некоторые неретушированные заготовки достигают в длину 60–70 мм (что превышает размер нуклеусов), но в среднем “микролитоидные” – длиной 20–27 мм, уступающие по размерам ретушированным орудиям (средняя длина последних 30–35 мм). Немногочисленные отдельности породы с негативами пробных сколов, найденные в ходе раскопок, тоже небольших размеров. Представляется, что более крупные неретушированные пластины и отщепы, как и орудия, тяготеют к нижним слоям (XVIII, XIX).

Среди действий, производившихся на памятнике, важное место занимало первичное расщепление камня. Однако опробование и декортикация желваков осуществлялись явно за пределами стоянки; об этом свидетельствует низкое количество первичных сколов и пренуклеусов. Доля сколов без корки особенно велика в слоях средней части толщи (70–80 против 60–64 % в других слоях). Таким образом, отраженная в материалах памятника редукционная последовательность не является полной. Ее первоначальные

стадии не представлены, поскольку соответствующие им операции осуществлялись вне пещеры. Все последующие стадии, напротив, идентифицируются достаточно четко, особенно заключительные фазы срабатывания и истощения нуклеусов, а также переоформления некоторых из них в орудия. Это же относится и к разным стадиям жизни орудий, включая получение заготовок, ретуширование, переоформление, слом и выброс.

Методы раскалывания

Верхние слои VII, VIIa, VIII и X отражают существование нескольких систем скальвания [Koumouzelis et al., 2001b]. Их использование фиксируется в остальных среднепалеолитических комплексах памятника для получения отщепов рекуррентным способом: 1) одностороннее рекуррентное скальвание без предварительной подготовки рабочей поверхности (“плоской”) и ударной площадки (естественной гладкой или созданной одним сколом), дополняемое бипротальным и ортогональным скальванием; 2) центростремительное скальвание с дисковидных или конических/биконических нуклеусов [Sitlavy, 1996], одно- или двусторонних; 3) центростремительное нелеваллуазское плоскостное скальвание; 4) центростремительное рекуррентное и линейное леваллуазское скальвание. В результате применения разных методов получали различные сколы. Метод одностороннего скальвания давал широкие и иногда несколько удлиненные массивные отщепы; результатом центростремительного нелеваллуазского скальвания были короткие, довольно толстые, часто краевые отщепы (см. рис. 7, 13) с широкой подготовленной ударной площадкой; с леваллуазских нуклеусов с признаками линейного и центростремительного рекуррентного скальвания снимали преференциальные отщепы со следами центростремительной огранки (см. рис. 5, 12; 7, 15; 8, 5–7), а также вторичные отщепы (см. рис. 7, 9, 10; 8, 15). Ударные площадки фасетированные, иногда подготовленные одним сколом.

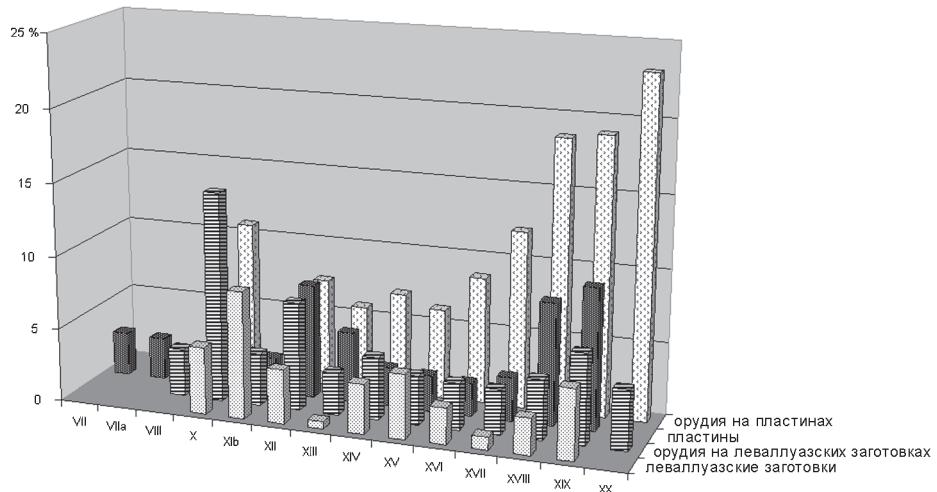
Таковы основные методы скальвания, использовавшиеся на протяжении всего периода формирования среднепалеолитических слоев Клиссы-1. Следует отметить, что к леваллуазской стратегии прибегали реже, чем к остальным. Кроме того, зафиксировано применение еще нескольких дополнительных технологий: 5) леваллуазское конвергентное скальвание для получения широких острый (см. рис. 8, 10) использовалось спорадически, например, в слоях VII, XIV и XIX; 6) леваллуазское рекуррентное одностороннее скальвание для получения удлиненных заготовок (см. рис. 8, 8), например, в слое VIII, а еще чаще в нижних слоях; 7) нелеваллуазские пластинча-

тые методы: а) эксплуатация плоских или частично поворотных поверхностей скальвания без предварительной их подготовки (см. рис. 8, 4); площадки нефасетированные (в основном это сильно сработанные, одно- или реже двухплощадочные торцовые или полиздрические нуклеусы); б) эксплуатация предварительно подготовленных путем создания бокового или центрального ребра поверхностей скальвания (см. рис. 8, 2); площадки гладкие (редкие объемные нуклеусы с остатками ребра, кроме того, есть серия реберчатых пластин, двускатных и боковых). Эти два способа срабатывания нуклеусов давали длинные, узкие, тонкие или толстые пластины с прямым профилем и треугольные или трапециевидные в сечении, а также небольшие пластины, включая пластинки. Пластины в небольшом количестве встречены во всех среднепалеолитических комплексах, но свидетельства применения объемного верхнепалеолитического расщепления зафиксированы только в самых нижних слоях (XVII, XIX, XX).

Материалы среднепалеолитических слоев не позволяют говорить о каких-либо направленных изменениях технологических приоритетов. Пластины лучше представлены в ранних комплексах, чем в поздних, где их производство становится довольно редким явлением.

Орудия

Роль основного сырья для производства орудий во всех слоях принадлежит, как отмечалось, радиоляриту: из него сделано 50–82 % всех вещей со следами вторичной обработки (см. рис. 5). Кремень использован в 11–30 % случаев. Другие породы (кварцит, халцедон, известняк, вулканическая порода; см. рис. 5, 6) подвергались вторичной обработке лишь эпизодически, хотя орудия из кварца встречаются во всех слоях. Использование тех же пород и примерно в тех же пропорциях отмечено в верхнепалеолитических слоях [Koumouzelis et al., 2001a]. В случаях, когда исходная форма сколов не сильно изменена ретушью, можно определить тип заготовок, отбиравшихся для производства орудий. Часто орудия всех классов изготавливались на мелких и довольно толстых отщепах. Для скребел и ножей нередко выбирались краевые (например, 10–17 % в слоях XIII–XVI) и асимметричные короткие отщепы, а также сколы с естественным обушком. Первичные сколы использовались в качестве заготовок для орудий эпизодически и в ограниченном количестве (например, 2,4 % в слое XI и 7 % в слоях XIV и XV). Плитки радиолярита отбирались еще реже. Иногда в орудия (скребла) переоформляли сработанные нуклеусы. Ретушированные леваллуазские заготовки встречаются в не-

Rис. 11 Леваллуазские и пластинчатые сколы в слоях Клисуры-1.

большом количестве, исключая слой X. Пластины отбирались гораздо более часто (см. рис. 5, 4, 11); самые высокие доли орудий на пластинах зафиксированы в слоях XVIII, XIX и XX (18–23 %), а по мере движения вверх этот показатель постепенно уменьшается (рис. 11). Чаще же всего орудия изготавливались на нелеваллуазских отщепах (>77 %).

Для среднепалеолитических комплексов характерны небольшие орудия (средняя длина 30,5–35,5 мм), хотя в самых нижних слоях наблюдается некоторое увеличение размера заготовок, особенно пластин и орудий на пластинах. Орудия оформлялись, как правило, посредством полукрутой и крутой чешуйчатой ретуши, тогда как другие ее виды, включая субпараллельную, плоскую, кина, бифасиальную, плосковыпуклую и бессистемную, использовались реже. Ретушь кина и полукина спорадически применялась для оформления массивных скребел, лимасов и других конвергентных орудий, особенно часто она отмечается в самых нижних слоях (например, на 5,3 % всех целых орудий и на 7,6 % скребел и остроконечников в слое XIX). Как правило, ретушь маргинальная и не интенсивная. Многие орудия представляют собой лишь незначительно модифицированные маргинальной ретушью заготовки. Тем не менее есть примеры применения захватывающей интенсивной односторонней ретуши, а также бифасиальной обработки (скребла, острия). Следы интенсивной формообразующей ретуши особенно часто встречаются в нижних слоях. Во всех комплексах Клисуры-1 отражено господство лицевого ретуширования (например, 89,9 % в слое XVI), признаки вентрального отмечаются редко (например, 5,7 % в слое XVI и 8,2 % в слое XV; это максимальные значения). Частота встречаемости проявлений бифасиальной ретуши достигает примерно 3 % (например, в слоях XV и XVI); сле-

ды чередующейся ретуши редки. Наблюдаются, хотя и не очень часто, различные типы усечения и утончения (базального, дистального и обушкового) скребел, ножей, и особенно остроконечников. Представляется, что существовала зависимость между характером заготовок и тем, как они использовались. Обычные отщепы и некоторые пластины служили в качестве орудий без всякой обработки или подвергались частичной модификации (ретушированию, утончению, усечению). Большинство таких заготовок с помощью чешуйчатой и маргинальной ретуши превращалось в одинарные скребла, зубчатые изделия (см. рис. 7, 11) и т.д. Форма таких вещей затем претерпевала лишь незначительные изменения. Напротив, крупные и толстые отщепы и пластины подвергались интенсивной обработке посредством отвесной, крутой, захватывающей и бифасиальной ретуши, превращавшей их в различные скребла (с одним или несколькими рабочими краями), лимасы, остроконечники. Благодаря такой модификации значительно сокращалась исходная масса артефакта, иногда изменялся и первоначальный тип орудия. Орудия, подвергшиеся интенсивному преобразованию, выглядят асимметричными относительно центральной оси и несколько непропорциональными (высокие сечения, лимасы), отмечаются слишком большая ширина и укороченность (некоторые угловатые и поперечные скребла и даже остроконечники) или зауженность и удлиненность, придающие им псевдопластинчатый характер; некоторые орудия – с двумя параллельными или конвергентными рабочими краями.

Среди изделий с элементами вторичной обработки доминируют скребла – от 63 до 84,7 % всех орудий (без учета обломков). Наиболее высок процент скребел в средней части колонки (слой XIII), а самые низкие значения этого показателя отмечаются в верх-

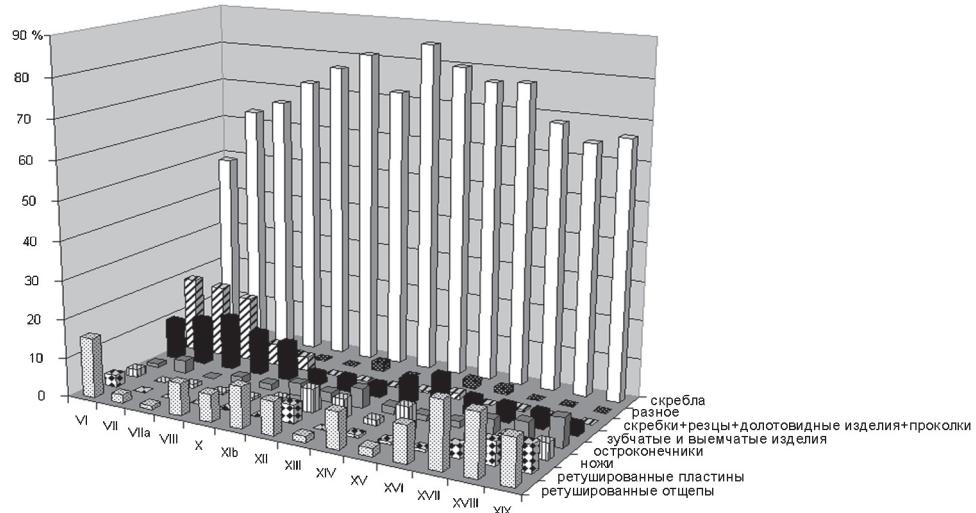

Рис. 12. Типы орудийного набора в слоях Клисуры-1.

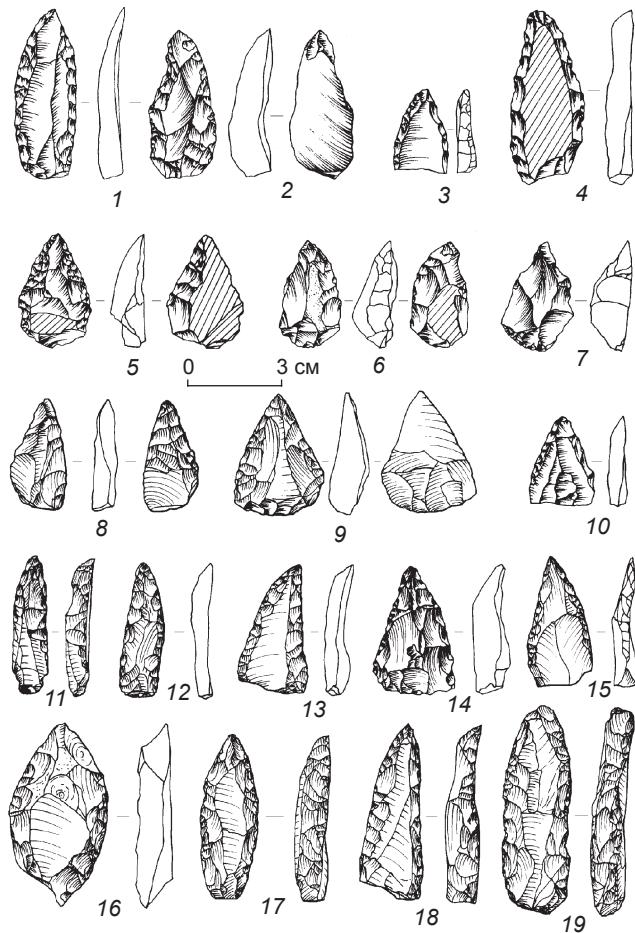

Рис. 13. Острия: удлиненные (1, 4, 11, 12, 17, 18), с дистальным утончением (2), короткий треугольный (3), бифасиальные (5, 6, 8), тейякский (7), с признаками проксимального утончения (9, 10, 14), асимметричные (13, 15), листовидный (16), скребло конвергентное (19).

1, 4, 11, 14 – слой XIV; 2, 3, 6, 10 – XI; 5 – XV; 7, 17 – XIII; 8 – XIX; 9 – XXc; 12, 15 – VIII; 13 – VII; 16 – XX; 18, 19 – X.

них (VII, VIIa) и нижних (XVIII, XIX) слоях (рис. 12). Этот факт является отражением значительного увеличения доли орудий верхнепалеолитических типов в верхних слоях (16,8–18 %) и остроконечников, отщепов и пластин с признаками ретуши – в нижних. Постепенное исчезновение орудий верхнепалеолитических типов (скребки, резцы, проколки и особенно многочисленные долотовидные изделия) в слоях VII, VIIa и VIII вплоть до полного их замещения мустерьерскими формами (скребла, остроконечники), начиная со слоя XI, хорошо документировано. В нижних слоях (XIV–XIX) верхнепалеолитические орудия отсутствуют или единичны, даже несмотря на значительное возрастание среди них доли пластин (слои XVIII, XIX). Мустерьерские остроконечники найдены во всех слоях (исключая слой VIIa). Их удельный вес среди орудий невелик (1,4–3,7 %); он несколько повышается лишь в слоях XVIII (4,7 %) и XIX (7,5 %). Частота встречаемости таких типов орудий, как зубчатые изделия и ретушированные отщепы, низкая или умеренная (соответственно 2,6–11,9 и 7–17 %). Выемчатые формы и ножи с естественным обушком еще более редки. Доля последних в некоторых случаях достигает 4,4–6,5 % (слои XV–XIX; встречаются также единичные ножи с ретушированным обушком). Остальные типы орудий представлены единичными изделиями, рассеянными по разным слоям (скребльшики/raclette, отщепы с усечением и утончением, клюв, комбинированные орудия, “чоппер”). Довольно много (ок. 10 %) неопределенных точко обломков орудий; в некоторых

слоях они составляют до 25 % изделий со следами вторичной обработки (слой XVI).

Остроконечники

Представлены два основных класса остроконечников: мустерьские удлиненные (см. рис. 5, 4; 13, 1, 11, 12, 17, 18) и короткие, часто массивные (см. рис. 13, 3, 5, 6, 14). Другие типы – тейякские остроконечники (см. рис. 13, 7) и острия кинсон – очень редки. Тейякские остроконечники встречаются единично, например в слоях XIII и XIV. Мустерьские остроконечники обеих категорий подразделяются на симметричные и асимметричные; в плане они могут быть треугольными (см. рис. 5, 3; 13, 3, 9, 10), треугольно-разносторонними, угловатыми (см. рис. 13, 13), проколко-, клюво-, сегменто- и листовидными (см. рис. 13, 16, 17), в т.ч. двуконечными. В зависимости от характера заготовок (пластины, отщепы и даже плитки) они варьируют по степени удлиненности и массивности. Различаются и типы ретуши, использовавшейся для их изготовления: маргинальная, чешуйчатая и крутая захватывающая, кина, изредка бифасиальная (см. рис. 13, 6, 8). Некоторые остроконечники подверглись дистальному или базальному, вентральному или дорсальному утончению. Широко представлены их концевые части, хотя точная типологическая идентификация последних, как и ряда других конвергентных предметов, не всегда проста. Остроконечники разных видов встречаются по всей толще среднепалеолитических слоев, но весь спектр разнообразия этих орудий представлен только в самых нижних XVIII, XIX и XX.

Скребла

Одинарные скребла преобладают над скреблами с несколькими рабочими краями и составляют, как правило, 60–78 % орудий этой категории, лишь в слое VII их доля снижается до 52,2 %. Высока частота боковых скребел (см. рис. 5, 10, 11). Обычно их ок. 40–50 %, в слоях XIV и XVIII – ок. 60 %, а в слоях X и XIX – до 63 % (рис. 14). Поперечные скребла (рис. 15, 9, 20; 16, 2, 3) не столь многочисленны, хотя их тоже довольно много (чаще всего ок. 10 %, а в слоях VIIa и XVII – до 15–16 %). Скошенные скребла (см. рис. 15, 19) составляют от 5 до 13–16 %. Двойных скребел

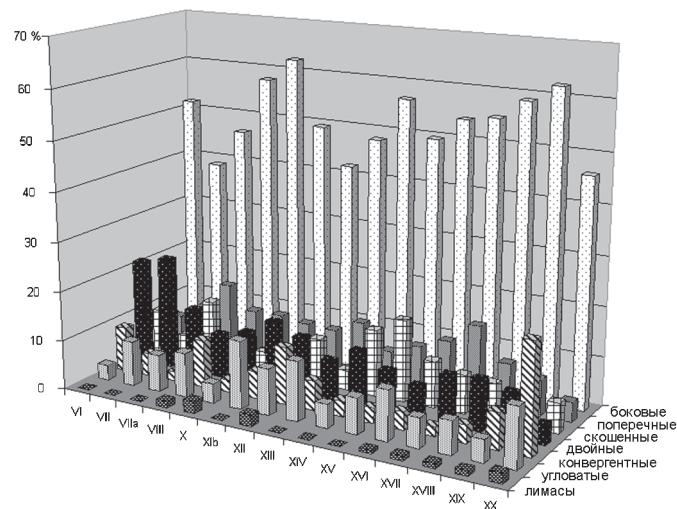

Рис. 14. Основные типы скребел в слоях Клисуры-1.

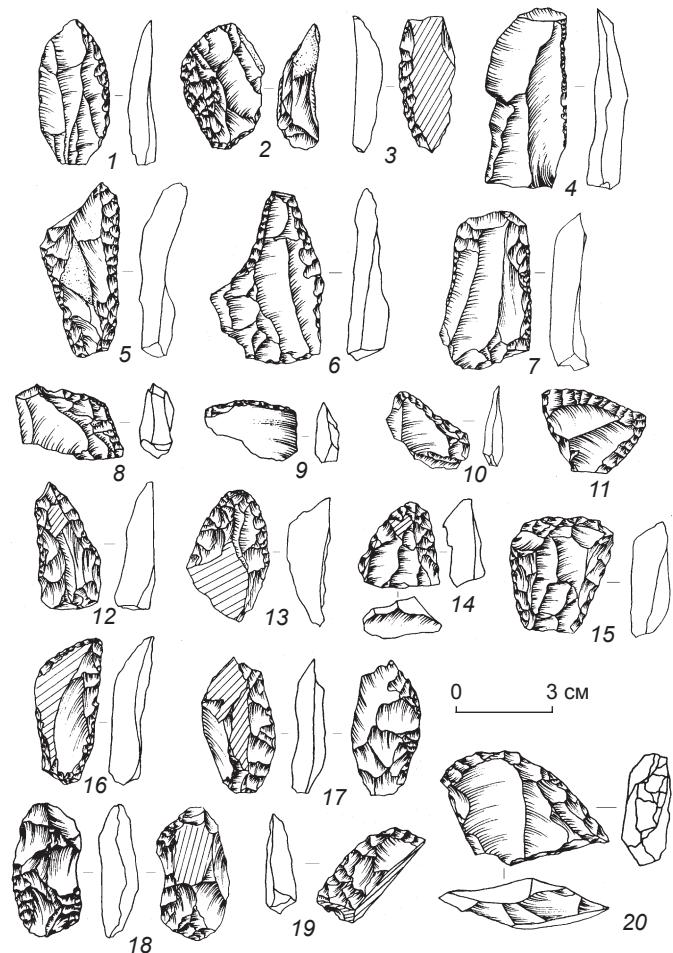

Рис. 15. Скребла: боковые (1–4), двойные (5–7), угловое (8), поперечное брюшковое (9), угловатые (10–12, 16), конвергентные (13, 14), трапециевидное (15), овальное двустороннее (17, 18), скошенное (19), поперечное типа кина (20).

1, 3, 4, 11, 14, 19, 20 – слой XIV; 2, 8, 9, 13 – XV; 5–7, 10, 18 – XI; 12 – X; 15–17 – XII.

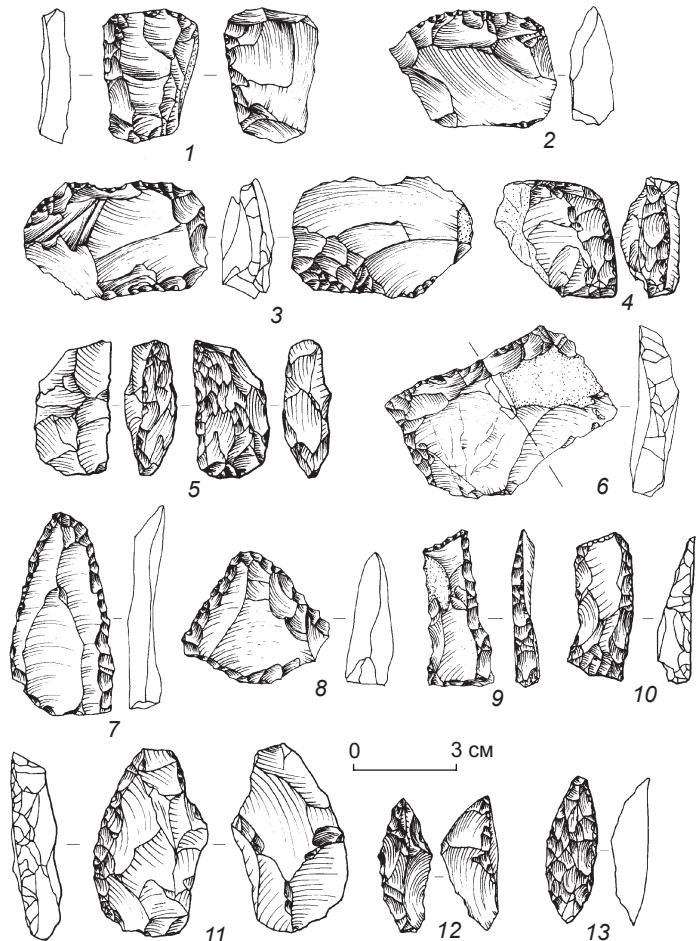

Рис. 16. Скребла: с двойным усечением и подтеской (1), поперечные (2, 3), угловое (4), сегментовидное двустороннее, напоминающее нож типа прондник (5), угловатое (6), конвергентные (7, 8), трапециевидные (9, 10), сегментовидное двустороннее (11), лимасы (12, 13).
1 – слой XII; 2, 3, 5 – XV; 4, 11, 12 – X; 6, 9 – XVI; 7 – VII; 8 – XIII; 10 – XI; 13 – XVIII.

(см. рис. 5, 9; 15, 5–7) в большинстве комплексов ок. 10–14 %; меньше всего их в слоях XX (4 %) и XVI (6 %), а больше всего в слое VII (23 %). Частота конвергентных скребел (см. рис. 15, 13, 14; 16, 7, 8) варьирует от 2–5 до 10 %, достигая максимального значения 22 % в слое XX. Угловатые (*déjeté*) (см. рис. 5, 6, 7; 15, 10–12, 16; 16, 6) – демонстрируют сходную тенденцию и составляют от 5 до 9–14 % орудий рассматриваемой категории. Лимасы (см. рис. 5, 1, 5; 16, 12, 13) представлены не во всех комплексах, но очень характерны для средних, и особенно нижних, слоев (1–2 %). Самая высокая частота встречаемости конвергентных и угловатых скребел зафиксирована в слоях VIII, XI–XIII (20 %) и XX (36 %, по неполным подсчетам). Конвергентные орудия в целом (включая остроконечники) вообще очень характерны для среднепалеолитических слоев Клисуры-

ры-1 и составляют в среднем 10–25 % орудий. Другие скребла, в т.ч. угловые (см. рис. 15, 8; 16, 4), со следами чередующейся ретуши, с признаками ядрищного утончения (подтеска) (см. рис. 16, 1), а также с непрерывным, захватывающим весь периметр рабочим краем и иногда с элементами бифасиальной ретуши, трапециевидной (см. рис. 5, 2; 15, 15; 16, 9, 10), прямоугольной, овальной (см. рис. 15, 17, 18) и сегментовидной (см. рис. 5, 8; 16, 5, 11) формы редки и представлены не во всех слоях. Скребла сегментовидные чаще встречаются в нижних слоях – с XIV по XX. Во многих слоях высока доля обломков скребел (12–27 %) и сколов их переоформления. Первые отсутствуют только в слое XIII, а в слоях VIII, XI, XV и XIX их немного (1–5 %), что компенсируется обилием обломков других орудий. Высокий процент фрагментированных орудий может быть следствием значительной интенсивности их использования, сработывания и переоформления, а в каких-то случаях отражать воздействие постдепозиционных процессов. Чтобы сделать выбор между этими гипотезами, нужна специальная проверка.

Заключение

В результате анализа статистических данных, технологии и морфологии орудий создается впечатление о гомогенности среднепалеолитических комплексов Клисуры-1. Сходство проявляется в характере отбора сырья, “микролитоидности” индустрии, неполноте представленных в материалах циклов расщепления (опробование и декортикация исходных предметов расщепления производились за пределами стоянки), степени сработанности нуклеусов и переоформления некоторых орудий, использовании стратегий плоскостного параллельного/дискоидального/центростремительного скальвания в сочетании с леваллуазскими технологиями (преференциальный и рекуррентный методы получения отщепов, а иногда также острый и пластин), особенностях подготовки площадок (индексы фасетирования низкие и средние; преобладают площадки созданные одним сколом), господстве мустерьского орудийного набора (одинарные боковые скребла, много скребел с несколькими рабочими краями, а также конвергентных орудий, включая остроконечники), преобладании лицевой полукруглой и крутой чешуйчатой ретуши, дополняемой ретушью кина, захватывающей и бифасиальной, с одной стороны, и тонкой маргинальной –

с другой. Что касается различий и изменений, то необходимо отметить наличие значительного количества орудий верхнепалеолитических типов, прежде всего долотовидных, в самых верхних слоях (VI–VIIa) и их исчезновение после слоя X; отражение в самых нижних слоях (XVIII–XX) использования наряду с леваллуазскими способами изготовления отщепов верхнепалеолитических методов объемного расщепления, нацеленных на получение пластин и пластинок. Пластинчатое расщепление, однако, не привело в данном случае к появлению орудий верхнепалеолитических типов, если не считать ретушированных пластин и среднепалеолитических орудий на пластинах. Другие технологические и типологические признаки варьируют от слоя к слою лишь незначительно. Таким образом, верхние среднепалеолитические комплексы отличаются от остальным главным образом в типологическом плане (наличие значительного верхнепалеолитического компонента), а нижние – в технологическом (пластинчатое расщепление). Леваллуазские методы расщепления фиксируются во всех комплексах, а лучше всего они представлены в некоторых слоях средней части мустерьской толщи. Эта картина, несмотря на большое сходство памятников, в целом плохо согласуется со схемой, установленной для Аспрохалико [Papagianni, 2000], где “микромустье” залегает над леваллуа – мустье. Отсутствие бифасиальных изделий в верхних слоях Клисурь-1 и их наличие (пусть и в небольших количествах) в нижних слоях тоже идет в разрез с общим направлением местной эволюции. В целом новые сравнительные данные, полученные для Клисурь-1, свидетельствуют о значительном технологическом разнообразии при гомогенности многих комплексов. Материалы памятника демонстрируют наличие как общих черт с местными среднепалеолитическими индустриями, так и уникальных типологических и технологических особенностей и специфических тенденций.

Благодарности

Проведенное исследование стало возможным благодаря финансовой поддержке Национального фонда научных исследований и Льежского университета (2000–2001 гг.) и Министерства науки и культуры Бельгии (MO/38/003 и MO/38/010), а также стипендии, полученной одним из авторов (К. Собчик) от Национального фонда научных исследований и Льежского университета.

Авторы выражают благодарность д-ру Ребекке Миллер за помощь в подготовке текста.

Список литературы

- Darlas A.** Le Paléolithique inférieur et moyen de Grèce // L'Anthropologie. – 1994. – Vol. 98, N 2/3. – P. 305–328.
- Darlas A., Lumley de H.** Palaeolithic research in Kalamakia Cave, Areopolis, Peloponnese // The Palaeolithic Archaeology of Greece and Adjacent Areas. ICOPAG Conference, Ioannina, 1944 / Eds. G.N. Bailey, E. Adam, E. Panagopoulou, C. Perlés, K. Zachos. – L.: British School at Athens Studies, 1999. – Vol. 3. – P. 293–302.
- Karkanas P., Bar-Yosef O., Goldberg P., Weiner S.** Diagenesis in prehistoric caves: the use of minerals that form in situ to assess the completeness of the archaeological record // J. of Archaeological Science. – 2000. – Vol. 27. – P. 915–929.
- Karkanas P., Koumouzelis M., Kozłowski J.K., Sitlavy V., Sobczyk K., Berna F., Weiner S.** The earliest evidence for clay hearths: Aurignacian features in Klissoura Cave 1, southern Greece // Antiquity. – 2004. – Vol. 78, N 301. – P. 513–525.
- Koumouzelis M., Ginter B., Kozłowski J. K., Pawlikowski M., Bar-Yosef O., Albort R. M., Litynska-Zajac M., Stronewicz E., Wojtal P., Lipecki G., Tomek T., Bochenksi Z. M., Pazdur A.** The Early Upper Palaeolithic in Greece: The Excavations in Klissoura Cave // J. of Archaeological Science. – 2001a. – Vol. 28. – P. 515–539.
- Koumouzelis M., Kozłowski J., Escutenaire C., Sitlavy V., Sobczyk K., Valladas H., Tisnerat-Laborde N., Wojtal P., Ginter B., Kaczanowska M., Kazior B., Zieba A.** La fin du Paléolithique moyen et le début du Paléolithique supérieur en Grèce: la séquence de la grotte 1 de Klissoura // L'Anthropologie. – 2001b. – Vol. 105. – P. 469–504.
- Kyparissi-Apostolika N.** The Palaeolithic deposits of Theopetra Cave in Thessaly (Greece) // The Palaeolithic Archaeology of Greece and Adjacent Areas / Eds. G.N. Bailey, E. Adam, E. Panagopoulou, C. Perlés, K. Zachos. – L.: British School at Athens Studies, 1999. – Vol. 3. – P. 232–239.
- Panagopoulou E., Karkanas P., Tsartsidou G., Kotjabopoulou E., Harvati K., Ntinou M.** Late Pleistocene Archaeological and Fossil Human Evidence from Lakonis Cave, Southern Greece // J. of Field Archaeology. – 2002–2004. – Vol. 29, N 3/4. – P. 323–349.
- Papaconstantinou V.S.** Micromoustérien: les idées et les pierres. Le Micromoustérien d'Asprochaliko (Grèce) et le problème des industries microlithiques du Moustérien: Thèse de Doctorat – Univ. Paris X, 1988. – 546 p.
- Papagianni D.** Middle Palaeolithic Occupation and Technology in Northwestern Greece. The Evidence from Open-Air Sites. – Oxford: British Archaeological Reports. – 2000. – 218 p. – (BAR International Series; N 882).
- Sitlavy V.** Le Paléolithique moyen ancien: variabilité technologique, typologique et fonctionnelle en Europe // Préhistoire européenne. – 1996. – Vol. 9. – P. 117–155.

УДК 903.2

В.И. Беляева¹, В.Г. Моисеев²¹*Санкт-Петербургский университет**Университетская наб., 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия**E-mail: vibel@list.ru*²*Музей антропологии и этнографии РАН**Университетская наб., 3, Санкт-Петербург, 199034, Россия**E-mail: vmoiseyev@mail.ru*

НАКОНЕЧНИКИ С ВЫЕМКОЙ КОСТЕНКОВСКОГО ТИПА: ОПЫТ СТАТИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Историография вопроса

Наконечник с выемкой костенковского типа с момента своего появления на археологической сцене и до настоящего времени является формой, которая определяется широким диапазоном характеристик, отражающих археологическую эпоху в ее конкретном культурном преломлении. Законченность формы наконечника, ее яркие особенности и повторяемость при отсутствии очевидной стандартизации заставляют исследователей обращаться к разным сторонам ее морфологии, в зависимости от научной концепции, которую они разделяют.

На первых этапах изучения наконечников с выемкой можно видеть два взаимоисключающих типологических подхода, предложенных П.П. Ефименко и М.Д. Гвоздовер. Так, П.П. Ефименко определял наконечники как наиболее типичные орудия ориньяко-солютрейской эпохи, продолжающие традицию солютрейских листовидных острый [1958, с. 233–234]. Исследователь по существу не выделял наконечники Костенок-1 как особый тип. Он видел в “клинке-наконечнике” общеверхнюю категорию, в которой проявились черты прогрессивного развития пластинчатой техники: пластинчатая основа с точной и тонкой подправкой – вот суть костенковской формы. Возможная асимметрия заготовки исправлялась асимметрией черешка. По мнению исследователя, подправленное тонкой плоской ретушью перо соответствовало его функциональному использованию в усложненных трудовых операциях. Он дал следующую типоло-

гическую характеристику “клинов-наконечников”: 1) правильная или асимметричная пластина, не нуждающаяся в полном изменении формы, трех основных размеров: крупная – 10 см, средняя – 5,5 см, мелкая – 5,5–2,5 см; 2) имеет выемку, образующую черешок; 3) с заостренными (в разной степени) нижним и верхним концами наконечник; 4) пластина утончена плоской солютрейской ретушью; 5) отсутствуют признаки размерной стандартизации.

Предложенные признаки описывали орудие на уровне категории, для которой существенными были острие и выемка на пластинчатой основе. Солютрейская ретушь несла “эпохальную” нагрузку. Все иные признаки не являлись, согласно автору, доминирующими.

Изложенная здесь точка зрения П.П. Ефименко относилась к заключительной фазе стадиальной типологии 1930–1950-х гг. Ко времени публикации представления о локальном разнообразии верхнего палеолита уже активно формировались. Ведущие формы кремневого инвентаря стали основой для определения М.Д. Гвоздовер локальных и даже “этнографических” особенностей Авдеевской стоянки. Она подчеркнула специфические черты орудия, его отличия от других, в первую очередь солютрейских и мадленских [1961, с. 112–115; Гвоздовер, Рогачев, 1969, с. 487–500]. Задача выделения характерной формы наконечника привела исследовательницу к необходимости выделить группу т.н. атипических наконечников – небольших, морфологически очень простых. Присутствие таких орудий в группе “костенковских наконечников” раз-

мывало и без того сложную для описания форму (сообщение в личной беседе, 2004).

Согласно М.Д. Гвоздовер, “наконечник костенковского типа” имеет следующие морфологические черты: изготовлен на правильных широких пластинах; длина 12–14 см; выемка выделена крутой ретушью и занимает $\frac{2}{3}$ длины орудия; солютрейской ретушью подработаны перо и основание с обеих сторон наконечника.

Список признаков стал более строгим и коротким – без “атипичных” форм. Включение количественных и качественных характеристик позволило увидеть различия между костенковскими и солютрейскими наконечниками даже при оставшихся в списке признаках солютрейской ретуши. Согласно выделенным признакам, костенковский наконечник – крупное, довольно массивное орудие с укороченным широким пером. Описание, сделанное М.Д. Гвоздовер, определило на десятилетия статус костенковского наконечника как особой типологической формы. Именно тогда наконечник был классифицирован как тип. Описание стало основой для современных европейских классификаций [Demars, Laurent, 2000, р. 138]. Оно служит достаточным критерием для отнесения коллекций с вновь открытых стоянок к костенковскому кругу [Трусов, 1998, с. 291].

Многолетние полевые работы на новых участках Костенок-1 и Авдеево в 1970–1990 гг., открытие и изучение блестящей Зарайской стоянки актуализировали необходимость составления полного типологического описания ведущих восточно-граветтских индустрий. Их кремневые коллекции включали наряду с классическими образцами многочисленные формы, имеющие лишь отдельные черты типичного костенковского наконечника. Черешок иногда составлял чуть менее половины длины орудия, перо могло быть длинным иуженным; варьировали основные пропорции; размеры наконечников от 10–12 до 2,5 см; признаки плоской центральной ретуши на концах могли отсутствовать. Классический тип, таким образом, оказывался одним из вариантов костенковского наконечника. Он “работал” только во внешнем пространстве анализа, маркируя памятники костенковской культуры, но не помогал дифференцировать даже в пределах костенковско-виллендорфского единства. Следовало разобраться в особенностях формировании орудия в рамках одной культуры или даже одной стоянки. Морфологическое разнообразие наконечников костенковских стоянок совершенно не укладывалось в рамки одного специфического костенковского типа.

Сложности определения наконечников заставили исследователей обратиться к описательному анализу с элементами типологических реконструкций. Сложившийся ранее взгляд на единство типа

наконечника, тем не менее, не разрушался. Однако тип как единица археологической классификации перестал казаться чем-то жестким и однозначным. Сложилось представление о нескольких уровнях типологической устойчивости. Причем одним исследователям эти уровни казались более четкими, другим – вариативными, зависящими от ряда факторов. Такой подход дал толчок к описанию категории по разным типологическим уровням. Это направление исследований выражено наиболее четко М.Д. Гвоздовер при описании двух участков Авдеевской стоянки [1998, с. 259–263]. Признаки наконечников ею подразделялись на обязательные и факультативные. Как обязательные выделены следующие признаки: 1) наличие выемки, составляющей $\frac{2}{3}$ длины наконечника; 2) следы крутой ретуши на выемке; 3) резкий переход от выемки к перу; 4) перо треугольное, симметричное; 5) угол пера устойчивый; 6) край, противоположный выемке, – выпуклый, дугообразный. К ним же отнесены, вероятно, и размеры наконечников, которые по длине делятся на три группы: крупные и средние – от 5,5 до 12 см, мелкие – от 2 до 4,5 см.

Обязательные признаки позволили автору включить все наконечники в единый массив и отказаться от понятия “атипичный наконечник”. Действительно, если отнести к атипичным наконечники, которые не имеют следов плоской центральной ретуши, то их группа существенно расширится за счет крупных наконечников. Атипичными формами в этом случае могут считаться некоторые крупные наконечники Костенок-1 и, вероятно, многие орудия Зарайской стоянки.

Признаки вторичной обработки определялись М.Д. Гвоздовер как факультативные, или случайные. Описывая каждую группу наконечников, она высказывала глубокие и, вероятно, верные предположения о причинах проявления тех или иных факультативных, в большинстве своем описательных признаков. И все-таки остаются сомнения в четкости разграничения признаков на факультативные и обязательные. Артефакты с укороченным и измененным пером, измененным дугообразным краем – модификации типичных наконечников.

Типологизация крупных наконечников с выемкой Зарайской стоянки тоже затруднена ввиду отсутствия четких представлений о стандартных формах и способах вторичной обработки. Х.А. Амирханов [1998, с. 24; 2000, с. 207–208] и вслед за ним С.Ю. Лев [2003] дают описательные характеристики наконечникам. Обобщения ими проведены на уровне категории. К типологическим особенностям относится выемка на черешке, которая, однако, не имеет стандартной формы. Другие характеристики можно отнести к разряду тех же факультативных, изменчивых, не постоянных, но очень специфических. А.В. Трусов опи-

сывает наконечники Зарайска как костенковские, но это лишь общее положение, а конкретные описания заполнены разнообразными, изменяющимися признаками [1998, с. 279–298].

Подводя итог вышесказанному, отметим, что основным результатом многолетнего изучения наконечников восточно-граветтийских стоянок стало определение узкой специфической группы, которая квалифицируется как тип. Вместе с тем хорошо известно разнообразие наконечников, многие из которых обладают лишь отдельными признаками типа. Имело ли место разнообразие типов или же изменился один и тот же тип орудия? В последнем случае классификационная единица включает широкий набор морфологических признаков. В связи с этим представляется важным оценить степень изменчивости формы на уровне как одного памятника, так и группы близких индустрий.

Как следует из общетеоретических положений, изменчивость любого типа изделий может быть обусловлена разными факторами – случайностью, целенаправленными действиями в процессе изготовления изделий, а также последующими доработками (подправками) в процессе эксплуатации. Наиболее вероятно комплексное влияние на формирование финальной морфологии изделия. На наш взгляд, выявить конкретную роль каждого из вышеперечисленных факторов – почти неразрешимая задача при использовании только традиционных описательных методов типологического анализа в силу отсутствия критерии для оценки границ случайного и закономерного. Предлагаемый нами подход основывается на статистическом анализе данных нескольких измерений, характеризующих основные морфологи-

ческие особенности костенковских наконечников, а также специфику их вторичной обработки. Анализ измерительных и качественных характеристик с использованием одно- и многомерной статистики, по нашему мнению, позволит дать оценку наблюдаемой морфологии наконечника в плане не только статики (с учетом его окончательной формы), но и динамики (с точки зрения процесса, который мог привести к этой форме).

Итак, целью настоящей работы является оценка изменчивости костенковских наконечников и реконструкция возможных причин этой изменчивости.

Материал и программа исследования

Выборка состоит из 138 целых наконечников с выемкой из двух комплексов Костенок-1 (верхний слой). Старый комплекс представлен коллекцией П.П. Ефименко (70 экз.), новый – коллекцией из раскопок 1970-х – 1980-х гг. (68 экз.).

Программа описания костенковских наконечников в окончательном виде была разработана В.И. Беляевой [1979; Рогачев и др., 1982, с. 50–56]. Ею же были сделаны все измерения (табл. 1).

Для описания морфологии на наконечнике фиксировались следующие опорные точки (рис. 1): Т и В – крайние точки пересечения контура наконечника с верхней и нижней горизонтальными касательными линиями соответственно;

Л и L' – точки на пересечении верхней и нижней горизонтальных касательных линий и касательной к стороне, противолежащей выемке; W и H – крайние точки пересечения контура наконечника с правой и

Таблица 1. Значения измерительных признаков наконечников стоянки Костенки-1

Шифр	Тип ретуши		Длина, мм	Ширина, мм	Длина пера, мм	Дуга	Угол, град.	Овал
	на спинке	на брюшке						
1	2	3	4	5	6	7	8	9
<i>Новый комплекс</i>								
1	A	0	82	18	32	10	31	7
2	A	X	73	14	25	9	32	31
3	A	0	74	25	26	14	50	26
4	A	0	63	20	19	11	54	15
8	A	Б	62	17	15	12	61	20
9	X	X	61	18	14	11	62	15
10	0	0*	70	19	23	13	45	19
11	A	0	77	19	26	15	40	12,5
12	A	0	77	20	21	14	48	13
13	X	Б	57	20	22	11	50	30
14	X	X	54	17	14	11	64	24

Продолжение табл. 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9
15	X	Б	61	20	14	12	71	24
16	X	Б	70	15	8	19	93	23
17	A	Б	63	17	28	10	37	21
18	A	Х	60	16	19	9	43	14
19	X	Х	61	15	31	9	27	15
20	0	0	9	13	18	10	36	21
21	0	Х	52	11	19	7	30	10
22	A	Б	50	11	19	6	32	14
23	0	0	54	13	23	7	33	14
24	A	0	40	14	17	10	43	17
25	A	0	38	12	12	9	50	12
26	A	0	32	13	12	8	60	11
27	A	0	42	9	8	6	50	9
28	A	0	38	9	11	4	43	6
30	0	0	42	12	17	5	30	15
31	A	0	31	9	11	5	40	7
32	A	0	32	8	8	5	34	6
33	A	0	32	7	7	5	43	9
34	0	Б	57	12	17	7	37	16
64	A	0	63	22	25	12	50	22
70	0	0*	63	26	31	10	43	21
72	A*	Б	71	22	24	15	47	28
73	A	0	35	10	11	7	50	9
1k	A	0	58	14	20	7	35	7
3k	X	0	55	15	13	10	61	13
4k	0	0	78	21	21	14	50	13
5k	A	0*	54	15	13	9	58	13
6k	A	0	82	18	33	11	30	15
7k	A	0	78	20	23	15	45	17
8k	A	0	72	15	25	9	33	11
9k	0	Б	71	22	20	12	56	20
10k	A	0	57	18	23	10	40	10
11k	A	Б	55	15	14	9	58	14
12k	0	0	53	11	19	6	36	11
13k	A	0	42	9	8	5	66	8
14k	A	0	51	12	19	7	34	12
15k	A	Б	65	18	20	11	40	21
17k	A	Б	78	20	20	14	55	11
18k	0	0	79	22	28	14	41	19
19k	A	Б	89	23	24	14	47	17
20k	A	0	78	17	24	8,5	38	7
21k	A	0	73	18	24	12	40	12
22k	0	Б	58	20	18	14	59	22

Продолжение табл. I

1	2	3	4	5	6	7	8	9
25k	0	0	50	13	17	9	43	10
27k	A	0	66	19	20	12,5	50	20
29k	A	0	85	20	34	12	32	17
30k	A	Б	68	22	16	15	65	24
31k	A	0	58	14	20	10	38	14,5
34k	0	0	39	14	15	8	49	13
35k	A	0	68	18	16	12	50	17
36k	A	0	35	7	9	5	40	8
37k	0	0	39	13	14	8	52	9
38k	X	Б	76	21	25	15	47	19
39k	A	Б	61	17	15	10	60	12
40k	A	Х	56	15	17	9	43	26
41k	A	Х	64	16	16	9	52	13
42k	A	0	55	15	23	8	36	5
<i>Старый комплекс</i>								
1e	0	Х	55	15	20	8,5	40	10
2e	A	Б	42	11	13	7	48	10
3e	A	Б	65	19	22	13	50	15
4e	A	0	39	11	14	6	42	9
5e	X	0	77	23	34	11	40	17,5
6e	A	Х	59	17	13	13	80	10
7e	X	Б	63	19	13	13,4	70	21
8e	A	Б	69	26	27	10	50	19
9e	A	Б	78	25	18	17	70	20
10e	A	*	55	10	9	10	60	13
11e	A	Б	89	30	35	20	46	34
12e	A	Б	51	17	13	10,5	62	15
13e	A	Б	41	11	13	7	48	12
14e	0	0	70	16	38	9,5	26	21
15e	A	0	51	16	18	8	46	11
16e	A	Б	71	20	20	17,5	63	20
17e	0	Б	62	17	12	14	69	23
18	A	Б*	80	23	27	17	48	44
19e	A	Х	60	20	17	12,5	60	17
20e	0	Б	50	21	15	11,5	62	14
21e	A	Б	69	19	13	16	65	14
22e	X	Х	55	19	20	11	50	13
23e	A	Б	52	15	13	13	65	12
24e	A	Б	57	12	20	7	35	16
25e	A	Б	57	17	14	18	60	20
26e	A	Б	56	14	13	10,5	53	14
29e	A	0	60	18	26	10	40	12
30e	A	0	95	24	37	12	38	24

Окончание табл. 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9
31e	0	Б	62	12	9	11,5	72	18
32e	A	Б	60	16	15	8	65	16,5
33e	A	Б	43	12	11	7,5	55	17,5
34e	X	Х	48	13	23	11	30	8
35e	0	0	87	21	27	8	42	25
36e	0	0	40	10	17	8	38	10
37e	0	Х	50	9	17	4,3	30	9
38e	A	0	54	14	22	8	38	11
39e	A	0	57	13	27	6	35	8
40e	A	0	50	19	22	11	46	18
41e	0	0	53	14	24	4,5	32	14
42e	A	0	51	17	25	9,3	36	12
43e	A	0	47	12	18	5,5	37	4,5
45e	0	0	35	14	14	7	55	8
46e	A	0	51	14	15	10	50	15
49e	A	0	60	18	20	8	42	7
50e	0	Б	53	16	21	8	45	10
51e	A	0	65	20	23	8	48	19
52e	A	0	67	20	23	10	48	23
53e	A	0	43	12	10	8	58	13
54e	0	0	43	15	18	10	45	15
55e	A	0	26	8	7	4	60	7,3
57e	A	0	32	10	10	4,5	57	8
59e	A	Х	34	17	11	10,5	53	15
60e	0	0	41	11	12	7	48	12
62e	0	0	40	12	13	6	44	9
63e	0	Б	42	9	15	4	35	11
64e	A	0	40	8	12	5	40	14
65e	A	0	60	20	28	7,5	42	22
66e	A	0	51	13	21	4,3	32	8
67e	A	0	57	20	26	7,5	42	15
68e	A	0	34	11	10	7	59	7
69e	0	Х	28	7	10	4,2	37	4
70e	A	0	63	15	16	8	50	25
71e	0	0	62	16	27	8,5	33	17
72e	0	0	51	21	30	10,5	45	22
73e	0	0	62	15	28	9	32	16
74e	0	0	45	10	25	6	25	10
76e	A	Б	60	17	12	15	68	22
77e	X	Х	47	16	13	9	70	4,5
78e	A	0	68	19	17	9	60	7
79e	A	Б	43	12	11	8	50	18

* Изделия с признаками неретушной обработки пера (резцовий скол, плоский скол и пр.).

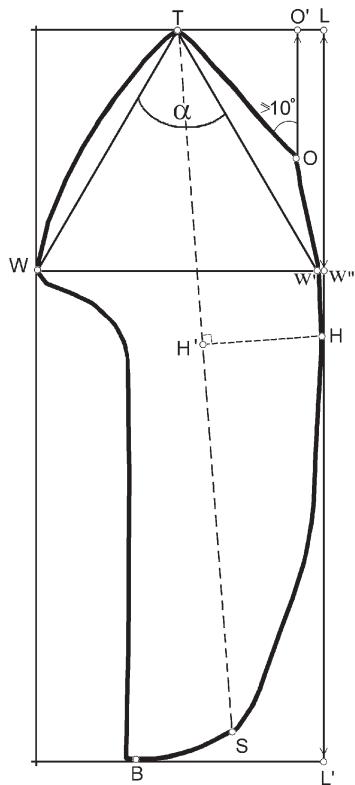

Рис. 1. Основные размерные характеристики наконечника.

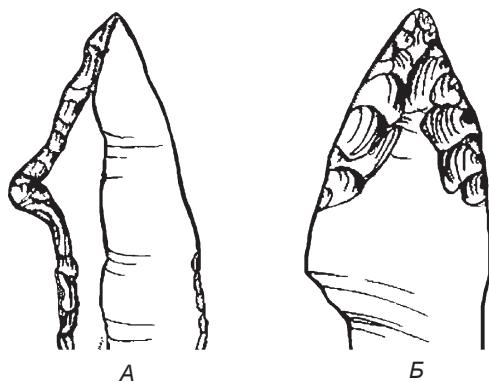

Рис. 2. Следы краевой (А) и плоской (Б) ретуши.

левой вертикальными касательными линиями соответственно; W' – проекция точки W на противоположную сторону наконечника; W'' – проекция точки W на касательную линию $L - L'$; O – точка изменения контура пера на 10° или более относительно вертикальной касательной линии $L - L'$; O' – проекция точки O на верхнюю касательную линию; S – точка изменения, “перелома” контура основания черешка. Точка может находиться выше нижней касательной линии к контуру наконечника или быть на ней;

H' – место пересечения высоты, опущенной на прямую $T-S$ из точки H .

С учетом представленной схемы нами были определены следующие размерные характеристики наконечников (в скобках дано сокращенное название признаков, использованное далее в тексте):

– длина наконечника (длина) – расстояние между точками T и B или L и L' ;

– ширина наконечника (ширина) – расстояние между точками W и W'' ;

– длина пера наконечника (длина пера) – расстояние между точками L и W'' ;

– угол пера наконечника (угол) – угол α между линиями $W - T$ и $T - W'$;

– мера изогнутости пера (овал) – вычисляется как отношение величины отрезка $O - O'$ к величине отрезка $L - W''$;

– величина дугообразной изогнутости края наконечника, противоположного выемке (дуга), вычисляется как отношение величины отрезка $H - H'$ к величине отрезка $T - S$.

Характер вторичной обработки наконечников определялся по следам двух вариантов ретуши:

1. Ретушь типа А включает краевую дорсальную подработку пера, не заходящую на поверхность и меняющую только контур края. Такая ретушь бывает как крутой, близкой к ретуши на выемке черешка, так и полукрутой или довольно плоской (рис. 2). Признаки краевой ретуши в некоторых случаях следуют без перерыва – от выемки черешка на перо, как бы продолжая создание краевого контура. Контур пера на противоположной стороне обрабатывался той же крутой ретушью только в единичных случаях, что недостаточно для получения достоверных статистических результатов. Если следы краевой ретуши неочетливые (небольшое количество плохо организованных фасеток), она определялась как Х.

2. Плоская ретушь типа Б наносилась на центральную часть пера и на центральную поверхность черешка. В данной работе нами анализировался только характер обработки пера наконечника. Плоские овальные фасетки покрывают поверхность пера у острия и спускаются ниже по его краям. Верхний край пера, противолежащий выемке, обрабатывался всегда, другой – мог остаться без обработки. По мнению М.Д. Гвоздовер, данный тип ретуши, возможно, использовался изначально при создании наконечника “на крупных массивных пластинах, когда форма пластины и ее неровности требовали подправки” [1998, с. 259, 263]. Следует обратить внимание и на то, что признаки такой ретуши особенно показательны для редуцированных наконечников с укороченным пером. В тех случаях, когда на центральной части пера имеется одна-две небольшие фасетки,

обработка оценивалась как X. Отсутствие следов ретуши фиксировалось знаком “0”. В некоторых случаях ретушь дополнялась узкими резцовыми сколами в виде двугранного резца. Редуцированные участки пера могли нести негативы уплощающих сколов подобно ножам костенковского типа. Эти вторичные признаки при анализе нами не учитывались; они немногочисленны и не могли быть использованы в статистических подсчетах.

Нами зафиксировано количество артефактов, отражающих конкретные варианты обработки пера наконечника:

вариант	экз.
изделия с признаками неретушной обработки пера (резцовый скол, плоский скол и пр.)	5
A0	53
AX	7
0X	4
XX	6
00	22
AB	27
0B	8
XB	5
X0	1

Надежно определимые варианты обработки двух сторон острия наконечника – A0, 00 и AB – демонстрируют 102 экз., или 74 % всей выборки. Далее мы разделили выборку на четыре фракции по вариантам обработки пера (табл. 2). В качестве ведущего показателя мы рассматривали признаки ретуши Б, поскольку, как было сказано выше, именно она обычно считается формообразующей для костенковских наконечников. По этой причине мы объединили артефакты вариантов 0B и AB в единую фракцию наконечников типа Б. В нее же мы включили и наконечники, обработанные по варианту XB, поскольку он в сущности является сложно определимым вариантом 0B или AB. Наконечники, не имеющие следов ретуши Б, в литературе трактуются по-разному. Критерием обычно служат особенности формы, которая в конечном счете определяется размерными характеристиками. Если такие наконечники близки к изделиям, ретушированным по типу Б, их включают в группу классических костенковских наконечников или выделяют в отдельную категорию т.н. атипичных наконечников.

К фракции А отнесены наконечники только варианта A0; артефакты, представляющие вариант AX, который может быть скрытым вариантом AB, следовательно, должны быть включены в группу Б. В данном случае они входят во фракцию неопределенных наконечников. Еще одну группу составляют изделия с необработанным пером.

Таблица 2. Основные фракции наконечников, выделенные по вариантам ретуши пера

Фракция	Варианты обработки пера
A	A0
Б	0B, AB, XB
0 (необработанные)	00
Х (неопределенные)	AX, XX

Все индивидуальные данные выборки наконечников Костенок-1 по описанным выше качественным и количественным показателям приведены в табл. 1.

Результаты статистического анализа

Попытаемся выяснить, имеются ли у предложенной морфологической схемы описания достаточные статистические основания, а также определить особенности формообразования, связанные с наличием у изделия признаков той или иной ретуши.

На первом этапе выясним, существуют ли различия между наконечниками фракций А и Б по основным метрическим показателям. Поскольку численность изделий в обеих группах достаточна для применения параметрических методов, был использован t-критерий (критерий Стьюдента). Данные табл. 3 показывают, что фракции достоверно отличаются по четырем признакам из шести. По двум показателям – длина наконечника и длина пера – различия не достигают уровня достоверности. В целом наконечники фракции Б крупнее. Эта характеристика имеет большое значение для решения вопроса о соотношении этих фракций.

Для установления взаимосвязи между исходными шестью измерительными признаками в двух группах наконечников был применен корреляционный метод. Как свидетельствуют данные табл. 4 и 5, большинство признаков в обоих случаях связано довольно высокой и статистически достоверной корреляцией, причем коэффициенты в целом сходны в обеих группах изделий. Характерно, что наиболее сильные связи отражают особенности технологии изготовления заготовок. Например, основные размеры наконечника, несмотря на вероятное дальнейшее изменение формы, несомненно определялись размерами исходной заготовки, длина и ширина которой являются технологически взаимосвязанными показателями, что отражено высоким значением коэффициента корреляции между ними ($r = 0,84$ для фракции А и $r = 0,81$ для фракции Б). Коэффициенты корреляции между большинством признаков имеют положительный знак, т.е. возрастание величин одного из них сопровождается возрастанием величин других показателей, что

Таблица 3. Средние величины метрических признаков фракций наконечников А и Б и значения t-критерия

Признак	M _A	M _B	N _A	N _B	SD _A	SD _B	t	d.f.	p
Длина	55,4	61,2	53	40	16,8	11,7	-1,97	91	NS
Ширина	15,1	17,5	53	40	4,6	4,6	-2,49	91	<0,05
Длина пера	19,1	17,2	53	40	7,5	5,7	1,38	91	NS
Дуга	8,60	11,8	53	40	2,9	3,8	-4,62	91	<0,001
Угол	44,1	55,5	53	40	8,7	12,7	-5,15	91	<0,001
Овал	12,5	17,7	53	40	5,3	5,3	-4,69	91	<0,001

Примечание. M – средняя арифметическая, N – численность соответствующей фракции наконечников, SD – стандартное отклонение, t – значение t-критерия, d.f. – степень свободы, p – уровень значимости, NS – различия недостоверны.

Таблица 4. Попарные коэффициенты корреляции между исходными признаками для фракции наконечников А

Признак	Длина	Ширина	Длина пера	Дуга	Угол	Овал
Длина	1,00					
Ширина	0,84	1,00				
Длина пера	0,86	0,82	1,00			
Дуга	0,76	0,82	0,62	1,00		
Угол	-0,34	-0,10	-0,55	-0,04	1,00	
Овал	0,52	0,70	0,50	0,60	0,06	1,00

Примечание. Здесь и далее жирным шрифтом выделены статистически достоверные коэффициенты корреляции (p < 0,05).

Таблица 5. Попарные коэффициенты корреляции между исходными признаками для фракции наконечников Б

Признак	Длина	Ширина	Длина пера	Дуга	Угол	Овал
Длина	1,00					
Ширина	0,81	1,00				
Длина пера	0,60	0,65	1,00			
Дуга	0,74	0,70	0,23	1,00		
Угол	0,15	0,16	-0,56	0,53	1,00	
Овал	0,52	0,54	0,44	0,56	0,10	1,00

Примечание. Жирным шрифтом выделены статистически достоверные коэффициенты корреляции (p < 0,05).

свидетельствует о большой роли параметров пластинчатости заготовки в определении конечной формы изделия. Высокий и достоверный отрицательный коэффициент корреляции наблюдается только между длиной пера и его внутренним углом. При уменьшении длины пера его внутренний угол увеличивается. По величине данная связь не особенно велика, но технологически она достаточно значима, поскольку может указывать на подработку наконечника в процессе его использования. Величина связи этих показателей

в обеих выборках практически идентична ($r = -0,55$ для фракции А и $r = -0,56$ для фракции Б). Это может говорить об использовании обоих типов ретуши для подправки орудий в одинаковой степени. Интересно, что на общую длину наконечника названный процесс не оказывал большого влияния; это отражено в низких коэффициентах корреляции данных показателей в обеих группах. Самое большое различие коэффициентов попарных корреляций в двух группах наблюдается между углом пера наконечника и его ду-

гой. Если во фракции А такая связь отсутствует, то во фракции Б отмечается умеренная по величине положительная связь этих показателей. Увеличение выпуклости края наконечника связано с уменьшением его длины при стабильной высоте дуги. При близких первоначальных параметрах с увеличением угла пера должна была уменьшиться его длина и длина наконечника без изменения высоты дуги края, но с ростом ее относительного значения. Отсутствие корреляции между длиной наконечника и углом его пера не противоречит сказанному, а предполагает первоначально разную длину наконечников, у которых впоследствии изменится угол. Можно предположить отсутствие жесткого стандарта в исходной величине наконечника и его заготовки. Для наконечников со следами ретуши А такой закономерности нет, т.е. изменение угла пера не влияло на длину орудия. Таким образом, хотя две рассматриваемые группы наконечников имеют достоверные различия по большинству метрических показателей, их внутригрупповые связи сходны, а следовательно, технологии их производства и дальнейшего использования были также похожи. При этом ведущую роль в формообразовании имели параметры исходной заготовки.

Обратимся к возможностям многомерной статистики. Для анализа метрических данных нами использовался метод главных компонент (ГК). Его суть состоит в переходе от исходных к новым независимым признакам, представляющим собой комбинацию исходных компонент. Поскольку число значимых компонент меньше числа исходных признаков, то можно ограничиться анализом малого количества главных компонент, оценив, однако, большую часть общей изменчивости. Таким образом, исходное многомерное пространство, имеющее в данном случае шесть измерений, сводится к пространству меньшей размерности. Существенно, что главные компоненты не коррелированы, т.е. независимы друг от друга. Очень часто их независимость отражает не только статистические, но и какие-то иные важные для исследователя закономерности.

В анализе мы использовали данные по всем имеющимся в нашем распоряжении целым наконечникам с выемкой из Костенок-1, несмотря на тип ретуши пера или отсутствие ее признаков. Статистической обработке подвергнуты измерения 138 изделий.

Статистически значимыми обычно признаются вектора, собственные числа которых превышают единицу, следовательно, их значимость превосходит значимость среднего признака. В данном случае этому критерию отвечают две первые главные компоненты. Первая ГК описывает более 44 % общей изменчивости (табл. 6). Наибольшая нагрузка в ней падает на признаки, описывающие основные размеры наконечника: длину, ширину, дугу. Несколько меньшая, но все же

Таблица 6. Коэффициенты корреляции между исходными признаками и тремя первыми главными компонентами

Признак	Главные компоненты	
	I	II
Длина	0,887	-0,164
Ширина	0,866	0,025
Длина пера	0,618	-0,725
Дуга	0,765	0,381
Угол	0,143	0,959
Овал	0,335	0,018
Собственное число	2,64	1,620
% общей изменчивости	0,439	0,270

значимая по величине нагрузка приходится на длину пера. Между признаками прослеживается положительная связь. Можно предположить, что первые два признака определяются в основном исходными параметрами заготовки. С ними тесно связана и степень выпуклости края наконечника (дуга). По нашему мнению, такая связь неслучайна и имеет важное значение для понимания процесса формирования изделия.

Вторая ГК значительно уступает первой по величине описываемой изменчивости: она составляет 27 % общей дисперсии. Наибольшую значимость в данном случае имеют два признака, связанные с морфологией пера, – длина пера и его угол, между которыми установлена отрицательная связь. Как отмечалось выше, оба показателя наиболее чувствительны к процессу подработки орудия.

Согласно общим технологическим представлениям, две первые ГК соответствуют различным этапам “жизни” наконечников. Первая ГК отражает процесс изготовления наконечника, вторая – процесс его использования. Напомним, что все ГК являются статистически независимыми направлениями изменчивости, т.е. их взаимная корреляция равна нулю. Эта чисто техническая особенность метода главных компонент в данном случае полностью соответствует существенной стороне вышеуказанных процессов. Имея в виду вышесказанное, вернемся к наблюдаемой связи между основными размерами наконечника и степенью выпуклости его края. Именно ортогональность двух первых векторов свидетельствует о том, что дуга наконечника формировалась уже в процессе его изготовления и являлась эталонным изначальным признаком. Возможные дальнейшие изменения формы орудия во время его использования не приводили к статистически значимым изменениям значений признака. Вероятно, эта величина (дуга) была константной для данной формы; к ней стремились и ее постоянно поддерживали в процессе использования наконечника.

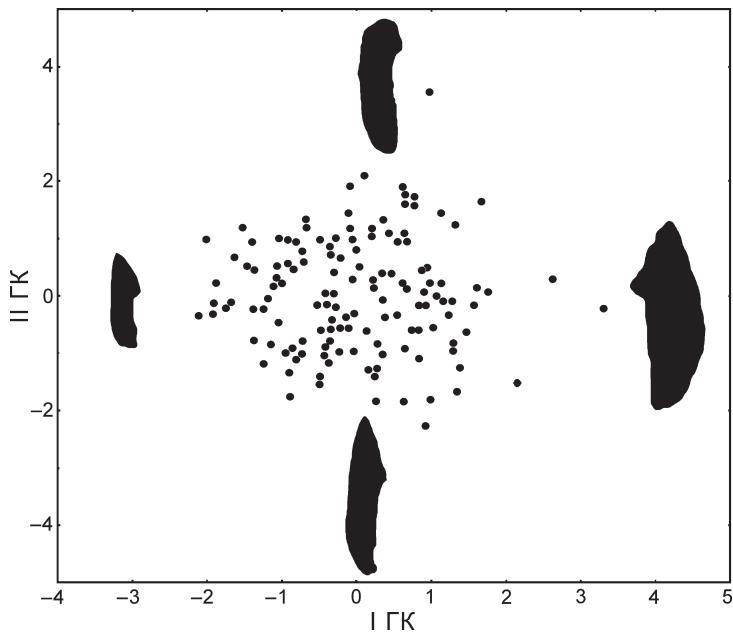

Рис. 3. Расположение наконечников в пространстве первых двух ГК и примеры орудий, находящихся на полюсах векторов.

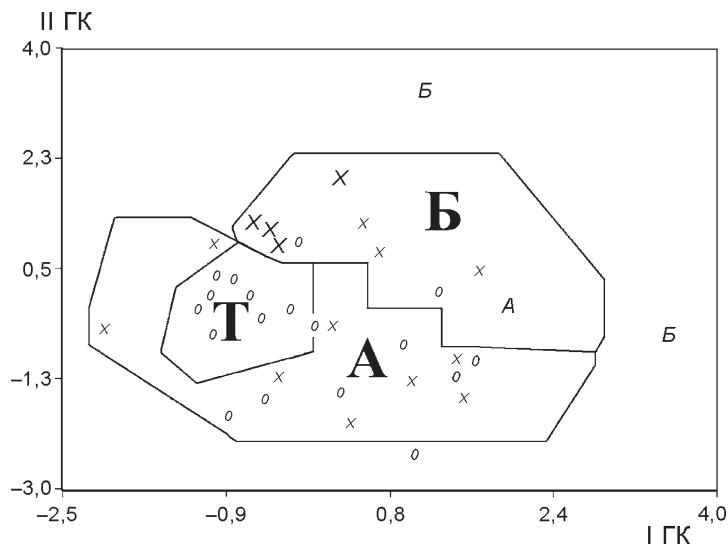

Рис. 4. Зоны расположения основных фракций наконечников в пространстве первых двух ГК.

А и Б – области преимущественного распространения наконечников фракций А и Б, соответственно; Т – область пересечения значений наконечников А и Б.

А, Б, Х и 0 – наконечники, относящиеся к соответствующим фракциям.

Рассмотрим положение предметов в пространстве двух первых ГК (рис. 3). Напомним, что положительными значениями ГК характеризуются изделия, имеющие большие длину и ширину, а также сильную выпуклость края. Изделиям с противоположным сочетанием признаков присущи отрицательные значения ГК. Вторая ГК, по всей видимости,

дифференцирует наконечники по степени их сработанности. Сильнее сработанные изделия, характеризующиеся меньшей длиной пера и большими значениями его угла, находятся на положительном полюсе данного вектора, а изделия, “выпавшие” на начальных стадиях технологического пути наконечника, – на отрицательном.

Очевидно, что какие-либо четкие группировки наконечников в пространстве данных векторов отсутствуют. Это говорит о принципиальном единстве данной категории инвентаря. Вместе с тем наблюдается достаточно выраженная зональность в распределении наконечников с различными типами ретуши (рис. 4). При этом различия между наконечниками с признаками А и Б в высшей степени достоверны по обеим ГК (табл. 7). Исходя из общих представлений, можно сделать два предположения в связи с данной ситуацией. Первое – мы имеем дело с единой категорией инвентаря, а существующие различия обусловлены разной степенью сработанности. Второе – представлены близкие, но все же изначально различные формы изделий, сблизившихся между собой в процессе их использования и подработки.

В пользу первого предположения как будто говорят более высокие значения угла и более низкие значения длины пера наконечников фракции Б, а также обширные зоны трансгрессии величин ГК обеих основных фракций наконечников. В данном случае наконечники из фракции Б могут интерпретироваться как наиболее сработанные орудия во всей выборке. Однако такой трактовке противоречит направление различий двух групп наконечников по значениям ГК, отражающей общие размеры изделий. При этом наконечники фракции Б превосходят наконечники фракции А по всем размерам, характеризующим заготовку. Такая ситуация не согласуется с первым предположением: ведь если бы фракция Б представляла собой финальную форму фракции А, соотношение размеров было бы обратно наблюдаемому. Таким образом, по сумме аргументов вторая точка зрения выглядит более обоснованной.

Процесс изготовления наконечников, согласно анализу, представляется следующим. Оба вида (А и Б) имели сходную заготовку, но наконечники группы Б в среднем были несколько шире и длиннее; выпуклость стороны, противолежащей выемке, и длина пера задавались первоначально величиной заготовки в обеих группах, но выпуклость у нако-

Таблица 7. Средние величины I и II ГК фракций наконечников А и Б и значения t-критерия

ГК	M_A	M_B	N_A	N_B	SD_A	SD_B	t	d.f.	p
I	-0,24	0,40	53	40	1,05	0,92	-3,09	91	<0,01
II	-0,29	0,66	53	40	0,77	0,99	-5,19	91	<0,001

Таблица 8. Средние величины I и II ГК фракций наконечников Б и 0 и значения t-критерия

ГК	M_B	M_0	N_B	N_0	SD_B	SD_0	t	d.f.	p
I	0,40	-0,21	40	22	0,92	0,85	2,58	60	<0,05
II	0,66	-0,53	40	22	0,99	0,84	4,78	60	<0,001

Таблица 9. Средние величины I и II ГК фракций наконечников А и 0 и значения t-критерия

ГК	M_A	M_0	N_A	N_0	SD_A	SD_0	t	d.f.	p
I	-0,24	-0,21	53	22	1,07	0,85	-0,13	73	NS
II	-0,29	-0,53	53	22	0,78	0,84	1,22	73	NS

нечников группы Б была достоверно большей и соответствовала большей ширине заготовки.

В ходе эксплуатации наконечников обеих групп уменьшалась длина пера и увеличивался его угол. Это изменение невозможно отнести за счет особенностей заготовки – между данными признаками нет достоверной связи. Эти признаки могли, как уже говорилось, меняться в процессе использования наконечника и его подправки. Угол становился более широким у наконечников со следами плоской ретуши (Б), но тенденция к изменению в обеих группах была одинакова. Особенность вторичного формообразования в группе Б проявилась в увеличении выпуклости стороны при увеличении угла пера. Связь этих признаков обусловлена некоторым перенесением верхней точки пера в сторону от дуги при значительном увеличении угла и уменьшении длины наконечника. Отсутствие отрицательной статистической зависимости между величинами дуги, пера и длиной орудия в группе Б может объясняться только отсутствием исходных стандартов длины используемой заготовки, т.е. исходная длина наконечника группы Б могла быть различной. Это существенно не влияло на производство и использование наконечника со следами плоской ретуши. Иначе связаны эти признаки в группе А; здесь прослеживается отрицательная зависимость между углом и длиной наконечника. Иными словами, исходная длина орудия была более стандартизированной. Приведенные различия в сочетании признаков, возможно, улавливают функциональную особенность наконечников группы Б – особенность, проявляющуюся на фоне сходных процессов использования и подправки.

Разумеется, существует вероятность того, что наша выборка является неполной и крупные изделия со следами ретуши А в ней просто не представлены, однако

по имеющимся у нас данным ситуация, подобная вышеописанной, характерна не только для Костенок-1, но и для других памятников, где обнаружены две формы наконечников (Авдеево, Зарайская стоянка). Не претендуя на определение функционального использования наконечников, мы можем высказать замечание, основанное на закономерностях морфологического анализа. В представленной выборке наблюдается постоянное изменение пера в направлении увеличения его угла и уменьшения длины при сохранении овала и дуги всего наконечника. Существовал стандарт заготовки, но постоянно менялись параметры формы, что вряд ли могло соответствовать функции метательного оружия. Эта изменчивость особенно характерна для наконечников с признаками плоской центральной ретуши. У них увеличение угла приводило к изогнутости стороны. Известны образцы, у которых мера изогнутости (дуги) превышала возможность формирования пера; наконечник получал форму сегмента. Изменчивость формы, скорее всего, соответствует другой функции орудия – функции ножа, о которой писал С.А. Семенов [1957, с. 116–118].

Нам осталось обсудить вопрос о взаимоотношениях двух вышерассмотренных форм наконечников с изделиями, не имеющими следов ретуши ни на дорсальной, ни на центральной поверхностях пера (фракция 0). Численность этой группы (22 экз.) позволяет произвести некоторые общие наблюдения. Данная категория инвентаря может дать общее представление о вариабельности исходной формы какой-либо основной группы наконечников. Если такая связь не будет выявлена, придется признать, что данные изделия являются стартовой формой для артефактов обеих основных групп. Поскольку, несмотря на описанную выше специфику наконечников фракций А и Б, значения первых двух ГК для этих групп

перекрываются, следует статистически оценить их отличие от неретушированных наконечников. Результаты проделанного анализа однозначно свидетельствуют в пользу того, что инвентарь данной категории по своим метрическим показателям резко отличается от наконечников фракции Б (табл. 8), но не проявляет достоверных отличий от наконечников фракции А (табл. 9) по значениям обеих ГК. Это обстоятельство позволяет рассматривать большинство изделий без следов ретуши в рамках последней категории. Заметим, что размах значений I ГК для неретушированных изделий составляет большую часть (ок. 70 %) от аналогичного показателя наконечников со следами ретуши А, а размах значений по II ГК полностью покрывает вариабельность последней группы. Поскольку изделия без признаков ретуши, как правило, имеют макроследы сработанности, можно говорить, что они оценивались человеком как полностью пригодные к использованию. Это свидетельствует о достаточной степени пластичности требований, предъявляемых к наконечникам фракции А. Ретуширование орудия в этом случае рассматривалось не как самоцель, а лишь как средство для достижения требуемой формы режущего края изделия.

Выводы

На основании результатов проделанного анализа можно предложить следующую схему формообразования костенковских наконечников:

1) выделенные на основании различий в форме ретуши (А и Б) две основные фракции наконечников статистически достоверно различаются по своим метрическим характеристикам. При этом большие величины по всем показателям характерны для изделий, имеющих следы плоской ретуши со стороны брюшка (Б);

2) согласно итогам многомерного анализа, форма наконечника изначально имела высокий уровень вариабельности; она определялась формой и размером заготовки и задавалась уже на этапе изготовления орудий. Около трети признаков изменчивости появлялось на этапе использования орудия и его подправки. Этот процесс в большей степени затрагивал два метрических показателя – угол и длину пера. Отсутствие заметных изменений дуги и овала наконечника говорит о технологической важности этих элементов; их значения поддерживались на определенном уровне в процессе использования орудия;

3) большие средние размеры наконечников с признаками ретуши Б при более высоких показателях сработанности, по сравнению с аналогичными показателями для изделий со следами ретуши А, позволяют говорить об изначальной самостоятельности этих фракций. Метрическое сближение, вероятно, является результатом сходства в технологических приемах их подправки;

4) фракция неретушированных наконечников по своей метрической характеристике не отличается от фракции наконечников с признаками ретуши А и должна рассматриваться как форма, близкая к исходной для этой группы изделий;

5) на основе статистически обработанных морфологических признаков можно с достаточной степенью уверенности говорить о постоянной изменчивости основных элементов наконечника – увеличении угла пера, уменьшении его длины, увеличении выпуклости стороны и присутствии следов плоской ретуши на изменяющихся участках орудия. Этот процесс постоянной изменчивости не может соответствовать использованию наконечника в качестве метательного орудия. Предположение С.А. Семенова об использовании костенковского наконечника с выемкой в качестве ножа нам кажется более приемлемым.

Список литературы

Амирханов Х.А. Восточный граветт или граветтоидные индустрии Центральной и Восточной Европы? // Восточный граветт / Ред. Х.А. Амирханов. – М.: Науч. мир, 1998. – С. 15–33.

Амирханов Х.А. Зарайская стоянка. – М.: Науч. мир, 2000. – 248 с.

Беляева В.И. Кремневый инвентарь Костенок-1 (Опыт классификации): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1979. – 19 с.

Гвоздовер М.Д. Специфические особенности кремневого инвентаря Авдеевской палеолитической стоянки // КСИА. – 1961. – Вып. 82. – С. 112–119.

Гвоздовер М.Д. Кремневый инвентарь Авдеевской верхнепалеолитической стоянки // Восточный граветт / Ред. Х.А. Амирханов. – М.: Науч. мир, 1998. – С. 234–277.

Гвоздовер М.Д., Рогачев А.Н. Развитие верхнепалеолитической культуры // Лесс, перегляциал, палеолит на территории Средней и Восточной Европы / Ред. И.П. Герасимов. – М.: Изд-во АН СССР, 1969. – С. 481–530.

Ефименко П.П. Костенки-1. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. – 483 с.

Лев С.Ю. Каменный инвентарь Зарайской стоянки (типологический аспект): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2003. – 28 с.

Рогачев А.Н., Праслов Н.Д., Аникиович М.В., Беляева В.И., Дмитриева Т.Н. Костенки-1 / Ред. Н.Д. Праслов, А.Н. Рогачев. – Л.: Наука, 1982. – С. 42–66.

Семенов С.А. Первобытная техника. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. – 240 с. – (МИА; № 54).

Трусов А.В. Кремневый комплекс Зарайской палеолитической стоянки // Восточный граветт / Ред. Х.А. Амирханов. – М.: Науч. мир, 1998. – С. 279–298.

Demars P-Y., Laurent P. Types d'outils lithiques du paléolithique supérieur en Europe. – Р.: CNRS Editions, 2000. – 178 p.

УДК 902.03

В.В. Питулько

*Институт истории материальной культуры РАН
Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия
E-mail: pitulkov@rambler.ru*

ОСНОВЫ МЕТОДИКИ РАСКОПОК ПАМЯТНИКОВ КАМЕННОГО ВЕКА В УСЛОВИЯХ МНОГОЛЕТНЕМЕРЗЛЫХ ОТЛОЖЕНИЙ

Введение

Тема методики раскопок памятников, расположенных в криолитозоне, или в зоне распространения многолетнемерзлых пород, открывает значительные перспективы для обмена мнениями и опытом. Криолитозона весьма обширна и, помимо Арктики и Субарктики, отмечена на территории Монголии, Северного Китая, Казахстана. В своих южных пределах она сплошного распространения не имеет и представлена пятнами различной площади, мощности и происхождения [Геокриологическая карта СССР..., 1997; Circum-Arctic Map..., 1997; Ершов, 2002; и др.], возрастая с юга на север от первых десятков до сотен метров в высокогорных районах планеты (рис. 1).

Многолетнемерзлые породы у большинства археологов, непосредственно не связанных с работами в условиях криолитозоны, обычно ассоциируются с сезонно-промерзающими грунтами, которые можно наблюдать повсеместно в зимний период. Необходимо отметить, что это далеко не лучшая аналогия. Разница между ними колossalна, а основное различие состоит в присутствии в многолетнемерзлых породах большого количества влаги.

Многолетнемерзлые породы исключительно разнообразны; их изучению и классификации посвящена обширная литература. Но даже в том случае, если в результате практической деятельности археологом получено представление о каком-то конкретном типе многолетнемерзлых отложений, экстраполяция этих знаний на всю совокупность и многообразие

явлений и ситуаций, скрывающихся за понятием многолетнемерзлых пород, неправомерна.

В практике полевых археологических исследований часто сталкиваются с небольшими по площади "пятнами" в отдельных сооружениях или курганах. Так, хорошо известны затруднения, которые испытали М.П. Грязнов [1950] при раскопках в Пазырыке и Н.В. Полосьмак [1994] при раскопках курганов на Укокском плато. Особенности подкурганной мерзлоты изучались при раскопках курганов берельской группы в Казахстане [Горбунов, Самашев, Северский, 2000], в связи с чем сделан вывод о ее возможном искусственном (связанном с человеческой деятельностью) происхождении и выдвинуто предположение о намеренном формировании в курганах с каменными насыпями условий, аналогичных естественным курумам, в которых образуются скопления инъекционно-натечных льдов, для создания благоприятных условий для длительного сохранения умерших (предварительно бальзамированных).

Фактически опыт работ в условиях мерзлоты значительно шире. В пределах нашей страны имеется опыт раскопок в Якутии [Кашин, Калинина, 1997; Мочанов, 1969, 1977], на п-ве Ямал [Ушедшие в холмы, 1998], Чукотском полуострове [Gusev, Zagorulko, Porotov, 1999; Dneprovsky, 2002], на севере Западной Сибири [Белов, Овсянников, Старков, 1981]. Все специалисты, работающие в криолитозоне, в той или иной мере сталкиваются с необходимостью учета влияния особенностей многолетнемерзлых отложений на размещение в них

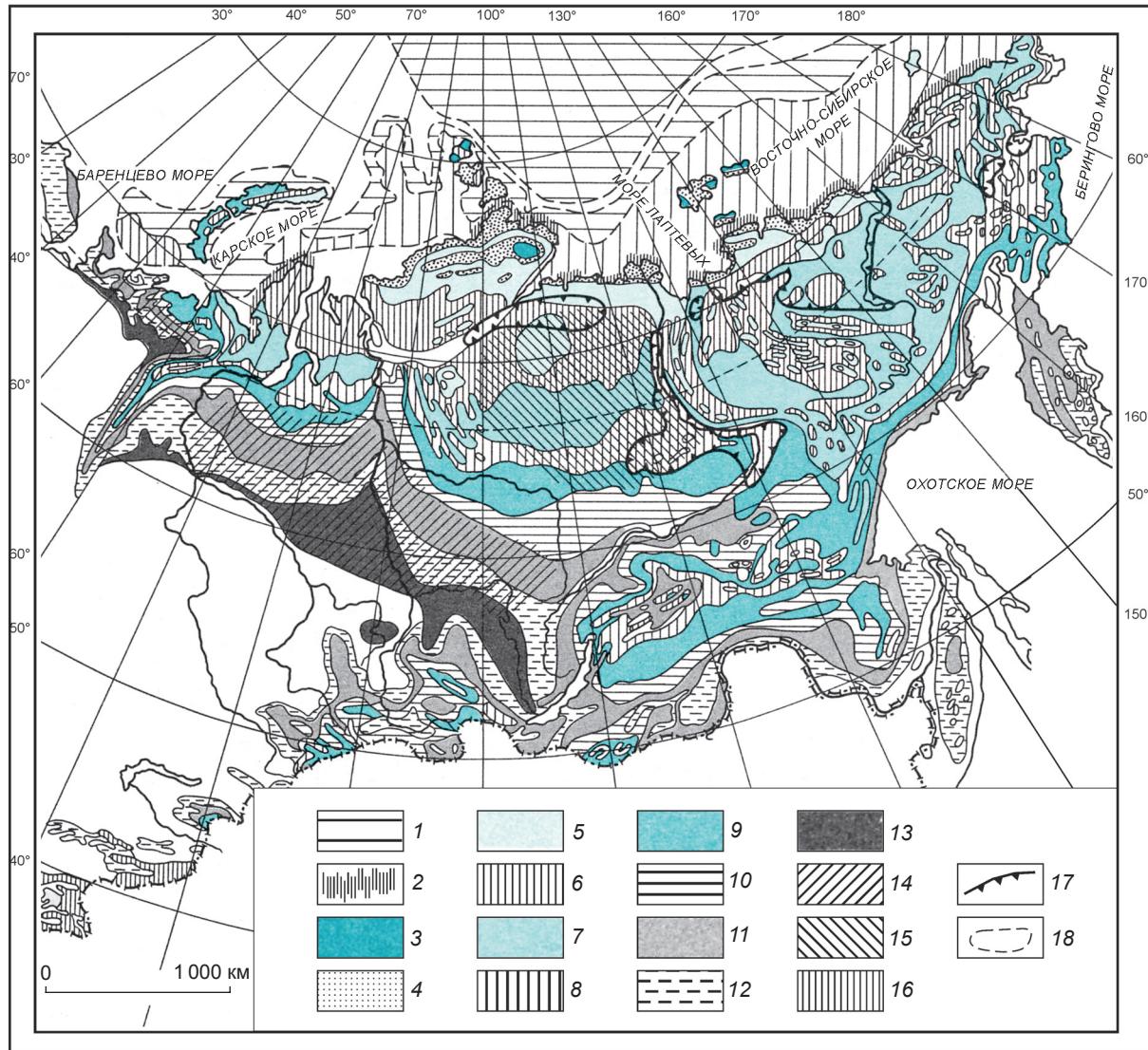

Рис. 1. Карта-схема распространения вечной мерзлоты на территории России (по: [Kudryavtsev, Kondrat'yeva, Romanovskiy, 1978] с некоторыми упрощениями).

1 – зона океанической вечной мерзлоты с солеными водами, охлажденными ниже 0 °C; 2 – зона шельфовой вечной мерзлоты; 3–9 – район северной вечной мерзлоты. Сплошная вечная мерзлота со средними годовыми температурами пород (t_m) и мощностью (T); 3 – t_m ниже –13 °C, T > 800 м; 4 – t_m –11... –13 °C, T 400–600 м; 5 – t_m –9... –11 °C, T 400–600 м, в горных районах 1 000 м и более; 6 – t_m –7... –9 °C, T 300–500 м, в горных районах до 600–700 м; 7 – t_m –5... –7 °C, T 200–400 м, в горных районах до 300–500 м; 8 – t_m –3... –5 °C, T 200–400 м; 9 – t_m –1... –3 °C, T 100–300 м; 10–12 – район южной вечной мерзлоты: 10 – массивно-островная вечная мерзлота (70–80 % площади занято вечной мерзлотой) с t_m 0... –2 °C, T до 100 м (в Западной Сибири до 200–300 м), t_m талого грунта 1... 0 °C; 11 – островная вечная мерзлота (40–60 %) с t_m 0... –1 °C, T до 50–70 м (в Западной Сибири до 100–200 м), t_m талого грунта 2... 0 °C; 12 – спорадическая вечная мерзлота (5–30 %) с t_m 0... –0,5 °C, T до 15–20 м (в Западной Сибири до 100 м), t_m талого грунта 4... 0 °C; 13 – район с глубоким сезонным промерзанием грунтов и редкими снежниками; 14 – зона реликтовой вечной мерзлоты; 15 – зона пород с криоплагами, T 200–700 м; 16 – зона резкого перехода с t_m 0... –15 °C и ниже, T 0–700 м и больше; 17 – граница сингенетически мерзлых отложений с повторно-жильными льдами; 18 – граница зоны подводной вечной мерзлоты, t_m 0... –12 °C, T 0–300 м.

археологических материалов. Это отмечали, например, Н.Н. Диков [1977] и Л.П. Хлобыстин [1998]. В ходе работ в различных районах Заполярья я также приобрел некоторый опыт раскопок в подобных условиях, например на стоянках Тиутей-Сале

на п-ве Ямал*, Олений Ручей в центральной части п-ва Таймыр [Питулько, Каспиров, Анисимов, 2004],

*Питулько В.В. Отчет о разведках на п-ве Ямал. Л., 1995. Рукопись. – Архив ИА РАН; Он же. Отчет о раскоп-

в Западной Чукотке [Питулько, 2000], а также на других памятниках. Эти экспедиции в основном имели целью изучение памятников голоценового каменного века и более раннего периода вскрытием широкой площадью и постепенной расчисткой притаивающих отложений. Мощность отложений, изучавшихся в ходе этих изысканий, как правило, незначительна, достигала в отдельных случаях 2–3 м (чаще – в пределах 0,3–0,7 м). Можно считать доказанными эффективность и полную исполнимость данной стратегии в подобных условиях.

Эти работы были достаточно трудны. В условиях сплошного распространения многолетнемерзлых пород трудности, связанные с организацией раскопок, возрастают многократно. Первый значительный опыт их проведения получен при раскопках Жоховской (архипелаг Де Лонга к северу от Новосибирских островов) [Питулько, 1998] и Янской (северо-восток Якутии) [Pitulko et al., 2004; и др.] стоянок. В ходе изучения этих уникальных археологических объектов мирового класса наработан значительный арсенал методических приемов, которые позволяют успешно проводить исследования памятников в криолитозоне.

Опыт работ в условиях высокольдистых отложений ледового комплекса, имеющих значительную мощность, фактически отсутствовал до начала моих работ на о-ве Жохова (1989) и Янской стоянке (2001). Археологические раскопки в подобных условиях, насколько мне известно, проводились лишь однажды, в начале 1970-х гг. на стоянке Берелех (Якутия) [Верещагин, 1977]. Этот памятник был обнаружен в ходе исследований места массовой гибели мамонтов, т.н. Берелехского мамонтового кладбища. Костище, к которому приурочена стоянка Берелех, размывали из монитора МП-800, развивающего давление 8 атмосфер [Верещагин, 1977, рис. 4; Mochanov, Fedoseeva, 1996, р. 219, фото без номера]. Последствия работы этим способом – катастрофические для любого объекта.

В какой мере эти способы применялись для работы на стоянке Берелех, неизвестно, однако, об испы-

таких древнего поселения на о-ве Жохова в 1989 г.; Отчет о раскопках Жоховской стоянки в 1990 г. – Архив ИИМК РАН; **Он же.** Отчет о поисках, предпринятых в нижнем течении р. Пегтымель и на п-ве Аачим. – Архив ИА РАН; **Он же.** Отчет об археологических исследованиях, предпринятых в 2001 г. на острове Жохова и в низовьях р. Яны. 2002; Отчет об археологических исследованиях, предпринятых в 2002 г. на о. Жохова и прилежащих островах, а также в нижнем течении р. Яны. 2003; Отчет об археологических исследованиях, предпринятых в 2003 г. на о. Жохова и прилежащих островах, а также в нижнем течении р. Яны. 2004; Отчет об археологических исследованиях, произведенных в 2004 г. на о-ве Жохова и в низовьях р. Яны. 2005; Отчет о раскопках Жоховской и Янской стоянок в 2005 г. 2006. – Архив ИА РАН.

танных трудностях свидетельствуют некоторые замечания Ю.А. Мочанова: "...практически разбирать можно только оттаявший внешний уступ террасы. Но здесь, как только достигнешь ледяных жил, слои начинают интенсивно оттаивать и обваливаться или густой массой растекаться по мерзлому склону. Копать эту массу почти невозможно, так как в ней увязает лопата" [1977, с. 86]. От себя могу добавить, что в такой массе увязает вообще все; по оттаивающему склону практически невозможно безопасно перемещаться, стоять, работать мастерком.

Подводя промежуточный итог, можно заключить, что опыт раскопок, полученный при археологических работах в криолитозоне, минимален. Кроме того, он не универсален в силу специфики условий конкретного памятника. При исследованиях каждого такого объекта, как и при раскопках пещер, необходимо нарабатывать методику, наиболее адекватную местным условиям.

Явление, за которым закрепился бытовой термин "мерзлота", обладает чрезвычайным разнообразием, обусловленным как составом, так и происхождением многолетнемерзлых отложений на конкретных участках. Соответственно, поневоле многообразными оказываются и методические приемы раскопок. В рамках настоящей работы рассматриваются особенности методики раскопок памятников каменного века, расположенных в условиях криолитозоны.

Влияние криолитологических характеристик отложений на достоверность идентификации археологических материалов

Многолетнемерзлыми породами, или мерзлотой, признаются любые отложения, температура которых ниже 0 °C, влажность не превышает влажность незамерзшей (пленоочно-связанной) воды при данной температуре, включающие лед, который цементирует минеральные частицы и заполняет пустоты, поры и трещины в породе. К ним относятся как дисперсные (обломочные, песчаные, глинистые, торфяные), так и трещиноватые или выветрелые магматические, метаморфические и сцементированные осадочные породы. Наземные (речные, озерные, морские, ледниковые и др.) и подземные (захороненные, повторно-жильные (ПЖЛ), инъекционные, сегрегационные, пластовые и др.) скопления льда и снега в них рассматриваются как мономинеральные горные породы, а лед – как специфический минерал [Ершов, 2002, с. 11].

Существенной характеристикой для решения археологических задач в условиях многолетнемерзлых отложений является мощность сезонно-талого слоя (СТС), которая в зависимости от состава отложений, хода наружных температур и экспозиции участка может варьировать от 0,2–0,3 до 1–5 м. Нако-

Рис. 2. Раскопки в условиях многолетнемерзлых отложений на Жоховской стоянке (2005 г., разрез по линии L1, вид с юга). Насыщенная льдом культуроносившая толща подстилается останцами сартанских ПЖЛ и расчленена жильным льдом голоценового возраста.

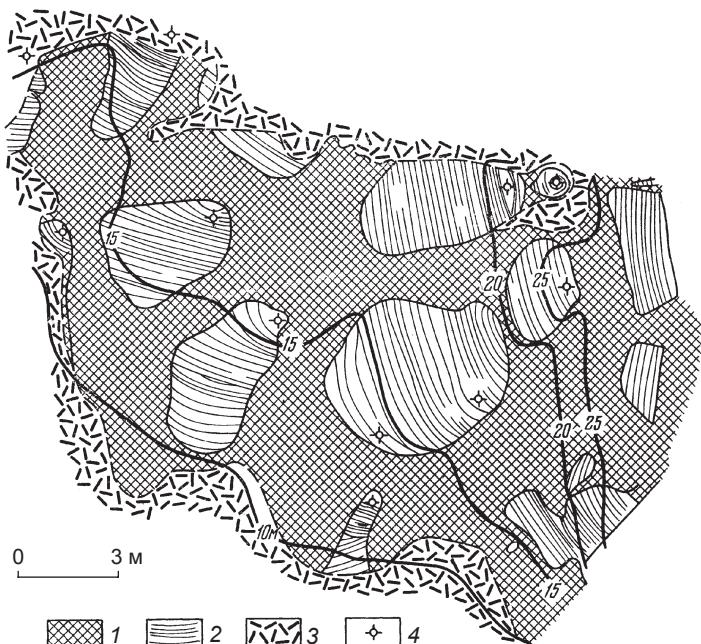

Рис. 3. План поверхности залежи повторно-жильного льда на глубине 3 м (по: [Втюрин, 1975]).
1 – древний лед (древняя генерация ПЖЛ); 2 – молодой лед (молодая генерация ПЖЛ); 3 – многолетнемерзлый грунт (оторванный льдистый лессоспоровидный суглинок); 4 – точки измерения элементов залегания.

нец, важнейшими параметрами являются льдистость мерзлых отложений (объемное содержание в отложениях данного типа) и полигональная трещиноватость ПЖЛ различного генезиса (рис. 2).

Наиболее сложны как для понимания, так и для проведения археологических раскопок отложения т.н. ледового комплекса, характерные для Яно-Индигирской и Колымской низменностей и Новосибирских островов [Романовский, 1977; Арэ, 1980; Томирдиаро, 1980]. Это комплексные по составу и генезису, или полигенетические, отложения. Они характеризуются высокой льдистостью (присутствие в рыхлых отложениях льда, содержание которого достигает 50–70 % и более) и наличием одной или более генераций мощных повторно-жильных льдов, образующих полигональные решетки, внутри которых заключены грунтовые столбы (рис. 3–5). Как шаг, так и мощность жил могут быть различными. Для сартанских ПЖЛ второй террасы р. Яны размер полигона в среднем составляет 5×5 м, при мощности жил в верхней части (ширине) 3–5 м и вертикальной мощности более 20 м.

Толщи многолетнемерзлых осадков формировались в холодные климатические эпохи. Для их развития характерны циклы аgradationи (нарастания) и деградации (протаивания) в теплые периоды. Верхняя часть разрезов таких отложений разрушена или нарушена вследствие развития термокарстовых озер, площадь которых составляет десятки квадратных километров, врезанием временных водотоков, миграцией русел и т.д. Термокарст в позднейшем плейстоцене и голоцене внес наиболее заметный вклад в формирование черт современного рельефа на низменностях и в долинах крупных рек. Так, на севере Средней и Восточной Сибири типичной формой рельефа являются аласы – обширные плоскодонные котловины, образовавшиеся в результате дренирования термокарстовых озер (рис. 6). Отложения

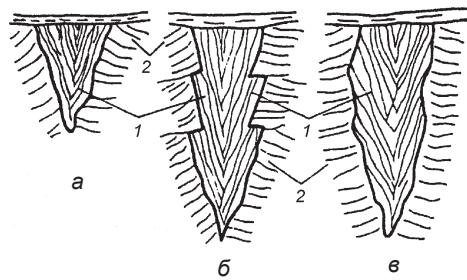

Рис. 4. Основные типы повторно-жильных льдов (а – эпигенетические; б – повторные эпигенетические; в – сингенетические ледяные жилы), их морфология и взаимоотношения с вмещающими отложениями.

1 – ледяные жилы; 2 – мерзлые отложения.

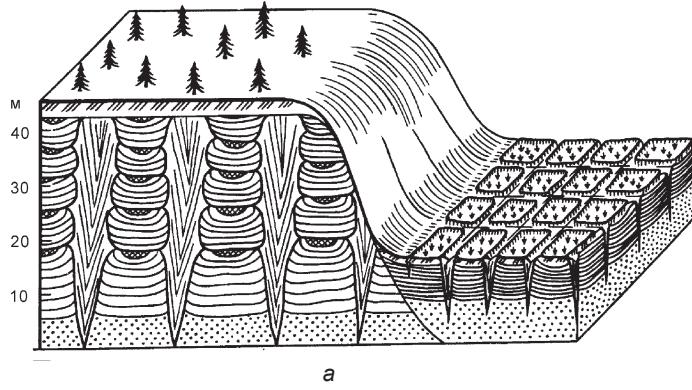

Рис. 5. Многолетнемерзлые толщи и их строение.

а – соотношение уровней с древним (сингенетическим) и современным (эпигенетическим) промерзанием (соответственно терраса – пойма); б, в – схемы строения син- и эпигенетических жил в вертикальном поперечном разрезе (по: [Романовский, 1977]): б – сингенетические, в – эпигенетические.

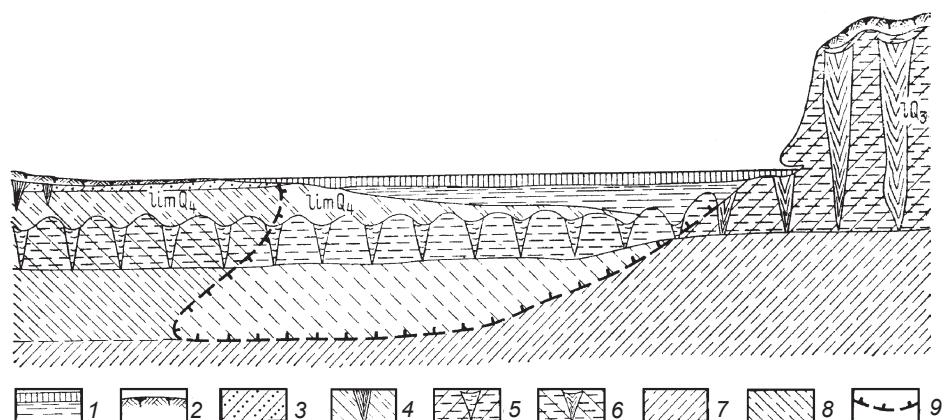
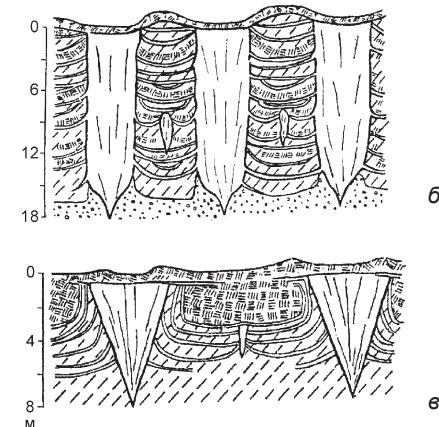

Рис. 6. Принципиальная схема озерно-термокарстовой переработки отложений ледового комплекса (по: [Томирдиаро, 1980]).

1 – лед и вода озера; 2 – мохово-растительный покров; 3 – отложения мелководий и солифлюкционно-биогенные сингенетически мерзлые современные отложения аласного комплекса; 4 – эпигенетические молодые растущие клиновидные ледяные жилы; 5 – сингенетические позднеплейстоценовые ископаемые ледяные жилы; 6 – субаквальные псевдоморфизмы по вытаявшим жилам; 7 – подстилающие едому менее льдистые древние отложения; 8 – эпигенетически промерзавшие непереотложенные, но глубоко оттаивавшие, уплотненные в подозерном талике первичные отложения равнины; 9 – граница подозерного талика.

ледового комплекса, слагающие северные окраинные низменности Восточной Сибири, были разрушены термокарстовым процессом на значительной площади после примерно 15 тыс. л.н. Ввиду этого трудно ожидать открытия на этих территориях значительного количества археологических памятников, относящихся ко времени последнего (сартанского) оледенения.

Каждый из этапов развития многолетнемерзлых толщ (как в процессе их роста, так и деградации) вносил вклад в формирование элементов разреза и, что особенно важно, сопровождался формированием молодых (по отношению к возрасту толщ) вложенных в них осадков. При этом молодые осадки формировались при участии как молодых по возрасту отложений (например, аласные), так и материала, поступавшего с бортов термокарстовых котловин и иных эрозионных форм. Следовательно, в разрезах мерзлых толщ (особенно в их верхних частях) могут присутствовать не соответствующие им по возрасту, более древние органические остатки, используемые в практике изучения позднечетвертичных отложений для целей абсолютного датирования, – дерево, кость, аллохтонный торф, а также культурный материал [Питулько, 1998].

Данное обстоятельство, как и криогенные деформации культуросодержащих горизонтов, а также особенности распределения материала (его миграция и ориентация в пространстве под воздействием криогенных процессов) очень важно иметь в виду при работе с разрезом. Таким образом, на методические приемы исследования памятников, расположенных в зоне распространения многолетнемерзлых пород, оказывают серьезное влияние как состав мерзлых осадков, температурный профиль и строение разреза в их современном состоянии, так и климатические события, имевшие место в прошлом, после формирования горизонтов, вмещающих культурные остатки.

При раскопках памятников в многолетнемерзлых условиях необходимо учитывать мощность перекрытия культурных горизонтов балластом, а также механический состав и льдистость отложений. Стратегию и тактику работ во многом определяет экспозиция участка, на котором предполагается проводить раскопки. Наконец, важнейшее значение для осуществления раскопочных работ имеет темп оттайки, зависящий как от литологии отложений и их льдистости, так и от экспозиции участка, его освещенности, наружных температур. Необходимо подчеркнуть, что по всем этим параметрам многолетнемерзлые отложения весьма разнообразны, и это предопределяет спектр условий и стратегий раскопок, которые планируется проводить на таких объектах.

Таким образом, перечисленные факторы сказываются на организации и методике раскопок в различной степени:

практически не влияют (если культурный слой памятника целиком залегает в пределах СТС);

влияют на незначительную часть вскрываемого разреза отложений (если раскопки проводятся на памятнике, культурный слой которого залегает чуть ниже подошвы СТС);

требуют принципиально иных, специальных приемов (в случае организации раскопок на памятниках, слой которых перекрыт мощными непротаивающими балластными отложениями).

Согласно современным представлениям, в многолетнемерзлых отложениях могут залегать горизонты с культурными остатками последних 30–40 тыс. лет и выраженным преобладанием голоценовых объектов, различных по возрасту. Соответственно, значительная их часть может быть встречена в маломощных мерзлых толщах (состоящих преимущественно из речных осадков, представленных русловыми и пойменными фациями), достаточно рыхлых, с маломощными ПЖЛ, т.е. в современных отложениях поймы, высокой поймы и первой террасы или в верхах отложений вторых террас. В последнем случае они с высокой степенью вероятности будут располагаться либо в пределах СТС, либо в мерзлых осадках вблизи его подошвы. Однако и здесь возможны варианты, при которых особенности залегания культуросодержащего горизонта создают исключительно сложные условия для его изучения [Там же; и др.]. Но в целом раскопки памятника, культурный слой которого залегает в подобных условиях, – легчайший случай, поскольку мерзлый горизонт, температура которого близка к 0 °C (−1...−2 °C), будет протаивать достаточно быстро. Ограничения обусловлены лишь мощностью перекрывающих отложений и общей мощностью изучаемой толщи осадков; они будут определять темпы проведения этих работ (прежде всего вскрышные) ручным способом, а также необходимость устройства дренажа. В методическом плане такие работы почти не отличаются от общепринятой практики [Положение..., 2007].

Отложения вторых террас, формировавшихся в конце каргинского времени и в сартанском криохроне, вмещают культурные остатки соответствующего возраста и характеризуются значительной мощностью (до 20 м), высокой общей льдистостью, мощными ПЖЛ (3–5 м и более), при вертикальной мощности в десятки метров. Раскопки такого памятника – технически очень сложная задача, о чем свидетельствует опыт работ на палеолитической Янской стоянке*. Насколько мне известно, это единственный пример успешного проведения таких работ.

Завершая настоящий раздел, необходимо еще раз подчеркнуть, что многолетнемерзлые отложе-

*Питулько В.В. Отчет... 2003, 2004, 2005, 2006. – Архив ИА РАН.

ния исключительно разнообразны как по условиям генезиса, так и по современному состоянию. Их влияние на многие стороны археологических исследований в условиях криолитозоны двойственno. С одной стороны, это благоприятный фактор, определяющий сохранность генетического материала, а также предметов, изготовленных в древности из дерева, кости, сухожилий, кожи. Однако те же условия ведут к повреждению предметов, вызывают изменение их формы или их прямое механическое разрушение вследствие значительных деформирующих нагрузок (например, появление специфических сломов костей и бивней мамонта, щепок бивня) либо морозного растрескивания. С другой стороны, это серьезный лимитирующий фактор, диктующий необходимость выработки в ходе раскопокной стратегии по отношению к каждому исследуемому объекту. Как фактор, вызывающий деформацию культурных горизонтов (вследствие как криогенных процессов, так и деградации мерзлых толщ в теплые периоды), многолетнемерзлые условия являются особо сложными для понимания разрезов и результатов применения комплекса естественно-научных методов, особенно радиометрических методов абсолютного датирования.

Основой успешного проведения работ на памятнике, культурный слой которого залегает в многолетнемерзлых условиях, являются подробная фиксация элементов разреза, извлекаемого материала и образцов современными средствами в трехмерных координатах, подробная фотофиксация и участие в работах квалифицированного геолога или геокриолога. В наибольшей степени это относится к памятникам эпохи палеолита, особенно досартанского возраста. В ходе работ на них важно изучение разреза и реконструкция развития рельефа и природных условий в районе стоянки, а также микростратиграфии памятника, культурный слой которого в течение многих тысячелетий находился в многолетнемерзлой толще.

Наконец, следует помнить, что пребывание археологического материала в многолетнемерзлых условиях не гарантирует его “инситность”, поскольку ранее оттаявшие отложения могут быть проморожены повторно. Состояние *in situ* для археологического материала палеолитических стоянок возможно только при наличии первичных криотекстур, находящихся в разрезе мерзлого горизонта.

Методика археологических раскопок среди многолетних отложений

Общие принципы проведения археологических раскопок памятников каменного века общизвестны

[Кольцов, 1983; Положение..., 2007]. Описанию методики раскопок конкретных памятников эпохи палеолита значительное место уделяется в монографиях [Амирханов, 2000; Природная среда..., 2003; Палеолит..., 1982]. В целом они инвариантны. В криолитозоне, как и в любой другой географической области, на первом этапе работ необходимо выполнить стандартный набор предварительных операций, в число которых входят (1) съемка плана памятника и (2) детального плана его поверхности; (3) закладка или выбор репера, относительно высоты которого предполагается вести измерение высот при фиксации археологического материала и структур; (4) разбивка сети с шагом 1 × 1 м с возможностью ее развития в пределах всего памятника; (5) ориентация раскопа по сторонам света.

Дальнейшие операции также стандартны и общеупрощены. Производятся (1) вскрышные работы (удаление балласта), за которыми следует (2) изучение культурного слоя с помощью тонкого раскопочного инструмента (ножей, мастерков, кистей) с (3) обязательной и подробной фиксацией (в т.ч. фотографирование) на всех стадиях раскопок, а также с (4) промывкой или просеванием материала культурного слоя (грунта, собираемого при его расчистке) на 2-миллиметровом сите из оцинкованной стальной сетки.

Значение последней операции при раскопках в условиях многолетнемерзлых грунтов особенно велико. Практика ее применения показывает, что размер рамы, устанавливаемой на промывочном столе, не должен превышать 70 × 70 см. В отдельных случаях, при большой насыщенности слоя растительным детритом, для удаления взвеси из макроостатков, препятствующей разбору промывки, необходимо очищать отмытую фракцию переливом; при этом слишком широкий хват неудобен. Транспортировать грунт для промывки удобнее всего в ведрах относительно небольшого объема, лучше всего 10 л. Промывка позволяет улавливать мелкие и мельчайшие единицы материала (отщепы, чешуйки, мелкие осколки костей, костные остатки микротериофауны и мелкие предметы, например бусины, комочки красок). Для организации промывки наиболее удобен низконапорный бензонасос с производительностью до 200 л/мин. Подобная процедура применяется повсеместно при раскопках памятников каменного века и намного более поздних, включая средневековые [Захаров, 2001].

Любые археологические раскопки являются разрушающим методом исследования (никакой участок культурного слоя нельзя раскопать дважды), поэтому требование тщательной фиксации материала как на плане, так и в разрезе является основополагающим. Более того, при проведении раскопок памятников в

многолетнемерзлых условиях значение этой операции возрастает многократно.

Современное топогеодезическое оборудование позволяет решать эту проблему оперативно, с высокой точностью, определением трехмерных координат для любой точки или единицы материала и сохранением этой информации в электронной форме. База данных, содержащая трехмерные координаты предметов и элементов разреза (а также открытых в ходе раскопок структур), подвергнутая обработке с помощью ГИС-технологий, значительно расширяет возможности планиграфического анализа. Материал, собранный при промывке, получает групповую координату в пределах квадрата, координаты углов которого также представлены в базе данных.

Фотофиксацию следует проводить на каждом этапе зачистки мерзлого горизонта. Следует иметь в виду, что эта операция в многолетнемерзлых условиях имеет некоторые особенности. Лучше всего ее проводить в середине дня при рассеянном освещении. При прямом освещении фотографируемой поверхности появляются многочисленные блики, отраженные включениями льда и водой, которая немедленно покрывает зачищенную поверхность тонкой пленкой. При рассеянном освещении этого не происходит. Перед съемкой зачищенную поверхность следует окатить водой и дать ей отпрепарироваться в течение 10–15 мин. Это позволит подчеркнуть цветность и текстуру поверхности. В отдельных случаях единственным вариантом является съемка в течение минуты после окатывания.

Набор и последовательность действий, предпринимаемых при раскопках археологических памятников в криолитозоне, в целом не отличаются от стандартных, но в связи со спецификой вмещающих отложений, охарактеризованной выше, они имеют особенности, например, предполагается проведение операций, нигде более неприменимых. Эти процедуры диктуются конкретными условиями залегания и состоянием памятника.

Основным содержанием таких работ являются: 1) организация оттайки и ее контроль методом расчистки культурного слоя тонким раскопочным инструментом, 2) борьба с последствиями оттайки – отвод или откачка воды, борьба с оползнями, организация условий труда на раскопе безопасными для культурного слоя памятника способами – возведение трапов, помостов, лестниц, дамб, создание накопителей для воды (далеко не всегда можно рассчитывать на наличие вблизи раскопа постоянного и достаточного по расходу водотока).

Планируя раскопки такого объекта, следует позаботиться о наличии инструментов, крепежа и стройматериалов, а также полизтиленовой пленки, полипропиленовых тентов и мешков, которые могут быть

использованы при организации водоснабжения для промывки. В определенные моменты может быть востребовано альпинистское снаряжение, требуются ледобуры, основная веревка, карабины. На раскопках должен присутствовать человек, который умеет этим пользоваться. В определенных ситуациях необходимо применение бурового оборудования (современные электроперфораторы профессионального класса вполне решают возникающие проблемы при наличии генератора мощностью не менее 2 кВт).

Следует отметить, что обсуждаемые проблемы наиболее значительны при организации работ на древних памятниках, культурные слои которых перекрыты мощным балластом, а вся толща является высокольдистой сингенетически промерзшей конструкцией. Но это скорее исключение, чем правило, в практике полевых работ в условиях криолитозоны.

Определяющим фактором при проведении таких работ является оттайка, которая в целом происходит довольно медленно. Темп ее зависит как от текущего атмосферного температурного режима и экспозиции склона, так и от объема солнечной радиации, вещественного и гранулометрического состава самих отложений (чем крупнее фракция, тем быстрее оттайка). При этом наружная температура как таковая существенной роли не играет (разумеется, если не превышает 25 °C). Оттайка продолжается и вочные часы; понижениеочной температуры до значений, близких к 0 °C, приводит к полной остановке процесса либо к его существенному замедлению. На темп оттайки серьезно влияют степень обогащенности горизонтов растительным детритом, наличие торфяных включений, присутствие древесных макроостатков.

Известно, что при наружной температуре 5...7 °C в пасмурный день оттайка практически останавливается, а при температуре 10...15 °C будет минимальной, ок. 3–5 см, в зависимости от экспозиции и/или затененности участка. Напротив, даже кратковременное освещение прямым солнечным светом вызывает заметное ускорение этого процесса. Таким образом, именно солнечная радиация в данном случае ускоряет процесс оттайки. При ее минимальном поступлении в облачную погоду даже при относительно высокой наружной температуре чудовищный инерционный запас холода вмещающих отложений позволяет очень медленную, малую по мощности оттайку. Наклонные поверхности оттаивают быстрее горизонтальных.

Приемлемых методов ускорения оттайки на значительной площади не существует, несмотря на то, что в хозяйственной и строительной практике активно применяются способы прокладки траншей, копания котлованов и ям. В европейской части страны эти работы принято проводить летом. В районах распространения многолетнемерзлых грунтов это

делают зимой, поскольку стенки ям, котлованов и траншей остаются вертикальными и не заваливаются с тем же темпом, с которым удается углубляться в грунт. Искусственные методы отогревания грунта в этом случае вполне себя оправдывают. Часто применяются взрывные работы, более эффективные зимой вследствие сезонной изменчивости физических свойств грунта.

Все перечисленные способы, к сожалению, слабо применимы в практике археологических раскопок – открытый огонь ведет к заражению слоя молодым углеродом, что искажает даты; взрывные работы дают трудноконтролируемый и в любом случае значительный по площади результат; прогрев паром по площади предполагает использование громоздкого оборудования в виде парогенератора, труб, теплоизоляции, горючего для обеспечения процесса и объективно вреден для предметов из органических материалов (кости, бивни, дерево), захороненных в мерзлом культурном слое.

Следует отметить, что парогенераторы малой мощности, т.н. отпарники, активно применяются в работе палеонтологами и сборщиками бивня, но здесь задачи несколько иные – поскольку требуется извлечь единичный сравнительно крупный предмет, достаточно разогреть грунт вокруг него. Эта технология высокоэффективна, но для задач археологических раскопок неприемлема. Помимо “отпарников”, существуют и другие устройства – термоигла, varparone и др. Фактически любой прибор, способный подавать под давлением горячий воздух или пар, например, мощный фен для укладки волос, строительный фен, может быть применен для решения локальных задач и извлечения отдельных предметов*. В таком случае оттайка полностью контролируется. В идеале над каждым археологическим раскопом следовало бы возводить купол, внутри которого поддерживалась бы постоянная температура, хотя бы на уровне 5 °C, и в этих условиях можно было бы вести исключительные по качеству работы, но необыкновенно медленно.

Имеется опыт эксплуатации прибора для отогревания грунта, сконструированного на принципах устройства микроволновой печи. Он был создан датскими учеными и результивально применялся на раскопках в Гренландии [Grønnow, 1991, р. 143]. Попытка исполь-

*Такие приборы успешно использовались при расчистке блока грунта с т.н. Таймырским мамонтом (Мамонт Жаркова). Кстати, работы по его извлечению (вырубка блока грунта с последующей перевозкой вертолетом на подвеске) были организованы весной, когда еще холодно, но уже светло, а разборка блока с помощью фенов проводилась в леднике, где возможна очень медленная, по миллиметру, расчистка оттаивающего грунта [Stone, 2001; Тихонов, 2005].

зовать его для раскопок на Жоховской стоянке имела нулевой результат. Видимо, это связано с серьезными различиями в строении и составе мерзлых толщ на о-ве Жохова и в Гренландии и условиями их формирования. В Гренландии исследовались песчанистые отложения, “сухие” (с малым содержанием льда, близкие морозным отложениям), формировавшиеся в сухих холодных условиях вблизи ледникового щита в последние 4–5 тыс. лет, маломощные (возможно, присутствие скального основания каким-то образом повышает эффективность прибора). На о-ве Жохова отложения, вмещающие культурные остатки, характеризуются большей мощностью, иным составом, высокой льдистостью и очень значительной температурной инерцией (по данным В.Е. Тумского, на глубине 8 м их температура достигает –15 °C).

Преимущества естественной оттайки очевидны. Прежде всего она не требует никаких дополнительных затрат средств и времени на оборудование, его транспортировку, монтаж и обеспечение энергией. Наиболее серьезным минусом искусственного ускорения оттайки является переувлажнение культурного слоя и превращение его в жидкую грязь вследствие недостаточно быстрого отвода и испарения воды. При естественном темпе оттайки эта проблема минимизируется.

Таким образом, контроль оттайки является определяющим моментом при раскопках культурных слоев, залегающих в многолетнемерзлых условиях. Однако реальные возможности этого контроля ограничены. Успешность контроля и объем проблем, возникающих попутно, полностью зависят от степени льдистости отложений и наличия ПЖЛ. Фактически единственным вариантом, при котором процесс контролируется в значительной степени, является вскрытие площади, посильной для освоения тем числом раскопщиков, которое имеется в наличии. Следует иметь в виду, что параллельно с ведением раскопок придется решать также проблемы отвода воды и удаления балласта из оползней.

Заключение

Опыт археологических исследований в криолитозоне позволяет предполагать, что раскопки находящихся в ее пределах памятников могут идти по двум главным сценариям, предопределенным главным образом (1) генезисом и временем формирования отложений, вмещающих и перекрывающих культурные остатки, а также (2) мощностью последних. Кроме того, раскопочный процесс во многом зависит от (3) экспозиции исследуемого участка и (4) современного состояния поверхности, включая ее уклон, мощность СТС, наличие эрозионных форм рельефа.

Список литературы

- Амирханов Х.А.** Зарайская стоянка. – М.: Науч. мир, 2000. – 246 с.
- Арэ Ф.Э.** Термоабразия морских берегов. – М.: Наука, 1980. – 160 с.
- Белов М.В., Овсянников О.В., Старков В.Ф.** Мангазея. Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVII вв. – М.: Наука, 1981. – Ч. 2. – 232 с.
- Верещагин, Н.К.** Берелехское “кладбище” мамонтов // Тр. ЗИН. – 1977. – Т. 72. – С. 5–50.
- Вторин Б.А.** Подземные льды СССР. – М.: Наука, 1975. – 214 с.
- Геокриологическая карта СССР** масштаба 1: 2 500 000. – Винница: Картпредприятие, 1997. – 16 с.
- Горбунов А.П., Самашев З.С., Северский Э.В.** Вечная мерзлота – хранительница древностей. – Алматы: Ин-т археологии им. А.Х. Маргулана, 2000. – 43 с.
- Грязнов М.П.** Первый Пазырыкский курган. – Л.: Гос. Эрмитаж, 1950. – 85 с.
- Диков Н.Н.** Археологические памятники Камчатки, Чукотки и Верхней Колымы. – М.: Наука, 1977. – 391 с.
- Ершов Э.Д.** Общая геокриология. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 2002. – 683 с.
- Захаров С.Д.** К методике раскопок средневековых поселений // КСИА. – 2001. – Вып. 211. – С. 84–92.
- Кашин В.А., Калинина В.В.** Помазкинский археологический комплекс как часть циркумполярной культуры. – Якутск: Ин-т проблем малочисленных народов Севера СО РАН, 1997. – 109 с.
- Кольцов Л.В.** Разведки и раскопки мезолитических и неолитических стоянок // Методика полевых археологических исследований. – М.: Наука, 1983. – С. 5–11.
- Мочанов Ю.А.** Многослойная стоянка Белькачи I и периодизация каменного века Якутии. – М.: Наука, 1969. – 254 с.
- Мочанов Ю.А.** Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. – Новосибирск: Наука, 1977. – 264 с.
- Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону /** Под. ред. Н.Д. Праслова, А.Н. Рогачева. – Л.: Наука, 1982. – 182 с.
- Питулько В.В.** Жоховская стоянка. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. – 189 с.
- Питулько В.В., Каспаров А.К., Анисимов М.А.** Стоянка Олений Ручей в Центральном Таймыре // Естественная история Российской Восточной Арктики в плейстоцене и голоцене. – Москва: ГЕОС, 2004. – С. 50–70.
- Положение о порядке проведения археологических полевых работ (археологических раскопок и разведок) и составления научной отчетной документации.** – М.: ИА РАН, 2007. – 35 с.
- Полосьмак Н.В.** Стерегущие золото грифы. – Новосибирск: Наука, 1994. – 122 с.
- Природная среда** и человек в палеолите Горного Алтая // А.П. Деревянко, М.В. Шуньков, А.К. Агаджанян, Г.Ф. Барышников, Е.М. Малаева, В.А. Ульянов, Н.А. Кулик, А.В. Постнов, А.А. Анойкин. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – 448 с.
- Романовский Н.Н.** Формирование полигонально-жильных структур. – Новосибирск: Наука, 1977. – 216 с.
- Термоэрозия** дисперсных пород / Ред. Э.Д. Ершов. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1982. – 193 с.
- Тихонов А.Н.** Мамонт. – 2005. – 90 с. – (Разнообразие животных, вып. 3).
- Томирдиаро С.В.** Лесово-ледовая формация Восточной Сибири в позднем плейстоцене и голоцене. – М.: Наука, 1980. – 184 с.
- Ушборн А.Л.** Мир холода. Геокриологические исследования. – М.: Прогресс, 1988. – 384 с.
- Ушедшие в холмы /** Под ред. Н.В. Федорова. – Екатеринбург: Екатеринбург, 1998. – 131 с.
- Франтов Г.С., Пинкевич А.А.** Геофизика в археологии. – Л.: Недра, 1969. – 212 с.
- Хлобыстин Л.П.** Древняя история Таймырского Заполярья и формирование культур севера Евразии. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. – 431 с.
- Шумский П.А.** Основы структурного ледоведения. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – 492 с.
- Circum-Arctic Map of Permafrost and Ground Ice Conditions.** Scale 1: 10 000 000. – United States Geological Survey, 1997.
- Dneprovsky K.A.** Ekven House H-18: a Birnirk and Early Punuk Site in Chukotka // Archaeology in the Bering Strait Region / Ed. D.E. Dumond. – 2002. – N. 50. – P. 166–206. – (Research on Two Continents. Univ. of Oregon Anthropological papers).
- Gusev S.V., Zagorulko A.V., Porotov A.V.** Sea Mammal Hunters of Chukotka, Bering Strait: recent archaeological results and problems // World Archaeology. – 1999. – Vol. 30(3). – P. 354–369.
- Grønnow B.** Om permafrost og bevaringsforhold // Grønland. – 1991. – N 4/7. – P. 142–143.
- Kudryavtsev V.A., Kondrat'yeva K.A., Romanovskiy N.N.** Zonal and regional patterns of formation of the permafrost region in the U.S.S.R. // Third International Conference on Permafrost (Edmonton, Alta., 10–13 July 1978), Proc. I. – Ottawa: Canada Natl. Research Council, 1978. – P. 419–426.
- Mochanov Yu.A., Fedoseeva S.A.** Western Beringia: Aldan River Valley, Priokhotye, Kolyma River Basin // American Beginnings / Ed. F.H. West. – Chicago: Univ. of Chicago Press, 1996. – P. 157–227.
- Mochanov Y.A., Fedoseeva S.A.** Berelekh Allaikhovsk Region // West F. H. American Beginnings. – Chicago: Univ. of Chicago Press, 1997. – P. 218–222.
- Pitulko V.V., Nikolsky P.A., Girya E.Y., Basilyan A.E., Tumskoy V.E., Koulakov S.A., Astakhov S.N., Pavlova E.Y., Anisimov M.A.** The Yana RHS Site: Humans in the Arctic before the Last Glaciation // Science. – 2004. – Vol. 303 (5654). – P. 52–56.
- Stone R.** Mammoth. The Resurrection of an Ice Age Giant. – Cambridge: Perseus Publishing, 2001. – 242 p.

Материал поступил в редакцию 22.01.07 г.

УДК 903'12

В.А. Раков^{1,2}, Д.Л. Бродянский²¹*Тихоокеанский океанологический институт им. В.И. Ильчева ДВО РАН
ул. Балтийская, 43, Владивосток, 690041, Россия**E-mail: Vladimir.Rakov@mail.ru*²*Дальневосточный государственный университет
ул. Суханова, 8, Владивосток, 690600, Россия*

ДРЕВНЯЯ АКВАКУЛЬТУРА (возделывание устриц в бойсманской неолитической культуре)

Введение

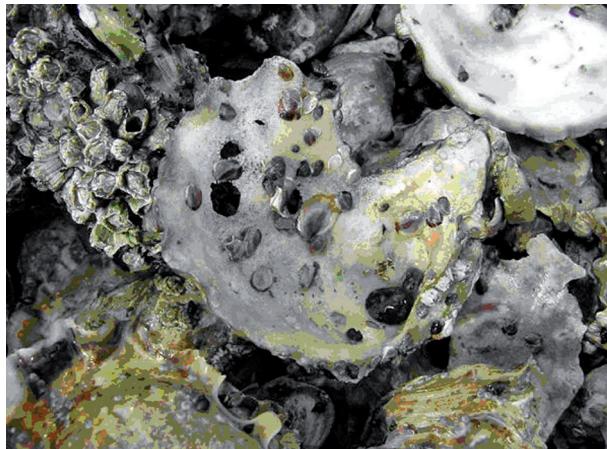
В 1985 г. мы опубликовали первую статью о первобытной аквакультуре [Раков, Бродянский, 1985] и годом позднее – ее популярное изложение [Бродянский, Раков, 1986]. В качестве первого аргумента, доказывающего культивирование устрицы тихоокеанской (*Crassostrea gigas*), приводился видовой состав моллюсков, представленных в раковинных кучах на берегах залива Петра Великого: абсолютно доминировали устрицы, хотя в заливе обитают и весьма многочисленны мидия Грея, три вида гребешков, спизула, петушок и различные другие промысловые моллюски. Второй аргумент – возрастной состав добытых устриц. В отходах от промысла отсутствовали раковины сеголеток или их доля была очень мала (мыс Шелеха – 4 %, лагуна Наездник – 10 %), при том, что в современных устричниках залива Петра Великого молодь (cham) составляет до 60 % от общей численности (рис. 1). Практически не было и раковин старых моллюсков (более трех-четырех лет), тогда как в современных популяциях всегда можно найти устриц в возрасте 10–15 лет и старше (устрицы нередко живут более 40–50 лет). Очевидная сортировка улова подтвердилась и на п-ове Песчаном, и в устье р. Гладкой. В последующих публикациях мы детально аргументировали новыми фактами существование первобытной аквакультуры на востоке Азии [Бродянский, Раков, 1996, 1997; Раков, 2003; Раков, Бродянский, 2006; и др.]. Сделанные наблюдения относились к памятникам янковской культуры; ее современная датировка – VIII–I вв. до н.э. Янковцы сеяли ячмень, просо, разводили сви-

ней, коров, ели мясо собак, ловили ок. 30 видов рыб (морских, проходных, речных), охотились на копытных, морских животных, водоплавающих и боровых птиц. В этой комплексной экономике культивирование устриц людьми, знакомыми с металлами (изделия из чугуна и бронзы наряду с орудиями из камня, рога, кости), не казалось противоречащим общему уровню культуры. Современники янковцев в Китае разводили рыб, выращивали на мелководьях водоросли.

В 1987 г. начались исследования многослойного памятника в бухте Бойсмана – Бойсмана II. Его нижние слои образованы пластами раковин; на 99 % это створки *Crassostrea gigas* из расположенных рядом устричников, обнаруженных под руслом р. Рязановки. Первые радиоуглеродные даты, полученные по раковинам для трех нижних слоев, – 6 500, 6 200, 5 829 л.н. В среднем створки устриц до года составляли 1 %, до двух лет – 14 %, а остальные (85 %) были старше и имели размеры от 8 до 22 см [Brodianski, Rakov, 1992, р. 30].

Мы пришли к выводу, что культивирование устриц практиковалось уже в неолите. Последовавшие многолетние раскопки памятника Бойсмана II под руководством А.Н. Попова позволили выделить и исследовать бойсманскую неолитическую культуру [Попов, Чикишева, Шпакова, 1997; Brodianski, 1996], относимую А.Н. Поповым к среднему неолиту и датированную 6 825–4 470 л.н. (более 40 дат) [2006].

Бойсманцы охотились на морских животных: ларгу, котиков, сивучей, серых китов, акул (найдены кости и скульптурные изображения названных животных); на оленей, косуль, кабанов, лосей, птиц; ло-

Rис. 1. Устричный спат и другие организмы на поверхности раковин “диких” тихоокеанских устриц (по: [Washington Department..., 2004]).

вили в большом количестве пиленгаса и еще 17 видов рыб. Памятник Бойсмана II – промысловый лагерь на берегу лагуны. На раскопанном участке площадью 400 м² (общая площадь памятника 600 м²) открыты два жилища, два могильника – 12 погребений 36 человек, ритуальные комплексы, напластования раковин (до 106 пластов мощностью 1,2 м), в них определены 42 вида моллюсков; створки *Crassostrea gigas* составляют 98–99 % в каждом из шести мощных слоев раковин.

В 1991–1993 гг. мы провели сортировку и подсчеты створок устриц: по размерам, возрасту, отдельно верхние и нижние створки. Рентгенография показала, что моллюски были подвергнуты температурному воздействию – эффективный способ вскрытия раковин и извлечения мяса. Устричное мясо содержит большое количество гликогена, белка и жира, оно питательно и целебно. Один взрослый моллюск давал 25–35 г мяса. Скопления устриц обладают высокой продуктивностью, соизмеримой с продуктивностью высокондустриальных животноводческих хозяйств. Квадратный метр современного устричника в заливе Петра Великого дает максимум 2–3 кг устричного мяса. Устрицы живут в водоемах с солоноватой водой на глубине не более 7 м, в основном от 3 м до уреза воды. На устричниках моллюски прочно срастаются друг с другом, молодь прикрепляется к взрослым; из-за острых краев створок отделять их практически невозможно. С помощью деревянной палки или специальных щипцов сросшихся устриц извлекают из воды целыми дружами, а затем сортируют. Если молодь, прикрепленную к пустым раковинам или отделенную от взрослых моллюсков, вновь поместить в воду, то обычно все выживают и продолжают расти. Кроме того, устрицы сохраняют свою жизнеспособность и после нахождения на воздухе в течение двух-трех недель.

В последние десятилетия во многих странах мира природных устриц в море практически не добывают, а только культивируют, т.к. выращивать их гораздо легче и эффективнее, чем осуществлять промысел. Сегодня ежегодно выращивается свыше 2 млн т устриц, что составляет ок. 1,5 % от всего объема биоресурсов, изымаемых из воды. Существует множество способов культивирования, в т.ч. очень примитивных и архаичных, развивавшихся с незапамятных времен в различных районах Мирового океана. На Дальнем Востоке были свои особенности культивирования устриц, учитывающие физико-географические условия (величины приливо-отливных колебаний уровня моря, льдообразование, наличие природных субстратов – коллекторов для сбора личинок и выращивания спата и др.).

Практически отсутствие створок устриц до года в раковинных слоях памятника Бойсмана II, а также их малый процент в янковских раковинных кучах свидетельствуют о сортировке моллюсков до того, как они попадали в кипяток или костер. В то же время на памятнике Бойсмана II хорошо сохранились молодые створки непромыслового двустворчатого моллюска *Trapezium liratum*, живущего только на раковинах устриц.

Приведенные выше наблюдения и легли в основу вывода, сделанного нами еще в 1980-х гг.: устричные кучи двух прибрежных культур – бойсманской и янковской – памятники аквакультуры, или устрицеводства.

Аквакультура

Последующие исследования ранее добытых материалов и новые наблюдения позволили всесторонне аргументировать существование древней аквакультуры в бойсманской и в ряде соседних неолитических культур Японии, Кореи, Юго-Восточной Азии. Приведем наши аргументы.

1. В слоях раковин наблюдается абсолютное преобладание створок устриц. В бухте Бойсмана крупные колонии мидии Грея, крупнейшее в Приморье скопление спизулы сахалинской, значительные скопления гребешка, рядом, в оз. Рязановском, большие запасы корбикулы – все эти виды моллюсков добывались бойсманцами, но их доля вместе с другими промысловыми видами (меретрикс, анадара и др.) была незначительной (не более 1,5 % от общей массы раковин).

2. Возрастной состав выброшенных створок устриц свидетельствует об избирательной сортировке – раковин молоди практически нет в бойсманских слоях.

3. В нижнем слое еще встречались створки устриц длиной до 30 см, во втором – пятом представлены раковины моллюсков в возрасте двух – четырех лет,

длиной 5–12 см. В 20-х гг. XX в., когда местное население добывало устриц с устричных банок, их размеры достигали 27–31 см [Разин, 1928].

4. На створках отсутствуют или сильно сглажены радиальные ребра, нет шипов и фестонов, соотношение высоты раковины к длине примерно 2 : 1, площадь прикрепления нижней створки мала (5–20 %), имеются четкие отпечатки прикрепления к другим раковинам. По всем указанным признакам бойсманские (и янковские) устрицы отличаются от устриц с природных или “диких” устричников. Во всех изученных раковинных кучах представлены исключительно лагунные формы этих моллюсков.

5. Устрицы из природных популяций обычно имеют на поверхности створок остатки и следы эпифауны (домики многощетинковых червей, усоногих раков, колонии мшанок, губок и др.). Крупные раковины, как правило, поражены сверлильщиками. На створках из раковинных куч эти признаки встречаются редко, что характерно для культивируемых моллюсков.

6. Практически во всех слоях доминируют верхние створки; на Песчаном их больше в 2 раза. Нижние, более выпуклые, имеют большую площадь поверхности, поэтому их использовали в качестве коллекторов для прикрепления личинок или для сбора спата. В Китае и других странах в море возвращают большинство раковин.

7. Общий объем раковинных куч на побережье залива Петра Великого не менее 150 тыс. м³ (это без учета разрушенных), в них содержатся раковины примерно 1,5–2 млрд взрослых устриц. Промысловый запас этих моллюсков в заливе не превышает 5 млн; годовая добыча в 30-х гг. XX в. составляла 50–60 тыс. Раковинные кучи могли сформироваться только за счет культивирования устриц. Продуктивность культурной плантации возрастает с 2–3 до 25–30 кг мяса с 1 м² (рис. 2). В заливе Посыта для наполнения янковских раковинных куч надо бы ежегодно облавливать акваторию в 150 км², но это нереально. При экстенсивной аквакультуре для получения урожая 2 т с 1 га достаточно 50 га плантаций (0,5 км²), что близко к площадям существующих устричников.

8. Устричные рифы – искусственно созданные плантации. Биогермы обнаружены в лагуне Наездник в 20 м от янковской раковинной кучи, в русле р. Рязановки в 170 м от памятника Бойсмана II (дата 6 100 л.н., полученная по створке из рифа [Микишин и др., 2002], совпадает с данными датирования раковин из нижних слоев памятника). Шесть про-буренных скважин показали, что эти рифы имеют

Рис. 2. Метод культивирования устриц на дне (по: [Garrido-Handog, 1990]).

ширину от 1,5 до 5 м, возвышаются над ложем реки на 0,5–1 м и уходят на глубину до 3,4 м; они тянутся на сотни метров. Устричный риф обнаружен в русле р. Гладкой (поперек его): протяженность 80 м, ширина 6–8, мощность 2 м, по створкам получена дата 4 480 ± 90 л.н. (СОАН-4174). Такие же рифы есть в устье р. Цукановки, возраст раковин 4 100 ± 65 лет (СОАН-3762). В бухте Экспедиции до сих пор сохранились устричные рифы. Бурение показало, что их основания уходят на глубину до 12 м. По створкам из верхних частей этих рифов получены даты в пределах 5–4 тыс. л.н.

9. Донная система разведения устриц, созданная бойсманами и янковцами, сохранилась в мире до середины XX в. В США у атлантического побережья устричные рифы используют до сих пор. Донная культура (bottom culture) заключается в размещении на дне субстрата (коллекторов) для оседающих планктонных личинок. В качестве коллекторов использовали камни, палки, створки моллюсков (тех же устриц).

10. Интродукция, акклиматизация *Crassostrea gigas* в древности открыты на Сахалине (оз. Невское, залив Терпения) и на западном побережье Татарского пролива (заливы Советская Гавань и Чихачева) [Раков, 2001]. Вблизи устья р. Поронай на узких песчаных косах, отделяющих солоноватое озеро Невское от залива Терпения, обнаружены 27 поселений с раковинными кучами [Васильевский, Голубев, 1976, с. 11, 131–133, 159; Федорчук, 1998, с. 153]. В них отложились сотни тонн раковин *Crassostrea gigas*, при том, что ближайший живой устричник сохранился в лагуне Буссе в 320 км, а северная граница ареала устриц находится на 500 км южнее. Эти моллюски размножаются при температуре воды не ниже 18–20 °C, а при температуре ниже 15 °C их личинки погибают. В заливе Терпения в августе (самый теплый месяц) средняя температура воды 9 °C. В период климати-

ческого оптимума голоцене она была выше на 1–2 °С. Вдоль восточного побережья Сахалина с севера на юг проходит холодное Восточно-Сахалинское течение, препятствующее заносу личинок устриц в залив Терпения. Единственно возможный вывод: оз. Невское было заселено устрицами в древности людьми, осуществлявшими интродукцию и акклиматизацию *Crassostrea gigas*. Оттуда этот моллюск, очевидно, попал в заливы Советская Гавань и Чихачева, где устричники сохранились до наших дней.

11. На памятнике Бойсмана II найдены вырезанные из рога модели лодок двух типов: с неглубоким кокпитом – для плавания по лагуне и с более глубоким – для выхода в море [Бродянский, Раков, 2003]. Так что плавсредства для работы на устричниках у бойсманцев были.

Приведенные аргументы исчерпывающе свидетельствуют: бойсманцы занимались аквакультурой. Пожалуй, нет только деревянных щипцов или рычагов для вытаскивания устричных друж из рифов. Мы надеемся, что скептики не потребуют от нас предъявления неолитических деревянных инструментов. Но, возможно, среди изделий из рога, есть и модель такого инструмента.

Археологический и исторический контекст

Бойсменская культура в Приморье была вытеснена носителями зайсановской – более многочисленными земледельцами, свиноводами, рыболовами. На юге края, в устье р. Гладкой (Зайсановка-7) и в Посыете, открыты две зайсановские раковинные кучи. В них устричные створки перемежаются с массой раковин рапаны – главного истребителя устриц. Очевидно, зайсановцы пользовались оставленными предшественниками устричными рифами, но культивированием и охраной устриц не занимались, поэтому устричники стали объектами нашествия рапан.

По определению Т.А. Чикишевой и Е.Г. Шпаковой, бойсманцы – арктические монголоиды [Попов, Чикишева, Шпакова, 1997]. Среди произведений искусства бойсманской культуры представлены образы берингийской мифологии: Ворон, рассеченный волк, гагара, “тюлень, приводящий кита”, Хозяйка моря. Картины дополняет морская ориентация экономики. Культуру правомерно назвать протоберингийской. В Приморье бойсменская керамика встречается в районе пос. Ольги (Синие Скалы). В заливе Владимира существовала мощная устричная куча; по ней даже назван населенный пункт Ракушка. Раковина из этой кучи, к сожалению, уничтоженной, датирована 6 000 л.н. Занести устриц в залив Владимира течения не могли; вероятно, это след продвижения на север бойсманцев.

На севере КНДР известен многослойный памятник Сопхонан; два его нижних слоя бойсманские [Ким Ен Ган, Со Кук Тхэ, 1972]. Южнее, в Осанни в нижнем слое обнаружена керамика, близкая к бойсманской [Музей..., 1984, 1985]. Еще южнее такая керамика есть в нижних слоях раковинной кучи Тонсамдон [Ли Сон Гюн, 1996].

В Японии известны 3 тыс. раковинных куч, в основном дзёмонских. В одной из обстоятельнейших сводок по эпохе дзёмон [Kobayashi, 2004] нет каких-либо сведений об аквакультуре. В каталоге музея Касори [Kasori..., 1992] сообщается о 1000 раковинных куч на побережье Токийского залива. Среди них есть гигантские, например Накадзато площадью 4,4 га, мощностью 4,5 м, ее называли “ заводом по переработке морепродуктов” [Кожевников, 1998, с. 54, 165]. Согласно расчетам Хироко Коике, устричники в Токийском заливе, из которых добыты устрицы, располагались в радиусе 15 км, что позволяло в один день посетить плантацию и вернуться домой [Hiroko Koike, 1986]. Мощные раковинные кучи на побережье Токийского залива – несомненно, памятники неолитической аквакультуры.

Значительные къеккенмединги сосредоточены на Лядунском полуострове и островках возле него (Сяочжушань, Лишишань, Гоцяцунь, Юйцзя); в них найдены свидетельства земледелия и животноводства [Бродянский, 1995, с. 111], но нет данных, необходимых для выявления аквакультуры. Такая же ситуация в Юго-Восточной Азии [Мак Дыонг, 1978, с. 128; Борисковский, 1966, с. 72–101; Хигэм, 1984]. На атлантическом побережье Европы раковинные кучи со времен первых исследований датских къеккенмедингов в центре внимания археологов. По преобладающему виду они зачастую устричные, и, вероятнее всего, это были культивируемые устрицы [Звелебил, 1986; Прайс, Петерсен, 1987]. Мощные раковинные кучи из створок устриц известны и на американском континенте.

Современная аквакультура – мощнейший производитель продовольствия и разнообразного сырья, прогрессирующая отрасль по всему миру. Иногда, правда, под аквакультурой понимают весь комплекс обогащения биоресурсов – от охраны до воспроизводства [Виноградов, 1978]. Мы полагаем, что правомерно и более узкое понимание термина, включающее интродукцию, сохранение молоди, ее выпас и доращивание. Применительно к тихоокеанской устрице начиная с неолита весь этот цикл осуществлялся и контролировался человеком; для бассейна Японского моря собраны минимальные доказательства, для бойсменской культуры – исчерпывающие. Мы полагаем, что в неолите кроме земледелия и скотоводства была создана и третья отрасль производства продовольствия – аквакультура.

Список литературы

- Борисковский П.И.** Первобытное прошлое Вьетнама. – М.; Л.: Наука, 1966. – 184 с.
- Бродянский Д.Л.** Дальневосточный очаг древнего земледелия: проблема спустя четверть века // Вестн. Дальневост. отд-ния РАН. – 1995. – № 5. – С. 105–115.
- Бродянский Д.Л., Раков В.А.** Памятники первобытной аквакультуры // Природа. – 1986. – № 5. – С. 43–45.
- Бродянский Д.Л., Раков В.А.** Морская адаптация населения и производящая экономика в неолите Приморья // Вестн. Дальневост. отд-ния РАН. – 1996. – № 1. – С. 124–130.
- Бродянский Д.Л., Раков В.А.** Неолитическая аквакультура в Приморье // Хоппо юрасия токкай кайхо (Бюл. Об-ва североевразийских исследований). – Токио, 1997. – № 9. – С. 1 (на яп. яз.).
- Бродянский Д.Л., Раков В.А.** Древнейшие лодки и мореходы Северо-Западной Пасифики // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2003. – № 2 (14). – С. 41–47.
- Васильевский Р.С., Голубев В.А.** Древние поселения на Сахалине (Сусийская стоянка). – Новосибирск: Наука, 1976. – 271 с.
- Виноградов А.К.** Как пополнить кладовые Нептуна? – М.: Пищ. пром., 1978. – 208 с.
- Звелебил М.** Последниковое присваивающее хозяйство в лесах Европы // В мире науки. – 1986. – № 7. – С. 64–72.
- Ким Ен Ган, Со Кук Тхэ.** Отчет о раскопках древнего поселения Сопхohan // Кого мисуль хакчип (Археолого-этнографический сборник). – Пхеньян: Сахэ квахак, 1972. – Вып. 4. – С. 31–145 (на кор. яз.).
- Кожевников В.В.** Очерки древней истории Японии. – Владивосток: Изд-во Дальневост. гос. ун-та, 1998. – 204 с.
- Ли Сон Гюн.** Некоторые вопросы изучения керамики Синамри // Хонам кого хакбо (Научные доклады по археологии Хонамо). – 1996. – Т. 3, № 5. – С. 1–28 (на кор. яз.).
- Мак Дыонг.** Хозяйственно-культурный тип охотников, собирателей и рыболовов у некоторых народов Северного Вьетнама // Охотники, собиратели, рыболовы. – М.: Наука, 1978.
- Микишин Ю.А., Попов А.Н., Петренко Т.И., Раков В.А., Царько Е.И.** Биостратиграфия голоценовых отложений района памятника Бойсмана-2 // Археология и культурная антропология Дальнего Востока. – Владивосток: Дальневост. отд-ние РАН. – 2002. – С. 41–56.
- Музей** Сеульского национального университета. Осанни чиккван (Осанни: неолитическое поселение Осанни на восточном побережье). – Сеул, 1984. – Вып. 1. – 73 с.; 1985. – Вып. 2. – 39 с. (на кор. яз.).
- Попов А.Н.** Средний неолит в Приморье // Современные проблемы археологии России. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2006. – Т. 1: Мат-лы Всерос. археол. съезда. – С. 302–304.
- Попов А.Н., Чикишева Т.А., Шпакова Е.Г.** Бойсманская археологическая культура южного Приморья (по материалам многослойного памятника Бойсмана-2). – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 1997. – 96 с.
- Прайс Д.Т., Петерсен Э.Б.** Мезолитический лагерь на территории Дании // В мире науки. – 1987. – № 5. – С. 72–81.
- Разин А.И.** Материалы о некоторых промысловых моллюсках залива Петра Великого // Зап. Гос. геогр. об-ва. – Владивосток, 1928. – Т. 1(18). – С. 49–70.
- Раков В.А.** Устрица *Crassostrea gigas* (Thunberg) из раковинных куч Южного Сахалина: интродукция, акклиматизация, аквакультура // Произведения искусства и другие древности из памятников Тихоокеанского региона – от Китая до Гондураса. – Владивосток: Изд-во Дальневост. гос. ун-та, 2001. – С. 25–36. – (Тихоокеанская археология; Вып. 12).
- Раков В.А.** Аквакультура Восточной Азии в древние времена (проблемы происхождения и развития) // Древности Приморья и Приамурья в контексте тихоокеанской археологии. – Владивосток: Изд-во Дальневост. гос. ун-та, 2003. – С. 56–98. – (Тихоокеанская археология; Вып. 13).
- Раков В.А., Бродянский Д.Л.** Первобытная аквакультура // Проблемы тихоокеанской археологии. – Владивосток: Изд-во Дальневост. гос. ун-та, 1985. – С. 145–162.
- Раков В.А., Бродянский Д.Л.** Раковинные кучи неолитических поселений и остатки древнейших устричных плантаций на востоке Евразии // Современные проблемы археологии России. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2006. – Т. 1: Мат-лы Всерос. археол. съезда. – С. 305–307.
- Федорчук В.Д.** Керамика поселений с раковинными кучами северного побережья залива Терпения // Вестн. Сахалинского музея: Ежегодник Сахалинского областного краеведческого музея. – Южно-Сахалинск: Сахалин. обл. краевед. музей, 1998. – № 5. – С. 143–162.
- Хигэм С.Ф.У.** Древнее культивирование риса в Юго-Восточной Азии // В мире науки. – 1984. – № 6. – С. 92–100.
- Brodiaski D.L.** Boisman Culture // Тонгасиа-е иссоко Янъянь Мисанни чунъгоджок мунхва-е сольджип (Место неолита Осанни Янъян в Восточной Азии). – Сеул: Сеульский нац. ун-т, 1996. – С. 57–82 (на англ. и кор. яз.).
- Brodiaski D.L., Rakov V.A.** Prehistoric Aquaculture on the Western Coast of the Pacific // Pacific Northeast Asia in Prehistory: Hunter-Fisher-Gatherers, Farmers and Sociopolitical Elites. – Pullman: Washington State University Press, 1992. – P. 27–31.
- Garrido-Handog L.** Oyster culture // Selected papers on mollusk culture: FAO Corporate Document Repository. – 1990. – October. – P. 1–19.
- Hiroko Koike.** Prehistoric Hunting Pressure and Paleobiomass: An Environmental Reconstruction on Archaeozoological Analysis of Jomon Shellmound Area // The Univers. Museum the Univers. of Tokyo. Bull. – 1986. – N 27: Prehistoric Hunter-Gatherer in Japan: New Research Methods. – P. 27–53.
- Kasori** Shellmound site. – Tokyo: Kasori Shellmound site Museum, 1992. – 16 p.
- Kobayashi T.** Jomon Reflections: Forager life and culture in the prehistoric Japanese archipelago. – Rome: Oxbow Books, 2004. – 240 p.
- Washington Department of Fish and Wildlife**, 2004. WDFW – Shellfish Regulations: Why shuck oysters on the beach? – Access: <http://wdfw.wa.gov/fish/shellfish/beachreg/shuck.htm> – E-mail<webmaster@dfw.wa.gov>

ЭПОХА ПАЛЕОМЕТАЛЛА

УДК 903.26

В.И. Молодин, А.И. Соловьев

Институт археологии и этнографии СО РАН

пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия

E-mail: bronze@archaeology.nsc.ru

ТИПОЛОГИЯ КУЛЬТОВЫХ КОМПЛЕКСОВ ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ОБЬ-ИРТЫШСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ И НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИХ СЕМАНТИКИ

Введение

В процессе раскопок некрополей второй – третьей четверти II тыс. н.э. в зоне контактов северного таежного и южного тюркоязычного кочевого населения в Обь-Иртышском междуречье была исследована группа археологических объектов, своеобразное устройство которых позволяет говорить о них как о самостоятельном типе археологических памятников. Сооружения такого рода на севере лесостепи и юге лесной полосы впервые были обнаружены еще в 1970-х гг. [Соболев, 1978]. Однако в то время идентифицировать их как самостоятельный тип памятников не представлялось возможным ввиду единичности таких находок, имев-

ших выраженные следы внешних повреждений. Более того, они воспринимались как разграбленные погребения, сделанные по обряду кремации, либо как кенотафы [Там же]. Благодаря последующим раскопкам комплекса разновременных некрополей в урочище Сопка у слияния рек Омь и Тартас удалось уточнить сведения о внутреннем устройстве ряда таких объектов, определить их культовый характер и связать их со следами действий, производимых на заключительной стадии расставания с иттерма – временным вместилищем одной из душ умершего человека, которое изготавливалось в виде антропоморфного изваяния или куклы. Полученные материалы позволили поставить вопрос о выделении в Обь-Иртышском предтаежье южнохантыйской (кыштовской) археологической культуры [Молодин, 1990] и в совокупности с находками с других памятников выявить характерную для нее устойчивую керамическую традицию, которая прослеживается в регионе на протяжении II тыс. и хорошо коррелируется с данными об угorskой принадлежности разновременных объектов [Молодин, Соболев, Соловьев, 1990, с. 173–175]. В ходе дальнейших исследований на южной периферии лесной полосы Обь-Иртышского междуречья был выявлен погребально-ритуальный комплекс Усть-Изес-1 (рис. 1), родственный в культурном плане

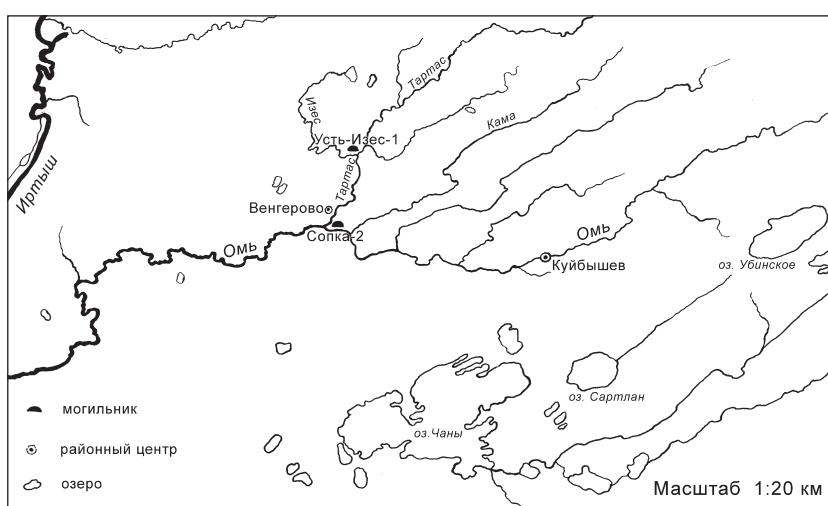

Рис. 1. Месторасположение памятников Сопка-2 и Усть-Изес-1.

группе погребальных памятников в Барбинской лесостепи и ритуальных объектов памятника Сопка-2. Кроме того, он содержал конструкции, аналогичные культовым сооружениям Сопки-2.

Обсуждение материалов

Рассматриваемые объекты по внешним признакам практически не отличались от курганов. Они представляли собой куполообразные земляные сооружения (рис. 2, 1), которые не содержали погребений, но в центре насыпей часто сохраняли фрагменты обугленных жердей и бревнышек – остатки стен и перекрытий четырехугольных подпрямоугольных конструкций, возведенных на уровне похороненной почвы (рис. 2, 2; 3). Внутри них встречались разнообразные предметы: железные и костяные наконечники стрел (рис. 4, 1, 2), железные ножи, их рукояти из рога, бляхи-лунницы, украшенные зернью (рис. 5), поясные накладки (см. рис. 4, 4), проколки (рис. 6, 1), серьги, железные лепестковые подвески (см. рис. 4, 3), металлический граненый витой стержень с кольцами (см. рис. 6, 2), обгоревшие

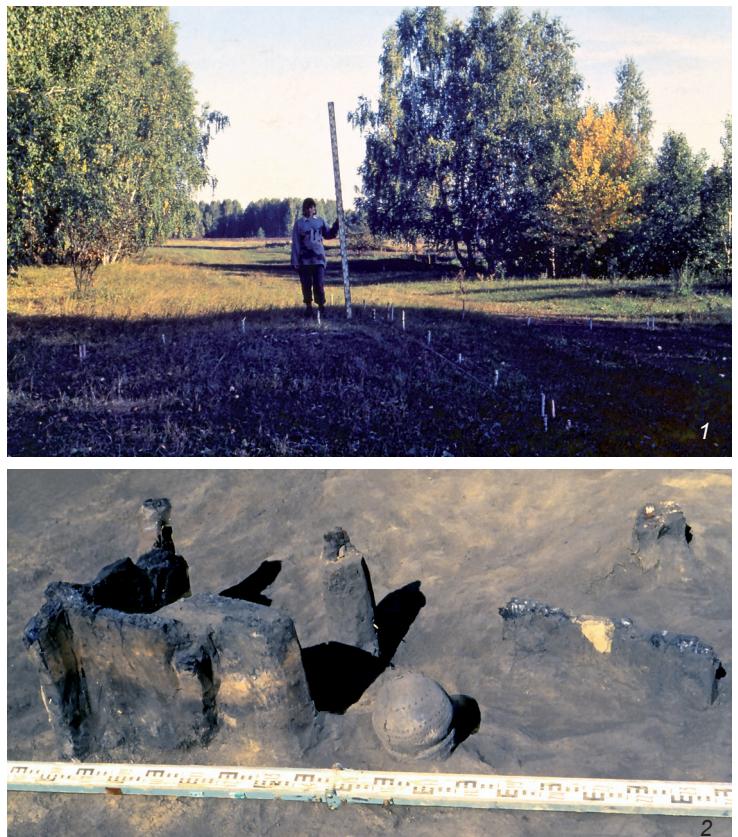

Рис. 2. Культовый комплекс № 5. Усть-Изес-1.
1 – внешний вид до начала раскопок; 2 – угловая часть сожженной конструкции.

Рис. 3. Остатки сожжённых деревянных срубов под насыпями (первый тип). Сопка-2.

фрагменты орнаментированных деревянных дощечек (рис. 7) и посуды (чашечки, корытца). Особый интерес представляют частично сохранившиеся деревянные скульптуры: небольшая фигурка птицевидного идола [Молодин, 1990] и довольно крупные (до 0,5 м) антропоморфные изваяния (рис. 8) [Молодин, 1992].

Рис. 4. Предметы из культовых мест. Сопка-2.
1, 2 – железные и костяные наконечники стрел; 3 – железная подвеска (культурный комплекс № 2); 4 – бронзовая поясная накладка (культурный комплекс № 2).

Среди последних встречаются фигуры с круглой или приостренной головой. В основании деревянных конструкций, как правило, находились перевернутые круглодонные сосуды (рис. 9, 10) с венчиком в форме широкого воротничка, украшенные (по срезу и в верхней трети изделия) орнаментом в виде горизонтальной гребенчатой елочки или сетки и преимущественно двумя (реже тремя и более) поясами ямок, один из которых расположен под венчиком, а другой – на тулове. Полевые наблюдения и результаты экспериментов позволяют заключить, что над большинством сооружений насыпи начинали возводить, когда огонь стихал и начинал спадать жар [Молодин, Глушков, 1992].

На памятнике Сопка-2 все рассматриваемые объекты органично вписывались в планиграфию более древних могильников; они располагались по оди-

Рис. 5. Серебряные подвески из культовых комплексов Усть-Изес-1 (1) и Сопка-2 (2).

Рис. 6. Предметы из культового комплекса № 2. Сопка-2.
1 – роговая проколка; 2 – заостренный железный стержень с кольцами.

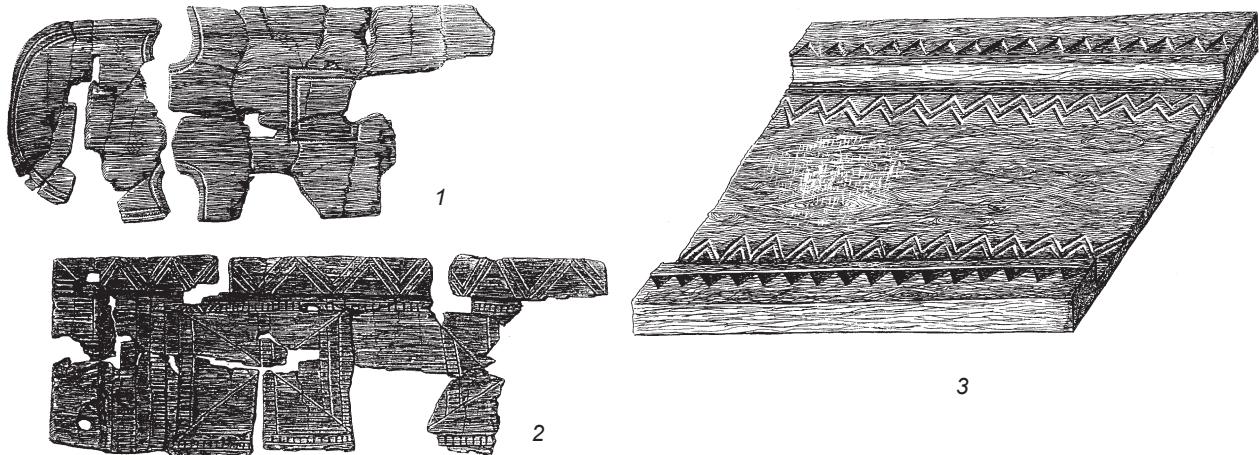

Рис. 7. Орнаментированные деревянные изделия. Сопка-2.
1 – дощечка; 2, 3 – корытца.

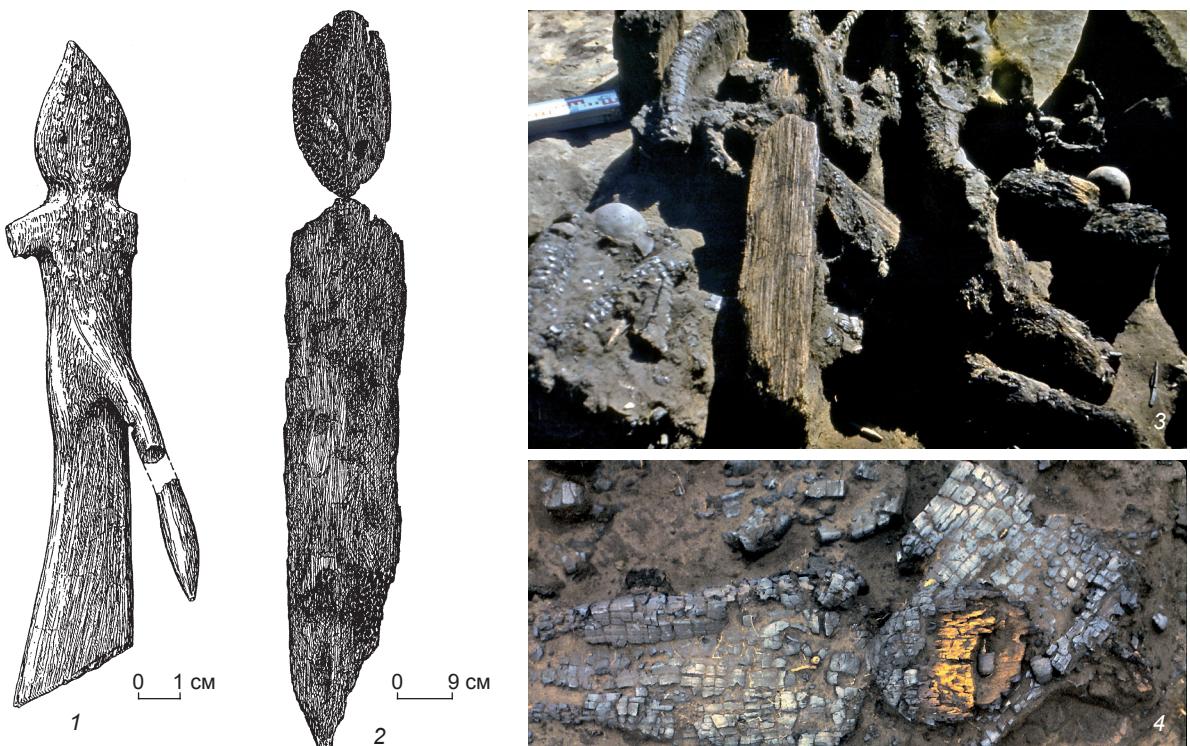
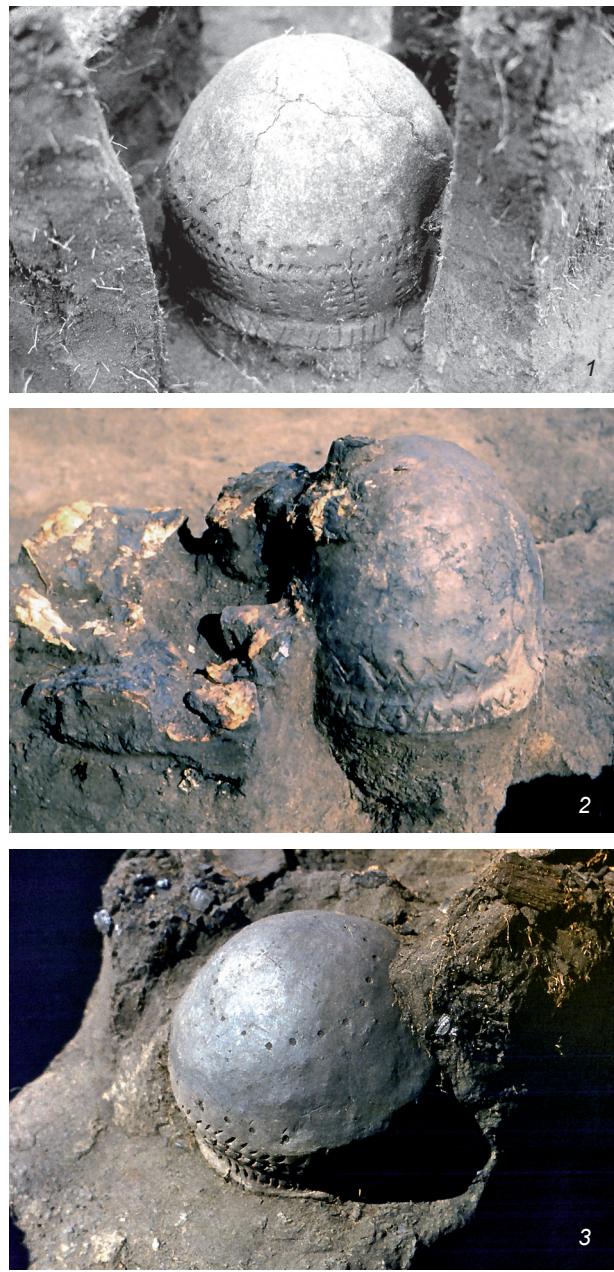

Рис. 8. Деревянные изваяния. Сопка-2.
1 – птицевидный идол; 2, 3 – деревянные изваяния; 4 – круглоголовый идол.

ночке или небольшими группами в межкурганном пространстве. На территории комплекса Усть-Изес-1 такие объекты выявлены в составе курганной цепочки. На памятнике Сопка-2 один объект находился над насыпью кургана XIII–XIV вв., содержавшего погребение человека с “чучелом” лошади [Молодин, Соловьев, 1995]. Это вместе с характерным комплексом наконечников стрел монгольского времени, поясными накладками, подвесками и лунницами оп-

ределяет время возведения рассматриваемых объектов в обоих комплексах памятников.

Сравнение сооружений на обоих памятниках выявило их типологические различия. Разумеется, предлагаемая ниже схема в некоторой степени будет условна, ибо построена на материалах намеренно уничтоженных (сожженных) комплексов, степень сохранности которых во многом зависит от интенсивности и продолжительности горения, а также осо-

*Рис. 9. Перевернутые сосуды в сожженных конструкциях.
1, 3 – Сопка-2; 2 – Усть-Изес-1.*

бенностей последующей засыпки строений грунтом. Тем не менее устойчивое повторение основного набора реконструируемых признаков дает возможность надеяться на правомерность деления.

В основе предлагаемого типологического членения культовых мест лежит сложность их внутреннего устройства. К первому типу можно отнести крупные крытые строения из бревен, сложенные в несколько (не менее трех-четырех) венцов, с сосудами в углах (см. рис. 3). В одном из таких объектов обнаружен фрагмент нижней челюсти человека. Иногда вдоль линии стен фиксируются неглубокие округлые в плане ямки, очерчивающие контур сооружения. Некоторые из них сохранили остатки вертикальных столбиков, которые имели, вероятно, конструктивное значение. Внутри ряда строений обнаружен неглубокий, прорезавший материк (желтый суглинок), котлован. Можно предположить его присутствие и на остальных объектах, если в толще черной суглинистой супеси ниже уровня стен были остатки берестяных листов, которыми застипалось дно. В этих случаях глубина котлована (ямы) не превышала мощности дерново-гумусного слоя. Таким образом, можно говорить о вариантах сооружений первого типа: с “глубоким” (прорезавшим материк) котлованом и с ямами; с такой же полостью и без ям; с небольшим углублением в толще гумусного слоя и ямами по периметру; с аналогичным котлованом и без ям. Крыши всех таких сооружений, судя по форме и равномерному продольному расположению стропил (в тех случаях, когда это удавалось проследить), были, скорее всего, плоскими или пологодвускатными.

Второй тип – упрощенная разновидность конструкций с меньшим числом сосудов в основании, более тонкими и легкими стенками и мелкими ямами (рис. 11, 1–3).

Третий тип представлен обугленным берестяным полотнищем, сосудом на нем, небольшими обгорелыми жердочками, которые использовались для сборки шалашика (рис. 11, 4). В качестве варианта (подтипа) встречаются сооружения без заметной земляной насыпи. Сосуды могли иметь следы преднамеренных повреждений; некоторые представлены только половиной горшка. Встречаются обугленные кости.

Рис. 10. Сосуды из культовых комплексов. Сопка-2.

Рис. 11. Культовые комплексы.
1–3 – Усть-Изес-1; 4 – Сопка-2.

Четвертый тип демонстрирует дальнейшее упрощение ритуала; это насыпь со следами прокала, небольших ямок (или без них) с обожженными фаунистическими остатками.

Пятый тип – почти пустые насыпи со слабыми следами огня, которые при раскопках чаще всего воспринимаются как кенотафы.

Насыпи над сооружениями первого и второго типов наиболее рельефные. Насыпи остальных объектов могут быть и достаточно крупными, и едва заметными.

Обращает внимание сходство в устройстве некоторых типов культовых мест и жилых строений. Сооружения первого и второго типов находят параллели среди полуземлянок, известных у селькупов и обских угров [Соколова, 1998, с. 25, 38, 39]. Постройки третьего типа имеют аналоги среди облегченных каркасно-столбовых конструкций летних жилищ и т.д.

Можно подчеркнуть семантическую вариабельность памятников: на Сопке-2 присутствует более 47 сооружений кыштовской культуры и лишь три захоронения бесспорно данной культуры [Молодин, Соловьев, 2004, с. 29, рис. 61; с. 24, рис. 50, 51]. Вместе с тем на памятнике Усть-Изес-1 численно культовые места совпадают с подкурганными погребениями. Можно говорить даже о корреляции по объему тру-

довых и материальных затрат между погребениями и культовыми сооружениями. В количественном отношении объекты, относимые к первому, самому сложному, варианту, соответствуют погребениям со “шкурой”, или “чучелом”, лошади – самым представительным по инвентарю и полноте совершенных ритуалов и принадлежащим местной элите, которая заимствовала у кочевых обществ многие престижные элементы материальной культуры.

Материалы групп могильных сооружений на памятниках Сопка-2 и Усть-Изес-1 отражают упрощение погребальной церемонии. Прежде всего совершались “базовые” обряды – наиболее важные с точки зрения мировоззренческой программы посмертного возрождения и возвращения в свой род, необходимый минимум которых мог гарантировать реализацию жизненного круговорота. К ним относятся все ритуальные акты, связанные с сооружением могилы и возведением курганной насыпи, размещением установленного набора инвентаря. Все остальные акты считались, очевидно, желательными, но не обязательными; их проведение зависело от материальных возможностей погребающих. Бесспорное упрощение обрядности демонстрируют и материалы погребений младших возрастных групп (дети 2,5–3 лет, подростки); они находятся в стороне от курганных групп и

не имеют не только берестяных сооружений внутри и поверх ям, но и земляных насыпей [Соловьев, 2006, с. 23]. Согласно представлениям угорского и самодийского населения Западной Сибири, дети до определенного возраста еще не порвали связь с теми мирами, откуда они пришли и куда уходят предки [Гемуев, 1980, с. 128; Кулемзин, Лукина, 1977, с. 150]. Поэтому часть обрядовых действий, совершившихся при погребении взрослых, в случае преждевременной смерти таких детей опускалась. Например, для них не делались иттерма – куклы, изображающие покойных. На сожженных объектах также имеются самые простые варианты сооружений, которые могут быть связаны с детскими погребениями.

На связь “культовых комплексов” с погребальной обрядностью косвенным образом могут указывать и сосуды, находящиеся в перевернутом состоянии, со следами преднамеренных повреждений. Отметим, что ни в одном объекте отбитые фрагменты горшков в комплексах не обнаружены. Это на наш взгляд, свидетельствует о том, что к моменту “погребения” вещи уже были повреждены. Важно отметить, что некоторые керамические изделия находились в ямках. По представлениям традиционных обществ обских угров, самодийцев Нижнего Приобья и тюрков Южной Сибири, иные миры, в которые отправляются умершие, были перевернутым отражением мира живых людей (и сломанное здесь становилось целым там [Кулемзин, 1994, с. 152–153; 1994, с. 377]). Опускание тела в яму, уходящую вглубь земли, как и закапывание предметов либо, наоборот, водружение их на высоту, могло рассматриваться как их перемещение, в широком смысле слова, отправление, транспортировка за границы земного бытия [Косарев, 2003, с. 145–148, 156–158]. Обратим внимание и на то, что во всех известных нам в средневековой археологии предтаежного Обь-Иртышья случаях сосуды под курганными насыпями вблизи могил (Малый Чуланкуль-1, Усть-Изес-2, Кыштовка-1) находились вверх дном либо были сознательно фрагментированы. Аналогичное положение посуды в могильных ямах сохраняется на памятниках развитого и позднего средневековья Садовка-2, Туруновка-2, Кыштовка-1, -2, Бергамак II, Крючное-6, Абрамово-10 [Молодин, Соболев, Соловьев, 1990, с. 117, рис. 96; Соболев, 1978, с. 93–94; Молодин, 1979, с. 49, табл. XII, 3; XVII, 2, 3, рис. 1, 3; Корусенко, 2003, с. 38–39, рис. 52, 55].

Таким образом, устраивая, а потом в процессе ритуала сжигая культовые сооружения, люди обращались к потусторонним уровням мироздания. И если упомянутые сосуды и ямки можно трактовать как свидетельства апелляции к нижним мирам, в которые опускается “могильная” душа, то акт сожжения следует понимать как посып верхним, светлым сферам, гарантирующим возрождение другой,

отправляемой сюда души. И культовые, и курганные комплексы представляются нам разнесенными во времени звенями одной обрядовой цепочки – следами ритуалов, проводимых на начальной и завершающей стадиях процесса перевода душ и тела почившего соплеменника в области мифического пространства, с которым связаны последующие их судьбы [Молодин, Соловьев, 2007].

Поиск ответов на вопросы о происхождении таких культовых комплексов сложен. Некоторые специалисты находят соответствие между “сожженными” постройками и четырехугольными поминальными сооружениями (оградками) древнетюркского времени, содержащими археологические предметы, в т.ч. посуду, следы огня и скульптуру человека, о смысле которой до сих пор нет единого мнения [Адамов, 2000, с. 24–28]. Однако, на наш взгляд, главные структурно-типологические отличия “сожженных” мест от древнетюркских поминальников, сакральный смысл которых опирался на мысль о вечности их существования, а мифоритуальная структура предполагала необходимость повторных посещений и совершение новых ритуалов, являются “однократность” использования деревянных построек, кратковременность их существования (только на время совершения обряда), последующее ритуальное уничтожение и, наконец, финальное “погребение” обугленных остатков, т.е. искусственное сокрытие их под землей, прекращавшее всякую возможность физического контакта с былым обиталищем духа. Этот ритуал имеет ярко выраженную таежную окраску и находит археологические параллели с обрядами на местах, где были обнаружены иттерма. А.П. Зыков и Н.В. Федорова допускают использование таежным населением таких изделий в обрядовой практике уже в эпоху Великого переселения народов – III–IV вв. н.э. Именно как свидетельство погребения иттерма, совершенное в специальном сооружении, они трактуют материалы холмогорского клада [2001, с. 59–63]. Мифоритуальная структура каменных оградок (сопоставимая с храмом) позволяет соотносить их скорее с амбарчиками на жертвенных и священных местах обских угров, в которых хранились почитаемые изображения семейных и родовых духов-предков, хозяев территории. Северный таежный колорит рассматриваемых комплексов усиливается своеобразной керамикой таежного облика, истоки которой можно видеть в белоярской культуре раннего железного века Среднего Приобья (см.: [Борзунов, Чемякин, 2006, рис. 4–22, 23, 26–28]).

Обратим внимание на то, что сценарий “проводов души”, в соответствии с которым использовались культовые места, по своему мифологическому содержанию сопоставим со схемой обряда погребения. Это определяет направление поисков, которые приводят нас к сооружениям XI–XII вв. недавно выделенной венге-

ровской культуры: земляным насыпям разного диаметра – от 5 до 20 м и более (преимущественно 5–12 м). Под земляными насыпями, оставленными носителями этой культуры, на уровне погребенной почвы обнаружены сожженные деревянные четырехугольные срубы или рамы подпрямоугольной или подквадратной формы [Савинов, 1988, с. 91–105], которые могли иметь от двух-трех до семи–восьми венцов и достигать в момент постройки в высоту 1 м. Внутри остатков этих отденных огню сооружений располагались преимущественно одиночные погребения, ориентированные по линии запад – восток с небольшими отклонениями к северо- и юго-западу. Отметим, что погребальная обрядность “венгеровского” населения включала трупоположение, и трупосожжение [Там же, с. 104].

Перед нами некий культурный феномен, который предполагал широкое использование деревянных сооружений, явно имитирующих жилые конструкции; огня, уничтожавшего эти постройки, а в ряде случаев и тела погребаемых; возведение насыпи по мере сгорания (возможно, и в процессе сжигания) срубов; создание ровиков вокруг последних. Эти и рассматриваемые нами сооружения имеют сходный набор типологически значимых признаков. Основное же их различие просматривается в том, что в одном случае (венгеровская культура) внутри них помещались реальные останки человеческих тел, а в другом (кыштовская культура) – символические “заместители”, вырезанные из дерева (в данном контексте особое значение приобретает целостность человека, найденная в одном из сооружений комплекса Сопка-2) [Молодин, 1990, с. 128]. В погребальной практике древнего населения Южной Сибири еще в эпоху раннегоЖелеза использовались многочисленные куклы, манекены и другие сабституты усопших, в которые помещали прах покойных, манифестируя в прямом и переносном смысле их единство. Нельзя не обратить внимания на волосы, отрезаемые у покойного и прикрепляемые обскими уграми к иттерма* [Чернецов, 1959, с. 150, 152; Бауло, 2002, с. 62]. Согласно устной традиции, таким образом в куклу (или изваяние) переносилась реинкарнирующая душа [Чернецов, 1959, с. 150, 152], которую впоследствии и провожали, уничтожая фигуру описанным выше способом или избавляясь от нее как-то иначе – закапывая в могилу, оставляя в лесу, на кладбище и т.д. Существование этой традиции уaborигенного населения западно-сибирской тайги с эпохи средневековья подтверждается археологическими материалами [Карачаров, 2002, с. 26–52]. Вполне вероятным представляется тесное знакомство сопкинского и усть-изесского (в основе

своей угорского) населения с погребальной практикой южных соседей (сжигание деревянных рам и срубов, западная ориентация), а также заимствование ими основных обрядовых черт и адаптация их элементов к собственным воззрениям.

Что касается заимствования, то его возможность подтверждается совпадением важнейших факторов времени и места. По времени возведение могильников венгеровской культуры совпадает с продвижением ее носителей на север и смыкается с нижней хронологической границей сопкинских и усть-изесских памятников, маркирующих эпоху проникновения в лесостепь носителей лесных традиций. Граница ареала венгеровской культуры достигает лесостепных участков правобережья Оми и фактически совмещается на этой территории с южной периферией зоны памятников кыштовской культуры. Для раннего (садовкинского) этапа кыштовской культуры еще не отмечены сожженные деревянные сооружения под насыпью. Мы имеем возможность убедиться в том, что наряду с обрядами, совершившимися непосредственно на памятниках (Усть-Изес-1), существовали специальные святилища (Сопка-2), устраиваемые, вероятно, в труднодоступных специфических местах.

Не исключено, что на рубеже XII–XIII вв. здесь – на севере западно-сибирской лесостепи – кыштовцами был заимствован целый блок погребальной обрядности, который, будучи транслированным в новую среду, стал служить актуально важным дополнением и, если так можно выразиться, завершающим штрихом в проводах соплеменников в последний путь. Отголоски таких, как бы “двойных” похорон, когда, провожая в верхние сферы возрождающуюся душу, вслед за телом погребали (в нашем случае – сжигали, что семантически в своей основе равнозначно погребению) изваяния вместе с построенным для него домиком, в разных формах “избавления” от иттерма дошли до наших дней. В.Н. Чернецов считал, что некогда существовали даже специальные места для проводов душ [1959]. В эпоху развитого средневековья, судя по нашим материалам, ими могли являться кладбища. В этнографическое время такими площадками стали открытые (по всей видимости, уже произвольно выбранные) участки на окраинах селений.

Заключение

Все сказанное позволяет констатировать появление в монгольское время – в эпоху максимального сдвига этнических границ и внедрения в предтаежную зону массивов населения с юга – нового типа объектов, связанных с изменениями в заупокойной практике и трансформацией воззрений местного населения. Влияние более развитого в социальном плане населения

*Показательно использование в наши дни фотографии покойного, которая приклеивается на таких фигурках вместо лица [Гемуев, 1990, с. 209].

южных открытых пространств заставляло население южной таежной периферии Обь-Иртышья заимствовать у него элементы материальной культуры и системы духовных ценностей, типологически близкие и понятные, а также адаптировать их к своей собственной обрядовой практике. На наш взгляд, проявлением этого процесса стало разделение во времени ритуалов, связанных с погребением усопшего (сооружение могилы и возведение кургана), периодом пребывания какой-то его нематериальной части (кукла-иттерма) среди соплеменников, который завершался ее окончательным высвобождением и отправкой к месту дальнейшего “существования”.

Историческая перспектива развития рассмотренных культовых комплексов видится в постепенном отделении мест проведения ритуалов от некрополей и превращении некоторой их части в самостоятельные обрядовые объекты, связанные с сакрализацией духов-предков – священных покровителей территории. На памятниках XV–XVI вв. отмечается сокращение числа таких сооружений на площади раскопанных могильников. Оно соответствует числу погребений местной элиты. Для всех остальных членов древних коллективов обряды, очевидно, проводились уже в стороне от некрополя. Происходили дальнейшее упрощение ритуалов и сокращение материальных затрат на их проведение. Находит свое отражение и общая деградация керамического производства, связанная с заменой сломанных сосудов смятыми металлическими (бронзовыми) емкостями, которые обнаруживаются под очень небольшими насыпями, устроенными в стороне от некрополя [Соловьев, 2006]. Для XVII–XVIII вв. такие места на кладбищах не отмечены [Молодин, 1979].

Список литературы

- Адамов А.А.** Новосибирское Приобье в X–XIV вв. – Тобольск; Омск: Изд-во Ом. гос. пед. ун-та, 2000. – 256 с.
- Бауло А.В.** Культовая атрибутика березовских хантов. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2002. – 92 с.
- Борзунов В.А., Чемякин Ю.П.** Ранний железный век таежного Обь-Иртышья: итоги и перспективы исследований // Археологические исследования Югры. – Екатеринбург: Ханты-Мансийск: Чароид, 2006. – С. 68–108.
- Гемуев И.Н.** К истории семьи и семейной обрядности у селькупов // Этнография Северной Азии. – Новосибирск: Наука, 1980. – С. 86–138.
- Гемуев И.Н.** Мировоззрение Манси: Дом и космос. – Новосибирск: Наука, 1990. – 232 с.
- Зыков А.П., Федорова Н.В.** Холмогорский клад: Коллекция древностей III–IV веков из собрания Сургутского художественного музея. – Екатеринбург: Издат. дом “Сократ”, 2001. – 176 с.
- Карачаров К.Г.** Антропоморфные куклы с личинами VIII–IX вв. из окрестностей Сургута // Материалы и ис-
- следования по истории Западной Сибири. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2002. – С. 26–52.
- Корусенко М.А.** Погребальный обряд тюркского населения низовьев р. Тара в XVII–XVIII вв. – Новосибирск: Наука, 2003. – 192 с.
- Косарев М.Ф.** Основы языческого миропонимания: по сибирским археолого-этнографическим материалам. – М.: Ладога-100, 2003. – 362 с.
- Кулемzin В.М.** Ханты и манси // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1994. – С. 363–379.
- Кулемzin В.М., Лукина Н.В.** Васюганско-ваховские ханты. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1977. – 226 с.
- Молодин В.И.** Кыштовский могильник. – Новосибирск: Наука, 1979. – 182 с.
- Молодин В.И.** Культовые памятники угорского населения лесостепного Обь-Иртышья (по данным археологии) // Мировоззрение финно-угорских народов. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 128–140.
- Молодин В.И.** Деревянные антропоморфные изваяния из культовых комплексов эпохи средневековья (Западная Сибирь) // Северная Азия от древности до средневековья: Тез. конф. к 90-летию со дня рожд. М.П. Грязнова. – СПб., 1992. – С. 227–229.
- Молодин В.И., Глушков И.Г.** Экспериментальное исследование культовых сооружений XIII–XIV вв. (по материалами Сопки-2) // Экспериментальная археология. – Тобольск: Изд-во Тоб. гос. пед. ин-та, 1992. – С. 69–76. – (Изв. Лаб. эксперимент. археологии Тоб. гос. пед. ин-та; вып. 2).
- Молодин В.И., Соловьев А.И.** Погребение позднетюркского воина в Барабе // Средневековые древности Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1995. – С. 65–101.
- Молодин В.И., Соловьев А.И.** Памятник Сопка-2 на реке Оми. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2004. – Т. 2: Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи средневековья. – 184 с.
- Молодин В.И., Соловьев А.И.** Новый тип археологических памятников Обь-Иртышского междуречья // Средневековая археология Евразийских степей: Мат-лы Ученого съезда Междунар. конгресса. – Казань: Ин-т АН РТ, 2007. – Т. 2. – С. 148–152.
- Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И.** Бараба в эпоху позднего средневековья. – Новосибирск: Наука, 1990. – 262 с.
- Савинов Д.Г.** Новый тип памятников начала II тыс. н.э. в Барабинской лесостепи // Бараба в тюркское время. – Новосибирск: Наука, 1988. – С. 91–105.
- Соболев В.И.** Курганы XIII–XIV вв. у с. Туруновка // Этнокультурные явления в Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1978. – С. 91–96.
- Соколова З.П.** Жилище народов Сибири (опыт типологии). – М.: ИПА “Три Л”, 1998. – 288 с.
- Соловьев А.И.** Погребальные памятники предтаежного населения Обь-Иртышья в эпоху средневековья (обряд, миф, социум): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 2006. – 54 с.
- Чернецов В.Н.** Представления о душе у обских угров // ТИЭ. Нов. сер. – 1959. – Т. 51. – С. 114–156.

УДК 903.4

С.Ф. Кокшаров

Институт истории и археологии УрО РАН
ул. Люксембург, 56, Екатеринбург, 620026
E-mail: uniz@yandex.ru; volot@mail.ru

ПАМЯТНИК АТЛЫМСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА РЕКЕ ЕНДЫРЬ

Введение

С 1999 г. Югорской археологической экспедицией Института истории и археологии УрО РАН и Уральского государственного университета (г. Екатеринбург) ведется изучение археологических памятников в большой излучине р. Ендырь, левого притока нижней Оби, в 71 км к юго-юго-востоку от г. Нягань в Октябрьском р-не Ханты-Мансийского АО Тюменской обл. (рис. 1, A). Во внутренней петле излучины находится и поселение Ендырское VIII. Оно занимает участок левобережной надпойменной террасы р. Ендырь высотой 2,0–3,5 м, заросшей хвойным лесом и покрытой лесной подстилкой из мхов, багульника и хвойного опада. Памятник расположен на оконечности мыса, плавно понижавшегося с северо-запада на юго-восток в заболоченную пойму реки. Границы поселения совпадают в целом с конфигурацией мыса, хотя они неизбежно будут уточняться в ходе дальнейших раскопок. На поверхности террасы хорошо различимы две крупные жилищные впадины. Одна из них, окруженная сильно расплывшейся валообразной насыпью, расположена на оконечности мыса. Изучение данного объекта раскопками затруднено из-за близости грунтовых вод. Другая впадина маркирует северо-западную границу поселе-

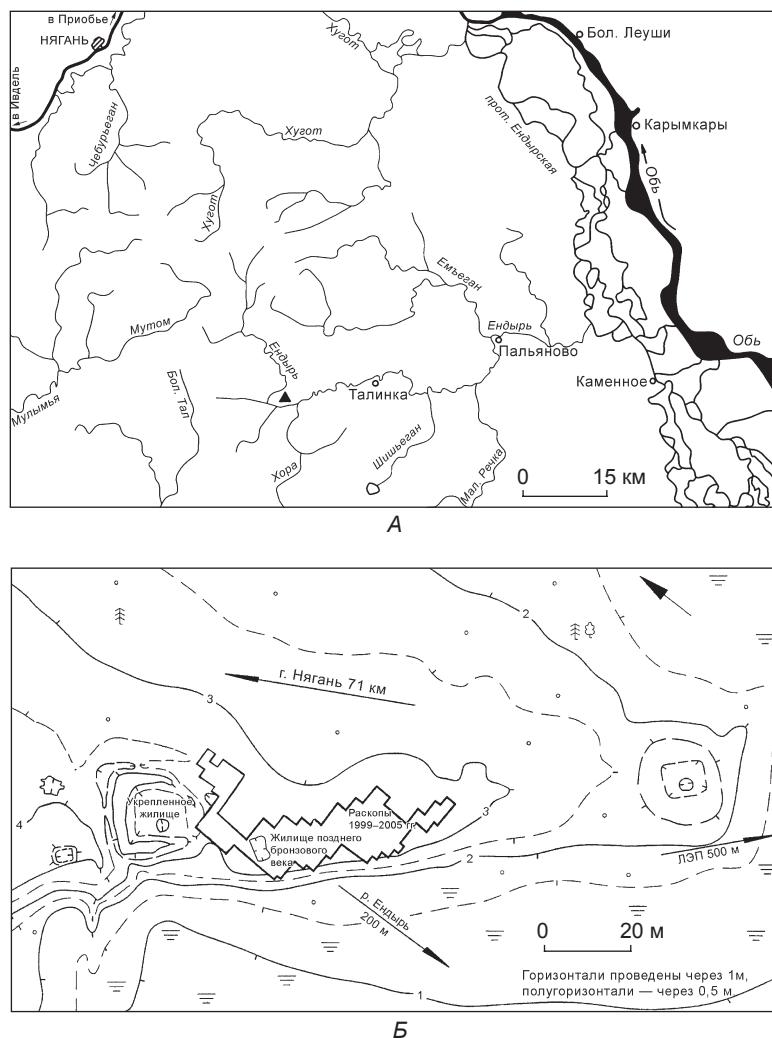
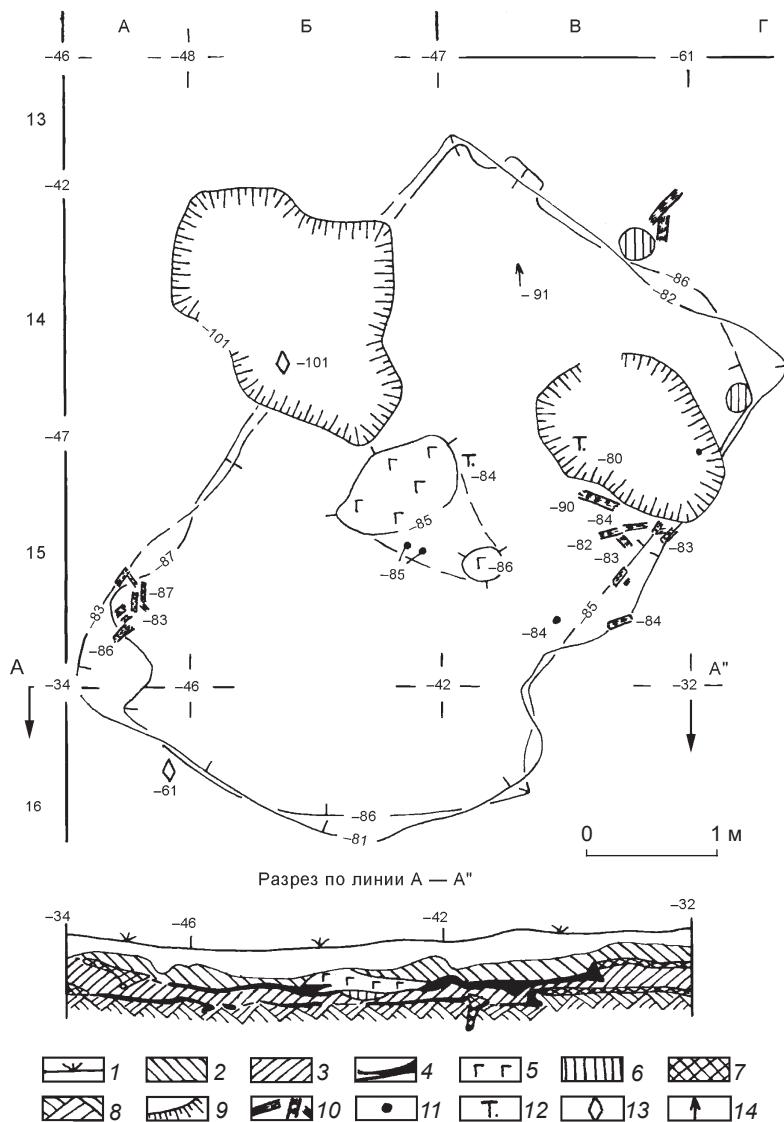

Рис. 1. Расположение поселения Ендырское VIII (A) и план раскопов 1999–2005 гг. на этом поселении (B).

ния. Она окружена по периметру довольно высоким валом (1,1–1,5 м), а с северо-запада и северо-востока – прерывающимся рвом, наличие которого позволило отнести жилище к числу укрепленных.

В 1999–2005 гг. раскапывалась центральная часть поселения и было изучено 427,5 м² культурного слоя (рис. 1, Б). На этой площади обнаружены самые разнообразные археологические объекты: остатки мастерской эпохи бронзы [Кокшаров, Погодин, 2005], семь жилищ раннего железного века, одно средневековое, погребение бронзового (или железно-

го?) века и 33 захоронения XIV/XV–XVI/XVII вв. [Зыков, Кокшаров, 2006, с. 116–117, 119–124]. На изученной части поселения встречались единичные фрагменты керамики с крестовым орнаментом, относящейся к концу бронзового века. Однако лишь в 2003 г. удалось раскопать остатки сооружения этого времени. Оно располагалось в 12 м к юго-юго-востоку от укрепленного жилища (рис. 1, Б).

Предлагаемая работа посвящена материалам переходного времени от бронзового века к железному. Они представляют собой достаточно “чистый” в археологическом отношении комплекс, т.к. почти две трети находок связаны с жилищем. Новые данные позволяют откорректировать характеристику материальной культуры таежного населения Западной Сибири в указанный период и, надеюсь, привлекут внимание специалистов, изучающих проблемы древней истории региона.

Описание обнаруженных объектов

Остатки сооружения переходного времени от бронзового к железному веку обнаружены в северо-западной части памятника на уч. А–Г/13–16 и до раскопок не прослеживались*. Удалось выяснить, что после прекращения функционирования постройки на ее месте возникла небольшая западина. В раннем железном веке в ней построили другое жилище, пол которого располагался на 5–10 см выше основания объекта эпохи бронзы.

Постройка была наземной, углублена в погребенную почву не более чем на 10 см (рис. 2). Ее очертания от

слежены на двух уровнях: -81...-82 и -86...-87 см**. В плане сооружение имело форму прямоугольника

*Зыков А.П. Отчет о разведках в Октябрьском и Советском районах Ханты-Мансийского автономного округа Тюменской области в 1999 г. Екатеринбург, 2000. – Архив ИИА УрО РАН. Ф. II. Д. 68.

Зыков А.П. Отчет о НИР: Раскопки могильника Ендырского II в Октябрьском районе Ханты-Мансийского автономного округа Тюменской области, проведенные в 2002 г. Екатеринбург, 2003. – Архив ИИА УрО РАН. Ф. II. Д. 95.

**Здесь и далее глубины даны от условного ноля.

размером $5,2 \times 3,3$ ($3,4$) м, длинными сторонами ориентированного по линии СВ–ЮЗ. Следы выхода из постройки не прослеживались. С этим сооружением связаны обломки горелых жердей, зафиксированные около западного угла и в средней части юго-восточной стены. Два фрагмента сгоревшего бревна (столба?) лежали у центра северо-восточной стены (уч. В/14) на уровне погребенного подзола. Здесь же находилась ямка от столба, заполненная ярко-красным прокаленным песком. Еще одна ямка с прокаленным песком была в северо-восточном углу.

На ровном полу (ур. $-85\dots-86$ см) в центральной части сооружения зафиксировано пятно бурого цвета размером $1,38 \times 1,00 \times 0,04$ м. Неоднократно замечено, что подобные пятна возникают на месте расположения открытых костищ (см. напр.: [Чемякин, Кокшаров, 1984, с. 117; Борзунов, Чемякин, 1994, с. 188]).

Описание находок

Несмотря на незначительные размеры объекта, в нем сосредоточено большое количество находок.

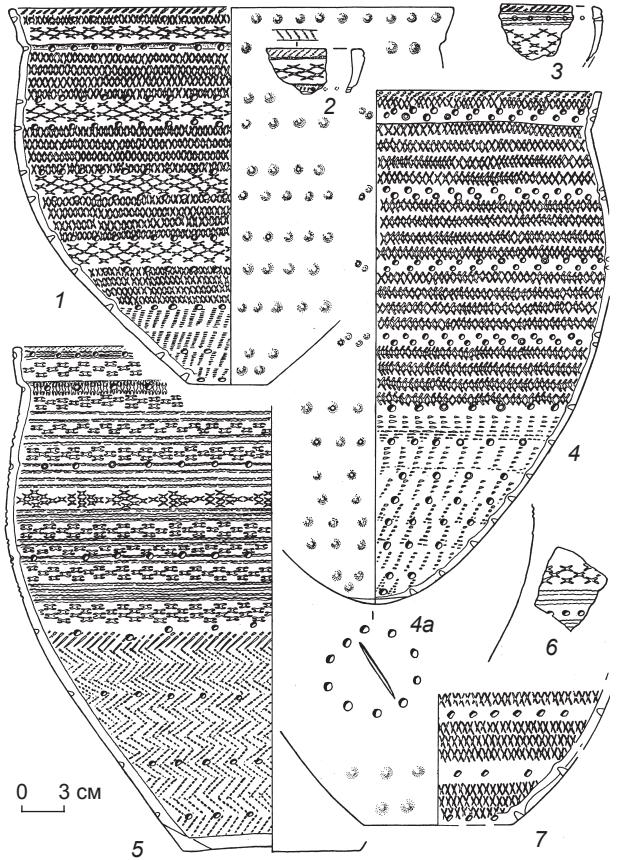

Рис. 3. Керамика атлымской культуры из заполнения жилища (1, 4, 5, 7) и из межжилищного пространства (2, 3, 6). Ендырское VIII.

Здесь были собраны фрагменты и развалы 18 судов, обломки двух тиглей, три капли металла и единичные изделия из камня. Посуда, найденная за границами объекта, не образует скоплений и обычно фрагментирована.

Керамика

По своему назначению керамика может быть разделена на бытовую (30 экз.) и производственную (2 экз.).

Морфологические и технологические особенности бытовой керамики. Она представлена горшками с круглым и плоским дном, выделенными по 25 венчикам и 5 стенкам, а также фрагментами двух индивидуальных емкостей. Горшки имеют прямые (11 экз.) или дуговидные (14 экз.) шейки. Последние, в свою очередь, можно разделить на слабо (5 экз.) и сильно (9 экз.) выгнутые. В основании шеек на месте перехода к плечикам неоднократно зафиксированы уступы (рис. 3, 2, 5; 4, 5) либо неглубокие бороздки и желобки (рис. 3, 1, 4; 4, 3, 8). В одном случае на шейке был налепной валик, сформованный поверх подготовленной заранее канавки (рис. 4, 2).

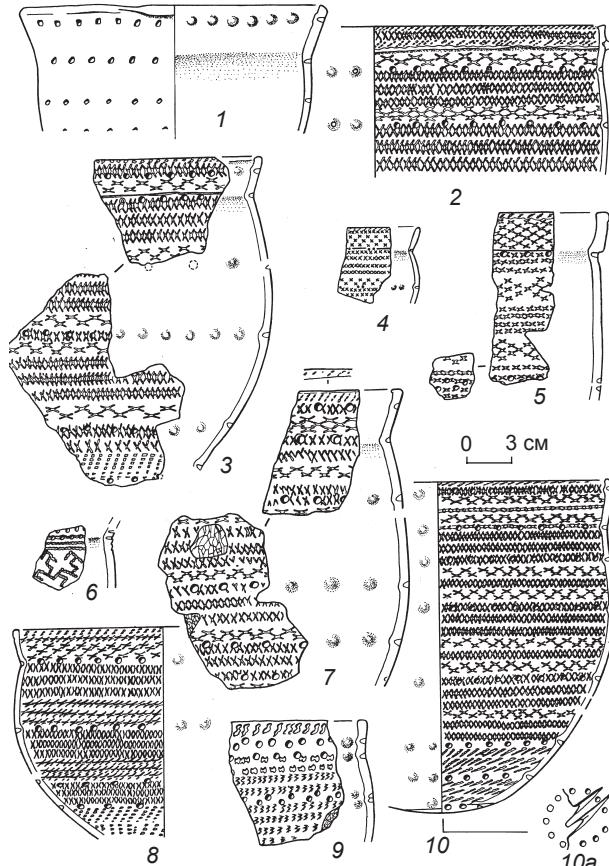

Рис. 4. Керамика атлымской культуры из заполнения жилища. Ендырское VIII.

Сохранность материала позволила сделать графическую реконструкцию сосудов (см. рис. 3–5) и установить их параметры. У 12 экз. замерен диаметр по венчику (от 14,4 до 30,5 см), у пяти из них – высота. У 4 экз. первый показатель превышает второй, т.е. эти сосуды приземистые. Наряду с посудой средних и крупных размеров встречены фрагменты от двух малых емкостей (рис. 5, 3).

Почти треть сосудов ремонтировалась: на шейках и стенах видны сквозные отверстия. Перфорация велась обычно по ямкам, где толщина стенок минимальная. Кроме того, в коллекции есть фрагменты плоского днища со сквозными отверстиями, сделанными по сырой глине концом круглой палочки. Сломанная посуда не выбрасывалась, а собиралась в рассматриваемом сооружении, где использовалась вторично. На днищах пяти сосудов отмечены от одного до трех глубоких пропилов (некоторые из них сквозные), возникших в результате заточки (?) каких-то длинных узких предметов (см. рис. 3, 4а; 4, 10а). Судя по характерным следам сработанности, от-

дельные черепки служили скребками. Наличие в коллекции ошлакованных фрагментов указывает на их использование в литейном производстве.

Керамика отличается тонкостенностью (4–5 мм) и тщательной – до лощения – обработкой стенок. В глине содержится примесь песка и измельченной каменной крошки (гранит?), которая встречается в сочетании с шамотом. У 6 экз. примеси визуально неразличимы.

Ориентация посуды. Внешняя поверхность сосудов покрыта орнаментом, выполненным фигурными штампами в виде косого, редко прямого креста, змейки и гребенки. Узоры разрежены поясками из ямок, образующими на внутренней стороне выступы – “жемчужины”. Из особенностей можно отметить декор, выполненный крестовым штампом в технике отступания (см. рис. 4, 8, 9), а также сбой при нанесении орнамента, когда мастер неожиданно перешел от техники печатной гребенки к “шагающей” (см. рис. 3, 4).

Орнаментальные композиции состоят из трех зон, которые выделены и морфологически. Это шейка, плечико с туловом и придонная часть. Границы между

зонами обозначены рядами ямок. Несмотря на использование одних и тех же фигурных штампов при украшении всей посуды, наблюдаются различия в выборе орнаментиров, их сочетании и наборе узоров. Как ни странно, но морфологически разные сосуды – горшки с прямыми и слабо выгнутыми шейками – обнаруживают между собой большее сходство по декору, чем, скажем, однотипные с дугообразными шейками. Таким образом, можно вести речь о двух группах керамики, различающихся между собой по орнаменту.

На посуде *первой группы* наблюдается довольно стандартное заполнение орнаментальных зон, часто разделенных цепочками ямок. Это одно – четырехрядные пояса из крестовых отпечатков, перемежающиеся с рядами ямок (см. рис. 3, 4, 7), оттисками креста, расположеннымными в шахматном порядке и образующими зигзаги или ромбы (см. рис. 3, 1; 4, 2–4, 7, 8, 10; 5, 7, 8, 10, 11). Поверх плотных крестовых узоров нанесены ряды ямок. В придонной части имеются один – три пояса из наклонных отпечатков гребенки, разделенных цепочками ямок (см. рис. 3, 1; 4; 4, 1, 8, 10); в одном случае гребенчатый штамп заменен крестовым (см. рис. 3, 7) и единично в придонной зоне встречены оттиски змейки (см. рис. 5, 11).

Особенность керамики *второй группы* – использование для ее орнаментации т.н. струйчатого штампа, оставлявшего на поверхности оттиск в виде не вполне четкой волны. Декор посуды подчинен горизонтальной зональности. Выделяется зона под венчиком в виде по-

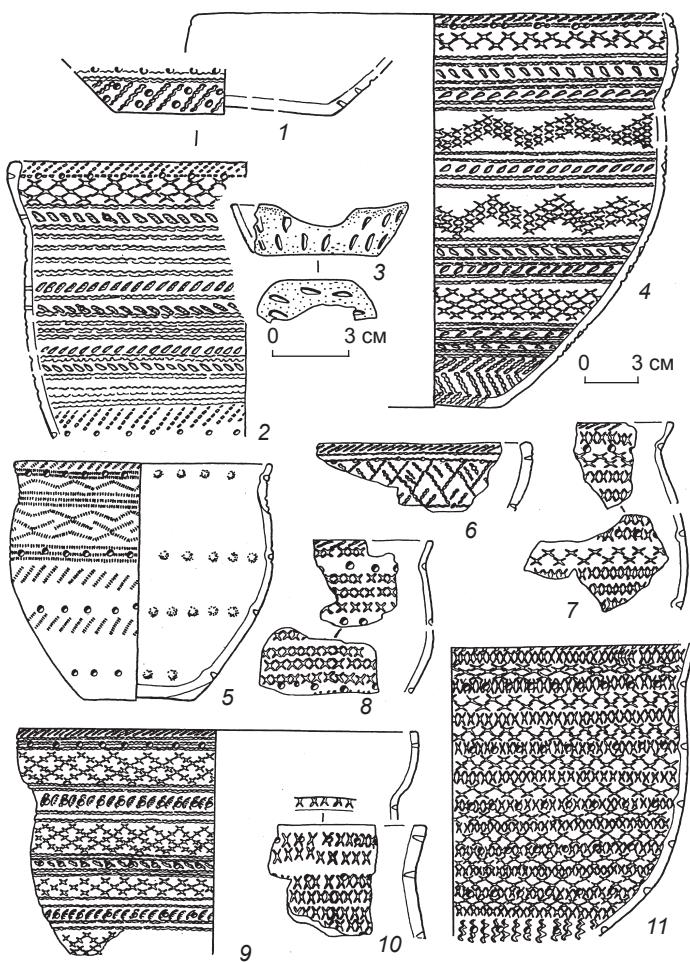

Рис. 5. Керамика атлымской культуры из межжилищного пространства. Ендырское VIII.

Спектральный анализ металла из атлынского жилища пос. Ендырское VIII*

№	Образец	Cu	Sn	Pb	Bi	Ag	Zn	As	Sb	Fe	Ni	Co	Au
1	Капля (уч. Б/15, жилище)	Осн.	<0,003	0,004	0,006	0,25	0,03	0,4	0,07	0,04	0,02	<0,0004	0,009
2	То же	»	0,013	0,005	0,05	0,1	0,06	0,3	0,2	0,02	0,03	<0,0004	0,007
3	Капля (уч. В/15, жилище)	»	0,003	0,01	0,04	0,14	0,04	1	0,08	0,02	0,05	<0,0004	0,004

*Атомно-эмиссионный спектрометрический анализ металла выполнен в Институте неорганической химии СО РАН.

яска из наклонных отпечатков змейки или гребенки. Средняя часть шейки покрыта крестовыми отпечатками, расположенными в шахматном порядке, которые образуют простые и сложные зигзаги (см. рис. 3, 2, 3; 5, 4, 9), ромбы (см. рис. 3, 5; 5, 2) или имитируют сетку (см. рис. 4, 5). Лишь в одном случае на шейке встречен орнамент в виде плетенки (см. рис. 5, 6). Эти узоры ограничены снизу и сверху одним-двумя поясками из оттисков гребенчатого или “струйчатого” штампа, поверх которых нередко нанесены ряды ямок (см. рис. 3, 2, 3, 5; 5, 2, 4, 6, 9). На плечике и тулове повторяются элементы, характерные для средней части шейки. Чедующиеся по вертикали зигзаги (см. рис. 5, 4), ромбы (см. рис. 3, 5), разнонаклонные отпечатки штампов ограничены горизонтальными линиями и воспринимаются как нарядные ленты (см. рис. 5, 2, 4, 9). На плечике одного сосуда сохранился фрагмент зигзага со ступенчатыми ответвлениями, которые именуются обычно меандридными узорами (см. рис. 4, 6). Придонная зона резко отличается от выше рассмотренных елочнообразным орнаментом из разнонаклонных отпечатков “струйчатого” и гребенчатого штампов (см. рис. 3, 5; 5, 4).

Инокультурная керамика. В коллекции присутствует плоскодонный горшок, отличающийся от остальных по характеру орнамента (см. рис. 5, 5). Его диаметр по венчику 15 см, высота 13,8 см. Сосуд вылеплен из хорошо отмученной глины без видимых примесей. Толщина стенок 3,5–4,0 мм. С внутренней и внешней сторон он покрыты нагаром.

Узор нанесен гребенчатым штампом и концом круглой палочки. Орнаментальная композиция подчинена морфологическим особенностям сосуда и делится на три зоны: первая – на шейке, вторая – на плечике, третья – в нижней и придонной частях туловы. На шейке под обрезом венчика расположен поясок из наклонных отпечатков штампа, ниже – два ряда горизонтальной “гребенки”, перекрытые пояском ямок, затем зигзаг и еще три ряда горизонтальной “гребенки”. На плечике выделяются два зигзага с симметричными ответвлениями от вершин. Негатив орнаментального поля между зигзагами и ответвлениями представляет собой меандр, известный по декоративному творчеству таежных угров и самодийских народов северо-запада Сибири под названиями “уши зайца” и “щучьи зубы” [Кокшаров, Ермакова,

1992, с. 15]. Орнамент придонной зоны очень разреженный – два пояска наклонной “гребенки” и столько же горизонтальных цепочек ямок. Эта зона отделена от предшествующей тремя рядами горизонтальной “гребенки”, средний из которых перекрыт ямками.

Производственная керамика. Она представлена обломками двух тиглей, найденными в жилище. Изделия были изготовлены из глины с большим содержанием песка. Плоский край одного тигля украшен отпечатками гладкого штампа. К сожалению, имеющиеся фрагменты слишком малы, чтобы можно было говорить о форме и параметрах предметов. На занятия литейным производством указывают фрагмент ошлакованной керамики и три капли металла, найденные в очаге (уч. Б/15, ур. –85 см) и на полу постройки у ее восточной стены (уч. В/15, ур. –84 см). Спектральный анализ металла показывает повышенное содержание мышьяка и серебра; в одном образце отмечена примесь сурьмы (см. таблицу)*.

Изделия из камня

В пределах раскопанного сооружения найдены семь каменных предметов**, однако не все можно с полной уверенностью связать с ним. Это обусловлено близостью расположения к данному сооружению объектов более раннего периода бронзового века и неолита, и нельзя исключить попадания в него ранних изделий. Одновременными с рассмотренным керамическим комплексом являются лишь три двусторонне обработанных орудия. Еще два предмета, относящиеся ко времени существования постройки, обнаружены за ее пределами. Это т.н. каменные бруски.

Двусторонне обработанные орудия. Одно из них (рис. 6, 3) изготовлено из светло-коричневой кремнистой породы, имеет подтреугольную, слегка асимметричную форму, размеры 46 × 24 × 6 мм. Тело орудия обработано встречной уплощающей ретушью. На узкой торцевой стороне крутой ретушью со спинки

*Выражаю искреннюю благодарность сотруднику Института проблем освоения Севера СО РАН А.Д. Дегтяревой за помощь в изучении металла.

**Описание каменных орудий проведено сотрудником ПНИАЛ УрГУ А.А. Погодиным.

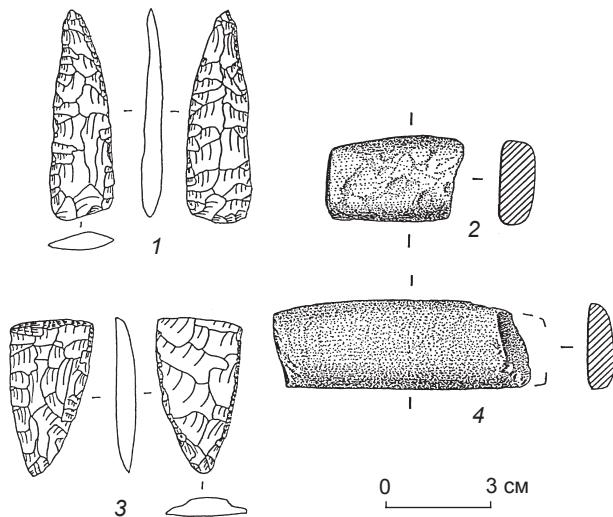

Рис. 6. Орудия из кремня (1, 3) и шлифованные бруски (2, 4). Ендырское VIII.

оформлено лезвие скребка. Рабочий край прямой. На кромке даже визуально фиксируется интенсивный износ. Скорее всего, орудие использовалось в рукоятке, для чего боковые стороны были притуплены с брюшком краевой ретушью. Другое изделие (рис. 6, 1) изготовлено из серой кремнистой породы. Его форма в плане иволистная, конец пера слегка асимметричен. Размеры предмета $62 \times 18 \times 5$ мм. Его тело обработано встречной уплощающей ретушью. Вероятно, орудие использовалось в качестве ножа. Его края притуплены противолежащей краевой ретушью; насад оформлен притупляющей ретушью, расположенной на одной стороне. Третий предмет представлен фрагментом тела наконечника стрелы. Размер обломка $16 \times 15 \times 6$ мм, поперечное сечение линзовидное, поверхность обработана встречной уплощающей ретушью.

Каменные бруски. Они сохранились в обломках. Оба изготовлены из мягких пород камня методом шлифовки и имели подпрямоугольную форму в плане и по-перечном сечении (рис. 6, 2, 4). Размеры сохранившейся части бруска из породы красно-коричневого цвета $74 \times 25 \times 7,5$ мм. На широкой плоскости у торцов сохранились неглубокие поперечные пропилы. Для другого бруска была выбрана зернистая порода с включениями пирита. Размеры обломка $39 \times 34 \times 10$ мм.

Обсуждение материалов

Культурно-хронологическая принадлежность исследованного сооружения определяется по облику керамики и сопровождающих ее находок.

По особенностям формовки и декору посуда относится к атлымской культуре таежного Приобья [Ва-

сильев, 1982, рис. 2, 3, с. 7–11]. В 1990-х гг. в связи с обнаружением памятников этой культуры в других таежных районах в ее ареал были включены север Нижнего Прииртышья и бассейн р. Конды [Глушков, Захожая, 2000, с. 30].

Опираясь на абсолютные даты, полученные по углю из культурного слоя Малоатлынского городища, $-3\ 100 \pm 120$ (Ки-991), $2\ 910 \pm 90$ (Ки-998) л.н. [Ковалюх, 1980, с. 18], – Е.А. Васильев ограничил время существования атлымской культуры XII–VIII вв. до н.э. [1982, с. 7–11]. Данному выводу не противоречит радиоуглеродная дата для атлымского слоя поселения Барсова Гора I/22а – $2\ 840 \pm 40$ л.н. (ЛЕ-1546), т.е. IX в. до н.э. [Чемякин, Кокшаров, 1984, с. 126, 129]. Предложенная датировка атлымских древностей не вызывает возражений и со стороны других исследователей [Лашук, Хлобыстин, 1986, с. 49; Эпоха..., 1987, с. 295–296; Чемякин, 1989, с. 66; Борзунов, 1992, с. 130].

Присутствие в атлымском комплексе поселения Ендырское VIII инокультурного горшка указывает на направление связей местного населения в обозначенный период. При поиске аналогов данной находки обращает на себя внимание прежде всего оригинальный меандр на плечике сосуда и способ его исполнения. В отличие от классического греческого такой меандр распространен на более ограниченной территории – в районах Западной Сибири и Казахстана, прилегающих к Уралу. Самые ранние его образцы известны на алакульской, федоровской и амангельдинской посуде [Сорокин, 1962, табл. IV, 74; Стоколос, 1972, рис. 25, 3; Зданович, 1973, рис. 4, 4]. Меандр образован лентами, выполненными отрезками пропущенной или печатной “гребенки”. Позднее данный узор встречается на керамике пахомовской и сузунской андроницких культур [Корочкина и др., 1991, рис. 3, 7, 17; Глушков, Захожая, 2000, рис. 48, 7]. Интересно, что по манере исполнения он аналогичен ендырскому, поскольку также “читался” на негативе орнаментального поля из гребенчатых лент с симметричными ответвлениями от них. Подобный меандр, но выполненный не ленточным узором, а отдельными отпечатками штампов (гладким, волнистым), встречен на черкаскульской и лозьвинской керамике [Шорин, Крутских, 1984, рис. 3, 8; Викторова, 1970, табл. 1, 9; Сладкова, 1991, рис. 2; Кокшаров, 1991, с. 99, рис. 2, 48]. Однако самые полные соответствия ему имеются в одной из групп керамики лучинского типа. Здесь он либо выполнен печатной “гребенкой”, либо проявляется на негативе, образованном зигзагами и ответвлениями от них [Глушков, Захожая, 2000, с. 101, рис. 40, 2–4; 46, 4]. По мнению И.Г. Глушкова, керамика лучинского типа на Иртыше и лозьвинского на Конде “отражает один культурно-типологический горизонт, вытянутый в широтном направлении…

южнее которого (курсив мой. – С.К.) расположены еловско-сузунский типологический горизонт, синхронный по времени таежному” [1991, с. 101–102]. Другие исследователи определяют комплексы типа Лучкино I как сузунско-лозьвинские [Галкин, 1989, с. 130] или рассматривают их в качестве северного варианта сузунской культуры [Степаненкова, 1995]. Кказанному можно лишь добавить, что ряд археологов допускает существование опосредованных контактов носителей сузунской и атльмской культур на рубеже II–I – начале I тыс. до н.э. [Косарев, 1993, с. 110; Потемкина и др., 1995, с. 131].

Каменный инвентарь, связанный с рассматриваемым сооружением, немногочислен, но входящие в его составшлифованные бруски с пазами достаточны типичны для поселений позднего периода эпохи бронзы и переходного времени от бронзового века к железному. В Нижнем Приобье они найдены на памятнике Низямы VIII [Кокшаров, 1991, с. 99, рис. 2, 46] и Малоатльмском городище [Васильев, 1982, рис. 3, 1, 2], в Среднем – на памятниках барсовской и атльмской культур в урочище Барсова гора (Барсова Гора, объект 107 [Елькина, 1977, рис. 4, 2, 3], поселения Барсова Гора I/40 [Чемякин, Кокшаров, 1984, рис. 5, 10–13], I/50 [Чемякин, 1996, рис. 4, 8, 12], II/16а [Матвеев, Матвеева, 1995, рис. 2, 3]), атльмское жилище в Барсовом городке I/10 [Чемякин, Коротаев, 1976, рис. 2, 8]). В настоящее время существуют два взгляда на назначение подобных вещей. Г.Ф. Коробкова рассматривала их в качестве оселков для заточки и правки ножей, шильев, легких молоточков для холодной ковки металла, обработки других каменных предметов, а также для размельчения и растирания краски [Чемякин, Кокшаров, 1984, с. 122, 129]. Затем данные изделия были отнесены к числу рыболовных грузил [Кокшаров, 1991, с. 99]. Это мнение поддержал позднее Ю.Б. Сериков, на которого ссылается в одной из работ Ю.П. Чемякин [1996, с. 70].

Спектральный анализ ендырского металла показывает повышенное содержание в нем мышьяка, серебра и в одном случае – сурьмы. Примеси мышьяка и сурьмы сближают его с металлом атльмских литейщиков урочища Барсова гора (Барсова Гора III, объект 107; Барсова Гора II/16). Сургутские материалы принадлежат к оловянно-мышьяково-сурьмянистым бронзам, “связанным, видимо, с химико-металлургической группой ВК (волго-камской)” [Кузьминых, Чемякин, 1998, с. 114]. Между тем специалисты затрудняются с определением района происхождения сплавов, объединенных в эту группу, и характера происхождения легирующих примесей в виде мышьяка и сурьмы [Черных, Кузьминых, 1989, с. 173]. Они отмечают, что ареал данной химико-металлургической группы охватывает по преимуществу восточно-европейские территории, а к востоку от Урала

относящиеся к ней образцы встречаются крайне редко. Древнейшие изделия из подобных мышьяково-сурьмянных бронз в очагах Евразийской металлургической провинции связываются с наиболее ранними синкетическими срубно-абашевскими комплексами; многочисленны они и во многих культурах позднего бронзового века. Этот тип сплава широко использовался и в общностях Приуралья раннего железного века (ананынская и др.) [Там же]. Кказанному можно добавить, что на существование связей населения Сургутского Приобья с западными соседями указывает не только химический состав металла, но и керамика гамаюнской культуры, найденная на селищах Барсова Гора II/16 и I/10а [Кузьминых, Чемякин, 1998, с. 114].

Керамический материал с поселения Ендырское VIII позволяет уточнить ряд вопросов, связанных с характеристикой атльмских древностей таежного Обь-Иртыша. Прежде всего это касается типологии атльмской керамики, разработанной Е.А. Васильевым и положенной им в основу деления памятников данной культуры на ранние и поздние.

До сих пор исследователи опирались на стратиграфические наблюдения Е.А. Васильева, сделанные им при раскопках Малоатльмского городища*. Он исследовал культурный слой памятника условными горизонтами по 10 см и выделил два типа атльмской керамики (вся коллекция включает обломки 80–90 сосудов), образцы которых залегали на разных уровнях: первый комплекс ниже второго. К посуде I типа Е.А. Васильев отнес горшки с прямыми слабо- и сильно профилированными шейками, украшенные ямками и различными вариантами оттисков крестового штампа. Орнаментальные мотивы представлены ритмично чередующимися поясами плотно поставленных отпечатков косого креста и круглых ямок. Часто ряды ямок заменены зигзагами, треугольниками, ромбами, выполненнымими крестовым штампом другого вида. В верхней части некоторых горшков отмечены пальцевые защицы. Для композиций характерно деление орнаментального поля на горизонтальные зоны [Васильев, 1982, с. 8, рис. 2]. Второй тип представлен плоскодонными горшками с дуговидной шейкой, имеющей четкий переход к плечику. Отмечено увеличение количества элементов орнамента (за счет различных видов гребенчатого штампа) и орнаментальных мотивов. Геометрические узоры в виде одно- и многорядных зигзагов,

*В 1999 г. при обследовании поселка Малый Атльм и его окрестностей были обнаружены еще два городища. Во избежание путаницы объекты пришлось перенумеровать. В результате этого памятник, изучавшийся Е.А. Васильевым, получил название Малый Атльм II или Малоатльмское II городище (см.: [Зыков, Кокшаров, 2000]).

треугольников, ромбов, нанесенных крестовыми штампами, дополнены елочными композициями, выполненными гребенкой. На самых поздних сосудах появляется орнамент в виде взаимопроникающих фигур. Горизонтальная зональность общей композиции подчеркнута несколькими резными или гребенчатыми поясками [Там же, рис. 3].

Е.А. Васильев проследил эволюцию атлымской керамики от ранней (I типа) к поздней (II типа). В ней отражены в целом тенденции керамического производства на севере Западной Сибири. Однако эта схема, как любая другая, призвана обратить внимание лишь на особенности, которые, на взгляд археолога, выделяют данный комплекс среди материалов других культур; в ней не предусмотрено никаких исключений, например присутствие сосудов индивидуальных форм (миниатюрных, нестандартных), не учитываются образцы переходного облика, не укладывающиеся в жесткие рамки типологии. Перечисленные “отклонения” можно наблюдать в ендырской коллекции.

Публикуемые материалы в целом вписываютя в типологию атлымской керамики, но вместе с тем они дополняют перечень ее особенностей. В комплексе представлена посуда, по декоративным и морфологическим признакам не соответствующая ни одному из типов. Это горшок, украшенный только поясами ямок (см. рис. 4, 1), подчетырехугольная чашечка со сливом, декорированная лунками (см. рис. 5, 3), сосуд, в плоском дне которого намеренно сделаны сквозные отверстия. На ендырском поселении имеется целая группа сосудов, относящихся по оформлению шеек к разным типам, но практически идентичных по характеру нанесенного на них орнамента (см. рис. 3, 1 и 4, 3, 4, 8, 10; рис. 3, 5 и 4, 5). Такие находки позволяют корректировать заключение об “устойчивости” сочетаний формы и орнамента атлымской посуды различного типа [Там же, с. 7; Васильев, 2004, с. 108].

Перечисленные несоответствия не дают оснований рассматривать комплекс поселения Ендырское VIII в качестве некоего деривата “классической” атлымской керамики, найденной в слое Малоатлынского II городища. Во-первых, расстояние между этими памятниками по сибирским меркам минимальное, а следовательно, нельзя говорить о локальных различиях. Во-вторых, ендырская коллекция связана с жилищем, где маловероятно массовое попадание разновременной и инокультурной керамики. Присутствие среди находок горшка лучинского типа указывает на контакты нижнеобского населения с более южными соседями. В-третьих, следует учитывать факты совместного залегания разнотипной атлымской керамики не только на Ендыре, но и на других поселениях таежного Приобья (например, поселение Барсова Гора II/16а), что может свидетельствовать о ее синхронности. Правда, в этом случае немногочисленные

сосуды, обладающие характеристиками керамики I типа, неизменно обзываются гамаюнскими, но никогда не уточняется, к какому из семи локальных вариантов этой культуры они относятся [Матвеев, Матвеева, 1995, с. 61; Кузьминых, Чемякин, 1998, с. 114; Чемякин, Каракаров, 2002, с. 34].

Гамаюнская посуда уральского происхождения действительно известна в Сургутском Приобье. Она происходит из раннего (атлымского) слоя Барсова Городка I/10 и отличается примесью талька в глине [Чемякин, Коротаев, 1976, с. 53, 55, рис. 2, 1]. Однако тальк не использовался при изготовлении посуды вагильского варианта гамаюнской культуры. По наблюдениям В.А. Борзунова, вагильская керамика имеет столь значительное сходство с частью посуды лозьвинского типа, что они становятся трудноотличимы друг от друга [1992, с. 90]. Таким образом, намечается еще одна проблема – отсутствие критериев для разграничения вагильских и лозьвинских керамических комплексов в приуральских районах Западной Сибири, если, конечно, таковые имели место. В этой связи возникает вполне закономерный вопрос: а следует ли относить к атлымской культуре ендырскую посуду I типа, которая, как выясняется, близка и гамаюнской (в вагильском варианте), и лозьвинской? Думается, что да. Доказательство тому – присутствие и одновременное существование обоих типов керамики в составе изученного жилищного комплекса. Чем дальше от условного “эпицентра культуры” находится тот или иной памятник, тем большим своеобразием обладает связанный с ним керамический комплекс. На этом фоне диагностирующие признаки культур (а речь идет прежде всего о керамике) оказываются размытыми, а ареалы – аморфными. Благодаря присутствию на атлымских памятниках нижней Оби керамики двух типов, а также посуды переходного облика, сочетающей признаки обоих типов, можно говорить об очень тесных контактах населения, проживавшего в приуральской части Западной Сибири в переходное время от бронзового века к железному. На существование широтных связей таежных рыболовов и охотников указывает также распространение металла группы ВК на атлымских поселениях Приобья.

Наконец, хотелось бы обратить особое внимание на ключевой памятник атлымской культуры в Нижнем Приобье – городище Малый Атлым II, к материалам которого чаще всего обращаются археологи. Изучение стратиграфии объекта в 1999 г. убедило нас в принадлежности окружающих его фортификаций – двух линий рвов и остатков внешней крепостной стены в виде мощного вала – к позднему средневековью. Тогда же была отмечена ошибочность соотнесения остатков укреплений с атлымской керамикой [Зыков, Кокшаров, 2000, с. 115, 120–121]. Кстати сказать,

Е.А. Васильев сам сомневался в правильности своих выводов относительно времени возведения укреплений на городище: “...связывая весь комплекс эпохи бронзы на Малом Атлыме с городищем, мы делаем это несколько условно” [1982, с. 7]. Укрепленные поселения атльмской культуры, безусловно, существовали. Они были открыты тобольскими коллегами на р. Чилимка, притоке Конды в Нижнем Прииртышье (Чилимка XIII и ХХIII). По характеру оборонительных сооружений городища очень напоминают объекты раннего железного века: имеют пологие рвы глубиной 30–60 см, шириной 70–150 см [Зыков, Кокшаров, 2000, с. 120–121].

Значительный объем земляных работ при возведении средневековых фортификаций городища Малый Атлым II неизбежно привел к разрушению подстилающего культурного слоя, содержащего артефакты мезолита, неолита, эпохи раннего металла. Следовательно, говорить о залегании находок бронзового века *in situ* вряд ли возможно. Исходя из этого, следует более внимательно относиться к картине распределения разнотипной атльмской посуды в культурном слое памятника. Вместе с тем, несмотря на переотложенность материала, нельзя игнорировать полученные абсолютные даты. В любом случае они конкретизируют время существования атльмских древностей в Нижнем Приобье.

Заключение

Незначительная площадь сооружения на поселении Ендырское VIII (чуть более 17 м²) и сосредоточение в нем большого количества керамики свидетельствуют о нежилом характере объекта. Он использовался исключительно в хозяйственных целях, но вряд ли являлся специализированной мастерской: здесь отсутствуют следы гончарного производства, камнеобработки, а остатки литейного производства малочисленны, невыразительны. Кказанному следует добавить, что значительная часть атльмского населения владела навыками простейшего литья, которым оно занималось в пределах жилих сооружений [Кокшаров, 2006, с. 55]. В изученном объекте могла храниться и ремонтироваться посуда, вышедшая из употребления, эпизодически плавилась бронза и обрабатывались органические материалы (кожа, дерево). Отсутствие в коллекции каменных сверл для починки горшков объясняется тем, что перфорация тонких стенок проводилась пробойниками в местах расположения ямок. Часть сосудов использована в качестве абразивов.

Кроме изученной хозяйственной постройки, в состав атльмского поселка входит крупное укрепленное жилище, расположенное в 12 м к северо-северо-

западу от нее (см. рис. 1, Б). Этот объект не изучался раскопками, но происходящий из него подъемный материал включает керамику атльмской культуры.

Возвращаясь к состоянию изученности таежных памятников переходного времени от бронзового века к железному, следует обратить внимание на отсутствие исчерпывающей характеристики атльмской культуры. Дефицит надежных археологических источников (раскопанных поселений и могильников) не позволяет перейти к решению главной исследовательской задачи – построению модели атльмского общества. Несмотря на ее отсутствие, археологи, минуя источниковоедческий уровень исследования, охотно интерпретируют имеющиеся источники. Правда, все их рассуждения ограничиваются выяснением причин и путей миграций воинственных “атльмцев” по Обь-Иртышью и прилегающим районам [Васильев, 1980, с. 8–9; Борзунов, 1990, с. 17; Косарев, 1993, с. 109; Зыков и др., 1994, с. 14]. Между тем проблемы, касающиеся атльмской культуры, тесно связаны с вопросом происхождения керамики с крестовой орнаментацией в южно-таежной и лесостепной зонах Западной Сибири (красноозерская, карьковская, гамаюнская). По этому вопросу среди исследователей не сложилось единого мнения. Одни считают, что здесь еще многое остается неясным [Глушков, Захожая, 2000, с. 40], другие придерживаются диаметрально противоположного мнения [Корочкива, Пономарева, 2006, с. 57].

Список литературы

- Борзунов В.А.** Генезис и развитие гамаюнской культуры // СА. – 1990. – № 1. – С. 15–33.
- Борзунов В.А.** Зауралье на рубеже бронзового и железного веков (гамаюнская культура). – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1992. – 188 с.
- Борзунов В.А., Чемякин Ю.П.** Поселения и постройки культур эпохи поздней бронзы северной тайги Западной Сибири // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1994. – Т. 1: Поселения и жилища. – Кн. 1. – С. 176–190.
- Васильев Е.А.** Миграционные процессы в таежной части обского бассейна в эпоху бронзы // Вопросы этнокультурной истории Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1980. – С. 3–10.
- Васильев Е.А.** Северотаежное Приобье в эпоху поздней бронзы (хронология и культурная принадлежность памятников) // Археология и этнография Приобья. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1982. – С. 3–14.
- Васильев Е.А.** Атльмская культура // Большая Тюменская энциклопедия. – Тюмень: Сократ, 2004. – Т. 1 – С. 107–108.
- Викторова В.Д.** Этапы развития фигурно-штампованной орнаментации на сосудах памятников бассейна р. Тавды // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1970. – С. 255–270.

Галкин В.Т. Сузгунско-лозьвинские поселения в Тобольском Прииртышье // Западно-сибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков. – Тюмень: Изд-во Тюм. гос. ун-та, 1989. – С. 129–136.

Глушков И.Г. Поселение Лучкино I – памятник поздней бронзы низовий Иртыша // Источники по этнокультурной истории Западной Сибири. – Тюмень: Изд-во Тюм. гос. ун-та, 1991. – С. 93–103.

Глушков И.Г., Захожая Т.М. Керамика эпохи поздней бронзы Нижнего Прииртышья. – Сургут: Ред.-изд. центр Сургут. гос. пед. ин-та, 2000. – 200 с.

Елькина М.В. Поселения раннего железного века в Сургутском Приобье // Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. – Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1977. – С. 104–118.

Зданович Г.Б. Керамика эпохи бронзы Северо-Казахстанской области // Вопр. археологии Урала. – 1973. – Вып. 12. – С. 21–43.

Зыков А.П., Кокшаров С.Ф. Атлымские городища // Памятники Югры: вчера, сегодня, завтра. – Томск: Изд-во Тюм. гос. ун-та, 2000. – Вып. 1. – С. 106–123.

Зыков А.П., Кокшаров С.Ф. Раскопки Ендырского VIII поселения в 2004 г. // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Тюм. гос. ун-та, 2006. – Вып. 3. – С. 114–134.

Зыков А.П., Кокшаров С.Ф., Терехова Л.М., Федорова Н.В. Угорское наследие: Древности Западной Сибири из собраний Уральского университета. – Екатеринбург: Внешторгиздат, 1994. – 159 с.

Ковалюх И.И. Абсолютные даты по ^{14}C Института геохимии и физики минералов АН УССР // Вопросы этнокультурной истории Сибири. – Томск: Изд-во Тюм. гос. ун-та, 1980. – С. 14–18.

Кокшаров С.Ф. Хронология памятников бронзового века р. Конды // Вопр. археологии Урала. – 1991. – Вып. 20. – С. 92–101.

Кокшаров С.Ф. Север Западной Сибири в эпоху раннего металла // Археологическое наследие Югры. – Екатеринбург: Чароид, 2006. – С. 41–67.

Кокшаров С.Ф., Ермакова Н.Н. Меандровые узоры на керамике лозьвинского и атлынского типов // Орнамент народов Западной Сибири. – Томск: Изд-во Тюм. гос. ун-та, 1992. – С. 12–21.

Кокшаров С.Ф., Погодин А.А. Мастерская бронзового века на р. Ендырь // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2005. – № 2 (22). – С. 100–113.

Корочкова О.Н., Пономарева Т.М. Несколько штрихов к характеристике белоярской культуры // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Тюм. гос. ун-та, 2006. – Вып. 3. – С. 35–61.

Корочкова О.Н., Стефанов В.И., Стефанова Н.К. Культуры бронзового века предтаежного Тоболо-Иртышья (по материалам работ УАЭ) // Вопр. археологии Урала. – 1991. – Вып. 20. – С. 70–92.

Косарев М.Ф. Из древней истории Западной Сибири: Общая историко-культурная концепция. – М.: Изд-во ИНИОН РАН, 1993. – 283 с. – (Русский этнограф; Вып. 4).

Кузьминых С.В., Чемякин Ю.П. Об источниках цветного металла в древних культурах Сургутского Приобья //

Система жизнеобеспечения традиционных обществ в древности и современности: Мат-лы XI Зап.-сиб. археол.-этногр. конф. – Томск: Изд-во Тюм. гос. ун-та, 1998. – С. 113–116.

Лашук Л.П., Хлобыстин Л.П. Север Западной Сибири в эпоху бронзы // КСИА. – 1986. – № 185. – С. 43–50.

Матвеев А.В., Матвеева Н.П. Новый памятник переходного периода от бронзового века к железному в Сургутском Приобье // Древняя и современная культура народов Западной Сибири. – Тюмень: Изд-во Тюм. гос. ун-та, 1995. – С. 53–63.

Потемкина Т.М., Корочкова О.Н., Стефанов В.И. Лесное Тоболо-Иртышье в конце эпохи бронзы. – М.: Изд-во ПАИМС, 1995. – 208 с.

Сладкова Л.Н. Модель культурной стратиграфии поселения Талъя (поздний бронзовый век) // Экспериментальная археология: Изв. Лаборатории экспериментальной археологии Тобол. гос. пед. ин-та. – Тобольск: Изд-во Тобол. гос. пед. ин-та, 1991. – Вып. 1. – С. 29–33.

Сорокин В.С. Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак I в Западном Казахстане. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – 185 с. – (МИА; № 120).

Степаненкова З.В. Лучкинский тип керамики: Эпоха поздней бронзы // Культурогенетические процессы в Западной Сибири. – Томск: Изд-во Тюм. гос. ун-та, 1995. – С. 110–111.

Стоколос В.С. Культура населения бронзового века Южного Зауралья. – М.: Наука, 1972. – 168 с.

Чемякин Ю.П. Сургутское Приобье в эпоху бронзы и раннего железа // Культурные и хозяйствственные традиции народов Западной Сибири. – Новосибирск: Новосиб. гос. пед. ин-т, 1989. – С. 60–74.

Чемякин Ю.П. Жилище эпохи поздней бронзы в Сургутском Приобье // Материалы и исследования культурно-исторических проблем народов Сибири. – Томск: Изд-во Тюм. гос. ун-та, 1996. – С. 64–76.

Чемякин Ю.П., Каракаров К.Г. Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов: (Мат-лы к атласу). – 2-е изд. – Екатеринбург: Тезис, 2002. – С. 7–74.

Чемякин Ю.П., Кокшаров С.Ф. Поселение начала I тысячелетия до н.э. на Барсовой горе // Древние поселения Урала и Западной Сибири. – Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1984. – С. 115–130.

Чемякин Ю.П., Коротаев В.П. Многослойное городище Барсов Городок I/10 (к периодизации археологических памятников в Сургутском Приобье) // Вопросы археологии Приобья. – Тюмень: Изд-во Тюм. гос. ун-та, 1976. – С. 49–62.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). – М.: Наука, 1989. – 320 с.

Шорин А.Ф., Крутских Н.А. Черкаскульские могильники в Челябинской области // СА. – 1984. – № 4. – С. 150–162.

Эпоха бронзы лесной полосы СССР // Археология СССР. – М.: Наука, 1987. – 472 с.

УДК 903.27

В.Д. Кубарев

Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: vd@online.nsk.ru

БИЛУУТ-ТОЛГОЙ: НОВЫЙ ПАМЯТНИК НАСКАЛЬНОГО ИСКУССТВА МОНГОЛИИ

На территории национального парка “Тавын-Богдо-Ула”, расположенного на границе Монголии с Китаем и Россией, в настоящее время известно более десяти крупных местонахождений наскальных изображений. Многие из них уникальны и содержат разнообразную информацию о кочевом быте, мифологии, культе священных животных и обрядах древних племен. Отдельные сюжеты или даже целые повествовательные сцены представляют собой настоящие произведения искусства и признаны эталонными в изобра-

зительном творчестве населения Центральной Азии. К числу таких неординарных памятников, открытых недавно в акватории оз. Хотон-Нуур, относится и комплекс петроглифов в местности Билуут-Толгой. Он находится в 34 км от Арал-Толгоя [Кубарев, 2007], почти в устье р. Хайтун-Гол (рис. 1). Координаты памятника: 48° 39' 10,2" с.ш., 88° 19' 50,5" в.д., высота над ур. м. 2 161 м. Скопления древних изображений (ок. 1 тыс. рисунков) отмечены на трех скалистых возвышениях (рис. 2), которые были условно обо-

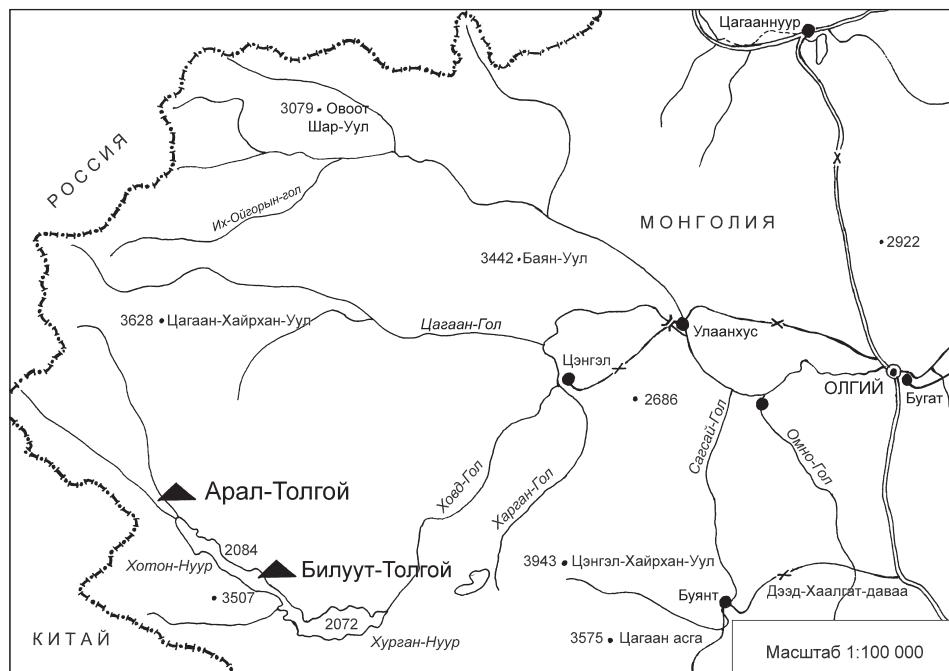

Рис. 1. Карта Баян-Улэгейского аймака Монголии.

Rис. 2. Вид на пункт с петроглифами Билуут-Толгой-2 с запада.

Рис. 3. Композиция с быками и другими животными. Эпоха ранней бронзы.

значены как самостоятельные пункты – Билуут-Толгой-1–3. Памятник открыт монгольским археологом Х. Едилханом, а первые сведения о нем были указаны в лаконичном сообщении об исследованиях Монгольско-американско-казахской экспедиции в 2004 г. [Kortum et al., 2005].

Значительная часть рисунков открытого комплекса датируется эпохой бронзы. К этому периоду относятся довольно многочисленные изображения быков. Например, для данного местонахождения очень характерна ярусная композиция из семи фигур быков, ориентированных вправо (рис. 3). Изображения выполнены в одном стиле, но каждое животное отличается от другого оригинальным оформлением туловища (округлые пятна, квадраты или линии из чередующихся точек и т.п.). Индивидуальность каждого из быков подчеркнута также различной формой рогов (лиро-, серпо-, кольцевидная и т.д.). Отдельные животные запечатлены

с утрированно крупными рогами; таким образом, надо полагать, выражена их семантическая связь с небом и всем космосом. Имеются изображения быков, у которых окончание хвостов представляет собой диск с короткими черточками-лучами, также символизирующий принадлежность животного к небесной сфере. Ту же идею избранности, сакральной сущности священного животного, очевидно, передает и фигура “клетчатого” быка (рис. 4). На его прямоугольном туловище можно насчитать 12 квадратов – священное “небесное” число у многих азиатских народов.

Возможно, локальным своеобразием памятника следует считать отсутствие в Билуут-Толгое изображений выючных быков (имеется только один эскизный рисунок), которые присутствуют на многих местонахождениях петроглифов на территории Монголии и Алтая. На данном памятнике в редких композициях человек находится рядом с быком. На одной он ведет на привязи быка, на другой – сидит на его спине. Есть и другие бытовые сцены с участием быков. Так, очень выразительны найденные в пункте Билуут-Толгой-3 фигуры противостоящих быков, исполненные в реалистичной манере.

К бронзовому веку следует отнести изображения лосей и оленей (маралов?) с древовидными рогами. Интересно, что эти крупные промысловые животные иногда показаны в одной сцене с быками, вероятно дикими (рис. 5). Этим же периодом датируются как одиночные изображения лошадей (рис. 6), так и групповые – в виде небольшого табуна (3–8 особей), сопровождаемого волками или собаками. Лошади, как и другие животные, показаны в движении и ориентированы вправо. Отсутствие человека в таких сценах дает основание предположить, что на рисунках отображены дикие животные. Но и среди них представляется возможным различить изображения двух типов.

Рис. 4. Изображение быка с туловищем, поделенным на 12 квадратов.

Рис. 5. Изображения главных промысловых животных: лося, быка и оленя.

Рис. 6. Изображение лошади эпохи ранней бронзы.

Рис. 7. Образы и сюжеты петроглифов Билуут-Толгоя.

Одни лошади запечатлены в достаточно реалистичной манере, грациозными. У них длинные и ноги, и шея, маленькая голова. Другие – с коротким туловищем и короткими толстыми ногами, короткой шеей и большой головой, наклоненной вниз. Фигуры лошадей первого типа в Билуут-Толгое присутствуют рядом с изображениями быков и колесниц (ранняя и развитая бронза). Фигуры лошадей второго типа (рис. 7, 1, 2) датируются, вероятно, поздней бронзой (андроновская или карасукская эпоха) и по стилистическим особенностям соответствуют образу коня, воплощенному в петроглифах Казахстана [Самашев, Курманкулов, Жетыбаев, 2000, рис. 2–4].

К эпохе бронзы можно отнести несколько хвостатых лучников в серповидных головных уборах

(рис. 7, 3). Некоторые исследователи интерпретируют подобный головной убор как прическу или нимб вокруг головы солнечного божества, но две мужские фигуры из Билуут-Толгоя имеют прическу в виде косы с “бантиком” или с узлом на конце, а серповидный головной убор нависает над их головами (рис. 8). Такое сочетание опровергает первое предположение о пышной прическе антропоморфного персонажа. В том, что это головной убор, убеждает еще один петроглиф: на одиночной фигуре мужчины, выбитой на небольшом валуне в пойме р. Цагаан-Гол, традиционный головной убор или шлем (?) серповидной формы подвязан ремешком под подбородком [Кубарев, 2005, табл. I, 16].

Достаточно интересными в плане сопоставления являются небольшие фигурки изящных оленей ран-

нескифского времени: на высоких тонких ногах, с приподнятой головой и лосиными рогами (см. рис. 7, 4). Идентичные по стилю и размерам фигурки синкретичных оленей в характерной позе присутствуют на петроглифах Бага-Ойгуря в Монголии [Кубарев, Цэвэндорж, Якобсон, 2005, прил. 1, рис. 1064]. Они также известны в Чуйской степи на Российском Алтае, на памятниках Бураты [Кубарев и др., 2005, с. 366] и Жалгыз-Тобе [Черемисин, 2000, рис. 3].

Несколько, тщательно выбитых фигур коней, оленей (см. рис. 7, 5) и всадников, как предполагается, были созданы на архано-майэмирском этапе. Изображения животных выполнены в декоративном протозверином стиле, представленном на отдельных изобразительных памятниках на территории Алтая и Тувы. Некоторые орнаментированные изображения лошадей использованы вторично в раннесредневековый период. Так, на фигуру одной лошади весьма органично налегает изображение человека в треугольном шлеме с плюмажем, длинном халате и с копьем в руках (см. рис. 7, 6). Тяжеловооруженному(?) всаднику противопоставлена миниатюрная и схематичная фигура пешего воина с копьем. Подобный сюжет несколько раз повторяется и на других петроглифах Билуут-Толгоя. Фигуры воинов, как и на описанном рисунке, выбиты поверх изображений лошадей эпохи поздней бронзы и раннескифского времени. Кроме таких палимпсестных рисунков тюркских воинов, на памятнике имеются типичные изображения всадников древнетюркского периода. У них лошади, как правило, меньше по размерам, но по тщательности исполнения и проработке деталей упряжи не уступают своим прототипам – изображениям лошадей раннескифской эпохи. Но есть и исключения. Особенно впечатляют две большие фигуры всадников в пункте Билуут-Толгой-1; высота одной составляет более 2 м.

К числу редко встречаемых сюжетов на обследованном памятнике относятся колесницы (восемь рисунков). Они сконцентрированы в определенном месте святилища (пункт Билуут-Толгой-3) и выполнены сочетанием гравировки и выбивки. Одна колесница заключена в круг. Всего одно изображение верблюда обнаружено в пункте Билуут-Толгой-2. Следует отметить и единственное изображение женщины. Распознать образ позволяет анфасный ракурс фигуры, длинные косы до плеч и длиннополая одежда (см. рис. 7, 7).

На скалах Билуут-Толгоя нанесено несколько знаков-тамг в виде схематичной фигурки козла. Одна из них, предельно стилизованная, сведенная к символу (см. рис. 7, 8), находит параллели в петроглифах Цагаан-Салаа и Бага-Ойгуря [Кубарев, Цэвэндорж, Якобсон, 2005, прил. 2, рис. 116, 15, 16]. Подобный знак также многократно дублируется на стелах в

Рис. 8. Фигура хвостатого лучника в серповидном головном уборе.

долинах рек Барбургазы и Кобдо [Кубарев, 1979, табл. XIII, 1, 3; XV, 2; Кубарев, Якобсон, Цэвэндорж, 2000, с. 68, рис. 3, а]. Ранее мы датировали этот знак скифским временем, опираясь на его сходство с резаными метами, обнаруженными В.Н. Полторацкой на деревянных предметах в больших курганах пазырыкской культуры на Алтае. Знаки на стелах и в петроглифах могли быть родоплеменными тамгами или даже магическими символами, знаками сакрального значения. На барбургазинских стелах несколько раз повторяется один и тот же знак, в основе которого лежит косой крест, – наиболее распространенный в Центральной Азии солярный символ. На стелах он, возможно, играет такую же роль, что и символы и эмблемы, нанесенные в верхней части многих оленных камней или “сторожевых” камней на плиточных могилах в Монголии и Забайкалье. Но совсем недавно подобный знак (только в зеркальном отражении) был найден на крупе лошади древнетюркского всадника в петроглифах Чеганки [Черемисин, 2000, рис. 7, а]. Сомневаться в том, что на рисунке воспроизведена личная тамга или клеймо, не приходится, т.к. тради-

ция наносить родовые, личные, а также другие архаичные символы на бытовые предметы, скальные выходы и древние стелы у алтайцев, тувинцев и монголов сохранилась до наших дней. Следует предположить, что художник древнетюркской эпохи для изображения личной тамги позаимствовал более древний символ, который он, может быть, наблюдал на стелах в долине Барбургазы. Тем более, что расстояние между р. Чаганкой, где найдены древнетюркские гравюры, и упомянутыми стелами составляет по прямой не больше 50–60 км.

Мы не случайно ассоциируем знаки, нанесенные на барбургазинских стелах и в петроглифах Монголии, с фигурой козла. Вл. А. Семенов отмечает: “Схематизация образа козла и превращение его в битреугольный знак-символ, попавший в урартскую и армянскую иероглифику как знак громовика, создает надежную основу для интерпретации этого образа на Кавказе” [1999, с. 185]. Монограмма козел–Бог Громовик [Там же, рис. 1, 3] по начертанию совершенно идентична знаку с алтайских стел. Поэтому правомерен вопрос: не оставили ли эти памятные стелы на восточном пути расселения индоевропейских народов мигранты эпохи бронзы – прототохары и индоарии?

Другие знаки в Билуут-Толгое, например в виде фигурки козла, по форме близки символу, вырезанному на мемориальных стелах, установленных в поминальных храмах в честь кагана орхонских тюрков Бильге и его брата полководца Кюль-Тегина*.

Мы привели далеко не полный перечень образов и сюжетов, известных на новом местонахождении, но работы по копированию рисунков в Билуут-Толгое только начинаются и их изучение, несомненно, следует продолжить в следующем полевом сезоне.

Обследованный комплекс разновременных наскальных изображений, очевидно, отражает одну из вех на пути движения мигрантов, наглядно демонстрируя при помощи очень сходных “сквозных” сюжетов и иконических символов, как далеко пришельцы внедрились в инокультурную этническую среду. Малая изученность других археологических памятников эпохи бронзы Северо-Западной Монголии создает определенные трудности при моделировании миграционных процессов и демографической обстановки в этом регионе Центральной Азии. Поэтому в настоящее время, на первом этапе исследования и созда-

*Более подробно о семантике тамгаобразных фигуров козлов см.: [Кубарев, 1984, с. 73–74].

ния исторической панорамы Монгольского Алтая, решающая роль отведена планомерному изучению петроглифов, наиболее доступных и информативных памятников древнего искусства.

Список литературы

- Кубарев В.Д.** Древние изваяния Алтая (Оленные камни). – Новосибирск: Наука, 1979. – 120 с.
- Кубарев В.Д.** Древнетюркские изваяния Алтая. – Новосибирск: Наука, 1984. – 230 с.
- Кубарев В.Д.** Об одном традиционном сюжете в петроглифах Центральной Азии // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия. – Красноярск: Краснояр. гос. пед. ин-т, 2005. – С. 172–175.
- Кубарев В.Д.** Петроглифы Араг-Толгоя (Монгольский Алтай) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2007. – № 1. – С. 111–126.
- Кубарев В.Д., Цэвэндорж Д., Якобсон Э.** Петроглифы Цагаан-Салаа и Бага-Ойтгур (Монгольский Алтай). – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2005. – 640 с.
- Кубарев В.Д., Якобсон Э., Цэвэндорж Д.** Алтай – заповедная зона // Международная конференция по первобытному искусству. – Кемерово: Кемеров. гос. ун-т, 2000. – Т. 2. – С. 64–77.
- Кубарев В.Д., Им Се Гвон, Сонг Хва Соб, Чанг Мёнг Су, Пак Гын Гунн, Ри Ха Ву, Кубарев Г.В., Хохлова О.Н., Ким Хо Сук, Банг Кук Чжин.** Исследования Российско-Корейской экспедиции на Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы Годовой сессии ИАЭт СО РАН. – Новосибирск: ИАЭт СО РАН, 2005. – Т. 11, ч. 1. – С. 364–367.
- Самашев З., Курманкулов Ж., Жетыбаев Ж.** Петроглифы Казахского мелкосопочника // Международная конференция по первобытному искусству. – Кемерово: Кемеров. гос. ун-т, 2000. – Т. 2. – С. 98–100.
- Семенов Вл. А.** Знаки-индексы в наскальном искусстве Северной Евразии // Международная конференция по первобытному искусству. – Кемерово: Кемеров. гос. ун-т, 1999. – Т. 1. – С. 180–185.
- Черемисин Д.В.** Исследование петроглифов г. Джалгыз-Тобе // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы Годовой сессии ИАЭт СО РАН. – Новосибирск: ИАЭт СО РАН, 2000. – Т. 6. – С. 436–440.
- Kortum R., Batsaikhan Z., Edelkhan, Gambrell J.** Another new complex in the Altai mountains, Bayan Olgii aimag, Mongolia: Biluu 1,2 and 3 // International Newsletter on Rock Art. – 2005. – N 41. – P. 7–14.

Материал поступил в редакцию 08.02.07 г.

УДК 903.2.26

В.А. Кисель

*Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
Университетская наб., 3, Санкт-Петербург, 199034, Россия
E-mail: kisel@kunstkamera.ru*

РАССКАЗ ГЕРОДОТА И РИТУАЛЬНЫЕ СОСУДЫ ДРЕВНИХ КОЧЕВНИКОВ

Введение

Четвертая книга “Истории” Геродота – “Скифский логос” – посвящена скифским племенам, проживавшим на территории Северного Причерноморья. Как считает большинство исследователей, в середине V в. до н.э. Геродот совершил путешествие в Ольвию. По наиболее оптимистическим предположениям, он побывал даже в Колхиде [Рыбаков, 1979, с. 89; Нейхардт, 1982, с. 229]. Труд был написан на основе личных наблюдений автора, сведений, полученных им от информантов, и материалов письменных источников. “Скифский логос”, несмотря на композиционную стройность, убедительность и доходчивость изложения, вызвал неоднозначную оценку как современников, так и представителей последующих эпох. Геродота называли то “отцом истории”, то “повествователем сказок” [Доватур, Каллистов, Шишова, 1982, с. 11]. Многие данные, приведенные в произведении, породили вопросы и различные толкования.

Ритуальное очищение

В “Скифском логосе” подробно описывается погребальный обряд скифов. Согласно повествованию, на заключительном этапе похорон скифы, “вымыв и умастив головы… проделывают с телом следующее. Поставив три жерди, наклоненные одна к другой, они натягивают вокруг них шерстяные покрывала. Сдвинув покрывала как можно плотнее, они кидают в чан, поставленный в середине жердей и покрывал, раскаленные докрасна камни… взяв зерна… коноп-

ли, подлезают под покрывала и затем бросают зерна на раскаленные [на огне] камни. Насыпанное зерно курится и выделяет столько пара, что никакая греческая парильня не сможет это превзойти. Скифы же, наслаждаясь парильней, воят. Это у них вместо мытья...” (Hdt. IV. 73–75) (цит по: [Доватур, Каллистов, Шишова, 1982, с. 127–129]). Несомненно, Геродот принял очистительный ритуал за обычновенное умывание, но рассказал о нем удивительно точно и подробно. Описание дано настолько четко и конкретно, что создается впечатление, будто автор непосредственно наблюдал это “омовение”. Однако до сих пор археологические раскопки на территории Северного Причерноморья и Кавказа не выявили свидетельств, подтверждающих существование этого обычая. Имеющиеся данные невыразительны и спорны. Например, уже в погребениях скифов V в. до н.э. имеются каменные сфероиды, или “пращевые камни”, с обожженной поверхностью. Впрочем, в сосудах их находят нечасто. И хотя некоторые археологи предполагают, что на раскаленные в огне сфероиды сыпали коноплю [Гаврилюк, Болтрик, 1990, с. 81], остатков растений, прилипших к ним, не обнаружено. Даже в кург. 2 близ с. Красный Подол на Херсонщине, где в деревянном сосуде было 75 сфероидов, ни один из них не имел следов воздействия огня [Скорый, 1997, с. 52].

В IV–III вв. до н.э. в Поднепровье, Побужье, Крыму, как и на Южном Урале, в среде кочевников получили распространение керамические курильницы, внешне напоминающие горшки, кружки, кувшины, бокалы, стопки, миски [Яковенко, 1971, с. 87–93; Смирнов, 1973, с. 166–175; 1975, с. 172; 1984, с. 58,

86; Дащевская, 1980, с. 18–28; 1991, с. 28; Ковпаненко, 1986, с. 66, рис. 68; Савельев, 2000, с. 29, прим. 17]. Но угли и зола встречаются в них редко, а камни и конопля вообще не фиксируются. Эти сосуды, как правило, маловместительны и даже не закопчены.

В тот же период в Предкавказье появляются крупные керамические сосуды баночной и кувшинообразной форм, внутри которых иногда находятся угольки и гальки [Абрамова, Петренко, 1995, с. 39–40, рис. 1, 3, 6; Марченко, 1996, с. 167–168]. Однако гальки обычно не обожжены, что позволяет некоторым исследователям видеть в этих сосудах не курильницы, а своеобразные эмблемы, отражающие идею возрождения после смерти [Пикалов, 2000, с. 190].

Пожалуй, только находки с юга Сибири и из Центральной Азии служат надежным доказательством правдивости сообщения Геродота. Одно из таких свидетельств найдено в Горном Алтае (правда, оно относится к более позднему времени, чем создание “Истории”). Во Втором Пазырыкском кургане были обнаружены модели остовов шалашей с кожаным покрывалом и два бронзовых сосуда, наполненных “битыми камнями” и обугленными семенами конопли [Руденко, 1953, с. 98–99, 332–334]*.

Другим подтверждением, демонстрирующим уже модифицированный обряд, выступает бронзовый котелок из кург. 2 Шестаковского могильника в Кемеровской обл. (ок. II в. до н.э.), в котором лежали куски пережженного дерева и три полых бронзовых предмета яйцевидной формы [Мартынов, Мартынова, Кулемзин, 1971, с. 24, 214, рис. 12]. Следующее свидетельство, датирующееся геродотовским временем, – курильница из уроч. Усть-Хадынныг в Туве [Панкова, Хаврин, 2002, с. 11–12]. Предмет обнаружен в не потревоженном грабителями кургане V в. до н.э. с одной могилой в центре, в которой в бревенчатом срубе располагались два человеческих скелета с бытовыми вещами и вооружением (Усть-Хадынныг II, кург. 40). В срубе оставалось место еще для одного покойного. Однако вместо костяка там находился перевернутый вверх дном керамический сосуд, заполненный обожженным щебнем с приставшими обугленными зернами и обгоревшими остатками растений.

Все перечисленные факты позволяют предположить, что ритуал, упомянутый в “Скифском логосе”, зародился не позднее начала V в. до н.э. и бытовал только у азиатских кочевников. Следовательно, Геродот не мог быть непосредственным наблюдателем этих ритуальных действий. Источником информации для него вряд ли были устные рассказы скифов – участников обряда; тогда бы повествование обросло

*Остатки моделей шалашей размещались, вероятно, и в других Пазырыкских курганах, а также в Первом Тузектинском кургане [Руденко, 1953, с. 52; 1960, с. 109–110].

красочными подробностями и не было охарактеризовано как обычное умывание. Репортажный характер зарисовки указывает на то, что Геродот использовал фрагмент письменного труда, автор которого лично побывал у азиатских кочевников. Причем в этом произведении значительное место должно было отводиться этнографическим наблюдениям*.

Некоторые данные позволяют предположить, что в азиатской части кочевнического мира традиция культовых курений существовала в более раннее время. Например, в Туве в кургане Аржан-2 (вторая половина VII в. до н.э.) были найдены два каменных блюдца, лежавших рядом со скоплениями плодов и семян [Аржан..., 2004, с. 20]. Предметы, подобные одному из блюдец в виде запятой и датирующиеся приблизительно тем же временем, обнаружены в Казахстане. На одном из них были угли (Тасмола-VI, кург. 2 [Маргулан и др., 1966, с. 335–336]), под другим находились зерна какого-то растения (Уйгарак, кург. 11 [Вишневская, 1973, с. 14]). Сходную вещь с обугленными семенами кинзы археологи обнаружили на Алтае в кургане IV–III вв. до н.э. (Ак-Алаха-3, кург. 1 [Полосымақ, 2001, с. 75–76]). Однако все блюдца были небольших размеров и не могли иметь прямого отношения к описанному ритуалу**.

Курильницы древних кочевников Азии

Курильница из “Скифского логоса” названа *σκάφη*, что переводится как чан, таз, миска, корыто, ванна, бассейн [Древнегреческо-русский словарь, 1958, с. 1478]. Найденные в курганах сосуды, содержащие остатки растений, различны по форме и мало подходят под данное определение. Один из пазырыкских бронзовых предметов (высота 14,8, диаметр 9,8 см) имеет округлое туло, небольшой венчик, две кольцевидные ручки, отходящие от стенок под

*Среди дошедших до нас источников более всего этим требованиям соответствуют фрагменты поэмы Аристея Проконесского “Аrimаспейя”. До сих пор не утихают споры о времени написания поэмы (VII – первая четверть V в. до н.э.) (см.: [Доватур, Каллистов, Шишова, 1982, с. 220, прим. 181; Алексеев, 2003, с. 90]). В данном случае это неважно, поскольку Геродот не скрывал своего знакомства с “Аrimаспейей” (Hdt. IV. 13) (см.: [Доватур, Каллистов, Шишова, 1982, с. 105]).

**Иллюстрацией разнопланового использования таких предметов служит курильница тувинцев – небольшая каменная плитка, на которой сжигают ветки можжевельника [Кенин-Лопсан, 1995, с. 65, 194]. Впрочем, не исключено, что блюдца, как и большинство кочевнических каменных жертвенников, служили “давильными камнями для выжигания сомы/хаомы”, поскольку и в этом случае могли сочетаться растения и огонь [Федоров, 2001, с. 30–31].

углом, и конический поддон. Другая вещь (пожалуй, более других соответствующая *σκάφη*) (максимальная длина 12,3, ширина – 11,5, минимальная длина 10, ширина – 9 см) представляет собой сужающийся книзу прямоугольный короб на четырех ножках, снабженный четырьмя ручками в форме колец и рифленого стержня. Курильница из Шестаковского могильника (высота ок. 7, диаметр ок. 9,5 см) – это бронзовый котелок с зауженным дном и двумя горизонтальными кольцевидными ручками (рис. 1, 10). Сосуд из Усть-Хадыныга (высота 14,5, диаметр 15 см) – керамический горшок, украшенный валиком у венчика, с двумя подпрямоугольными горизонтальными ручками. Очевидно, что в “Скифском логосе” речь шла об иных вещах.

По-видимому, предшественник Геродота, посетив азиатских степняков, застал ритуал в период, когда для курений еще не был выработан специальный тип посуды и применялись разнообразные вместительные емкости, например, крупные деревянные чаши, ковши или металлические котлы. Все они известны благодаря раскопкам азиатских курганов периода скифской архаики [Смирнов, 1964, с. 128–131; Членова, 1967, с. 94–100; Боковенко, 1991, с. 261–263; Аржан..., 2004, с. 20–21, 26, 59]. Не исключено также, что первоначально использовались каменные сосуды, аналогичные изделиям предшествующей эпохи из Северного Китая и Центральной Азии [Кызласов, 1979, рис. 79; Варенов, 1999, рис. 3, 7; 4, 1, 3, 5; 5, 5].

Позднее, на другой стадии развития ритуала, потребовалось создание предметов определенной формы, специально предназначенных для курений. Ими стали округлые котелки с кольцевидными ручками, появившиеся у азиатских кочевников приблизительно в начале V в. до н.э. Отдельные котелки снабжались коническим поддоном (пазырыкская курильница)*. Они отливались из бронзы по выплавляемо-выгорающей модели [Минасян, 1986, с. 73, 77–78] и имели раз-

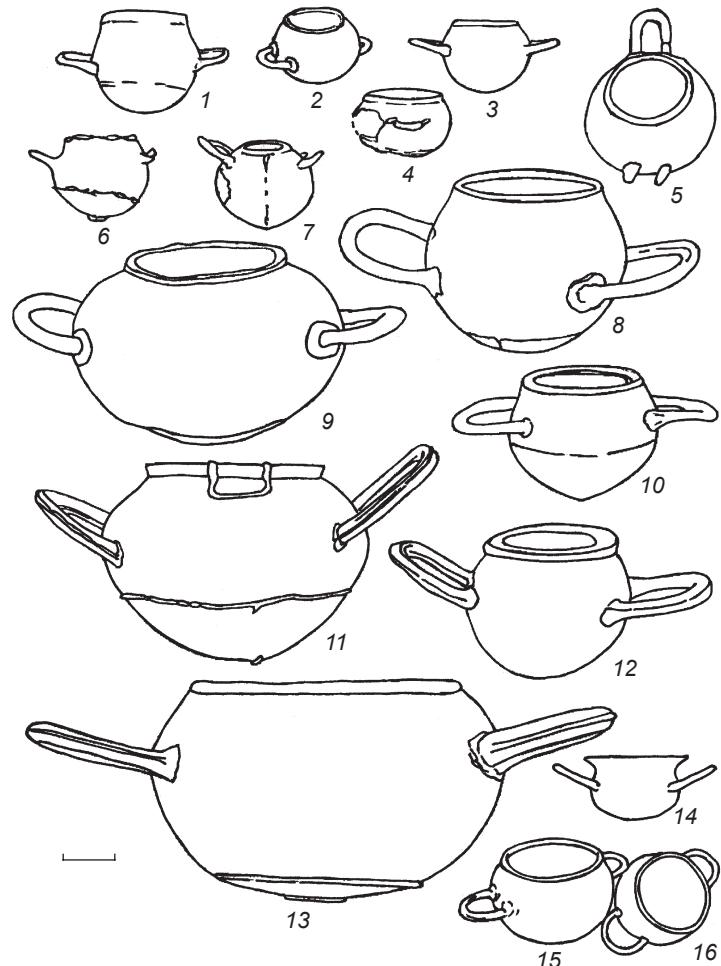

Рис. 1. Бронзовые курильницы (по: [Demidenko, Kobe, Firsov, 2002, Abb. 4; Субботин, 2000, рис. 5, 27; Самашев, Григорьев, Жумабекова, 2005, с. 64]).

1 – Кош-Пей-1, кург. 2; 2 – Березовский могильник, кург. 21; 3 – Аймырлыг; 4 – Минусинский край; 5 – Назаровский могильник; 6 – Толстый Мыс V, кург. 1; 7 – Абаканская степь; 8 – Пермь; 9 – Ховужук, кург. 7; 10 – Шестаковский могильник, кург. 2; 11 – Догээ-Баары II, кург. 15; 12 – Толстый Мыс V, кург. 2; 13 – Бесагашский клад; 14 – Ораки (масштаб неизвестен); 15, 16 – Аул Узынбулак (масштаб неизвестен).

личные размеры: высота от 4–5 до 13–14 см, диаметр от 5–6 до 21–22 см. Такие курильницы были найдены в Семиречье, Южной Сибири и Центральной Азии [Мартынов, 1979, с. 61–62, табл. 28, 1–6, 9, 10, 12; Субботин, 2000, рис. 5, 27; Demidenko, Kobe, Firsov, 2002, Abb. 4; Каталог..., 2004, с. 34, рис. 1; Самашев, Григорьев, Жумабекова, 2005, с. 64], один образец – в Поволжье [Aspelin, 1877, N 317] (рис. 1).

Представляется наиболее вероятным, что формальным прототипом новой посуды явились большие котлы без поддонов с боковыми кольцевидными ручками из Семиречья [Спасская, 1956, табл. I, 5, 6, 9, 18, 19; 1958, с. 180–182, 187, 189, рис. 1]. Правда, по сравнению с котлами у курильниц непропорционально крупные ручки, приспособленные не для

*Многие из этих сосудов снаружи в нижней части имеют концентрический валик или углубление. Исследователи обычно определяют валик как остатки утраченного поддона [Спасская, 1956, с. 159; Курочкин, 1992, с. 27]. Однако, скорее всего, он является формовочным или усадочным швом [Минасян, 1986, с. 64] либо следом от приспособления, позволявшего удерживать сосуд при высыхании устьем вверх. Углубление же могло образоваться в результате оттиска в глиняной форме кольца из органического материала, служившего подставкой.

подвешивания, а для удержания в руках. То, что курильницы появились на одной территории вместе с котлами, подтверждается сравнительным анализом котелков: ранние образцы самые крупные. В состав Бесагашского клада в Семиречье входит наибольший из известных образцов: диаметр венчика 16,5, тулона – 21–21,7, высота 14 см [Вайраков, Ismagil, 1996, Abb. 2, 1] (рис. 1, 13)*. Но котелки выявлены преимущественно на территории Южной Сибири и Центральной Азии [Demidenko, Kobe, Firsov, 2002, Abb. 7]**. Должно быть, малочисленность их в Семиречье объясняется большим разнообразием здесь культовой металлической посуды, некоторые типы которой функционально могли быть равнозначны котелкам. Более того, примерно в конце V – начале IV в. до н.э. (или несколько позже [Джумабекова, 1998а, с. 126, 130; 1998б, с. 81]) в Семиречье стали изготавливать курильницы, ставшие самыми популярными в регионе, – плоские блюда на высоких поддонах, украшенные зоантропоморфными фигурами [Зимма, 1941, с. 11–19; Бернштам, 1952, рис. 18, 4, 5; 20; Мартынов, 1955, рис. 65–67; Артамонов, 1973, ил. 45–48, 51; Джумабекова, 1998а, рис. 1; 1998б, рис. 2, 3].

В V в. до н.э. курильницы-котелки проникли в зону Саяно-Алтая. Возможно, вместе с ними внедрился и специфический обряд, описанный в “Скифском логосе”, т.к. в этот период местные племена находились под сильным влиянием культур кочевников с территории Казахстана и Киргизии [Членова, 1967, с. 98–101, 108; Савинов, 2002, с. 128]. Не исключено, что большинство саяно-алтайских курильниц являлось продуктом семиреченских мастеров***. Нехватку специальных металлических сосудов для курений местное население восполняло предметами, изготовленными из простых, более доступных материалов, что продемонстрировала находка из Усть-Хадынныга.

Среди всех известных курильниц значительную часть составляют обнаруженные вне погребений (в данном случае можно говорить только о типе сосудов, т.к. они не были обожжены и не содержали ни

*Сходные размеры и у предмета, найденного в 2002 г. в оз. Иссык-Куль (устное сообщение А.И. Торгоева).

**Большинство археологов связывает происхождение этих сосудов с Семиречьем [Смирнов, 1964, с. 135; Вайраков, Ismagil, 1996, S. 351; Demidenko, Kobe, Firsov, 2002, S. 289–290]. Иное мнение высказано Г.Н. Курочкиным и К.В. Чугуновым: курильницы являются изобретением кочевников Саяно-Алтая [Курочкин, 1992, с. 28; Чугунов, 1996, с. 73]. Компромиссный вариант предложил Б.А. Литвинский, назвав родиной котелков Южную Сибирь, Алтай и Семиречье [2000, с. 282].

***Такое же происхождение типологически сходных котелков, найденных в Поволжье и на Южном Урале, предполагал К.Ф. Смирнов [1964, с. 135–136].

камней, ни остатков растений). Это не противоречит рассказу Геродота, поскольку в нем ничего не сказано о захоронении курильниц в могилах. Присутствие же ряда сосудов в погребениях позволяет предположить, что ритуалы с курениями отличались разнообразием. Как показал анализ, некоторые курильницы использовались продолжительное время, порой подвергаясь починке, подобно предмету из кург. 2 могильника Толстый Мыс V (Большой Новоселовский курган) в Хакасии [Курочкин, 1992, с. 27–28] (рис. 1, 12). Другие же образцы, например сосуд из кург. 15 могильника Догээ-Баары-2 в Туве, не только не имели следов износа, но и не были закопчены; они выполняли роль своеобразного знака [Чугунов, 1996, с. 71] (рис. 1, 11). Явно символический смысл имело сооружение над курильницами во Втором Пазырыкском кургане миниатюрных шалашей. В некоторых случаях подобные сосуды, помещенные в могилы, маркировали отсутствие покойного. Так, в памятниках Усть-Хадынныг II, кург. 40, Догээ-Баары-2, кург. 15, Ховужук, кург. 7 в Туве курильницы находились на месте отсутствующего костяка (рис. 1, 9, 11). Следует заметить, что в перевернутом положении курильница зафиксирована не только в Усть-Хадынныге II. Аналогично была установлена каменная цилиндрическая курильница в кургане IV–III вв. до н.э. в Притоболье [Потемкина, 2005, с. 116]. Такое расположение погребального инвентаря, судя по этнографическим источникам, подчеркивало момент перехода в хтонический мир [Зеленин, 1991, с. 351; Похоронно-поминальные обычаи..., 1993, с. 147; Толстой, 1995, с. 214–222; Воробьев, 2001, с. 506–508].

Ритуал окуривания участников похорон мог предполагать и очищение дымом самой могильной ямы*. Возможно, что перед совершением погребения сосуд с тлеющими растениями помещали в могилу. Через некоторое время его извлекали для использования в других обрядах, а также в очередных похоронах. Но курильницу оставляли в могиле, если по каким-нибудь причинам не удавалось похоронить труп [Чугунов, 1996, с. 73].

Многочисленность курильниц позволяет сделать вывод, что они являлись общественной собственностью (племени? отдельного рода?). Даже сосуды из элитных погребений (Второй Пазырыкский курган; Толстый Мыс V, кург. 2; Кош-Пей-1, кург. 2) (рис. 1, 1, 12) могут рассматриваться не как собственность умершего, а как ритуальный инструмент его “проводов” [Савинов, 1995, с. 7–8]. Не исключено, что

*Для многих современных народов окуривание захоронения – обычная культовая практика (см.: [Семейная обрядность..., 1980, с. 106, 118, 134, 171, 191, 214; Тайлер, 1989, с. 497; Бабаева, 1993, с. 97; Похоронно-поминальные обычаи..., 1993, с. 17, 20, 62, 158, 178, 210, 221, 259–260]).

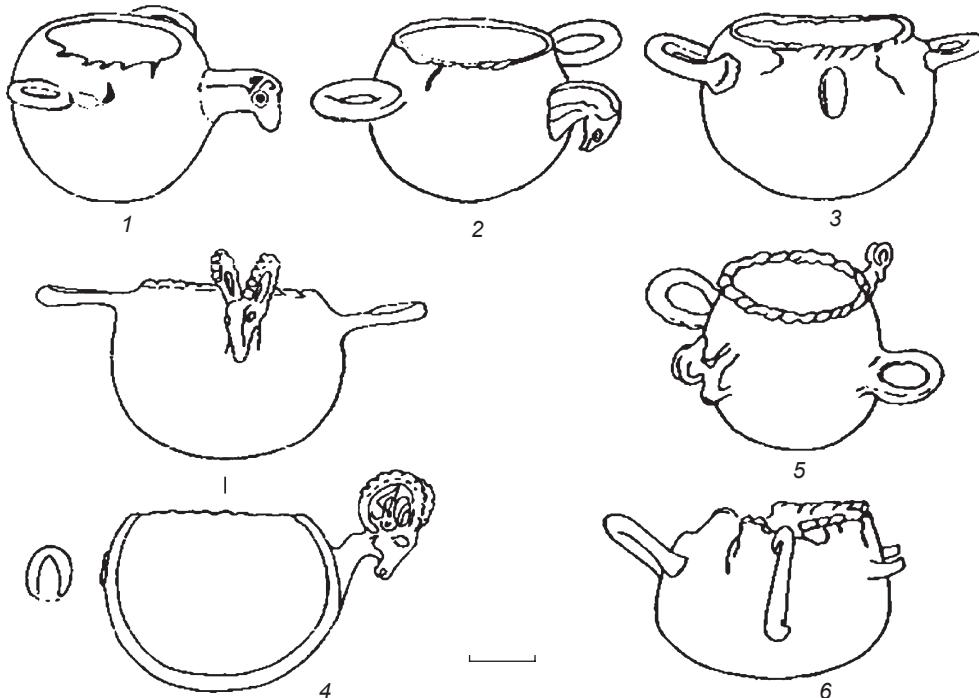

Рис. 2. Бронзовые котелки (по: [Demidenko, Kobe, Firsov, 2002, Abb. 5]).
1 – Гилгит; 2 – Аличур II, кург. 3; 3 – Харгуш II, кург. 1; 4 – Памир; 5 – Харгуш II, кург. 3; 6 – Харгуш II, кург. 5.

у азиатских кочевников среди очистительных обрядов были простые формы, не требовавшие привлечения специально изготовленных предметов. Судя по этнографическим источникам, окуривание могло совершаться тлеющими пучками растений, которые провожающие держали в руках или клади на землю, камень, могильное сооружение.

Часть известных курильниц – небольших размеров. Следовательно, они не являлись вместилищами для раскаленных камней, а служили иным целям. Возможно, в этих сосудах сжигались раскрошенные сухие растения либо содержались сакральные напитки. Такое применение вполне вероятно; назначение вещей порой менялось со временем или сходная форма распространялась на функционально различные сосуды [Королькова, 2003, с. 55].

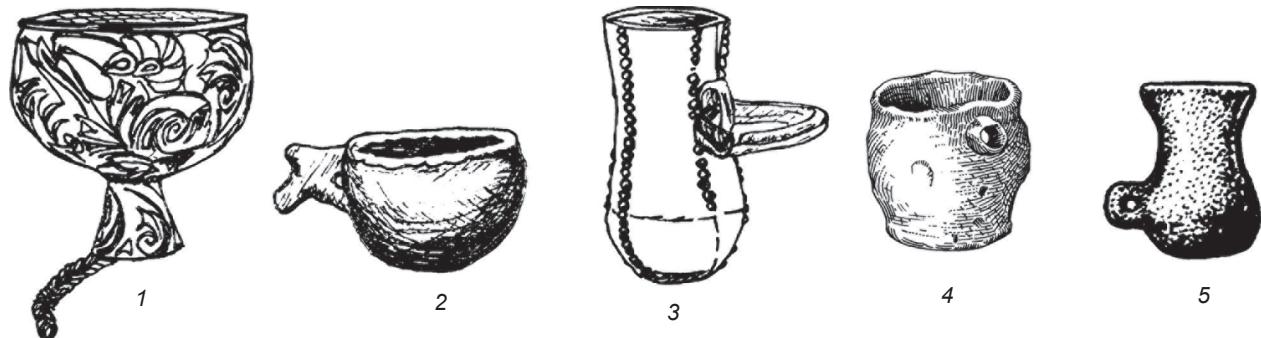
Обычно в один типологический ряд с курильницами исследователи включают группу котелков V–IV вв. до н.э. из Таджикистана и Пакистана. Эти сосуды снабжены горизонтальными или вертикальными ручками-кольцами, их устья оформлены валиком в виде витой веревки. По размерам они совпадают с маленькими курильницами (высота от 6–7 до 7–8 см и диаметр от 8 до 10 см). Часто котелки имеют дополнительную стержневидную ручку (“псевдослив”), увенчанную изображением головы хищной птицы или травоядного животного. Тулово одного котелка украшено двумя фигурами баранов [Литвинский, 2000,

с. 277–284]. В облике этих изделий соединились черты двух типов сосудов – курильницы и зооорнитоморфно оформленного ковша (рис. 2)*.

С курильницами сходны не только маленькие котелки и массивные котлы. Округлая форма тулов и схема расположения ручек сближают их с котелками со сливом [Спасская, 1956, табл. I, 23; 1958, с. 181–182; Смирнов, 1964, с. 131–136, рис. 14, 8; 70, Б, 10, 11; Членова, 1967, с. 98–99, табл. 18, 13, 14, 17; Demidenko, Kobe, Firsov, 2002, Abb. 1–3; Королькова, 2003, с. 55; Самашев, Григорьев, Жумабекова, 2005, с. 64]** и сосудами с сегментовидными ручка-

*В кург. 1 могильника Усть-Хадынныг I на территории Тувы был найден самый маленький образец (высота 2, диаметр 2,4 см) [Виноградов, 1978, с. 217; Археология..., 2002, с. 181] (рис. 3, 2). Он представляет собой бронзовый ковшик с ручкой, заканчивающейся изображением головы животного. На сегодняшний день это не только единственный предмет данного типа, обнаруженный вне территории Памиро-Гиндукуша, но и самый ранний, т.к. курган относится к VII в. до н.э. Впрочем, не исключена и более поздняя дата, поскольку погребение было разграблено и вотив мог принадлежать грабителям (устное сообщение К.В. Чугунова).

**Исследователями отмечено, что у некоторых предметов “сливы” не могли использоваться для стока жидкости. Р.С. Минасян считает их втулками для крепления деревянных рукояток [Минасян, 1986, с. 73], а М.А. Очир-

Rис. 3. Образцы вотивных сосудов (масштаб различный).

1 – золотой котел, Аржан-2 (по: [Аржан..., 2004, с. 41]); 2 – бронзовый ковш, Усть-Хадынныг I, кург. 1 (по: [Археология..., 2002, с. 181]); 3 – золотой сосуд, Сибирская коллекция Петра I (по: [Артамонов, 1973, ил. 254]); 4 – керамический сосуд со сливом, Уй-гарак, кург. 28 (по: [Вишневская, 1973, табл. X, 20]); 5 – бронзовый кувшин, Быстровка-2, кург. 5 (по: [Бородовский, 2001, рис. 23]).

ми [Ильинская, Тереножкин, 1983, с. 128, 131, 146, 147; Королькова, 2003, рис. 3, 17, 20; 4] (заметим, что у курильницы из Усть-Хадынныг I форма ручек отчасти напоминает сегменты).

Генезис этих ритуальных сосудов древних кочевников представляется таким: котлы без поддонов, имеющие кольцевидные ручки, послужили основой для создания курильниц-котелков, а также котелков со сливом. Слияние внешних черт курильниц и ковшей со стержневидной ручкой привело к появлению группы котелков Памиро-Гиндукуша. Вероятно, иначе развивались сосуды с сегментовидными ручками.

Легендарная чаша

Согласно записанной Геродотом легенды, “первым появился на этой (скифской. – В.К.) земле... человек по имени Таргитай... У него родились три сына: Липоксай и Арпоксай и самый младший Колаксай. Во время их правления на скифскую землю упали сброшенные с неба золотые предметы: плуг с ярмом, обюдоостряя секира и чаша. Старший, увидев первым, подошел, желая их взять, но при его приближении золото загорелось. После... подошел второй, и с золотом снова произошло то же самое... при приближении же третьего... оно погасло, и он унес его к себе. И старшие братья после этого, по взаимному соглашению, передали всю царскую власть младшему” (Hdt. IV. 5) (цит по: [Доватур, Каллистов, Шишова, 1982, с. 101]).

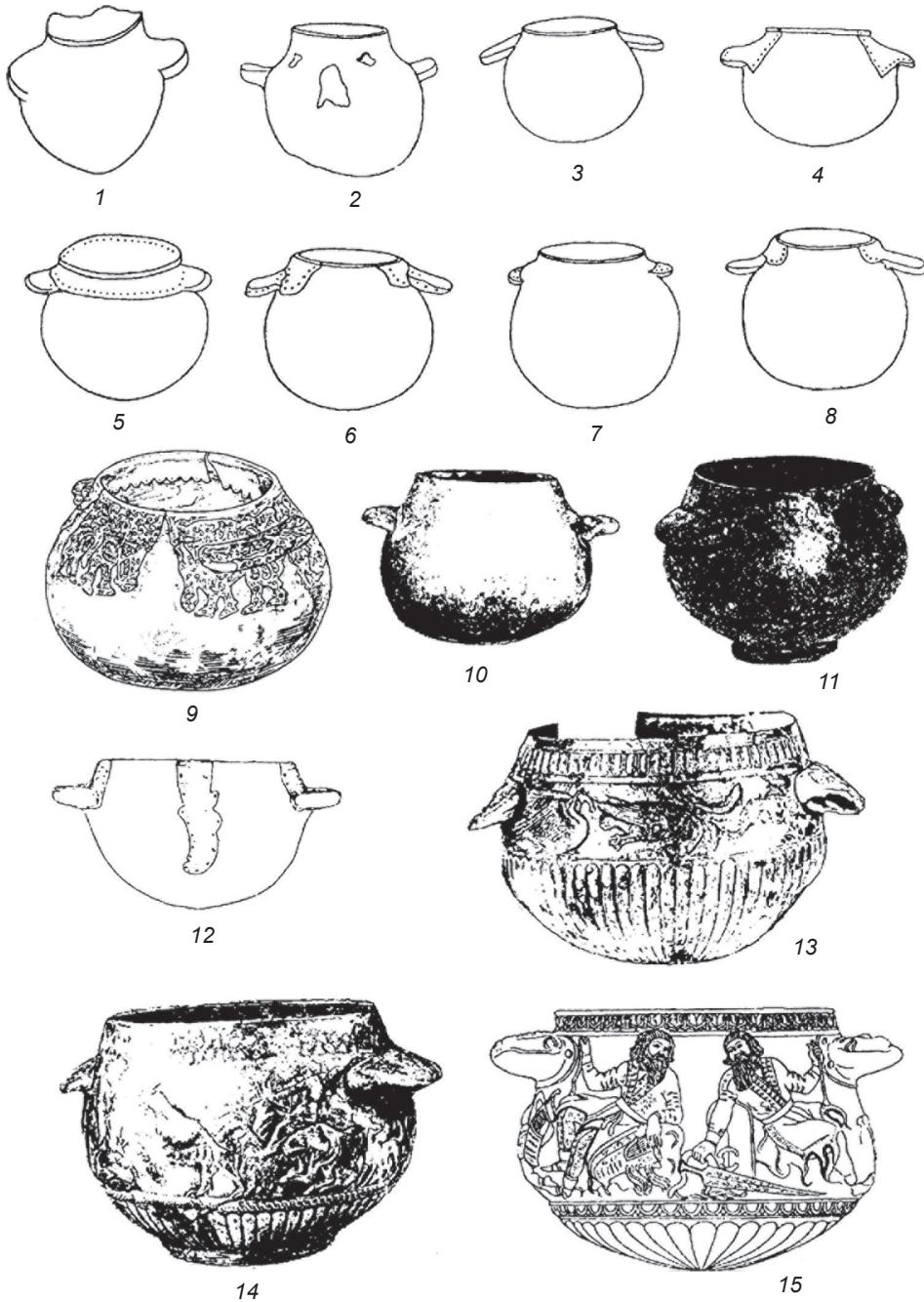
В поисках материальных аналогов легендарной чаши особое внимание следует уделить сосудам с

Горяева – элементами перегонного аппарата или трубками для вдыхания, курения дурманящих составов [2004, с. 169–170, 174]. Однако такие сосуды – лишь вариант одного типа. Основная масса котелков снабжена вполне функциональными сливами.

сегментовидными ручками*. С ними связано много нерешенных вопросов. Так, не определены их ближайшие прототипы и не выяснен процесс формирования [Манцевич, 1949, с. 217; Онайко, 1970, с. 36; Мелюкова, 1979, с. 195; Рябова, 1987, с. 149–150]. Эти сосуды появились в Северном Причерноморье в конце V – начале IV в. до н.э. и бытовали до начала III в. до н.э. (рис. 4). Скифы изготавливали их из металла, лепили из глины, вырезали из дерева, украшая металлическими накладками**. К данному типу относятся великолепные образцы ювелирного искусства – чаши из Гаймановой Могилы, Чмыревой Могилы и Солохи (рис. 4, 13–15). В скифских погребальных посудных наборах эти серебряные с позолотой изделия, украшенные рельефными изображениями, выступают безусловной доминантой [Ильинская, Тереножкин, 1983, с. 145–146, 148; Манцевич, 1987, с. 22–23, 88–92]. Немаловажно, что изображения таких чаши не представлены в пиршественных сценах на памятниках эллино-скифской торевтики [Кисель, 2002а, с. 35; 2003, с. 59].

*В большинстве случаев сегментовидные выступы можно назвать ручками лишь условно, т.к. они не способны выдержать нагрузку наполненной емкости [Манцевич, 1987, с. 91]. Поэтому часть исследователей определяет их как упоры [Раевский, 1977, с. 37; Ильинская, Тереножкин, 1983, с. 145; Кузнецова, 1993, с. 77–79].

**Утверждение, что сегментовидные ручки у скифских чаши появляются только “после того, как их стали изготавливать греческие мастера” [Кузнецова, 2004, с. 99], является ошибкой, поскольку многие подобные сосуды встречаются в памятниках, напрямую не связанных с греческой культурой, например Первый Филипповский курган на Южном Урале [Пшеничнюк, 2000, рис. 2, 3; 4, 5, 10] (рис. 4, 9). Кроме того, некоторые свидетельства (отломанные ручки керамических сосудов, выполненные в скифском зверином стиле, из Зивие в Иране) позволяют предположить бытование таких чаши уже на ранних этапах скифской истории [Кисель, 2002а, с. 33].

*Rис. 4. Сосуды с сегментовидными ручками (по: [Королькова, 2003, рис. 4])
(масштаб различный).*

1 – Мордвиновский курган; 2 – Булгаково; 3, 4, 6 – Частые курганы; 5 – Бердянский курган; 7, 8 – Александровопольский курган; 9 – Первый Филипповский курган; 10, 11, 14 – Солоха; 12 – могильник Донской; 13 – Чмырева Могила; 15 – Гайманова Могила.

Все это позволяет заключить, что сосуды с сегментовидными ручками являлись одной из главных скифских реликвий, которые использовались в наиболее значимых (табуированных для непосвященных?) обрядах. Возможно, они, в отличие от курильниц, были связаны со стихией огня лишь символически и

в первую очередь выступали в качестве емкостей для сакральных “огненных” жидкостей, которые известны в фольклоре многих народов*.

*Доказательству наличия у скифов “огненного” напитка автор посвятил отдельную статью [Кисель, 2002а].

Не исключено, что причерноморские скифы видели именно в этих предметах легендарную чашу, упавшую с неба.

Чаша Геракла

Небесная чаша очень напоминает другой предмет из “Скифского логоса” – сосуд Геракла. Как следует из второй этногенетической легенды, Геракл стал родоначальником скифов, вступив в связь с полуожениной-полузмеей, которая родила от него троих сыновей. Перед уходом из Скифии Геракл оставил возлюбленной две вещи, объяснив, что с их помощью она сможет определить наиболее достойного из сыновей. “Натянув один из луков… и объяснив употребление пояса, он передал лук и пояс с золотой чашей у верхнего края застежки и, отдав, удалился” (Hdt. IV. 9, 10) (цит по: [Доватур, Каллистов, Шишова, 1982, с. 103]*). Обе вещи сделаны из золота и имеют прямое отношение к происхождению скифов**.

Закончив пересказ легенды, Геродот добавляет: “А из-за этой чаши скифы и поныне носят чаши на поясах” (Hdt. IV. 10) (цит по: [Доватур, Каллистов, Шишова, 1982, с. 103]). Ношение при себе сосуда для личного пользования принято у представителей современных кочевнических культур [Кюнер, 1908,

*Ранее автором высказывалось предположение, что Геродот, назвав сосуд, упавший с неба, и чашу Геракла *φιάλη*, стремился не столько отразить их внешнее сходство с античной фиалой, сколько подчеркнуть сакральное значение предметов [Кисель, 2003, с. 57–59].

**Вероятно, позднее эти чаши нашли отражение в нартском эпосе в образе сосуда Нартамонга, Уацамонга, Агадзамакъят, который выступал как сокровище, модель мира, символ изобилия и благосостояния нартов. Согласно некоторым сказаниям, священный сосуд хранился в гроте, пещере или просто был закопан в землю [Инал-ипа, 1998, с. 73; Антонова, 1986, с. 58; Нарты..., 1994, с. 408]. Это находит параллель в “Скифском логосе”, поскольку скифская родоначальница проживала именно в пещере, где держала при себе пояс с золотой чашей и лук. Нартский сосуд, подобно скифскому, был связан со стихией огня, т.к. мог самопроизвольно закипать [Инал-ипа, 1998, с. 43–44, 73, 104, 109, 163; Нарты..., 1974, с. 268–272; 1989, с. 258–260, 272–273; 1994, с. 516; Дюмезиль, 1990, с. 176, 178–180].

Наиболее точное соответствие нартского эпоса “Скифскому логосу” обнаруживается у карачаевцев и балкарцев в легенде о золотом ковше нартов. Ковш сам поднимался к устам правдивого, но не подпускал к себе лжецов. Его содержимое вселяло мужество, силу и мудрость. Ковш хранился у девушки Ай (луна) в сундуке в крепости на вершине скалы. Дьявол, похитивший святыню и спрятавший ее в самом центре небесного свода, лишил нартов их силы. Сбить ковш мог только богатырь с помощью лука нартов [Нарты..., 1994, с. 590–592].

с. 58; Дьяконова, 1988, с. 56]. Однако Геродот имел в виду, скорее всего, символическую вещь. Существование сосудов-подвесок в Европейской Скифии в додгеродотовское время археологически не подтверждается*.

Со второй половины V в. до н.э. в скифских курганах появляются крупные округлые чаши, прикрепленные к поясам погребенных. Эти сосуды нельзя отнести к повседневной бытовой утвари, т.к. они изготовлены из золота или дерева с золотыми накладками [Болтрик, Фиалко, Чередниченко, 1994, с. 146]. Аналогичные находки отмечены в памятниках того же периода азиатской части кочевнического мира. Правда, фрагментированный деревянный ковш на ремне, извлеченный из погребения в Туве, ничем не отличается от обычного предмета [Чугунов, 1996, с. 71]. Гораздо более интересна и важна находка из кургана Аржан-2 – прикрепленная к цепочке золотая миниатюрная модель котла с поддоном, покрытая зооморфными изображениями [Аржан..., 2004, с. 41] (см. рис. 3, I)**. Эта подвеска убеждает в точности сообщения Геродота и указывает на еще один “азиатский след” в “Скифском логосе”***. В Центральной Азии и Южной Сибири обнаружены также многочисленные металлические вотивы, повторяющие по форме посуду различных типов (преимущественно котлы), которая существовала на протяжении всего скифского времени [Артамонов, 1973, ил. 253–256; Кулемзин, 1979, с. 90–92, рис. 43, 6; Мартынов, 1979, с. 61–62, табл. 28, 11; Древности..., 1991, кат. 175, 183; Бородовский, 2001, рис. 23; Археология..., 2002, с. 181] (см. рис. 3). Некоторые образцы прошли и в Европейский регион [Абрамова, Петренко,

*Знакомство скифов с кавказскими миниатюрными сосудами и вотивными ритонами [Бессонова, 1983, с. 103; Доманский, 1984, ил. 3] сомнительно. Т.М. Кузнецовой было высказано оригинальное, но спорное предположение, что в “Скифском логосе” описан один из типов кочевнических зеркал, привешивавшихся к поясу [2002, с. 76–78].

**Навершие одной из золотых булавок из того же кургана напоминает ковш [Аржан..., 2004, с. 38].

***Следует отметить, что “азиатские” археологические параллели на этом не заканчиваются. Некоторые из них уже упоминались в литературе [Чугунов, 1996, с. 72–74]. Наибольшее внимание привлекают сведения, не находящие аналогов в Северном Причерноморье и на Кавказе, например, обычай скифов мумифицировать покойников (Hdt. IV. 71) (см.: [Доватур, Каллистов, Шишова, 1982, с. 125]), подтвержденный находками на Алтае, в Туве и Монголии, а также загадочное для скифского арсенала оружие *σαγάρις* – обовообразная секира (Hdt. IV. 5, 70) (см.: [Там же]), напоминающая азиатские клевцы с уплощенной обушной частью или чеканы с заостренным обушком. Новый тщательный разбор сюжетов “Скифского логоса”, вероятно, позволит выявить и другие реалии из жизни кочевников Азии.

1995, рис. 3, 6]. Традиция делать модели в азиатском кочевническом мире была очень сильна; миниатюрные сосуды изготавливались не только из металла, но и из дерева, глины). Одна керамическая модель была даже закопчена [Вишневская, 1973, с. 26, 87] (см. рис. 3, 4).

Курильницы, котлы, ковши и чаши с сегментовидными ручками сближала не только округлая форма. Их роднила одна идея – связь с огненной стихией. Общий “божественный прототип” – Небесная чаша – обладал способностью воспламеняться, и, возможно, рассматриваемые сосуды наделялись этим свойством*.

Заключение

Проведенное исследование показывает, что в культовой жизни европейских и азиатских степняков, несмотря на общность мифологической основы, были существенные различия. Они отправляли различные очистительные обряды и поклонялись разным фетишам. Так, причерноморские скифы не пользовались “парильней”, описанной в “Скифском логосе”; главным священным сосудом у них была округлая чаша (ковш?), часто с сегментовидными ручками. У азиатских кочевников широко практиковался ритуал очищения конопляным дымом, а наиболее сакрализованными сосудами выступали котел, ковш и курильница, т.е. в основном предметы, предназначенные для использования большими коллективами людей (рода-племенными группами). Это характеризует культовую сферу азиатского кочевнического общества как более демократичную, по сравнению со скифской.

Не исключено, что представители кочевнического мира возводили сосуды с сегментовидными ручками и курильницы (возможно, и часть других округлых сосудов) к легендарной “проточаше”, посланной Небом их прародителю и носимой им при себе на поясе.

В настоящий момент перед исследователями встает задача проведения нового комплексного анализа труда Геродота с целью выявления фрагментов неизвестного письменного источника VII–VI вв. до н.э., посвященного кочевникам азиатских степей.

Благодарности

Автор благодарит К.В. Чугунова и А.И. Торгоева, любезно предоставивших ценную информацию о находках.

*Образ скифской пылающей чаши, вероятно, связан с индийской мифологией и атрибутикой зороастризма, в которой фигурируют ритуальные сосуды с горящим огнем внутри [Бойс, 1988, с. 108; Литвинский, 1991, с. 74–79].

Список литературы

- Абрамова М.П., Петренко В.Г.** Погребения сарматского времени из Ставрополья // Памятники Евразии斯基фо-сарматской эпохи. – М.: ИА РАН, 1995. – С. 35–55.
- Алексеев А.Ю.** Хронография Европейской Скифии VII–IV веков до н.э. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. – 416 с.
- Антонова Е.В.** К исследованию места сосудов в картине мира первобытных земледельцев // Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового Востока. – М.: Наука, 1986. – С. 35–65.
- Аржан.** Источник в Долине царей. Археологические открытия в Туве. – СПб.: Славия, 2004. – 64 с.
- Артамонов М.И.** Сокровища саков. – М.: Искусство, 1973. – 280 с.
- Археология** и не только – СПб.: Изд-во Академии обществ. связей, 2002. – 519 с.
- Бабаева Н.С.** Древние верования горных таджиков Южного Таджикистана в похоронно-поминальной обрядности. – Душанбе: Дониш, 1993. – 156 с.
- Бернштам А.Н.** Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая // МИА. – 1952. – № 26. – 347 с.
- Бессонова С.С.** Религиозные представления скифов. – Киев: Наук. думка, 1983. – 138 с.
- Бойс М.** Зороастрцы. Верования и обычаи. – М.: Наука, 1988. – 302 с.
- Боковенко Н.А.** Этюд о скифских бронзовых котлах Северного Причерноморья // Клейн Л.С. Археологическая типология. – Л.: Изд-во Ленингр. филиала Центра науч.-тех. деят-ти, исследований и соц. инициатив, 1991. – С. 256–263.
- Болтрик Ю.В., Фиалко Е.Е., Чередниченко Н.Н.** Бердянский курган // РА. – 1994. – № 3. – С. 140–155.
- Бородовский А.П.** Исследование некрополей эпохи раннего железа на Нижней Катуни и в Новосибирском Приобье // АО 1999 года. – М.: Наука, 2001. – С. 229–232.
- Варенов А.В.** Материалы новой культуры эпохи бронзы из могильника Кээрмуци в Северном Синьцзяне // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Горизонты Евразии. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 1999. – Вып. 2. – С. 11–28.
- Виноградов А.В.** Могильник раннескифского времени в Западной Туве // АО 1977 года. – М.: Наука, 1978. – С. 217.
- Вишневская О.А.** Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII–V вв. до н.э. – М.: Наука, 1973. – 160 с. – (Тр. Хорезм. археол.-этногр. экспедиции; т. 8).
- Воробьев А.А.** Сосуды с углами из русских погребений Верхнего Приобья и Барабы как объект археолого-этнографического изучения // Историко-культурное наследие Северной Азии: Итоги и перспективы изучения на рубеже тысячелетий: Мат-лы Регион. студ. конф. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2001. – С. 506–508.
- Гаврилюк Н.А., Болтрик Ю.В.** Скифское погребение в длинном кургане у с. Высокое в Приазовье // Археология. – 1990. – № 1. – С. 75–83.
- Дашевская О.Д.** О скифских курильницах // СА. – 1980. – № 1. – С. 18–29.
- Дашевская О.Д.** Поздние скифы в Крыму // САИ. – 1991. – Вып. Д 1–7. – 142 с.

- Джумабекова Г.С.** Бронзовая курильница из Семиречья // РА. – 1998а. – № 2. – С. 123–137.
- Джумабекова Г.С.** Опыт атрибуции фигурки конного лучника из Алматы // Вопросы археологии Казахстана. – Алматы; М.: Фылым, 1998б. – Вып. 2. – С. 72–82.
- Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А.** Народы нашей страны в “Истории” Геродота. – М.: Наука, 1982. – 456 с.
- Доманский Я.В.** Древняя художественная бронза Кавказа в собрании Государственного Эрмитажа. – М.: Искусство, 1984. – 240 с.
- Древнегреческо-русский словарь.** – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1958. – Т. 2. – 1905 с.
- Древности Урало-Казахстанских степей:** Каталог выставки. – Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 1991. – 60 с.
- Дьяконова В.П.** Посуда народов Южной Сибири в собраниях МАЭ // Сб. МАЭ. – 1988. – Вып. 42. – С. 50–70.
- Дюмезиль Ж.** Скифы и нарты. – М.: Наука, 1990. – 230 с.
- Зеленин Д.К.** Восточнославянская этнография. – М.: Наука, 1991. – 511 с.
- Зимма Б.М.** Иссык-кульские жертвенные котлы. – Фрунзе: Изд-во Комитета наук при СНК КиргССР, 1941. – 40 с.
- Ильинская В.А., Тереножкин А.И.** Скифия VII–IV вв. до н.э. – Киев: Наук. думка, 1983. – 380 с.
- Инал-ипа Ш.Д.** Памятники абхазского фольклора: Нарты. Ацаны. – Сухуми: Алашара, 1998. – 199 с.
- Каталог коллекций музея “Археология, этнография и экология Сибири” КемГУ.** – Кемерово: Изд-во Кем. гос. ун-та, 2004. – Т. 1. – 112 с.
- Кенин-Лопсан М.(Б.)** Алгыши тувинских шаманов. – Кызыл: Новости Тувы, 1995. – 528 с.
- Кисель В.А.** Серебряные с позолотой двуручные чаши и их место в скифской культуре // Ювелирное искусство и материальная культура: Тез. докл. 11-го коллоквиума. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2002а. – С. 32–35.
- Кисель В.А.** Келермесский сосуд и сакральный напиток скифов // Ладога и Северная Евразия. От Байкала до Ламанша. Связующие пути и организующие центры. – СПб.: Изд-во Староладож. ист.-архитектур. и археол. музея-заповедника, 2002б. – С. 72–78.
- Кисель В.А.** Ритуальные сосуды и напитки скифов // Степи Евразии в древности и средневековье. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. – Кн. 2. – С. 57–63.
- Ковпаненко Г.Т.** Сарматское погребение I в. н.э. на Южном Буге. – Киев: Наук. думка, 1986. – 152 с.
- Королькова Е.Ф.** Ритуальные чаши с зооморфным декором в культуре ранних кочевников // АСГЭ. – 2003. – Вып. 36. – С. 28–59.
- Кузнецова Т.М.** “Потрію” Скифского логоса Геродота // Петербург. археол. вестник. – 1993. – № 4. – С. 73–80.
- Кузнецова Т.М.** Зеркала Скифии VI–III века до н.э. – М.: Индрик, 2002. – Т. 1. – 352 с.
- Кузнецова Т.М.** Сосуды скифов в “Истории” Геродота // Археологические памятники раннего железного века юга России. – М.: Изд-во ИА РАН, 2004. – С. 93–105.
- Кулемзин А.М.** Арчекасские курганы // Археология Южной Сибири. – Кемерово: Изд-во Кем. гос. ун-та, 1979. – С. 87–99.
- Курочкин Г.Н.** Богатые курганы скифской знати на юге Сибири (Большой Новоселовский и Большой Полтавский курганы). – СПб.: ИИМК РАН, 1992. – 44 с.
- Кызласов Л.Р.** Древняя Тува (от палеолита до IX в.). – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1979. – 207 с.
- Кюнер Н.В.** Описание Тибета (Ч. 2. Этнографическая) // Изв. Вост. ин-та. – 1908. – Вып. 1. – 112 с.
- Литвинский Б.А.** Семиреченские жертвенные котлы (индоиранские истоки сакского культа огня) // Проблемы интерпретации памятников культуры Востока. – М.: Наука, 1991. – С. 66–87.
- Литвинский Б.А.** Медные котелки из Индостана и Памира (Древние связи двух регионов) // Археология, палеоэкология и палеodemография Евразии. – М.: ГЕОС, 2000. – С. 277–293.
- Манцевич А.П.** К вопросу о торевтике в скифскую эпоху // ВДИ. – 1949. – № 2. – С. 196–220.
- Манцевич А.П.** Курган Солоха. – Л.: Искусство, 1987. – 144 с.
- Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М.** Древняя культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1966. – 436 с.
- Мартынов А.И.** Лесостепная тагарская культура. – Новосибирск: Наука, 1979. – 208 с.
- Мартынов А.И., Мартынова Г.С., Кулемзин А.М.** Шестаковские курганы. – Кемерово: Изд-во Кем. гос. ун-та, 1971. – 249 с.
- Мартынов Г.С.** Иссыкская находка // КСИИМК. – 1955. – № 59. – С. 150–156.
- Марченко И.И.** Сираки Кубани. – Краснодар: Изд-во Кубан. гос. ун-та, 1996. – 338 с.
- Мелюкова А.И.** Скифия и фракийский мир. – М.: Наука, 1979. – 256 с.
- Минасян Р.С.** Литье котлов у народов степей Евразии (VII в. до н.э.–V в. н.э.) // АСГЭ. – 1986. – Вып. 27. – С. 61–78.
- Нарты.** Адыгский героический эпос. – М.: Наука, 1974. – 415 с.
- Нарты.** Осетинский героический эпос. – М.: Наука, 1989. – Кн. 2. – 492 с.
- Нарты.** Героический эпос балкарцев и карачаевцев. – М.: Вост. лит., 1994. – 655 с.
- Нейхардт А.А.** Скифский рассказ Геродота в отечественной историографии. – Л.: Наука, 1982. – 240 с.
- Онейко Н.А.** Античный импорт в Приднепровье и Подонье в IV–II вв. до н.э. // САИ. – 1970. – Вып. Д 1–27. – 213 с.
- Очир-Горяева М.(А.)** О возможном назначении парных котлов у кочевников раннего железного века Евразии // Археологические памятники раннего железного века юга России. – М.: ИА РАН, 2004. – С. 166–175.
- Панкова С.В., Хаврин С.В.** Работы Тувинской экспедиции // Отчетная археологическая сессия за 2001 год: Тез. докл. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2002. – С. 10–12.
- Пикалов Д.В.** Сосуд-матка. Опыт семантического анализа погребального инвентаря сарматских племен Центрально-Предкавказья // История Северного Кавказа с древнейших времен по настоящее время: Тез. науч. конф. – Пятигорск: Изд-во Пятигор. гос. лингв. ун-та, 2000. – С. 188–190.
- Полосьмак Н.В.** Всадники Укока. – Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2001. – 336 с.
- Потемкина Т.М.** Головной убор саргатской жрицы (по материалам Шикаевского кургана) // Теория и практика археологических исследований. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. – С. 112–120.

Похоронно-поминальные обычаи и обряды. – М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1993. – 310 с.

Пшеничнюк А.Х. Деревянная посуда из погребений ранних кочевников Южного Урала // Уфим. археол. вестник. – 2000. – Вып. 2. – С. 76–93.

Раевский Д.С. Очерки идеологии скифо-сакских племен. Опыт реконструкции скифской мифологии. – М.: Наука, 1977. – 216 с.

Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. – 404 с.

Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 359 с.

Рыбаков Б.А. Геродотова Скифия. – М.: Наука, 1979. – 248 с.

Рябова В.А. Двуручные чаши из скифских курганов // Скифы Северного Причерноморья. – Киев: Наук. думка, 1987. – С. 144–151.

Савельев Н.С. Каменные курганы восточных предгорий Южного Урала и некоторые вопросы формирования прохоровской культуры // Уфим. археол. вестник. – 2000. – Вып. 2. – С. 17–48.

Савинов Д.Г. О ритуальном назначении погребальных камер больших Пазырыкских курганов // Сакральное в культуре: Мат-лы III Междунар. Санкт-Петербург. религиовед. чтений. – СПб.: Гос. музей истории религии, 1995. – С. 6–8.

Савинов Д.Г. Ранние кочевники Верхнего Енисея (археологические культуры и культурогенез). – СПб.: Изд-во СПб. гос. ун-та, 2002. – 204 с.

Самашев З., Григорьев Ф., Жумабекова Г. Древности Алматы. – Алматы: КазИздат КТ, 2005. – 184 с.

Семейная обрядность народов Сибири. Опыт сравнительного изучения. – М.: Наука, 1980. – 240 с.

Скорый С.А. Стеблев: скифский могильник в Поросье. – Киев: Изд-во ИА НАН Украины, 1997. – 173 с.

Смирнов К.Ф. Савроматы (ранняя история и культура сарматов). – М.: Наука, 1964. – 379 с.

Смирнов К.Ф. Курильницы и туалетные сосудики Азатской Сарматии // Кавказ и Восточная Европа в древности. – М.: Наука, 1973. – С. 166–179.

Смирнов К.Ф. Сарматы на Илеке. – М.: Наука, 1975. – 176 с.

Смирнов К.Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. – М.: Наука, 1984. – 184 с.

Спасская Е.Ю. Медные котлы ранних кочевников Казахстана и Киргизии // Уч. зап. Алма-Атин. гос. пед. ин-та. – 1956. – Т. 11 (1). – С. 155–169.

Спасская Е.Ю. Находки медных котлов ранних кочевников в Казахстане и Киргизии // Уч. зап. Казах. гос. пед. ин-та. – 1958. – Т. 15 (3). – С. 178–193.

Субботин А.В. Позднетагарский курган у с. Ораки // Мировоззрение. Археология. Ритуал. Культура. – СПб.: Мир книги, 2000. – С. 174–182.

Тайлер Э.Б. Первобытная культура. – М.: Политиздат, 1989. – 573 с.

Толстой Н.И. Переворачивание предметов в славянском погребальном обряде // Толстой Н.И. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. – М.: Индрик, 1995. – С. 213–222.

Федоров В.К. О функциональном назначении так называемых “савроматских жертвенников” Южного Приуралья (II) // Уфим. археол. вестник. – 2001. – № 3. – С. 21–49.

Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. – М.: Наука, 1967. – 299 с.

Чугунов К.В. Погребальный комплекс с кенотафом из Тувы (К вопросу о некоторых параллелях археологических и письменных источников) // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху: Мат-лы Междунар. конф. – СПб.: ИИМК, 1996. – С. 69–80.

Яковенко Е.В. Про кулясті курильниці IV–I ст. до н.е. // Археологія. – 1971. – № 2. – С. 87–93.

Aspelin J.R. Muinaisjäännöksiä Suomen Suvun Asumus-Aloilta. Antiquités du Nord Finno-Ourgien. – Helsingfors, 1877. – Vol. 1. – 242 s.

Bajrakov K.M., Ismagil R. Der Besagaš-Hort und sakenzzeitliche Bronzegeschirr aus dem Siebenstromland // Eurasia Antiqua. Zeitschrift für Archäologie Eurasiens. – 1996. – Bd. 2. – S. 347–353.

Demidenko S.V., Kobe, Firsov K.B. Über einen Bronzekesseltyp aus Eurasien // Eurasia Antiqua. Zeitschrift für Archäologie Eurasiens. – 2002. – Bd. 8. – S. 277–293.

Материал поступил в редакцию 17.01.07 г.

УДК 903.2

А.А. Бурханов

*Татарский государственный гуманитарно-педагогический университет
ул. Татарстан, 2, Казань, 420111, Татарстан, Россия
E-mail: albert_burhan@list.ru*

КУШАНСКИЕ И КУШАНО-САСАНИДСКИЕ МОНЕТЫ ИЗ ЛЕБАПСКОГО РЕГИОНА (по материалам археологических исследований в области Амуля)

Введение

К числу слабоизученных в археологическом отношении историко-культурных регионов Центральной Азии относится Лебапский. Лебап – средняя Амударья – области Амуля и Земма – основная часть современного Лебапского велаята (бывшей Чарджоуской обл.) Туркменистана, районы долины среднего течения Амудары с прилегающими землями и историческим центром в Амуле-Чарджуе [Бурханов, 2001, 2005а; 2006]. Основная жизненная артерия Лебапского региона Окс – Джейхун – Амударья являлась главной торгово-транспортной магистралью всей Центральной Азии. В среднем течении реки в историческом развитии отмечается наличие четырех важнейших переправ. Самая главная из них, стратегически выгодная и удобная, через которую пролегал Великий шелковый путь, располагалась в районе Амуля-Чарджуя [Бурханов, 2001, с. 75; Древний Амуль..., 1993, с. 7–14].

Археологические данные позволяют выделить в Среднеамударинском регионе три крупных историко-культурных оазиса – Чарджоуский (северный), Карабекаульский (центральный) и Керкинский (южный), разделенные между собой пустынными зонами.

В сочинениях IX–X вв. побережье средней Амудары делилось на две историко-культурные области: Земм, соответствующая ареалу южной, керкинской, группы памятников, и Амуль, владения которой включали Чарджоуский и Карабекаульский оазисы [Пилипко, 1985, с. 102; Бурханов, 2005а, с. 6–10; Материалы..., 1939, с. 146–150].

Хотя археологические работы в Лебапском регионе носили эпизодический и в основном рекогносцировочный характер, исследования конца 70 – начала 90-х гг. XX в. (В.Н. Пилипко, Г. Гутлыев и А.А. Бурханов) привели к накоплению значительного материала по древней и средневековой культуре местного населения [Бурханов, 1994; 2005а, б; Пилипко, 1985].

Характеристика выявленных монет

В ходе археологических исследований в Лебапском регионе в пределах области Амуля выявлены 34 монеты чекана кушанских, сасанидских и местных правителей, относящиеся к III–VIII вв. Они встречены как на крупных и средних городищах (Амуль, Одей-депе, Ходжа-Идат-кала, Ходжа-Гундуз-кала), так и на развалинах небольших сельских поселений (Арапхана, Шай-Зенгир-депе, Хозарек-депе в Саятском этрале) (рис. 1). Монеты найдены на семи памятниках в Чарджоуском оазисе и на трех – в Карабекаульском. Больше всего их было на городищах Одей-депе, Амуль, Ходжа-Идат-кала и поселении Арапхана (см. таблицу).

Самыми ранними из найденных в пределах области Амуля являются монеты кушанских правителей, начиная с правления Васудевы I (III в.). При рассмотрении вопроса об ареале таких монет необходимо учитывать, что границы территорий, на которые распространялось экономическое и политическое господство Кушанской империи, постоянно изменялись. Сегодня достоверные сведения о вхождении области Амуля в состав этой территории имеются только с пе-

риода правления Васудевы и его преемников. Всего к кушанскому времени отнесено 20 найденных монет. Три из них, обнаруженные на памятниках Одей-депе, Амуль и Ходжа-Идат-кала, – чекана Васудевы I.

1. Монета, найденная в раскопе на городище Одей-депе над вторым полом (рис. 2, 9) [Пилипко, 1979, с. 48–49]. На лицевой стороне изображен царь в длиннополом кафтане перед жертвеником. Голова обращена влево. Вокруг нее, вероятно, нимб. Правая рука опущена, в согнутой левой – копье или трезубец, на пояссе – меч. На оборотной стороне просматривается плохо сохранившееся изображение человека, стоящего перед быком. Бык обращен влево. Монета медная, диаметр 17 мм, вес 3,47 г. Соотношение осей лицевой и оборотной сторон по часовому циферблату соответствует 11. Плохая сохранность монеты не позволяет уверенно говорить о ее принадлежности чекану Васудевы I; возможен вариант отнесения находки к подражаниям. Монеты этого выпуска датируются обычно III–IV вв.

2. Монета из стратиграфического шурфа в пригородной части Амуля. На лицевой

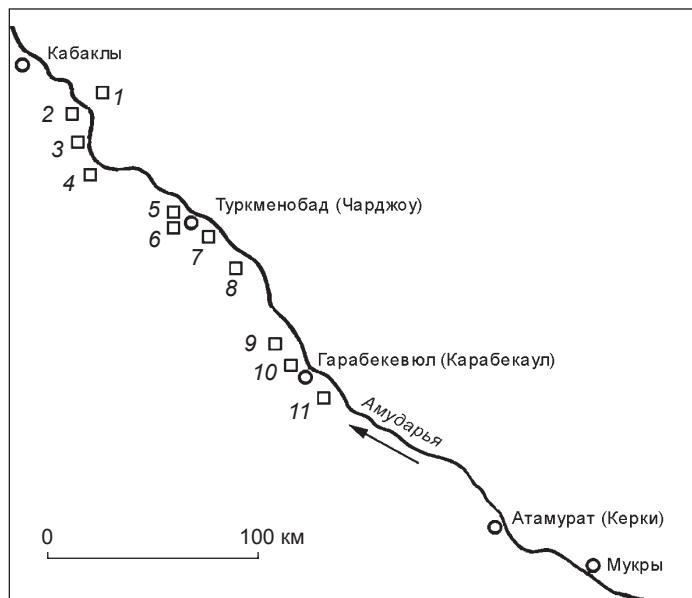

Рис. 1. Расположение древних и раннесредневековых памятников, на которых найдены монеты, в Лебапском регионе в пределах области Амуля.

Чарджоуский оазис: 1 – Усты-кала, 2 – Шай-Зенгир-депе, 3 – Арапхана, 4 – Одей-депе, 5 – Амуль, 6 – Заргар-депе, 7 – Гебёклы-депе, 8 – Хозарек-депе (Саятский этрап); Карабекаульский оазис: 9 – Хазарек-депе, 10 – Ходжа-Идат-кала, 11 – Ходжа-Гундуз-кала.

Распределение монет по памятникам области Амуля

Памятник	Кушанские			Сасанидо-кушанские		Хорезмские	
	Васудевы I	Васудевы II и Канишки III	Подражания чекану Васудевы	Хормизда	Варахрана V	Местные	Ацкацвара
Чарджоуский оазис							
Шай-Зенгир-депе		1				3	
Арапхана						1	
Усты-кала						2	
Одэй-депе	1			5	1		1
Заргар-депе			1*				
Гебёклы-депе			2*				
Амуль	1		5				
Хозарек-депе (Саятский этрап)		1	2				
Всего по оазису	2	2	10	5	1	6	1
Карабекаульский оазис							
Хазарек-депе			1				
Ходжа-Идат-кала	1	2	1	1			
Ходжа-Гундуз-кала			1				
Всего по оазису	1	2	3	1			
Итого по области Амуля	3	4	13	6	1	6	1

*Количество найденных монет требует уточнения.

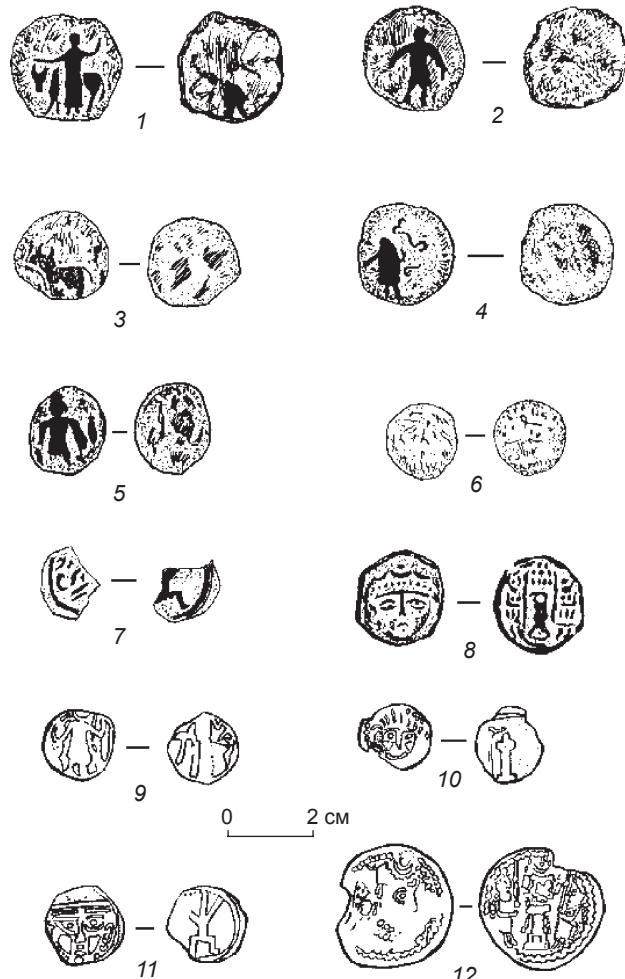

Рис. 2. Монеты кушанского и раннесредневекового времени с разных поселений области Амуля.
1–4 – Ходжа-Идат-кала; 5 – Шай-Зенгир-депе;
6 – Ходжа-Гундуз-кала; 7, 8 – Арапхана; 9–12 – Одей-депе.

Лицевая сторона

Оборотная сторона

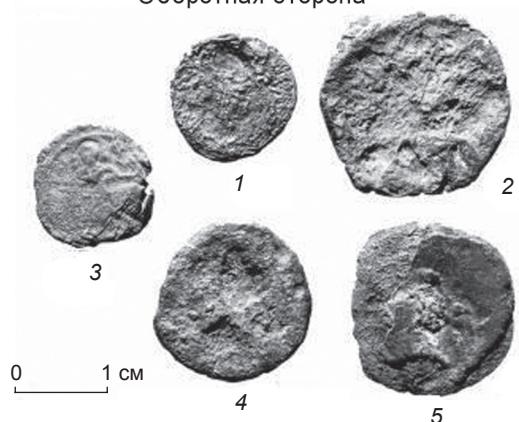

Рис. 4. Кушанские монеты чекана Канишки III (1, 4),
Васудевы (2, 5), Хормизда (3) из городища
Ходжа-Идат-кала.

Рис. 3. Кушанская монета чекана Васудевы из Ходжа-Идат-кала. Изображение Шивы с быком.

стороне изображено божество на троне, на оборотной – Шива с быком, справа монограмма $\ddot{\chi}$. Монета датируется III в. н.э. Размеры неизвестны [Пилипко, 1978, с. 95; Трапезников, 1959, с. 270].

3. Монета, найденная в 1980 г. в стратиграфическом шурфе на городище Ходжа-Идат-кала

(рис. 2, 1; 3; 4, 2) [Бурханов, 1990а]. Аналоги см.: [Зеймаль, 1983, с. 215–218, табл. 27]*. На лицевой стороне изображен стоящий перед алтарем царь, на оборотной – Шива с быком. Монета медная, вес 6,62 г, диаметр 22 мм. Соотношение осей лицевой и оборотной сторон по часовому циферблату соответствует 12. Сохранность находки удовлетворительная.

Следующая группа кушанских монет (4 экз.) относится к чекану Васудевы II или Канишки III.

1. Монета Канишки III (рис. 2, 4; 4, 4), найденная в 1989 г. в шурфе на городище Ходжа-Идат-кала [Бурханов, 1990а, с. 89–90]. Аналоги см.: [Зеймаль, 1983, с. 222–229]. На лицевой стороне изображен царь перед алтарем, справа следы тамги или монограммы $\ddot{\chi}$, на оборотной – богиня Ардошо анфас на троне. Изображения нечеткие. Монета медная,

*Автор выражает благодарность А.Б. Никитину за помощь в определении монет.

вес 4,40 г, диаметр 19 мм. Соотношение осей лицевой и оборотной сторон по часовому циферблату соответствует 12.

2. Монета Васудевы II или Канишки III (см. рис. 2, 2; 4, 5) из монументального сооружения шахристана на городище Ходжа-Идат-кала. На лицевой стороне изображен стоящий перед алтарем царь, на оборотной – изображение неясное. Монета медная, вес 5,50 г, диаметр 21 мм. Соотношение осей такое же, как у предыдущей монеты [Бурханов, 1994, с. 65–67].

3. Медная монета Васудевы II или Канишки III (см. рис. 2, 5; 5) с поселения Шай-Зенгир-депе в Чарджоуском оазисе [Бурханов, 1993, с. 33–34]. На лицевой стороне изображение стоящего перед алтарем царя, на оборотной – неясное. Вес 4,60 г, диаметр 18 мм.

4. Медная монета Васудевы II или Канишки III из стратиграфического шурфа на памятнике Кичи-Хозарек-депе (Саятский этрап) в Чарджоуском оазисе [Пилипко, 1978, с. 94]. На лицевой стороне изображение неясное, на оборотной изображена богиня Ардошо. Размеры неизвестны.

Самое большое количество (13 экз.) кушанских монет, найденных в рассматриваемой области, относится к подражаниям монетам чекана Васудевы. Например, в Амуле обнаружено пять таких монет [Пилипко, 1978, с. 95; Трапезников, 1959, с. 270]. Все они одинаковые: на лицевой стороне изображен царь перед жертвеником, на оборотной – Шива с быком, справа монограмма J . Датированы М.Е. Массоном III–IV вв. [1955, с. 23; Трапезников, 1959, с. 279]. Одна из таких монет найдена нами в 1980 г. в шурфе на городище Ходжа-Идат-кала. На ее лицевой стороне также изображение царя, стоящего перед алтарем, на оборотной – неясное. Вес монеты 3,35 г, диаметр 17 мм. Соотношение осей лицевой и оборотной сторон по часовому циферблату соответствует 12 [Бурханов, 1990а, с. 90]. Подражания монетам чекана Васудевы отмечены также в Заргар-депе, Гебёклы-депе, Хозарек-депе (Саятский этрап) в Чарджоуском оазисе, Хазарек-депе и Ходжа-Гундуз-кале (см. рис. 2, 6; 4, 1) в Гарабекевольском этрапе*.

Медные и бронзовые монеты кушанских царей Васудевы, Канишки и их преемников были широко распространены в соседней Бактрии [Давидович, 1979, с. 42–46; Зеймаль, 1983, с. 143–256]; обнаружение их в области Амуля является новым аргументированным фактом, свидетельствующим о высоком

*В литературе имеются сведения о находке монет в Заргар-депе и Гебёклы-депе, но их количество не указано [Пилипко, 1978, с. 95; Трапезников, 1957, с. 163]. О других находках см.: [Пилипко, 1978, с. 94; Бурханов, Гуттыев, 1986, с. 505].

Рис. 5. Медная кушанская монета чекана Васудевы II или Канишки III из Шай-Зенгир-депе. Изображение стоящего перед алтарем царя.

уровне ее денежного обращения и вхождении в III–IV вв. подавляющей части этой территории в состав мощного Кушанского государства*.

Область Амуля также входила в сферу обращения кушано-сасанидских и сасанидо-кушанских монет. На территории Лебапского велаята до наших исследований их было найдено 25 экз., причем подавляющее большинство происходит из южной части – Керкинского оазиса [Пилипко, 1985, с. 181, 201–202]. А недавняя публикация о 17 таких монетах из Пельверстского клада подтверждает массовость их распространения в центральной части Среднемударынского региона [Гуттыев, Никитин, 1987, с. 259]. Свидетельством распространения монет этой серии и в более северных районах средней Амудары, т.е. в области Амуля, являются находки на памятниках Одей-депе и Ходжа-Идат-кала.

Сасанидо-кушанская монета Хормизда, найденная в шурфе на городище Ходжа-Идат-кала в 1980 г., относится к типу 1/7 по В.Г. Луконину [1969, с. 196, табл. 21]. Ее аналоги см.: [Зеймаль, 1983, с. 258, 260, табл. 30; Луконин, 1969, с. 139–149; Тревер, Луконин, 1987, с. 64–72]. На лицевой стороне монеты изображен бюст царя, смотрящего вправо, в короне с протомой льва, увенчанной шаром; на оборотной – алтарь с полуфигурой божества (см. рис. 2, 3; 4, 5). Вес монеты 1,70 г, диаметр 13 мм.

*Ввиду отсутствия сообщений об истории области Амуля в письменных источниках античного и раннесредневекового времени и слабой изученности региона нумизматические материалы очень важны для изучения вопросов денежного обращения, а также проблем социально-экономического и политического развития региона. Как считает М.Е. Массон, в связи с тем, что медная разменная монета, которая обычно за пределами сферы политического и экономического влияния выпускавшего ее государства теряла свою покупательную способность, она является одним из важнейших видов археологических находок, позволяющих определить границы древних политических объединений [Массон, 1970].

Рис. 6. Бронзовая монета сасанидского времени из Арапханы. На лицевой стороне изображение головы правителя, на обратной – алтаря.

Соотношение осей лицевой и оборотной сторон по часовому циферблату соответствует 3.

На городище Одей-депе [Пилипко, 1979, с. 49–50] найдено пять сасанидских монет чекана Хормизда, по классификации В.Г. Луконина [1969, с. 139–140]. Три из них испорчены окислами, две лучшей сохранности.

1. Медная монета из подъемных материалов. На лицевой стороне изображен бюст правителя, смотрящего вправо. Хорошо виден пучок волос типично сасанидской прически и поднятые вверх свободные концы ленты. Головной убор, вероятно, в форме головы животного, но сохранность монеты не дает возможность говорить о ней с полной определенностью. На оборотной стороне в центре – изображение жертвенника с низким прямоугольным основанием, очерченным тонкими рельефными линиями, с высоким массивным столбом и конусовидно расширяющимся верхом. Столб опоясан лентой, расширяющиеся концы которой петлеобразно изогнуты и опущены вниз, украшены поперечными штрихами. Над жертвенником плохо сохранившееся изображение божества. Четко видна вертикально расположенная пехлевийская легенда. Остатки легенды имеются также слева от алтаря. Точечный ободок. Диаметр монеты 13 мм, вес 0,96 г. Соотношение осей лицевой и оборотной сторон по часовому циферблату соответствует 12.

2. Медная монета из подъемных материалов. На лицевой стороне изображены бюст правителя, смотрящего вправо. Сзади пучок волос, над ним – поднятые вверх концы лент. Корона в форме головы живот-

ного. Справа в поле – следы легенды. На оборотной стороне в центре на горизонтальной линии изображение высокого массивного жертвенника. Столб опоясан лентой, концы которой образуют петли. Выше, вероятно, изображено божество в пламени. Хорошо видно древко трезубца в его левой руке. Точечный ободок. Диаметр монеты 14 мм, вес 1,45 г. Соотношение осей лицевой и оборотной сторон по часовому циферблату соответствует 7.

При расчистке хума на городище Одей-депе в верхнем слое найдена серебряная монета чекана Варахрана V (420–438 гг.) (см. рис. 2, 12). На ее лицевой стороне изображен бюст царя, смотрящего вправо. На голове зубчатая корона, увенчанная полумесицем и шаром, в ухе серьга, на правом плече округлый ком волос и поднятые вверх концы ленты. Одеяние украшено цепочками крупных перлов. Сохранность круговой легенды плохая. Точечный ободок. На оборотной стороне в центре изображение жертвенника с высоким двухступенчатым основанием и таким же верхом. Тонкий столб перевязан лентой со свисающими концами. Перед алтарем на фоне языков пламени погрудное изображение фраваша. По сторонам жертвенника противостоящие фигуры с копьями. Диаметр монеты 29 мм, вес 2,77 г. Соотношение осей лицевой и оборотной сторон по часовому циферблату соответствует 1 [Пилипко, 1979, с. 50].

Таким образом, на двух поселениях в области Амуля найдены семь сасанидо-кушанских монет, относящихся ко времени правления Хормизда и Варахрана V. В период владычества Сасанидов монеты этой серии имели хождение на территории Бактрии–Тохаристана и в прилегающих районах [Давидович, 1979, с. 48–52; Зеймаль, 1983, с. 258–260, табл. 28–32; Луконин, 1969, с. 139–149].

Распространение кушанских и сасанидо-кушанских монет в области Амуля и по всему побережью Амудары закономерно. По этой торгово-транспортной водной артерии Центральной Азии в древности в течение нескольких веков нашей эры они поступали даже в более северные районы, вплоть до Хорезма [Вайнберг, 1977, с. 96–97], и до середины I тыс. н.э. служили основой местного денежного обращения.

В Чарджоуском оазисе найдено несколько монет, возможно, местного выпуска, носящих характер подражаний чекану сасанидских правителей (см. рис. 2, 7, 8, 10, 11; 6).

1. Медная монета из Одей-депе (подъемные материалы) [Пилипко, 1979, с. 50–51]. На лицевой стороне схематизированное изображение головы правителя анфас. Волосы переданы условно – дугообразными прядями. Выше их видны детали головного убора или легенды. Правитель без бороды, но, вероятно, с усами. На оборотной стороне в центре изображен высокий алтарь, над ним – треугольный язык пламени.

По сторонам алтаря, вероятно, две стоящие фигуры. Остальные детали неразличимы (см. рис. 2, 10). Монета очень тонкая, края изъедены окислами. Диаметр 16,5 мм, вес 0,583 г.

2. Похожая на вышеописанную, но бронзовая монета, найденная в 1989 г. в верхнем слое шурфа в Арапхане (см. рис. 2, 8; 6) [Бурханов, 1990б, с. 56–57; 1993, с. 33–34]. На лицевой стороне также схематизированное изображение головы правителя (скорее всего, правительницы) анфас. Брови показаны одной горизонтальной линией, с которой соединяется вертикальная, обозначающая нос. Губы небольшие. Глаза миндалевидные, с точками зрачков. На лбу горизонтальная линия из точек (украшение). На голове показан головной убор. На оборотной стороне, как и на предыдущей монете, характерное для сасанидских монет изображение высокого алтаря, на котором точками передано пламя. По сторонам алтаря, вероятно, две стоящие фигуруки молящихся. Диаметр монеты 18 мм.

Возможно, вышеописанные экземпляры относятся к группе монет, которые чеканились местными правителями в период нахождения области Амуля под влиянием Сасанидского государства.

Известен и другой вариант монет этой группы.

1. Монета из верхнего слоя раскопа в Одей-депе (см. рис. 2, 11). Изготовлена из низкопробного серебра [Пилипко, 1979, с. 48–49]. На лицевой стороне схематичное изображение головы правителя анфас. Брови почти сливаются в одну горизонтальную линию. Четко изображены нос и небольшой рот. Форма глаза напоминает треугольник, зрачок моделирован точкой. Показаны сильно оттопыренные уши. На лбу горизонтальный ряд сомкнутых перлов (диадема или часть головного убора). Ободок линейный. На оборотной стороне тамгообразный знак в виде пляшущего человека в линейном ободке. Диаметр монеты 17,5 мм, вес 0,90 г. Соотношение осей лицевой и оборотной сторон по часовому циферблatu соответствует 3. Монета чеканена, но заготовка литая.

2. Фрагмент медной монеты из шурфа в Арапхане (см. рис. 2, 7). Что изображено на лицевой стороне, трудно определить, скорее всего, голова правителя анфас. На оборотной стороне фрагмент тамгообразного знака в виде пляшущего человека. Ободок линейный.

Две бронзовые монеты, аналогичные вышеописанным, найдены в Хорезме [Вайнберг, 1977, с. 107–108]; одна – на памятнике Гяур-кала (древний Мерв)* и еще одна – в Варахше [Шишгин, 1963, с. 104].

Два варианта монет рассматриваемой группы типологически связаны. Только в первом случае изображен сасанидский алтарь, а во втором – тамгообраз-

ный знак в виде пляшущего человека. Такую замену изображения В.Н. Пилипко связывает с освобождением местных правителей, которые выпускали данные монеты, из-под власти Сасанидской державы [1979, с. 51]. Это могло произойти в V в., когда Сасанидский Иран, потерпев ряд поражений от эфталитов, лишился многих своих среднеазиатских владений. Однако данную гипотезу нельзя считать окончательной, ибо изображение жертвенника на монетах чекана Бухарского Согда известно и в более позднее время [Там же]. Судя по находке из Усты-кала в правобережной части Чарджоуского оазиса, последними по времени выпуска в этой серии являются монеты, на которых вместо правителя изображена арабская легенда. В.Н. Пилипко датирует монеты рассматриваемой серии очень широко – III – первой половиной VIII в. [Там же]. Нам кажется более верным мнение С.Д. Логинова (устное сообщение), который относит их к V–VI вв. Судя по материалам из стратиграфического шурфа в Арапхане, самая ранняя дата для найденных там монет данной группы – V в. Б.И. Вайнберг считает монеты такого типа бухарскими [1977, с. 183–184]. В.Н. Пилипко полагает, что их чеканили в древнем Амуле [1979, с. 51].

Наше исследование позволяет утверждаться в мысли о возможном существовании монетного двора в Амуле, который являлся административно-экономическим центром области, крупным стратегическим пунктом и местом переправы на торговых путях [Бурханов, 1994, с. 38–41, 145–156; 2000, 2002]. Это дает основание говорить о том, что, несмотря на формальное вхождение рассматриваемой территории в состав владений то Сасанидского Ирана, то государственных образований эфталитов и тюрок, фактическими хозяевами здесь были местные правители – амульшахи.

Отметим также, что во время раскопок 1989 г. в Арапхане была найдена монета плохого качества, на которой едва заметно изображение головы бородатого и усатого воина в шлеме.

К заключительному этапу раннесредневекового периода в области Амуля относится монета чекана хорезмшаха Ацкацвара (Чегана), датируемая концом VII – началом VIII в. [Пилипко, 1979, с. 35]*.

Список литературы

Бурханов А.А. Новые находки кушанских и сасанидокушанских монет из Средней Амударии (по материалам Карабекаульского оазиса) // Молодежь и научно-технический прогресс: Мат-лы IX Республ. конф. молодых ученых и специалистов, посвящ. 70-летию ВЛКСМ. – Ашхабад: Ылым, 1990а. – С. 89–90.

*Монета из Гяур-кала относится к случайным находкам. Найдена в 1973 г. [Пилипко, 1979].

*Определение монеты Б.И. Вайнберг.

- Бурханов А.А.** Таинственный холм Арапханы // Политический собеседник. – Ашхабад; Изд-во ЦК Компартии Туркмении, 1990б. – № 9/10. – С. 54–57.
- Бурханов А.А.** Арапхана: открытие, которого могло не быть. – Чарджев: Изд-во Гос. Комитета Туркменистана по печати, 1993. – 37 с.
- Бурханов А.А.** Древности Амуля. – Ашгабат: Ылым, 1994. – 296 с.
- Бурханов А.А.** Средняя Амударья: Динамика историко-культурного развития региона-провинции // Поиск истоков: Социоестественная история. – М.: Ин-т востоковедения РАН; Академия городской среды, 2000. – Вып. 16. – С. 170–181.
- Бурханов А.А.** Амуль-Чарджуй – столичный центр среднеамударинского региона // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Нальчик; Омск: Изд-во Ом. гос. пед. ун-та, 2001. – С. 75–78.
- Бурханов А.А.** Средняя Амударья между Ираном и Тураном // Диалог цивилизаций: исторический опыт и перспективы XXI века. – М.: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 2002. – С. 75–80.
- Бурханов А.А.** Древний Лебап. – Казань: Gumanitarya, 2005а. – Ч. 1: Археологические памятники области Амуля. – 196 с.
- Бурханов А.А.** Древний Лебап. – Казань: Фэн, 2005б. – Ч. 2: Культура поселений области Амуля. – 190 с.
- Бурханов А.А.** Древний и средневековый Лебап в системе иранского историко-культурного ареала // Иран: культурно-историческая традиция и динамика развития: Мат-лы Междунар. конф. – М.: Рос. гос. гуманитарный ун-т, 2006. – С. 30–33.
- Бурханов А., Гутлиев Г.** Исследования в Чарджоуской области // АО 1986 года. – М.: Наука, 1988. – С. 505.
- Вайнберг Б.И.** Монеты древнего Хорезма. – М.: Наука, 1977. – 194 с.
- Гутлиев Г., Никитин А.Б.** Клад сасанидо-кушанских монет и подражаний чекану Васудевы из Туркмении // СА. – 1987. – № 2. – С. 259–262.
- Давидович Е.А.** Клад древних и средневековых монет Таджикистана. – М.: Вост. лит., 1979. – 462 с.
- Древний Амуль:** проблемы истории и культуры Средней Амударии. – Чарджев: Изд-во Гос. Комитета Туркменистана по печати, 1993. – 73 с.
- Зеймаль Е.В.** Древние монеты Таджикистана. – Душанбе: Дониш, 1983. – 344 с.
- Луконин В.Г.** Культура сасанидского Ирана. – М.: Искусство, 1969. – 242 с.
- Массон М.Е.** Нумизматика Средней Азии. – Ташкент: Среднеазиат. гос. ун-т, 1955. – 62 с.
- Массон М.Е.** К вопросу о Маргиане в составе Греко-бактрийского государства // Изв. АН Туркменской ССР. Сер. обществ. наук. – 1970. – № 5. – С. 12–22.
- Материалы и исследования по истории туркмен и Туркмении.** – М.; Л., АН СССР, 1939. – Т. 1. – 612 с.
- Пилипко В.Н.** Топография находок кушанских монет на побережье Средней Амударии // История и археология Средней Азии. – Ашхабад: Ылым, 1978. – С. 89–97.
- Пилипко В.Н.** Древнее городище Одей-депе на среднем течении Амударии // Каракумские древности. – Ашхабад: Ылым, 1979. – Вып. 8. – С. 27–54.
- Пилипко В.Н.** Поселения северо-западной Бактрии. – Ашхабад: Ылым, 1985. – 216 с.
- Трапезников Г.Е.** Городище древнего Чарджоу (Амуль) // СА. – 1957. – № 4. – С. 161–183.
- Трапезников Г.Е.** Материалы с древнего городища Чарджоу (Амуля) // Из работ Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции // СА. – 1959. – № 1. – С. 268–273.
- Тревер К.В., Луконин В.Г.** Сасанидское серебро: Художественная культура Ирана III–VIII вв. – М.: Искусство, 1987. – 232 с.
- Шишгин В.А.** Варахша. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 250 с.

Материал поступил в редакцию 10.04.06 г.

ДИСКУССИЯ

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ПЕРВОБЫТНОГО ИСКУССТВА

УДК 903.2

Д.В. Черемисин

Институт археологии и этнографии СО РАН

пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия

E-mail:cheremis@archaeology.nsc.ru

К ДИСКУССИИ О СЕМАНТИКЕ ИСКУССТВА ЗВЕРИНОГО СТИЛЯ И РЕКОНСТРУКЦИИ МИРОВОЗЗРЕНИЯ НОСИТЕЛЕЙ ПАЗЫРЫКСКОЙ КУЛЬТУРЫ*

Введение

Вопросы, связанные с изучением семантики искусства звериного стиля и реконструкцией мировоззрения скифов и родственных им народов, населявших степи Евразии в середине – второй половине I тыс. до н.э., относятся к дискуссионным. Более чем вековая история интерпретации скифского искусства отразила смену научных парадигм – от ориентации на античную мифологию, от исследований исторической семантики изобразительных памятников в рамках изучения “палеонтологии мышления” и “стадиальности надстроечных явлений” до разработки методики “прочтения текста” изобразительных памятников евразийских степей скифского времени и недавних опытов реконструкции “ментальности” пазырыкской культуры.

Исследование семантики искусства звериного стиля населения Евразии I тыс. до н.э. традиционно связано с интерпретациями в русле “тотемической”, “магической” и “мифологической” концепций. Разделение это достаточно условно, т.к. тотемическая трактовка природы анимализма древних кочевников Евразии обычно сочетается с толкованием изображений на основе охотничьей или военной магии. К данному направлению примыкают работы, авторы которых при анализе семантики скифо-сибирского звериного стиля ориентируются на шаманистические представления

или мифы охотников; исследовательский подход объединяет стремление отыскать корни этого искусства в мировоззрении охотничих обществ Евразии. “Мифологическая” концепция не исключает признание магического назначения артефактов с изображениями и фактически связана с теорией тотемических классификаций, равным образом отраженных как в мифе, так и в изобразительном искусстве.

Обсуждение проблемы

Тотемизм, магия. Идеи о том, что содержание скифского искусства связано с тотемизмом и магией, высказал Н.П. Кондаков, полагавший, что изображения животных в скифской торевтике могли служить тотемами (образы оленя, быка), воинскими эмблемами (лев, грифон), воплощением души покойника (птицы) [1929, с. 16–31]. Концепцию о “териоморфном мировоззрении” кочевников Евразии предложил А. Альфельди; он привлек для интерпретации анималистического искусства древних кочевников сюжеты мифологии урало-алтайских народов, тотемические верования которых считал сходными с представлениями северных иранцев [Alföldi, 1931]. Семантику сцены терзания А. Альфельди прочитывал в свете тотемических мифов финно-угров о преследовании мужским предком-тотемом (хищником) женского (олениха). Данный подход развивали Д. Ласло, трактовавший сцену терзания оленя двумя хищниками как сюжет об охоте двух братьев – тотемных предков двух разных фратрий – на олениху – тотем третьей фратрии [Laszlo, 1972,

*Работа выполнена в рамках программы Президиума РАН “Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям” (проект 21.2).

р. 107–109], и А. Фаркаш, которая усматривала в сцене борьбы животных миф об убийстве и растерзании предка-тотема с целью создания человека и обретения культуры [Farkas, 1977]. Й.-Г. Андерсон, интерпретируя произведения торевтики из Восточной Евразии (коллекция Лу, включающая т.н. ордосские бронзы) [Andersson, 1932], выдвинул гипотезу об охотничье магии как идеальной основе искусства звериного стиля. Сторонники прочтения сюжетов скифского искусства звериного стиля в свете урало-алтайской мифологии обращались к археологическим памятникам Западной Сибири и Центральной Азии.

В советской археологии в 1930–1940-х гг. концепцию о тотемизме и магии как содержании искусства звериного стиля развивала В.В. Гольмстен, считавшая изображения животных на предметах вооружения тотемическими знаками. По ее мнению, в сценах терзания и борьбы звери “являются тотемами – символами определенной общественной группы”, а вся композиция выполнена с целью “нанести вред враждебной группе через ее тотем” [1933, с. 113, 117]. Искусство пазырыкской культуры В.В. Гольмстен считала отражением определенной “стадии” развития “культового образа зверя”, который в качествеtotема изображался на оружии. Поскольку с развитием общественных отношений семантика сюжетов и образов меняется, пазырыкское искусство, расширявшее свою “сферу” по мере разложения родовых отношений, фиксирует “отход от сознания кровной связи с тотемом” и “переход” изображений животных с оружия на принадлежности конского снаряжения “в силу своего магического значения” ([Там же, с. 113]; ср.: [Сорокин, 1978]).

С.С. Черников полагал, что в сакском зверином стиле отражены “пережитки древнего тотемизма”, связывавшие изображения животных с силами природы, и в качестве символов эти изображения помещались на культовых предметах, “в частности, на ритуальном костюме и иных аксессуарах племенных колдунов-шаманов” [1965, с. 135]. Иначе сцены терзания в искусстве саков расшифровывал А.Н. Бернштам; по его мнению, борьба родов представлена в этих памятниках путем изображения противоборства их тотемов [1952, с. 49]. Н.Л. Членова усматривала тотемическую основу изображений животных в тагарском искусстве [1967, с. 129].

Опыты реконструкции мировоззрения пазырыкцев как источника сведений об их хозяйстве на основе интерпретации находок из Первого Пазырыкского кургана были предложены ведущими скифологами М.П. Грязновым, С.И. Руденко и С.В. Киселевым в 1930–1940-х гг. Интерпретация семантики конской маски с рогами олена базировалась на положении лингвистической теории Н.Я. Марра о том, что олень как средство передвижения “стадиально” предшествовал коню и поэтому в разных языках термины, обозна-

чавшие оленя, были позднее перенесены на лошадь, сменившую в хозяйстве олена [1926]. После раскопок М.П. Грязновым в 1929 г. Первого Пазырыкского кургана факт “маскирования” коня или трансформации его в олена долгое время привлекался в качестве хрестоматийного аргумента для обоснования этой теории, а археологические материалы понимались “точно препараты, специально изготовленные для иллюстрации известных языковедных положений” [Mapp, 1929, с. 324]. Сторонники данной концепции полагали, что в сфере культа пазырыкцев “законсервировалось” почитание оленя, чье место в реальной жизни к середине I тыс. до н.э. заняла лошадь, которую при погребении с человеком маскировали “под оленя” [Грязнов, 1937, 1950; Киселев, 1951]*.

С.И. Руденко сначала интерпретировал маску коня из Первого Пазырыкского кургана как отражение “религиозного пережитка”, связанного с древним оленеводством, “предшествовавшим коневодству”, но вследствие отказался от такой трактовки [1953, с. 226]. Развитие взглядов крупнейших “пазырыковедов” М.П. Грязнова и С.И. Руденко на данный вопрос происходило на фоне первоначального господства и последующего развенчания идей Марра, в т.ч. о “стадиях” в освоении транспортных средств населением Евразии и об отражении этапов данного процесса в языке. При этом их выводы о “консервации” в мировоззрении и культе пазырыкцев воспоминаний о хозяйственном укладе, основанном на “древнем оленеводстве”, не учитывались в реконструкциях, которые касались археологических культур Горного Алтая. Носителей ни одной из известных культур эпохи бронзы на Алтае С.И. Руденко, М.П. Грязнов и С.В. Киселев не считали оленеводами, не шла речь и о какой-то миграции оленеводов на Алтай. Показательно, что представление о “древнем оленеводстве”, сформированное в результате интерпретации в свете лингвистических постулатов Марра лишь одной находки – конской маски из Первого Пазырыкского кургана, не нашло подтверждения в комплексе каких-либо более или менее репрезентативных археологических источников; это, на мой взгляд, было бы совершенно невозможно, если бы с транспортным оленеводством был действительно связан хозяйственный уклад древнего населения Алтая (см.: [Черемисин, 2005]).

В 1970-е гг. тотемическую концепцию семантики звериного стиля развивал А.Д. Грач, считавший, что звериные образы выражают в первую очередь тотемические представления ранних кочевников разных этнокультурных зон Евразии. Сцены терзания А.Д. Грач воспринимал как отражение в искусстве

*См. также: Грязнов М.П. Пазырык. Погребение племенного вождя на Алтае. 1940. Рукопись. – Отдел археологии Восточной Европы и Сибири Гос. Эрмитажа.

звериного стиля реальных событий противостояния родов или военно-политических союзов эпохи разложения родового строя [1972]. По мнению А.Д. Грача, сюжеты звериного стиля были призваны прославлять торжество победителя, апофеоз войны, право сильного, славу и победу, а “соединение тотемистической первоосновы и магического значения объектов и сюжетов произведений скифо-сибирского искусства лежало в основе семантики этих произведений” [1980, с. 83]. Установившаяся традиция определяет содержание скифского искусства звериного стиля как отражение тотемизма. Так, А.А. Нейхардт в работе, посвященной историографии отечественной скифологии, отметила, что “звериный стиль свидетельствует в первую очередь о преобладании тотемистических представлений в религии скифов” ([1982, с. 213]; см.: [Доватур, Каллистов, Шишова, 1982, с. 39]).

Многочисленные интерпретации памятников скифо-сибирского искусства основывались на тотемизме первобытных охотников, а также на промысловой, симпатической или военной магии. Помимо археологов, к тотемизму и магии как основам искусства кочевников Евразии обращались этнологи и фольклористы, определяя истоки мифологических систем народов Сибири в древностях скифской эпохи. Например, тюркологи А.-М. фон Габэн и Ж.-П. Ру, изучавшие мифологию народов Северной Азии, сцену терзания “скифо-сибирской” торевтики трактовали как “борьбу народов, являющихся разными тотемами” либо как воплощение симпатической магии: “атакующий хищник идентифицируется с человеком-охотником, и в этом заключено магическое значение этих произведений искусства” [Roux, 1966, р. 95, 172].

Некоторые исследователи объясняли магическую семантику искусства ранних кочевников Евразии не охотой, а военным бытом степняков-скотоводов. По мнению И.В. Яценко, “магическое содержание звериного стиля своими корнями связано с древними тотемистическими представлениями”, но назначение этого искусства в том, чтобы наделять воина – обладателя предметов с изображениями животных, прежде всего оружия, – атрибутами этих животных, и поэтому в образах зверей “подчеркивалось то, что убивало жертву… и то, что помогало выследить ее” [1971, с. 131–133]. К.Ф. Смирнов полагал, что главный характер скифо-сибирского искусства звериного стиля – магический, а животные в изображениях символизируют определенные качества (зоркость, силу, ловкость и смелость в бою) [1976, с. 75, 88]. А.П. Смирнов считал изображения зверей в сюжетах скифского искусства оберегами, которые и ограждали людей от беды, и давали им качества зверя [1966, с. 167]. А.М. Хазанов и А.И. Шкурко определяли звериный стиль как “нерасчлененное единство социальных, этико-эстетических и религиозных ком-

понентов”, социальной основой которого была военная аристократия, а религиозной – магические представления [1976, с. 44].

Сторонники “мифологического” подхода критиковали такое понимание, считали его примером “расчленения” компонентов, составляющих природу стиля. В определении мировоззренческой основы искусства звериного стиля как сочетания тотемизма и охотничьей или военной магии, в ориентации на мировоззрение первобытных охотников критики подобных подходов усматривали тенденцию архаизировать скифское общество и уровень социальных отношений ираноязычного населения Евразии. Сама же магическая концепция понималась как невыводимое из анализа археологических источников заключение, как теория, сконструированная а priori и апплицированная к изобразительным памятникам (см.: [Дудко, 1985]).

Более подробно способ интерпретации сюжетов скифского искусства аргументировал Г.А. Федоров-Давыдов, полагавший, что предметы звериного стиля служили оберегами, амулетами и апотропеями: “древний анимизм и аниматизм наделял изображение качествами живого существа, способного помочь человеку”. Апотропеем является не изображение животного, а то, что исследователь называет “предметом-животным”, в котором образ зверя неотделим от вещи [Федоров-Давыдов, 1976, с. 22–24]. Создание фантастических персонажей на примере образов пазырыкского искусства Г.А. Федоров-Давыдов объяснял желанием заполучить более сильный оберег; в русле этого предположения сцену терзания он трактовал как процесс проникновения одного животного в другое, чтобы стать его “полезной частью”. В результате соединения несоденимых в природе частей, мистически воплощавших различные качества зверей, получались “сверхсинтетические” существа, самые сильные апотропеи, в которых быстроногий олень сливался бы с мощным тигром [Федоров-Давыдов, 1975]. Идея исследователя о тесной связи изображений с артефактами, на которых они помещались, представляется очень продуктивной, но вряд ли назначение предметов с изображениями в зверином стиле можно сводить только к магической функции оберега.

В дискуссиях 1970-х – 1980-х гг. подходы к интерпретации искусства звериного стиля на основе охотничьей и военной магии подвергались критике сторонниками “мифологической концепции”. Необоснованной представляется тенденция искусственного вычленения “магии” как основы изобразительного искусства из общей системы верований, поскольку понятие магии обычно используется как общее обозначение разнообразных обрядов и соответствующих им поверий. По И.М. Дьяконову, “магия… есть совокупность способов воздействия на природные силы с помощью метонимически-ассоциативных

средств и отражает точно то же состояние мышления, что и мифология” [1990, с. 181].

“Мифологическая” концепция. Археологи, развивавшие с конца 1960-х гг. иной подход к анализу семантики скифо-сакского искусства, в частности Д.С. Раевский, Е.Е. Кузьмина, указывали на невозможность объяснить феномен звериного стиля выражением исключительно магических представлений, ссылаясь на то, что в истории человечества никогда не было эпохи, в которой рефлексия в отношении окружающего мира сводилась бы к магии (см.: [Арутюнов, 1982, с. 140]). Д.С. Раевский показал, что гипотеза об исключительно магическом значении образов звериного стиля не соответствует уровню развития скифской религии.

Я.А. Шер, определяя методику изучения семантики древнего искусства, в частности наскальных изображений Средней и Центральной Азии, указывает, что “мифические образы, обряды и магические действия – части единой ритуально-мифологической моделирующей системы”, в которой магические действия, заклинания, гимны были соотнесены с образным строем изобразительного искусства [1980, с. 258–262]. Миф, функционировавший в качестве универсальной знаковой системы, актуализировался в ритуале, призванном обеспечить миропорядок. Согласно В.Н. Топорову, именно ритуал был колыбелью изобразительного искусства [1982, с. 18]. Е.Е. Кузьмина предложила интерпретацию сюжета противоборства пары животных (коны и верблюды), основанную на соотнесении авестийского гимна Тиштрии и текстов магических заклинаний на согдийском языке, читавшихся во время обряда вызывания дождя, с сюжетами изображений [1978, с. 105–106]. Принципы парциальной магии, возможно, отражены в парциальных изображениях зверей, акцентированных видовых признаках животных, “зооморфных превращениях” и т.п.

Таким образом, можно говорить о магической составляющей мифо-ритуальной картины мира и вероятном соотнесении магических действий и представлений о качестве оружия, одежды или ритуальных атрибутов с сюжетами и образами изобразительного искусства, но невозможно объяснить феномен звериного стиля выражением исключительно магических представлений или воплощением тотемов древних племен. Исследователи, не отрицавшие магического назначения атрибутов с изображениями в зверином стиле, избегали выделять магию как главную причину анимализма скифской эпохи. По мнению М.И. Артамонова, на том уровне религиозного мышления, которого достигло население Евразии в первой половине I тыс. до н.э., зооморфные персонажи “играли роль оберегов” и одновременно “воплощали в себе злые и добрые космические силы, наполнявшие мир” [1968, с. 45]. Восходящие к искусству Передней Азии и связанные с “иранским дуалистическим ми-

ровоззрением”, эти изображения служили апотропеями-амuletами, с одной стороны, и воплощениями космических сил – с другой. По М.И. Артамонову, представления о борьбе противоположных стихийных начал, характерные для иранского религиозного мировоззрения и отраженные в образности Древнего Востока, были переработаны на просторах Евразии в соответствии с местными верованиями и тотемическими традициями, примером чего на Алтае являются пазырыкские конские маски и образ “человеко-зверя с олеными рогами” на войлочном ковре из Пятого Пазырыкского кургана [1973, с. 235].

В связи с дискуссией по проблемам языкоznания (1951) и критикой марризма (в т.ч. теории стадиальности и “яфетической теории” Марра, на которые ориентировались исследования исторической семантики изобразительных памятников в рамках изучения “палеонтологии мышления”) “мифологическая” концепция в определенном смысле была дискредитирована. Однако работы, базировавшиеся на строгом источниковедческом анализе, например исследования К.В. Тревер на древнеиранских письменных и изобразительных материалах, не утратили значения. В данном направлении в 1920-х – 1940-х гг. с памятниками скифо-сарматской эпохи работали сотрудники Государственной академии истории материальной культуры К.В. Тревер, И.И. Мещанинов, А.А. Миллер, Л.А. Мацулевич. Мифология как основа скифского искусства считалась утраченной, а источники, касающиеся прежде всего азиатской части Евразии, не позволяли выйти на уровень достоверных интерпретаций.

“Мифологическая” концепция семантики искусства звериного стиля развивалась на фоне становления структурно-семиотического направления, работ Тартусской школы по теории знаковых систем, новых открытых памятников скифской эпохи в Евразии и развития методов реконструкции общественных отношений по археологическим источникам. Наиболее достоверные результаты получены в ходе реализации Д.С. Раевским, Е.Е. Кузьминой, А.К. Акишевым, Б.И. Мозолевским, С.С. Бессоновой, Д.Г. Савиновым и другими археологами методов семантической реконструкции в рамках “мифологической” концепции содержания скифо-сибирского искусства. Д.С. Раевский значительно расширил возможности изучения скифо-сакской мифологии и искусства, дав развернутую характеристику скифской религиозно-мифологической системы как части мифологии древнеиранской [1977, 1985]. Основным источником для реконструкции служили сюжетные изображения на драгоценных культовых сосудах, расшифрованные им как графическое выражение этногонической скифской легенды. При этом Д.С. Раевский показал, что преобладание в скифо-сакском искусстве зооморфных персонажей связано с “автономным антропо-

поморфному коду способом моделирования мира”, зооморфные образы которого образуют стабильную знаковую систему, “призванную адекватно выражать скифскую модель мира” [1979, с. 74; 1985, 2003].

Значительный вклад в изучение семантики искусства звериного стиля внесли работы Е.Е. Кузьминой. Исследовательница рассматривает скифо-сакский звериный стиль как знаковую систему бесписьменных народов Евразии, как “воплощение в изобразительном искусстве всего строя их мышления, их мифологии и фольклора” [1977, с. 119]. Для работ Е.Е. Кузьминой, посвященных анализу содержания скифского искусства, характерен переход от случайных иранских аналогий к системному анализу скифской духовной культуры как части мифологии индо-иранской (см., напр.: [Кузьмина, 2002]).

Ряд оригинальных исследований Е.В. Переводчиковой посвящен разработке проблемы “языка звериных образов” скифского искусства [1979, 1980, 1994]. Принципиальное значение имеют результаты работ Е.В. Переводчиковой, проводившиеся с целью выявить изобразительные способы воплощения в искусстве звериного стиля древней классификации животного мира путем выделения совокупности признаков изображений. Исследовательница, разделяя точку зрения о том, что в искусстве звериного стиля “посредством зооморфных образов выражались определенные идеологические представления”, показала, что при дифференциации персонажей скифского звериного стиля в качестве маркеров разных сфер мироздания служили различные приемы трактовки разных групп звериных образов [1994, с. 13–16, 24–27]. А.К. Акишев предложил реконструкцию значения ансамбля зооморфных персонажей как выражения сакской “модели мира” в парадном одеянии “золотого человека” из кургана Иссык. Прочтение семантики звериных образов, как показал А.К. Акишев, – один из путей реконструкции иссыкской “космограммы” [1984].

Следует отметить, что сторонники “мифологической” концепции иначе, чем исследователи, разделяющие идеи о тотемном характере образов звериного стиля, рассматривают понятие “totemism”. Концепция К. Леви-Строса о тотемизме как первобытной классификационной системе [Lévi-Strauss, 1962; Леви-Строс, 1994, с. 37–110], на основе которой сложились развитые классификации древности, в т.ч. “мифопоэтическая” традиция, космологические, социальные модели и т.п., была принята этнологами, археологами, культурологами. Животные в таких системах классификации явлений природного и культурного мира “выступают как один из вариантов мифологического кода” – зооморфического, отдельные элементы которого “имеют постоянно закрепленное за ними значение” и играют роль своеобразных классификаторов [Топоров, 1982; 1987б, с. 440–448].

Шаманизм. Древности пазырыкской культуры не раз были интерпретированы в свете популярной в XX в. концепции шаманизма. Основным источником для шаманских прочтений пазырыкских реалий был комплекс Второго Пазырыкского кургана. Ф. Ханчар определил погребенного в этом кургане как шамана [Hančar, 1952], с чем категорически был не согласен С.И. Руденко [1960, с. 322–323]. С.С. Сорокин [1978], Ф.Р. Балонов [1987], Г.Н. Курочкин [1988, 1992, 1993, 1994] обращались к идеи Ф. Ханчара, расширяя возможное восприятие “шаманистической окраски” пазырыкской культуры в целом. При этом С.С. Сорокин и Ф.Р. Балонов считали возможным видеть в погребенном во Втором Пазырыкском кургане шамана “высокого ранга”, тесно связанного с миром духов и, возможно, исполнявшего функции вождя.

Изучая мировоззрения ранних кочевников Алтая, С.С. Сорокин обратился к назначению пазырыкских артефактов и иконографии ряда зооморфных образов [1978]. Очень интересны его версии и подход к выяснению причин, обусловивших изображение реальных и фантастических животных на седельных подвесках, теле вождя из Второго Пазырыкского кургана и гвоздях в крышке колоды из Большого Берельского кургана [Там же, с. 182–189]. С.С. Сорокин предлагал интерпретацию пазырыкского изобразительного комплекса, основываясь на том, что “шаманизм в той форме, которая нам хорошо известна по этнографическим материалам, уже существовал на Алтае в середине I тыс. до н.э.”; вождь из Второго Пазырыкского кургана мог быть шаманом, а фигуры животных на конской узде и саркофаге из Берельского кургана – изображениями добрых духов из пантеона ранних кочевников Алтая.

В середине 1980-х гг. Г.Н. Курочкин в серии публикаций предложил свое прочтение семантики элитных погребальных комплексов пазырыкской культуры, содержания изобразительных сюжетов и назначения ансамбля ритуальных атрибутов, основанное на выдении в археологических памятниках эпохи ранних кочевников на Алтае истоков шаманизма сибирских народов. Он определял могильник Пазырык как “корпоративное кладбище верховных жрецов”, считая, что на Алтае был “сакральный центр скифского мира” [1993]. Основанием служил весьма ограниченный круг источников, например, бальзамированные тела погребенных с татуировкой, музыкальные инструменты, в т.ч. резонансный “барабан-тамбурины”. Методы интерпретации изобразительного комплекса пазырыкской культуры (например, анализ сюжетов на войлочном ковре из Пятого Пазырыкского кургана) [Курочкин, 1988, 1993; Зуев, 1992], позволявшие авторам выявить шаманскую “окраску” пазырыкской культуры, мне представляются необоснованными, а выводы – заданными априорной установкой на некую совершенно искусственно

сконструированную разновидность шаманских верований – “скифо-сибирский шаманизм” и желанием представить Пазырыкский могильник как корпоративное кладбище жреческой аристократии.

С отражением шаманских представлений о строении мироздания Г.Н. Курочкин связывал материалы не только Больших Пазырыкских, но и рядовых курганов в истоках Чуи, сравнивая изобразительный ряд пазырыкских головных уборов со структурой “шаманской” картины мира, атрибутами шаманских обрядов и т.п. [1988, 1992, 1994]. Л.С. Марсадолов также считал вождя из Второго Пазырыкского кургана жрецом и шаманом и допускал возможность определять изображения фантастических зверей его татуировки как образы увиденных в состоянии транса зверей “астрального мира”, таким образом “материализованных” и проникших в мир людей [2003, с. 375].

В свете данных о пазырыкской культуре, полученных в ходе исследований на плато Укок Н.В. Полосьмак и В.И. Молодиным, такие феномены пазырыкской культуры, как мумификация и татуировка, теряют свою “шаманскую” уникальность. Что касается “шаманистической окраски” найденных в Пазырыке музыкальных инструментов – роговых “барабанов” (см.: [Руденко, 1953, с. 324–325]), то после исследований В.Д. Кубарева на Юстыде [1991, с. 68], Н.В. Полосьмак в Ак-Алахе I (кург. 1) [1994б, с. 25, 28, рис. 18] и Ак-Алахе III (кург. 1) [2001, с. 198, рис. 133], а В.И. Молодина в Верх-Кальджине II (кург. 1) и в Верх-Кальджине II (кург. 3) [2000а, с. 95, рис. 102; с. 113, рис. 142] стало ясно, что они являются роговыми сосудами бокаловидной формы. Обнаружение таких “барабанов” на Укоке *in situ* в отсеке для утвари в одном ряду с керамическими и деревянными сосудами [Феномен..., 2000, с. 71, рис. 62; с. 95, рис. 102; с. 113, рис. 142; с. 146, рис. 175, 4] позволяет заключить, что данные изделия не являются музыкальными инструментами и вряд ли могут иметь какое-либо отношение к “пазырыкскому шаманизму”.

Таким образом, “шаманистическая окраска” пазырыкской культуры есть лишь следствие ошибочной атрибуции артефактов (“барабаны” как атрибуты шаманского культа), а также произвольного прочтения содержания ритуалов (трактовка пазырыкской мумификации в свете этнографических сибирских материалов как посмертное (?) “посвящение в шаманы”) и изобразительных сюжетов (якобы “шаманское” содержание изображений на войлочных коврах из Пятого Пазырыкского кургана). Развитием подобных интерпретаций стали “метареконструкции”, связанные с определением мест “сакральных центров” Евразии в эпоху ранних кочевников, с восстановлением истории перемещений этих центров, а также опыты ранжирования археологических культур по степени их “идеологической нагрузки”.

Более продуктивным представляется не поиск соответствий между “уникальными”, экстраординарными по полноте и сохранности или просто необычными археологическими материалами и отдельными элементами шаманизма народов Сибири, а анализ мифоритуального комплекса ранних кочевников Евразии в контексте индоиранской мифологической традиции. Зафиксированные для скифов и других ираноязычных народов черты культуры, которые отдельные исследователи сравнивали с шаманскими, видимо, восходят к элементам мифоритуальной практики индоиранцев, типологически сходным, как считают Г.М. Бонгард-Левин, Э.А. Грантовский, К. Мейли, Г. Нюберг, Ф. Фюссман, Ж. Келленс, Ф. Жинью и др., с “шаманским комплексом” сибирских народов. Однако чаще археологи предпочитают либо видеть изображения шаманов прошлого в маскированных или зоантропоморфных персонажах наскального искусства Центральной Азии и Южной Сибири [Боковенко, 1996], либо определять шаманский характер “религиозной” системы, исходя из особенностей погребальных ритуалов носителей определенных археологических культур [Кузьмин, 1992]. Обратившись к сюжетам пазырыкской деревянной резьбы, пронизанным “идеями борьбы и круговорота”, Н.А. Боковенко даже определил наличие “северного варианта буддизма”, бывшего, по его мнению, наряду с зороастризмом и шаманизмом составной частью “саяно-алтайской” религиозной системыnomадов Центральной Азии [1996, с. 41]. В.Д. Кубарев также был склонен трактовать некоторые мотивы в декоративно-прикладном искусстве ранних кочевников Алтая как “многочисленные символы буддизма” или некие “протобуддийские символы” [1984]. На мой взгляд, нет оснований для определения в пазырыкском археологическом комплексе элементов буддизма, зороастризма или каких-либо других религий древности.

Эзотерика. Совершенно оригинальное направление в интерпретации археологических памятников Южной Сибири, в т.ч. изобразительных, возможно, имеющих отношение к античным мифам об аримаспах и грифах, связано с работами Д.А. Мачинского. По мнению исследователя, аримаспов, считавшихся одноглазыми, можно соотнести с “трехглазыми” каменными изваяниями окуневской культуры в Минусинской котловине, где находился древний “сакральный центр”, который был “важнейшим фактом предыстории религиозной жизни Скифии” [1996, с. 3; 1989, 1995, 1997]. Согласно представлениям А.Д. Мачинского, этот центр возник в связи с миграцией носителей афанасьевской культуры, а в эпоху раннего железа он в силу каких-то причин “переместился” на Алтай. Наиболее подробно концепция А.Д. Мачинского, которую сам он называет лишь “системой ассоциаций”, изложена в работе “Уникальный

сакральный центр III – середины I тыс. до н.э. в Хакасско-Минусинской котловине” [1997]. Ассоциации соединяются данные античной традиции описания “восточных областей Скифии” и авторский анализ изобразительного комплекса окуневской культуры. Изучив по публикациям археологов-сибириеведов “развитие окуневской изобразительной традиции” и ее содержание, А.Д. Мачинский счел возможным сопоставить античные сведения об аrimаспах и гипербореях с каменными изваяниями Хакасско-Минусинской котловины [1997, с. 270–273, 275–277]. Под содержанием понимается воспроизведение на окуневских стелах эзотерического знания о “многослойном энергетическом поле человека”, которое отражено также в индо-тибетской эзотерической традиции. “Единственный глаз на челе аrimаспов”, населявших в эпоху Аристея “северо-восточную треть Казахстана”, но пришедших туда с востока [1996, с. 4], – не что иное, как “чакра аджна”, орган экстрасенсорного зрения, показанный на минусинских изваяниях. Таким образом, по А.Д. Мачинскому, античные авторы, описав аrimаспов одноглазыми, зафиксировали традиции эзотерических знаний обитателей уникального южно-сибирского “сакрального центра” эпохи бронзы, “переместившегося” в скифскую эпоху с берегов Енисея на просторы Алтая.

На мой взгляд, данные выводы сделаны на основе интуитивного эзотерического подхода к трактовке археологических артефактов и письменных источников. Идеи северного буддизма – ваджраяны – предлагаются соотнести с афанасьевскими и окуневскими археологическими древностями. Показательно, что обоснованию этих аллюзий Д.А. Мачинскому служат не капитальные труды индологов – Т.Я. Елизаренковой, Я. Гонды или Л. Рену, а работы современных мистиков и теософов. При этом сам метод откровений и интуитивных ассоциаций не верифицируется, а аксиоматическое знание не проверяется рациональными суждениями. Например, выделение “сакрализованного слоя общества аrimаспов” – “одноглазых ясновидящих” [1996, с. 5] – представляется авторской интерпретацией, основанной исключительно на экстрасенсорном прочтении источников.

Между тем, исходя из подобных ассоциаций, исследователь соединяет многочисленные факты культурной истории Евразии от Средиземноморья до Южной Сибири в диапазоне от III до I тыс. до н.э. Блуждающий между Енисеем и Алтаем центр “интенсивной сакрализации” определяется и по картографированию археологических реалий, и по элементам древнеиранской картины мира, произвольно связываемой Д.А. Мачинским с Южной Сибирью. Любопытно, что Н.Ю. Кузьмин, основываясь на результатах изучения генезиса шаманизма по археологическим материалам, заставил евразийский “сак-

ральный центр” “пропутешествовать” в обратном направлении, т.е. с Алтая на Енисей [1992, с. 128–129]. Таким образом, характер источников и глубина ассоциаций позволяют авторам перемещать “сакральные центры” Евразии как с запада на восток, так и с востока на запад, а также определять своеобразный синтетический характер духовной культуры населения Саяно-Алтая: “символизм индоевропейских и шаманистских представлений особенно ярко проявляется в пазырыкских курганах Алтая” [Там же, с. 128].

А.Д. Мачинский отмечает, что памятники афанасьевской культуры известны на Алтае [1996, с. 8–11], и “сакральный центр, судя по всему, перемещается с VI в до н.э. в Горный Алтай”, где в материалах погребений, относящихся к “корпорации” “верховных жрецов-шаманов” (по Г.Н. Курочкину), “прослеживается развитие многих тем… афанасьевско-окуневской религиозной традиции” [Мачинский, 1997, с. 280]. В пазырыкских налобниках “особо богато украшенных коней” Д.А. Мачинский видит не только солярные знаки, но и “знаки третьего глаза” [Там же]. Однако круглая форма налобной конской бляхи представляется совершенно недостаточным аргументом в пользу определения следов “переживания афанасьевско-окуневских религиозных тем” у пазырыкцев.

Таким образом, мистико-интуитивный способ постижения евразийских культурных реалий дает возможность Д.А. Мачинскому на уровне ассоциаций сопрягать археологические источники с фрагментами свидетельств античных авторов. Кроме того, данный метод позволяет в известном смысле создавать новый гиперборейский миф о “сакральных центрах” в Сибири – на Енисее и Алтае. Представляется, что уровень достоверности подобных “метареконструкций” определен методологией их построения в рамках когнитивного поля, где общепринятые критерии объективности, базирующиеся на принципах картезианской науки, не действуют. Постулируемое “шаманистическое” содержание пазырыкской культуры, выделение “центров сакральности” в Евразии, “история” перемещения этих центров, введение “эзотерических” прочтений археологических реалий в исторические реконструкции “ранней истории религиозной жизни Скифии” [Мачинский, 1995, с. 57–60; 1996, с. 3; 1997] и интерпретации на основе “тонкочувственных” ассоциаций сюжетов изобразительного искусства, на мой взгляд, не дают оснований для территориального определения “земли аrimаспов”.

При этом обращение к предыстории самого сюжета о борьбе аrimаспов и грифов, или, в терминах эзотерики, к его “прошлой жизни”, представляет несомненный интерес, прежде всего с точки зрения отражения в нем мифологических представлений его создателей. Мнение Г.М. Бонгард-Левина и Э.А. Грантовского о том, что легенда об аrimаспах

и грифах восходит к общеарийским представлениям о загробном мире, позволяет в античном сюжете о борьбе пигмеев с журавлями (Гомер, Илиада, III, 5–7) усматривать прямую параллель “скифскому мифу”. Опираясь на сравнительный анализ многочисленных вариантов подобного сюжета о борьбе фантастических персонажей, великанов или карликов с птицами (данные иранской и индийской мифологической традиции), можно сделать вывод, что в основе всех версий лежит индоевропейская мифологема [Запорожченко, Черемисин, 1997]. Она реконструируется следующим образом: на границе миров обитают тератологические существа – стражи входа в по ту сторону мир – одноглазые великаны, безносые карлики, пигмеи, змеи и другие чудовища. В “иной мир” могут проникать лишь фантастические птицы, вступающие в жестокие схватки с его охранниками и доставляющие “туда” души умерших, а “оттуда” – новую жизнь (напиток бессмертия, в поздних версиях – золото). Свидетельством архаичности исходной мифологемы могут являться, с одной стороны, сходные мотивы в мифологии дардов и кафиров Гиндукуша, а с другой – сюжет скандинавской мифологии о похищении меда поэзии Одином, по Ж. Дюмезилю, – общеиндоевропейский, или миф о похищении золотых яблок орлиноподобным великанином Тьяцци, причем в отместку Один лишает Тьяцци зрения. И “скифская”, и античная версии включают исходный текст, но только в инвертированном виде – грифоны превратились в охранников золота, а аrimаспы стали его похитителями. Античная традиция сохраняет несколько версий исходного мифа, контаминировавших между собой и ставших благодаря Аристею и Геродоту общим местом позднейших историко-географических сочинений. Актуализации варианта грифономахии греки, видимо, обязаны скифам. Материалами археологических памятников Евразии (Пятый Пазырыкский курган, саркофаги из Вульчи) подтверждается идея М.И. Ростовцева о возможной связи данного сюжета, в частности изображений сцен герономахии в росписях “склепа пигмеев” в Керчи, с погребальным культом [Там же, с. 83–90].

Античной традиции об аrimаспах, восходящей к Аристею Проконесскому и ставшей общим местом историко-географических сочинений, посвящена обширная литература. Присутствие в античном и “греко-скифском” искусстве сюжета противоборства человека и фантастического грифона вызывает обращение к этой теме археологов. Все изобразительные памятники, запечатлевшие данный сюжет (килик из Вульчи, Келермесское зеркало, калаф из Большой Близницы и др.), подчеркивают “скифский” характер мифа (одежда, головные уборы, оружие варваров), что позволяет видеть в нем отражение скифской легенды, сохраненной античными авторами. По Д. Бол-

тону, сюжет о борьбе аrimаспов с грифами восходит к скифскому эпосу (к легендам исседонов), с которыми греков познакомил Аристей [Bolton, 1962].

В исторических интерпретациях традиционно учитывается локализация “стерегущих золото грифов” и борющихся с ними за золото одноглазых аrimаспов у Рипейских гор. С аrimаспами гипотетически отождествляются носители различных археологических культур эпохи бронзы и скифского времени, однако этногеографические определения исследователей противоречивы и недостоверны (античные сведения о Рипейских горах на краю земли гипотетически соотносили практически со всеми значительными горными системами Евразии; характеристика аrimаспов как конных воинов, вызвавших подвижкуnomадов “из глубин Азии”, применима к широкой кочевнической среде и т.д.) (см.: [Черемисин, 1987]).

Грифон – один из главных персонажей эпической традиции, сохраненной античными авторами. Грифон – центральная фигура, воплощающая мифологический персонаж, чей образ в искусстве культур скифского круга в Сибири собственно и позволяет исследователям проецировать античный миф об аrimаспах и “стерегущих золото грифах” на археологические материалы Южной Сибири – Алтая и Минусинской котловины. Преобладание образа грифона в искусстве пазырыкской культуры стало основанием для соотнесения сведений Геродота, восходящих к Аристею Проконесскому о “стерегущих золото грифах”, с носителями пазырыкской культуры (С.И. Руденко, Н.В. Полосьмак). Особо актуальной для Алтая является тема “Пазырыкский грифон и современность” (см.: [Марсадолов, 1996; Самушкина, 2006]).

Образ фантастической “птицы” на гербе Республики Алтай, нового регионального субгосударственного образования, официально определен как “трифон – Кан-Кереде”; в нем совмещены восходящий к античной мифологии образ и персонаж алтайского эпоса, связанный с ведийским Гарудой и ламаизмом. В персонаже, изображенном на республиканском гербе, совершенно отчетливо воспроизведены черты пазырыкской иконографии образа; реальным прототипом является фигура орлиного грифона на седельной покрышке из Второго Пазырыкского кургана* [Руденко, 1948, с. 15, табл. СV, I]. Л.С. Марсадолов, базируясь на эзотерических (астрологических) дефинициях, считает возможным определять грифона как

*Авторами альбома, выпущенного издательством “Ак-Чечек” и представляющим собой компиляцию фотографий наиболее ярких археологических артефактов разных эпох и культур с территории Горного Алтая, республиканский герб воспроизведен на одной странице с данным изображением грифона из Второго Пазырыкского кургана [Древние курганы..., 1998].

персонаж “темного подземного мертвого астрального мира” [2003, с. 372]. По его мнению, именно этот “астральный зверь” погубил династию пазырыкских вождей, а связанный с образом грифона символ на гербе Республики Алтай пагубно влияет на социальное развитие края [2003]. Дискуссии о “вредоносном” или “благостном” воздействии этого символа в качестве герба на современную жизнь региона ведутся в Горном Алтае на уровне государственных структур, в Курултае и т.п. до сих пор; последний всплеск споров связан с выпуском в 2006 г. юбилейной монеты с изображением герба республики, что лишний раз свидетельствует об актуальности исследования семантики персонажей пазырыкского звериного стиля.

Имитация. Следует дать оценку еще одной новейшей тенденции в исследовании мировоззрения населения Евразии скифской эпохи, тем более что речь идет о духовной культуре носителей пазырыкской культуры. П.К. Дашковский в серии публикаций тезисного характера и в кандидатской диссертации предложил реконструкции социальной структуры и “системы мировоззрений населения Алтая пазырыкского времени” [2002]. Источниками сведений о “мировоззрениях” и об особенностях “ментального развития пазырыкцев” [Там же, с. 4] ему послужили археологические материалы, антропологические определения и результаты палеогенетических анализов, статьи и монографии исследователей-археологов, труды специалистов в области разных научных дисциплин (“литература по теоретическим аспектам изучения социальной и духовной сферы общества”), материалы религиоведения, исторической науки, лингвистики, психологии, этнографии, а также “религиозно-философские источники” [Там же, с. 4–5]. Использование “системно-структурного подхода” к изучению этих источников, по мнению автора, позволяет реконструировать несколько мировоззренческих комплексов – по крайней мере два, поскольку речь идет именно о “мировоззрениях” пазырыкцев.

Впоследствии П.К. Дашковский в соавторстве с А.А. Тишким предпринял “структурно-аналитическое” изучение объектов пазырыкской культуры [Тишким, Дашковский, 2003, с. 244], материалов погребально-поминальной обрядности пазырыкцев и в итоге определил их религиозно-мифологическую систему как синтез иранской религиозной традиции (“маздаизма” в его митраистском варианте), шаманизма как “более ранней формы религии”, элементов индоиранской религиозной традиции и индоевропейских верований [Там же, с. 277–279]. Кроме того, соавторами, по их словам, зафиксирована “трансляция архетипов” в обрядах и искусстве пазырыкцев и другие “тенденции в мировоззренческом и ментальном развитии nomadov Центральной Азии” [Там же, с. 280–284]. Судя по названию, в данной работе идет

речь о нескольких различных “мировоззрениях” населения Алтая скифской эпохи.

На мой взгляд, полученные выводы не связаны с настоящей реконструкцией мифоритуального комплекса пазырыкцев на основе материалов археологии; они являются следствием применения методов наук, традиционно применяемых к корпусу источников, отличных от источников археологических. В результате использования методов аналитической психологии, у соавторов это “структурно-семиотический психоанализ” [Там же, с. 125], в частности психологии личности (что вряд ли допустимо в отношении психологии членов родового или потестарного общества), к изучению погребальных археологических комплексов в последних можно усмотреть любые (какие угодно) архетипы. В погребениях “и в искусстве” пазырыкцев авторам удалось обнаружить архетипы в том понимании, как их трактуют медицина и психоанализ, а не культурология (у пазырыкцев, согласно реконструкциям соавторов, это “архетип Героя”, “архетип Самости”, “архетип Мирового дерева” и “многие другие” архетипы) [Там же, с. 284]. Далекими от археологических дефиниций воспринимаются зафиксированные авторами у пазырыкцев “комплексы” – “комплекс коня” и “комплекс Вселенной” [Дашковский, 2002, с. 21; Тишким, Дашковский, 2003, с. 279]. Какими методами удалось это установить и каким образом проявились многочисленные “архетипы” в искусстве, – в публикациях не уточняется, но П.К. Дашковский и А.А. Тишким утверждают, что им удалось определить “трансляцию” архетипов. Обращение к сравнительному религиоведению и истории религии позволило им выявить в “религии” пазырыкцев элементы не только зороастризма, но и “классического маздаизма”, или “вариант западно-иранских верований”, а также шаманизма и т.п. [Дашковский, 2002, с. 19–21; Тишким, Дашковский, 2003, с. 277, 283].

Данные результаты и способы их получения мне представляются необоснованными. При подобном подходе к названным соавторами “источникам” вряд ли возможно выделить собственно пазырыкское мировоззрение, ту специфику, которая отличает идеологию носителей пазырыкской культуры от какой-либо иной. Может быть, поэтому в работе соавторов речь всегда идет о нескольких разных “мировоззрениях”? На мой взгляд, основанием для достоверных исторических реконструкций служат определение и изучение реального культурного контекста тех или иных комплексов артефактов. В рамках этого контекста воссоздается сфера представлений носителей культуры или их мировоззрение, но не различные “мировоззрения”, если только не понимать как несколько мировоззрений пресловутые “менталитет” и “ментальность” пазырыкцев [Тишким, Дашковский, 2003, с. 120–126]. П.К. Дашковский в многочисленных пуб-

ликациях, которые по содержанию в значительной мере дублируют друг друга, очень высоко оценивает личный вклад в дело реконструкции “мировоззрений” носителей пазырыкской культуры и фиксации их “ментального развития”, по-моему, безосновательно связывая особые возможности постижения мира идеей древнихnomадов с методами аналитической психологии и даже предлагая опыты “психоархеологии”. Между тем не учитываются методологические строгие требования при обращении к теории архетипов (см.: [Раевский, 1998, 1999]). Например, обнаруженный соавторами “архетип Мирового дерева” не относится к архетипам, а является культурологической моделью, которую в своих трудах разрабатывал В.Н. Топоров. Реконструкции “мировоззрений”, выполненные П.К. Дашковским и А.А. Тишкиным на основе “литературы по теоретическим аспектам изучения социальной и духовной сферы общества”, на мой взгляд, вовсе таковыми не являются; скорее их можно определить как имитацию действительной реконструкции, украшенную множеством сносок на труды Ф. Броделя, М. Вебера, Л. Февра, Ж. Дерриды, М. Элиаде, Э. Фромма, К. Юнга и его последователей и т.п.

Показательно, что соавторы, реализуя собственный “системно-структурный подход”, в конкретной реконструкции мировоззренческих и мифологических представлений пазырыкцев, созданной Н.В. Полосьмак и основанной не на цитатах, а на междисциплинарном синтезе в изучении источников [Полосьмак, 1992, 1993а, б, 1994а, б, 1996, 1997, 1999, 2002а, б], смогли определить лишь методологическую основу ее работ “по довольно сложной теме”, оценить “высокий уровень обработки археологического материала” и усмотреть основания для конструктивной критики. При этом они совершенно не заинтересовались результатами (которые стоило бы учесть в собственном анализе “системы мировоззрений”), хотя исследовательница, по их снисходительным оценкам, успешно реконструировала “определенные верования и обряды ранних кочевников Алтая” [Тишкин, Дашковский, 2003, с. 89–91].

Новейшие опыты реконструкции мировоззрения пазырыкцев и дискуссии о природе искусства звериного стиля. Образцами, на мой взгляд, являются исторические реконструкции, в т.ч. мировоззренческие, выполненные на основании корпуса археологических источников пазырыкской культуры М.П. Грязновым [1937, 1950, 1956, 1961]* и С.И. Руденко [1948, 1953, 1960, 1961], во многом по-разному видевших исторические реалии, отраженные в археологическом комплексе Больших Пазырыкских курганов. Новый этап в изучении пазырыкской культуры связан с работами С.С. Сорокина, В.Д. Кубарева, Д.Г. Савинова, А.С. Суразакова, Л.С. Марсадолова, З.С. Самашева,

А.-П. Франкфорта и других археологов, раскопками которых открыты и исследованы массовые рядовые пазырыкские памятники и более редкие захоронения знати (Берель). В конце XX в. новый корпус чрезвычайно информативных источников был получен и осмыслен в ходе исследования неразграбленных комплексов Укока (раскопки Н.В. Полосьмак и В.И. Молодина) [Полосьмак, 1994, 1996, 1997, 1999, 2000а–г, 2001; Молодин, 2000а, б, 2003; Феномен..., 2000; Полосьмак, Молодин, 2000]. Новые данные, составляющие основу для разнообразных реконструкций, получены также в результате продолжения исследований могильника Берель [Самашев и др., 2000; Самашев, Мыльников, 2004] и материалов Больших Пазырыкских курганов [Балонов, 1991; Баркова, 1984, 1985, 1987, 1995, 1999, 2003; Баркова, Панкова, 2005; Полосьмак, Баркова, 2005].

Н.В. Полосьмак на основе изучения совокупности новейших материалов из раскопок на плато Укок предложила реконструкцию мировоззренческих и мифологических представлений пазырыкцев [1997, 1999, 2000а–г, 2001]. Имея в качестве предмета исследования уникальный корпус источников, а отправной точкой данные, полученные в результате междисциплинарного синтеза естественных и гуманитарных наук, Н.В. Полосьмак обратилась к содержанию ритуалов (практике мумификации), костому, мужским и женским головным уборам и прическам, татуировкам пазырыкцев. В результате проведенных исследований Н.В. Полосьмак обосновала ряд заключений, позволяющих представить многие аспекты пазырыкского общества в этнографическом приближении. Н.В. Полосьмак исследовала культурные связи пазырыкцев и контекст погребений представителей разного социального статуса; особое место в ее работах заняли сюжеты, связанные с изучением “женской сферы” в культуре древних скотоводов Алтая.

Многие выводы Н.В. Полосьмак, основанные на тонких наблюдениях и глубоком анализе, имеют прямое отношение к сюжетам и образам изобразительного искусства; некоторым из них (образы рыбы, грифона, “феникса”) посвящены разделы монографий или отдельные статьи. Однако предметом специального исследования изобразительный комплекс Укока или только могильников Кутургунтас и Ак-Алаха не стал, и в реконструкции мировоззрения и мифологии пазырыкцев “зооморфический” код как один из вариантов или одна из составляющих мифологического кода специально ею подробно не исследовался. При этом заключения Н.В. Полосьмак о головных уборах, прическах, одежде пазырыкцев, о конском убранстве и т.п. могут служить отправной точкой для реконструкции их мифологических представлений.

Впервые обнаруженные полностью сохранившиеся образцы головных уборов, например, подтвердили

*См. также: Грязнов М.П. Пазырык...

наши представления о месте и роли зооморфных деталей уборов, большая серия которых была уже известна по материалам раскопок рядовых пазырыкских погребений в истоках р. Чуи. Благодаря раскопкам Н.В. Полосьмак значительно увеличен корпус источников по многим категориям погребального инвентаря, что делает заключения о роли определенных классов артефактов и месте тех или иных изображений в структуре погребального комплекса гораздо более достоверными, а реконструкции – более обоснованными. Н.В. Полосьмак строго придерживается методики исторических реконструкций, предлагая панораму возможных прочтений в свете данных этнографии, фольклора и мифологии народов Сибири. Исследовательница очень осторожна в том, что касается интерпретаций “информации” о социальном статусе, семейном положении и т.п., которая заложена в женские головные уборы и прически, полагая, что достоверно можно судить только о символике убора [2001, с. 155].

Не менее ценные результаты изучения неразграбленных мерзлотных захоронений, исследованных В.И. Молодиным в могильнике Верх-Кальджин и других пазырыкских курганах Укока [Молодин, 2000а, 2003; Феномен..., 2000; Полосьмак, Молодин, 2000, 2003]. В.И. Молодин отметил ряд закономерностей формирования пазырыкского археологического комплекса, затронул проблемы интерпретации назначения ряда ритуальных атрибутов, в частности наверший головных уборов и нашейных гринен. Он привлек пазырыкские изобразительные материалы для решения проблем, связанных с историческими судьбами пазырыкской культуры, что наряду с проблемой ее генезиса стало предметом специального исследования в рамках оригинальной авторской концепции [2000б; 2003, с. 157–163, рис. 107–109].

На мой взгляд, даже для пазырыкской культуры, сохранившей благодаря мерзлоте огромный корпус археологических свидетельств, обычно разрушенных временем, актуально положение о том, что для реконструкции мифологии “изобразительное искусство является единственным или по крайней мере самым авторитетным источником информации, ибо создает условия для реконструкций, которые невозможны на материале других источников” [Топоров, 1987б, с. 485]. Собственно, таким же образом оценивал изобразительный комплекс Первого Пазырыкского кургана и М.П. Грязнов, полагавший, что “основная масса изображений... в Пазырыке... представляет собой изображения религиозного содержания и позволяет установить особенности мировоззрения и религиозных представлений ранних кочевников Алтая”*. “Памятники изобразительного искусства... знакомящие нас с кругом идей и представлений пазырыкского обще-

ства... представляют собой наибольшую ценность для изучения именно этих вопросов” [Там же, с. 356].

М.П. Грязнов считал, что такие представления формировались, возможно, задолго до эпохи ранних кочевников и в дальнейшем своем развитии послужили основой для сложения мировоззрения современных народов Алтая. Как установил исследователь, только в одном комплексе Первого Пазырыкского кургана на 206 бляхах, аппликациях и бронзовых изделиях размерами от 0,05 до 1 м и более имеются изображения 11 разных зверей и фантастических чудовищ в 45 вариантах. По его заключению, все изображенные животные являются представителями местной фауны, “мифические чудовища и... реальные звери изображены на одних и тех же предметах, в одних и тех же местах, теми же изобразительными приемами, часто вместе в одной композиции... Очевидно, что и чудовища, и реального вида звери являются одной категорией образов” [Там же, с. 72]. Большая часть артефактов из Первого Пазырыкского кургана, как отмечал М.П. Грязнов, была изготовлена специально для погребения. По его мнению, изобразительное искусство Пазырыка позволяет предположить, что у ранних кочевников Алтая существовали “представления о делении мира на три части – землю, небо и подземный мир”; обитателями каждого из них были “различающиеся по степени могущества” персонажи.

Заключение

Обзор истории развития исследовательских стратегий в изучении семантики звериного стиля Евразии позволяет сделать вывод о возможности постижения содержания сюжетов и образов этого искусства. Изучение семантики искусства звериного стиля – часть реконструкции мифологических представлений скотов, саков и других евразийских народов I тыс. до н.э. Наиболее продуктивным видится анализ изображений в рамках “мифологической” концепции содержания сюжетов и образов. Опыты реконструкции семантики искусства звериного стиля основаны на методике “прочтения текста” изобразительных памятников искусства евразийских степей скифского времени [Кузьмина, 1983; Раевский, 1985], которая предполагает изучение на разных уровнях – уровне мифологических универсалий, в контексте общеиндоевропейских и индоиранских мифологем, к которым восходят фиксируемые феномены духовной культуры ираноязычных народов скифской эпохи, и на уровне собственно скифских представлений.

При реконструкции мировоззрения, на мой взгляд, наиболее продуктивны подходы, связанные с реализацией методов семиотического исследования содержания скифского искусства и мифологии. К дан-

*См. также: Грязнов М.П. Пазырык... – С. 365.

ному исследовательскому направлению некоторые ученые относятся критически. Так, В.А. Кореняко предпринял попытку трансформировать представления об искусстве скифо-сибирского звериного стиля [2002а]. Реконструкции Д.С. Раевского, по его мнению, являются демонстрацией якобы неудовлетворительного состояния практики применения методов, лишь претендующих на статус “структурно-семиотических”, поскольку они сосредоточены на изучении содержания образов. Синтаксике же и прагматике, как разделам семиотики, по мнению В.А. Кореняко, приверженцы “структурно-семиотического метода” не уделяли достаточного внимания. В.А. Кореняко подвергает тотальному сомнению предложенные подходы к трактовке природы данного феномена (дефиницию, определение социальных, эмоциональных, психофизиологических и эстетических основ, заключения о технологиях производства артефактов и семантике конкретных образов и композиций, а также этимологию древних этнонимов) в рамках собственной “эндогенной” гипотезы, согласно которой истоки искусства звериного стиля связаны с субкультурой охотников-звероловов – участников облавных охот, чьей добычей были живые звери. Принимая во внимание “не замеченные” археологами изображения, подобные произвольно трактованной фигуре кабана на зеркале из могильника Жиланды, ландшафтное районирование памятников скифской эпохи на территории Ставропольского края, поэтические описания охоты в литературных памятниках нового и новейшего времени, нарративных средневековых источниках и другие сведения, В.А. Кореняко постулирует собственное прочтение ряда сюжетов искусства звериного стиля как воспроизведение пойманных живьем и “связанных” диких животных. Именно эта “прагматика”, по его мнению, определила и стилистику искусства звериного стиля [Там же].

По древним изображениям исследователь даже считает возможным определить, каким именно способом были связаны пойманные животные, например кабан из Жиланды [Там же]. Следует отметить, что его заключения полностью противоречат выводам Л.Б. Ермолова, изучавшего способы охоты на кабана в скифскую эпоху и убедительно показавшего, что только металлические орудия эпохи бронзы сделали охоту на дикого кабана относительно безопасной для человека, а этого зверя – одним из основных объектов охоты населения Евразии [1980, с. 160]. Еще более надежным способом добычи стало поражение кабана с лошади; именно данный способ запечатлен в большинстве сцен охоты на кабана в евразийских изобразительных памятниках эпохи раннего железа и средневековья.

С точки зрения В.А. Кореняко, его “прагматическая” “эндогенная” “военно-охотничья” гипотеза позволяет

предложить “конкретную реконструкцию семантики наиболее популярных и простых образов раннекочевнического искусства” во всем спектре составляющих [2002а, с. 175]. На мой взгляд, концепция В.А. Кореняко умозрительна и не обоснована сколько-нибудь серьезным корпусом источников и доказательств; музейные этнографические коллекции декоративно-прикладного искусства народов Центральной Азии XIX–XX вв., на которые он ссылается [2002б], не являются таковыми. Гипотеза о связи феномена звериного стиля с достаточно узким половозрастным и социальным слоем населения степной Евразии не работает при анализе материалов культур, к которым принадлежит представительный массив изображений в зверином стиле на артефактах, имеющих отношение не только к эlite общества ранних кочевников. Сфера прагматики изображений в зверином стиле пазырыкской культуры, по моему мнению, значительно шире того, как ее представляет В.А. Кореняко. Фиксируемые на пазырыкских материалах принципы сочетания определенных зооморфных образов с конкретными группами артефактов, причем вне зависимости от социальных и половозрастных страт общества (часть анализа, соответствующая выяснению синтаксики искусства звериного стиля как “текста”) [Черемисин, 2006], только подтверждают результаты семантических реконструкций в рамках “мифологической концепции” и, в частности, заключения Д.С. Раевского относительно искусства звериного стиля как феномена культуры, отражающего представления о “картине мира” ираноязычного населения степной Евразии I тыс. до н.э. Следует отметить, что претенциозность публикаций В.А. Кореняко и строгость, с которой он проводит экспертизу концепций С.И. Руденко, Н.Л. Членовой, Д.Г. Савинова, Д.С. Раевского, Н.Ф. Корольковой, В.И. Абаева и других исследователей, столь существенно не соответствует методологии, на которой базируются его собственные “эндогенные” построения, что всерьез соотнести глубину его экстравагантной концепции, противопоставляемой альтернативным подходам к анализу искусства звериного стиля, не представляется возможным. Результаты нашего исследования лишний раз демонстрируют несостоятельность критики структурно-семиотического метода, предпринятой с позиций искусствознания, охотоведения и музеологии [Кореняко, 2002а].

Корпус источников пазырыкской культуры позволяет предложить более достоверные реконструкции содержания сюжетов и образов звериного стиля. Возможности верификации гипотез и выбора интерпретационных подходов связаны с археологическим контекстом, не нарушенным благодаря мерзлоте. Реконструкция семантики сюжетов и образов искусства пазырыкцев возможна при сохраненной структуре ансамблей древних артефактов с изображениями в зверином стиле. Так, изобразительный ряд пазырыкских го-

ловных уборов строго структурирован. Как следует из результата анализа изображений на головных уборах, система зооморфных образов связана с выражением картины мира, в которой верхний мир маркирован образом птицы (форма головного убора, навершия), средний – копытными: оленями и рогатыми травоядными с признаками разных животных. В одном ряду с данными персонажами, изображения которых закреплены за атрибутами разных зон головных уборов, находятся образы хищников (волк, барс, грифон), запечатленные на нашейных гривнах. Их фигуры занимают нижний регистр изобразительного ряда, связанного с головой погребенного. На мой взгляд, хищники на гривнах противопоставлены копытным в налобной зоне головного убора и маркируют языкком зооморфных образов нижний мир [Черемисин, 2006].

Изобразительный ряд пазырыкских атрибутов с фигурами на погребальных облачениях с птицами в верхней части головного убора, оленями и фантастическими копытными в средней части и с хищниками на шее погребенных, а также рыбами, соответствующими сфере телесного “низа”, представляет срез картины мира, переданной посредством зооморфных образов. Достаточно четко явленная структура ансамблей артефактов, которая позволяет говорить о контекстуальных связях зооморфных изображений, очевидно, отражала существовавшую у пазырыкцев иерархию животных, в соответствии с которой за разными персонажами звериного стиля было закреплено определенное место в системе образов на ритуальных атрибутиках. Одним из способов презентации мифологем было создание визуального ряда и манифестация изобразительных текстов в парадно-церемониальных ритуалах, в т.ч. в погребальном обряде. В убранстве коней, сопровождавших элитные пазырыкские захоронения (в культово-церемониальных масках, на седельных подвесках, парадной узде), развернуты ансамбли зооморфных изображений, связанных с актуализацией сюжета терзания жертвенного коня [Черемисин, 2005].

Сформированные на источниках из памятников, не сохраняющих предметы из недолговечных материалов, представления об искусстве звериного стиля как феномене, связанном с родовой знатью или с военной дружиной, не соответствуют реалиям пазырыкской культуры. В одинаковых предметах с одинаковыми изображениями в социально разнородных захоронениях мужчин, женщин и детей можно видеть выражение определенных мифологем, единых для всего общества, их презентацию в ритуале погребения языкком изобразительного искусства. Обращение к контексту зооморфных образов на предметах, связанных с погребальной обрядностью носителей пазырыкской культуры, позволяет выявить структуру ансамблей ритуальных атрибутов с изображениями и сделать вывод о продуктивности применения структурно-семиотического

метода к анализу назначения и семантики искусства звериного стиля. Это дает надежду на возможность реконструкции определенных аспектов мировоззрения пазырыкцев. В отношении антропоморфных сюжетов в искусстве пазырыкской культуры следует отметить, что они уже были интерпретированы в качестве ценного источника исторических реконструкций [Баркова, Гохман, 1994; Кляшторный, Савинов, 1998].

Список литературы

- Акишев А.К.** Искусство и мифология саков. – Алматы: Наука КазССР, 1984. – 176 с.
- Артамонов М.И.** Происхождение скифского искусства // СА. – 1968. – № 4. – С. 27–45.
- Артамонов М.И.** Сокровища саков. – М.: Искусство, 1973. – 279 с.
- Арутюнов С.А.** Исследование магии и религии // СЭ. – 1982. – № 2. – С. 139–141. – Рец. на кн.: Фрэзер Дж. Золотая ветвь. – М.: Изд-во полит. лит., 1980. – 831 с.
- Балонов Ф.Р.** Пазырыкские этюды // Исторические чтения памяти М.П. Грязнова. – Омск: Ом. гос. ун-т, 1987. – Ч. 1. – С. 91–94.
- Балонов Ф.Р.** Ворсовый пазырыкский ковер: семантика композиции и место в ритуале (опыт предварительной интерпретации) // Проблемы интерпретации памятников культуры Востока. – М.: Наука, 1991. – С. 88–122.
- Баркова Л.Л.** Резные изображения животных на саркофаге из 2-го Башадарского кургана // АСГЭ. – 1984. – Вып. 25. – С. 83–89.
- Баркова Л.Л.** Изображения рогатых и крылатых тигров в искусстве древнего Алтая // АСГЭ. – 1985. – Вып. 26. – С. 30–44.
- Баркова Л.Л.** Образ орлиноголового грифона в искусстве древнего Алтая (по материалам Больших Алтайских курганов) // АСГЭ. – 1987. – Вып. 28. – С. 5–30.
- Баркова Л.Л.** О хронологии и локальных различиях в изображении травоядных и хищников в искусстве ранних кочевников Алтая (опыт статистического анализа) // АСГЭ. – 1995. – Вып. 32. – С. 60–76.
- Баркова Л.Л.** Конская маска из Первого Пазырыкского кургана // АСГЭ. – 1999. – Вып. 34. – С. 97–101.
- Баркова Л.Л.** Предметы звериного стиля из коллекции П.К. Фролова // Степи Евразии в древности и средневековье: Мат-лы Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. М.П. Грязнова. – СПб., 2003. – Кн. 2. – С. 14–19.
- Баркова Л.Л., Гохман И.И.** Происхождение ранних кочевников Алтая в свете данных палеоантропологии и анализа их изображений // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху. – СПб.: ИИМК РАН, Гос. Эрмитаж, 1994. – С. 24–35.
- Баркова Л.Л., Панкова С.В.** Татуировки на мумиях из Больших Пазырыкских курганов (новые материалы) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2005. – № 2. – С. 48–59.
- Бернштам А.Н.** Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – 207 с. – (МИА; № 26).

- Боковенко Н.А.** Проблема реконструкции религиозных системnomадов Центральной Азии в скифскую эпоху // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху: Мат-лы Междунар. конф. – СПб., 1996. – С. 39–43.
- Бонгард-Левин Г.М., Грантовский Э.А.** От Скифии до Индии. Древние арии: мифы и история. – 2-е изд. – М.: Мысль, 1983. – 206 с.
- Гольмстен В.В.** Из области культа Южной Сибири // Из истории докапиталистических формаций: Сб. статей к 45-летию науч. деятельности Н.Я. Марра. – М.; Л.: ОГИЗ, 1933. – С. 100–124.
- Грач А.Д.** Произведения скифо-сибирского искусства в пределах этнокультурных зон азиатских степей // Тез. докл. III Всесоюз. конф. по вопросам скифо-сарматской археологии. – М., 1972. – С. 29–32.
- Грач А.Д.** Древние кочевники в центре Азии. – М.: Наука, 1980. – 256 с.
- Грязнов М.П.** Пазырыкский курган. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. – 46 с.
- Грязнов М.П.** Первый Пазырыкский курган. – Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1950. – 92 с.
- Грязнов М.П.** Войлок с изображением борьбы мифических чудовищ из Пятого Пазырыкского кургана на Алтее // СГЭ. – 1956. – Вып. 9. – С. 40–42.
- Грязнов М.П.** Древнейшие памятники героического эпоса народов Южной Сибири // АСГЭ. – 1961. – № 3. – С. 7–31.
- Дашковский П.К.** Основные аспекты изучения религиозно-мифологических и мировоззренческих представлений пазырыкцев // Древности Алтая. – Горно-Алтайск: Горно-Алт. гос. ун-т, 2001. – С. 73–80.
- Дашковский П.К.** Социальная структура и система мировоззрений населения Горного Алтая скифского времени: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Барнаул, 2002. – 24 с.
- Доватур А.И., Каллистова Д.П., Шишова И.А.** Народы нашей страны в “Истории Геродота”. – М.: Наука, 1982. – 456 с.
- Древние курганы Алтая: Фотоальбом.** – Горно-Алтайск: Ак-Чечек, 1998. – 128 с.
- Дудко Д.М.** Религиозно-мифологическая семантика скифского звериного стиля: история исследования // Народы Азии и Африки – 1985. – № 4. – С. 151–160.
- Дьяконов И.М.** Архаические мифы Востока и Запада. – М.: Наука, 1990. – 247 с.
- Ермолов Л.Б.** К вопросу о происхождении культа кабана в скифское время // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. – Кемерово: Кем. гос. ун-т, 1980. – С. 156–164.
- Запорожченко А.В., Черемисин Д.В.** Ариаспы и грифы: изобразительная традиция и индоевропейские параллели // ВДИ. – 1997. – № 1. – С. 83–90.
- Зуев В.Ю.** Исповедимые пути божественного всадника (по материалам ковровых полотен и погребального обряда в Пазырыке) // Северная Евразия от древности до средневековья: Тез. докл. конф. к 90-летию со дня рожд. М.П. Грязнова. – СПб., 1992. – С. 131–134.
- Киселев С.В.** Древняя история Южной Сибири. – 2-е изд. – М.: Изд-во АН СССР, 1951. – 642 с.
- Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г.** Пазырыкская узда. К предыстории хунно-юэчжийских войн // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. – СПб.: Культ-информ-пресс, 1998. – С. 169–177.
- Кондаков Н.П.** Очерки и заметки по истории средневекового искусства. – Прага, 1929.
- Кореняко В.А.** Происхождение скифо-сибирского звериного стиля (pragmaticальные аспекты семиотики) // Структурно-семиотические исследования в археологии. – Донецк: Донецк. нац. ун-т, 2002а. – Т. 1. – С. 131–188.
- Кореняко В.А.** Искусство народов Центральной Азии и звериный стиль. – М.: Вост. лит., 2002б. – 328 с.
- Кубарев В.Д.** Протобуддийские символы в древнеалтайском искусстве // Периховские чтения, 1984 год: Мат-лы конф. – Новосибирск: Новосиб. картин. галерея, 1984. – С. 193–199.
- Кубарев В.Д.** Курганы Юстыда. – Новосибирск: Наука, 1991. – 189 с.
- Кузьмин Н.Ю.** Генезис алтее-саянского шаманизма по археологическим источникам // Северная Евразия от древности до средневековья: Тез. докл. конф. к 90-летию со дня рожд. М.П. Грязнова. – СПб., 1992. – С. 125–130.
- Кузьмина Е.Е.** Скифское искусство как отражение мировоззрения одной из групп индоиранцев // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. – М.: Наука, 1976а. – С. 52–65.
- Кузьмина Е.Е.** О семантике изображений на чертомлыцкой вазе // СА. – 1976б. – № 3. – С. 68–76.
- Кузьмина Е.Е.** В стране Кавата и Афрасиаба. – М.: Наука, 1977. – 144 с.
- Кузьмина Е.Е.** Сюжет противоборства двух животных в искусстве азиатских степей // КСИА. – 1978. – Вып. 154. – С. 102–106.
- Кузьмина Е.Е.** Сцена терзания в искусстве саков // Этнография и археология Средней Азии. – М.: Наука, 1979. – С. 78–83.
- Кузьмина Е.Е.** О “прочтении текста” изобразительных памятников искусства евразийских степей скифского времени // ВДИ. – 1983. – № 1. – С. 95–106.
- Кузьмина Е.Е.** Опыт интерпретации некоторых памятников скифского искусства // ВДИ. – 1984. – № 1. – С. 93–108.
- Кузьмина Е.Е.** Сюжет борьбы хищника и копытного в искусстве “звериного” стиля евразийских степей скифской эпохи // Скифо-сибирский мир. Искусство и идеология. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 3–12.
- Кузьмина Е.Е.** Мифология и искусство скифов и бактрийцев. – М.: Рос. ин-т культурологии, 2002. – 286 с.
- Курочкин Г.Н.** Сюжетные изображения на войлочных кошмах из V Пазырыкского кургана (к предыстории шаманизма в Южной Сибири и Центральной Азии) // Историография и источники изучения исторического опыта освоения Сибири: Тез. докл. Всесоюз. науч. конф. – Новосибирск, 1988. – Вып. 1. – С. 78–79.
- Курочкин Г.Н.** Скифо-сибирский шаманизм (к реконструкции религиозной системы ранних кочевников Саяно-Алтая) // Вторые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. – Омск: Ом. гос. ун-т, 1992. – С. 39–41.
- Курочкин Г.Н.** Сакральный центр ранних кочевников на Алтае (археолого-этнографическая реконструктивная модель) // Проблемы культурогенеза и культурное наследие: Мат-лы Междунар. конф. – СПб., 1993. – Ч. 2: Археология и изучение культурных процессов и явлений. – С. 93–98.
- Курочкин Г.Н.** Скифские корни сибирского шаманизма // Петербург. археол. вестник. – 1994. – № 8. – С. 60–68.

- Леви-Строс К.** Первобытное мышление. – М.: Республика, 1994. – 384 с.
- Марр Н.Я.** Средства передвижения, орудия самозащиты и производства в доистории. – Л.: Изд-во АН СССР, 1926. – 48 с.
- Марр Н.Я.** К отчету о заграничной командировке (17.III – 22.VI.1929) // Доклады Академии наук СССР. – 1929. – № 17. – С. 321–327.
- Марсадолов Л.С.** Пазырыкский грифон и современность // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху: Мат-лы Междунар. конф. Проект “Скифо-сибирика”. – СПб., 1996. – С. 137–139.
- Марсадолов Л.С.** Грифон – хранитель золота Капитал-бога и их антиноосферная сущность // Вернадскианская революция в системе научного мировоззрения – поиск ноосферной модели будущего человечества в XXI веке. – СПб.: [Б.и.], 2003. – С. 371–378.
- Мачинский Д.А.** Боспор Киммерийский и Танаис в истории Скифии и Средиземноморья VIII–V вв. до н.э. // Кочевники евразийских степей и античный мир (проблемы контактов): Мат-лы 2-го Археол. семинара. – Новочеркасск, 1989. – С. 7–30.
- Мачинский Д.А.** Минусинские “трехглазые” изображения и их место в эзотерической традиции // Проблемы окуневской культуры: Мат-лы конф. – СПб., 1995. – С. 57–60.
- Мачинский Д.А.** Земля аrimаспов в античной традиции и “простор ариев” в Авесте // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху: Мат-лы Междунар. конф. – СПб., 1996. – С. 3–14.
- Мачинский Д.А.** Уникальный сакральный центр III–середины I тыс. до н.э. в Хакасско-Минусинской котловине // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. – СПб.: Petro-RIF, 1997. – С. 265–287.
- Молодин В.И.** Культурно-историческая характеристика погребального комплекса № 3 могильника Верх-Кальдин II // Феномен алтайских мумий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2000а. – С. 86–119.
- Молодин В.И.** Пазырыкская культура: проблемы этногенеза, этнической истории и исторических судеб // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000б. – № 4. – С. 131–142.
- Молодин В.И.** Этногенез, этническая история и исторические судьбы носителей пазырыкской культуры Горного Алтая // Население Горного Алтая в эпоху раннего железного века как этнокультурный феномен: происхождение, генезис, исторические судьбы (по данным археологии, антропологии, генетики). – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2003. – С. 148–178.
- Молодин В.И., Полосьмак Н.В.** Археологические комплексы эпохи раннего железа плоскогорья Укок как источник интеграционных исследований // Население Горного Алтая в эпоху раннего железного века как этнокультурный феномен: происхождение, генезис, исторические судьбы (по данным археологии, антропологии, генетики). – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2003. – С. 14–62.
- Нейхардт А.А.** Скифский рассказ Геродота в отечественной историографии. – М.: Наука, 1982. – 240 с.
- Переводчикова Е.В.** Келермесская секира и формирование скифского звериного стиля // Проблемы истории античности и средних веков. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1979. – С. 138–155.
- Переводчикова Е.В.** О возможности исследования скифского звериного стиля как изобразительной системы // Проблемы истории античности и средних веков. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1980. – С. 112–124.
- Переводчикова Е.В.** Язык звериных образов. Очерки искусства евразийских степей скифской эпохи. – М.: Вост. лит., 1994. – 206 с.
- Полосьмак Н.В.** Изображение рыбы в пазырыкском искусстве // Северная Евразия от древности до средневековья: Тез. докл. конф. к 90-летию со дня рожд. М.П. Грязнова. – СПб., 1992. – С. 134–138.
- Полосьмак Н.В.** О греческих параллелях некоторым древнекитайским мифам // Культурогенетические процессы в Западной Сибири. – Томск: Том. гос. ун-т, 1993а. – С. 95–96.
- Полосьмак Н.В.** Птица “феникс” в искусстве пазырыкской культуры // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1993б. – Ч. 1. – С. 169–173.
- Полосьмак Н.В.** К вопросу о древней татуировке // Гуманитарные науки в Сибири. – 1994а. – Вып. 2. – С. 3–8.
- Полосьмак Н.В.** “Стерегущие золото грифы” (Ак-Алахинские курганы). – Новосибирск: Наука, 1994б. – 124 с.
- Полосьмак Н.В.** Пазырыкская культура. Реконструкция мировоззренческих и мифологических представлений: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 1997. – 54 с.
- Полосьмак Н.В.** Воинские шлемы пазырыкцев // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1999. – С. 148–151.
- Полосьмак Н.В.** Пазырыкские войлоки: Укокская коллекция // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000а. – № 1. – С. 94–100.
- Полосьмак Н.В.** Татуировка у пазырыкцев // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000б. – № 4. – С. 95–102.
- Полосьмак Н.В.** Погребальный комплекс кургана Ак-Алаха-3 // Феномен алтайских мумий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2000в. – С. 57–85.
- Полосьмак Н.В.** Мумификация и бальзамирование у пазырыкцев // Феномен алтайских мумий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2000г. – С. 120–124.
- Полосьмак Н.В.** Всадники Укока. – Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2001. – 335 с.
- Полосьмак Н.В.** Мнемонические средства пазырыкцев // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы Годовой сессии ИАЭт СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2002. – Т. 8. – С. 426–428.
- Полосьмак Н.В., Баркова Л.Л.** Костюм и текстиль пазырыкцев Алтая (IV–III в. до н.э.). – Новосибирск: ИНФОЛИО, 2005. – 232 с.
- Полосьмак Н.В., Молодин В.И.** Памятники пазырыкской культуры на плоскогорье Укок // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 4. – С. 66–87.
- Раевский Д.С.** Очерки идеологии скифо-сакских племен. Опыт реконструкции скифской мифологии. – М.: Наука, 1977. – 216 с.
- Раевский Д.С.** Из области скифской космологии (опыт семантической интерпретации пекторали из Толстой Могилы) // ВДИ. – 1978. – № 3. – С. 115–133.
- Раевский Д.С.** О причинах преобладания в скифском искусстве зооморфных мотивов // Третья Всесоюз. конф.

“Искусство и археология Ирана и его связь с искусством народов СССР с древнейших времен”: Тез. докл. – М., 1979. – С. 73–75.

Раевский Д.С. Модель мира скифской культуры: проблемы мировоззрения ираноязычных народов евразийских степей I тыс. до н.э. – М.: Наука, 1985. – 256 с.

Раевский Д.С. Мифологические универсалии как инструмент интерпретации древних изобразительных памятников // Международная конференция по первобытному искусству: Тез. докл. – Кемерово, 1998. – С. 46–48.

Раевский Д.С. Некоторые замечания об интерпретации древних изобразительных памятников // Международная конференция по первобытному искусству: Тез. докл. – Кемерово, 1999. – С. 118–123.

Раевский Д.С. Скифский звериный стиль: поэтика и прагматика // Древние цивилизации Евразии. История и культура: Мат-лы конф. – М.: Вост. лит. РАН, 2001. – С. 364–382.

Раевский Д.С. Звериный стиль скифской эпохи как культурно-исторический феномен индоиранского мира // Scripta Gregoriana: Сб. в честь семидесятилетия академика Г.М. Бонгард-Левина. – М.: Вост. лит. РАН, 2003. – С. 147–154.

Руденко С.И. Второй Пазырыкский курган. – Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1948. – 73 с.

Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая скифского времени. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. – 403 с.

Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая скифского времени. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 360 с.

Руденко С.И. Искусство Алтая и Передней Азии (середина I тыс. до н.э.). – М.: Вост. лит. 1961. – 66 с., 18 табл.

Самашев З.С., Базарбаева Г., Жумабекова И., Сунгатай С. Берел. – Алматы: ОФ “Берел”, 2000. – 56 с.

Самашев З.С., Мыльников В.П. Деревообработка у древних скотоводов Казахского Алтая. – Алматы: ОФ “Берел”, 2004. – 230 с.

Самушкина Е.В. Этнические символы республики Алтай: проблема мобилизации этничности (конец XX – XXI в.) // Алтай – Россия: через века в будущее: Мат-лы Всерос. науч.-практич. конф., посвящ. 250-летию вхождения алтайского народа в состав Российской государства (16–19 мая 2006 года). – Горно-Алтайск: РИО Горно-Алт. гос. ун-та, 2006. – С. 146–149.

Смирнов А.П. Скифы. – М.: Наука, 1966. – 200 с.

Смирнов К.Ф. Савромато-сарматский звериный стиль // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. – М.: Наука, 1976. – С. 74–89.

Сорокин С.С. Отражение мировоззрения ранних кочевников Алтая в памятниках материальной культуры // Культура Востока. Древность и раннее средневековье. – Л.: Аврора, 1978. – С. 172–191.

Тиштин А.А., Дашковский П.К. Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2003. – 429 с.

Топоров В.Н. Первобытные представления о мире (общий взгляд) // Очерки истории естественно-научных знаний в древности. – М.: Наука, 1982. – С. 8–40.

Топоров В.Н. Животные // Миры народов мира. – 2-е изд. – М.: Сов. энцикл., 1987а. – Т. 1. – С. 440–449.

Топоров В.Н. Изобразительное искусство и мифология // Миры народов мира. – 2-е изд. – М.: Сов. энцикл., 1987б. – Т. 1. – С. 483–488.

Федоров-Давыдов Г.А. О сценах терзания и борьбы зверей в памятниках скифо-сибирского искусства // Успехи среднеазиатской археологии. – Л.: Наука, 1975. – С. 23–28.

Федоров-Давыдов Г.А. Искусство кочевников и Золотой Орды. – М.: Искусство, 1976. – 227 с.

Феномен алтайских мумий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2000. – 318 с.

Хазанов А.М., Шкурко А.И. Социальные и религиозные основы скифского искусства // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. – М.: Наука, 1976. – С. 40–52.

Черемисин Д.В. Античная традиция об аримаспах и грифах и проблемы этногеографии скифского мира // Проблемы археологии степной Евразии: Тез. докл. – Кемерово, 1987. – Ч. 2. – С. 16–18.

Черемисин Д.В. О семантике рогатых маскированных лошадей пазырыкских курганов // Археология, этнография, антропология Евразии. – 2005. – № 2. – С. 129–140.

Черемисин Д.В. Семантика искусства звериного стиля пазырыкской культуры (по материалам рядовых мерзлотных погребений юго-восточного Алтая) // Современные проблемы археологии России: Мат-лы Всерос. археол. съезда. – Новосибирск, 2006. – Т. 2. – С. 330–332.

Черников С.С. Загадка золотого кургана. – М.: Прогресс, 1965. – 189 с.

Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история тагарской культуры. – М.: Наука, 1967. – 300 с.

Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. – М.: Наука, 1980. – 328 с.

Яценко И.В. Искусство скифских племен Северного Причерноморья // История искусства народов СССР. – М.: Изобразительное искусство, 1971. – Т. 1: Искусство первобытного общества и древнейших государств на территории СССР. – С. 116–137.

Alfoldi A. Über die theriomorphe Weltbetrachtung in den hochasiatischen Kultur // Archäologisher Anzeiger. – 1931. – N 1. – S. 394–418.

Andersson J.-G. Hunting Magic in the Animal Style // BMFEA. – 1932. – N 4. – P. 221–317; tabl. I–XXXVI.

Bolton J. Aristeas of Proconnesus. – Oxford: Oxford Univ. Press, 1962. – 258 p.

Farkas A. Interpreting Skythian art. East vs. West // Artibus Asiae. – 1977. – T. 39, N 2. – P. 124–138.

Hančar F. Altai-Skifhen und Schamanismus // Actes du IV Congrès international des sciences anthropologiques et ethnologiques. – Vienne, 1952. – Vol. 2. – P. 183–189.

Laszlo Gy. L'art des nomades. – Budapest: Corvina, 1972. – 158 p.

Lévi-Strauss C. Le totemisme aujod'hui. – P.: Plon, 1962. – 153 p.

Roux J.-P. Faune et flore sacrées dans les sociétés altaïque. – P.: Maisonneuve, 1966. – 478 p.

УДК 903.27

О.С. Советова

Кемеровский государственный университет
ул. Красная, 6, Кемерово, 650043, Россия
E-mail: olgasovetova@yandex.ru

К ВОПРОСУ ОБ “ИСКУССТВОВЕДЧЕСКОМ” И “АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ” ПОДХОДАХ К ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ

Введение

Интерпретация изобразительных источников представляет собой одну из наиболее сложных и дискуссионных проблем (см., напр.: [Раевский, 1999, с. 118–123; Молодин, 2004, с. 59–60]). Сразу же отметим, что в данной статье речь пойдет о конкретном типе изобразительных памятников – наскальных изображениях. Ответ на вопрос: что изображено? является одним из ключевых в исследовании петроглифов и всегда вызывает исследовательский интерес. От этого ответа зависят многие исторические выводы (связанные, например, с изображениями тех или иных реалий (и их использованием), определенных видов животных и др.), а также понимание многих мировоззренческих вопросов конкретной эпохи. Совершенно очевидно, что данная проблема еще далеко не исчерпана, ее осмысление невозможно без многоуровневого подхода – от него зависит полнота и глубина наших представлений о жизни, мировоззрении и мироощущении людей прошлого.

В третьем номере журнала “Археология, этнография и антропология” за 2006 г. опубликована статья Д.В. Черемисина “К дискуссии об информативности петроглифов и методах их изучения”, в которой затронуты интересные и волнующие многих исследователей первобытного искусства вопросы. Но, пожалуй, наиболее остро прозвучала тема о соотношении “искусствоведческого” и “археологического” подходов к интерпретации наскального искусства. Мне совершенно понятен пафос статьи Д.В. Черемисина, но хотелось бы несколько под иным углом взглянуть

на отдельные аспекты этой большой и самостоятельной проблемы. Прежде всего обращают на себя внимание резкие суждения Д.В. Черемисина об использовании методов искусствоведения при анализе изобразительных памятников: их применение “не дает решающих аргументов для адекватного освещения исторической проблематики первобытного искусства” [Черемисин, 2006, с. 98]. Его основные оппоненты А.-П. Франкфор и Э. Якобсон также весьма категорично отмечают: “...исследователи наскального искусства... обычно уклоняются от дискуссий по вопросу совершенства отдельных образов и композиций” и сетуют о том, что изучение петроглифов археологами связано с анализом исключительно материального аспекта культуры в рамках хозяйственной деятельности человека. “Однако художественное творчество есть документальное отражение весьма специфических особенностей культуры, – отмечают они, – поэтому наскальное искусство необходимо рассматривать именно в таком свете. Для специалистов настало время обратиться к его эстетическим аспектам и попытаться выявить художественные особенности каждого конкретного изображения” [2004, с. 66].

Создается впечатление, что вечный спор между “физиками и лириками” выходит на новый виток, но по сути своей не несет ничего продуктивного. И вообще, на мой взгляд, водораздел между “искусствоведами” и “археологами” в данном случае является в значительной степени искусственным и мешающим процессу всестороннего изучения изобразительных памятников. Ведь и сами искусствоведы отмечают, что в принципе “предметные поля археологии и искусст-

вознания в области изучения наскального искусства во многом перекрываются. Общими вопросами при открытии каждого нового памятника являются проблемы датировки, культурной принадлежности, региональных и исторических взаимосвязей, выяснения смысла и семантики образа. Более того, и решаются они не только на сопоставлении содержательной стороны памятника, но и исходя из анализа его художественных особенностей” [Маточкин, 2000, с. 113]. Разные подходы зависят прежде всего от тех задач, которые ставит перед собой тот или иной исследователь. Поэтому несостоятельными останутся призывы к археологам в обязательном порядке давать “оценку качества” рисунков или к искусствоведу – отказаться от изучения последних методами искусствоведения. Ведь в конечном итоге каждый специалист имеет право на собственную точку зрения и взаимные претензии в данном случае неуместны. Более четверти века назад Я.А. Шер писал: “...первобытное искусство... можно изучать с разных сторон и различными методами: одни авторы предпочитают чисто археологический подход к петроглифам, как к исследованию источника культурно-исторических знаний; другие, пользуясь их результатами, рассматривают наскальные рисунки с искусствоведческих позиций; третьи – с позиций истории познания, психологии творчества... и т.п. Каждый из этих подходов не только имеет право на существование, но и необходим. Не может быть и речи о том, какой из них важнее или лучше” [1980, с. 8]. Сказанное актуально и сегодня. Главным достоинством археологического подхода следует считать совокупность используемых методов при анализе источников. Искусственное сужение понятия “археологический подход” и приводит к разделению на “своих” и “чужих”. Подобная дифференциация особенно неуместна, когда дело касается *интерпретации* изобразительных источников (пожалуй, наиболее сложной и уязвимой части исследовательской работы). Ведь порой даже самые, казалось бы, экстравагантные идеи могут иметь рациональное зерно и оказать важную услугу в разгадке заложенного в них смысла. Например, попробуем взглянуть на содержание наскальных сцен с несколько необычного ракурса. Сегодня уже объяснимы некоторые пристрастия художников того или иного исторического периода в выборе тем и образов, известны типичные сюжеты и т.п., но доступен ли нам для понимания заложенный в них эмоциональный контекст? В данной статье мне хотелось бы остановиться лишь на одном из аспектов затронутой проблемы и постараться ответить на вопросы: каковы были эстетические потребности создателей и потребителей “продукции” наскального искусства и способствует ли их раскрытие более глубокому проникновению в духовную культуру древних народов? Какова психология восприятия образов наскального искусства “зрителями” – современниками?

Об эмоциональном контексте изобразительных памятников

Д.В. Черемисин пишет: «...несостоятельны отсылки к особой “эмоциональной” и “художественной” природе памятников наскального искусства, в которых, согласно Э. Якобсон, реализовался индивидуальный творческий потенциал древних “художников”, определивший, по ее мнению, совершенно особую “информационность” петроглифов при “отображении жизни” по сравнению с погребальными комплексами...» [2006, с. 92]. В данном случае, на мой взгляд, следует определиться с тем, что вообще подразумевать под “эмоциональной” природой памятников наскального искусства. Может быть, стоит оценить силу воздействия на зрителя созданной художником “повествовательной картинки”, образы которой (или какая-то конкретная тема), наверное, вызывали в нем ответную реакцию радости/гнева или, наоборот, умиротворения? Разумеется, нет сомнения в том, что и “за типами погребальных конструкций невозможно не видеть эмоций их создателей, человеческих чувств, связанных со смертью родственников и соплеменников...” [Там же]. Потенциал археологических реконструкций действительно позволяет нам представить и восстановить имевшие место реальные события*. Наскальное искусство дает возможность, в частности, увидеть и понять многое из того, что при археологических реконструкциях выявить не удается, например, эмоции персонажей наскальных композиций, в которых отражаются определенные эстетические представления их создателей.

Думаю, ни у кого не вызывает сомнения, что с эстетической точки зрения многие рисунки, относящиеся к разным эпохам, выполнены с потрясающим мастерством. Вместе с тем многие разновременные изображения столь бесхитростны и маловыразительны, что возникает впечатление, будто они созданы совершенно бесстрастной рукой. Как же в таком случае можно понять эмоциональный подтекст образов наскальных композиций? Какими изобразительными средствами древний художник мог передавать сильные эмоции (боль, страх), проявления каких-то пограничных состояний (между жизнью и смертью или саму смерть)? Ведь, как известно, огромное количество наскальных сцен посвящено событиям, связанным именно с убийством животного или человека – на охоте или в сражении. Темы страдания и смерти были популярны в творчестве многих народов и хорошо известны нам по изобразительным источникам древнего мира (хронологически близкими с рас-

*Например, воспроизведенные в гипсе по методу Дж. Фиорелли тела погибших в помпейской катастрофе людей передают их ужасные предсмертные муки.

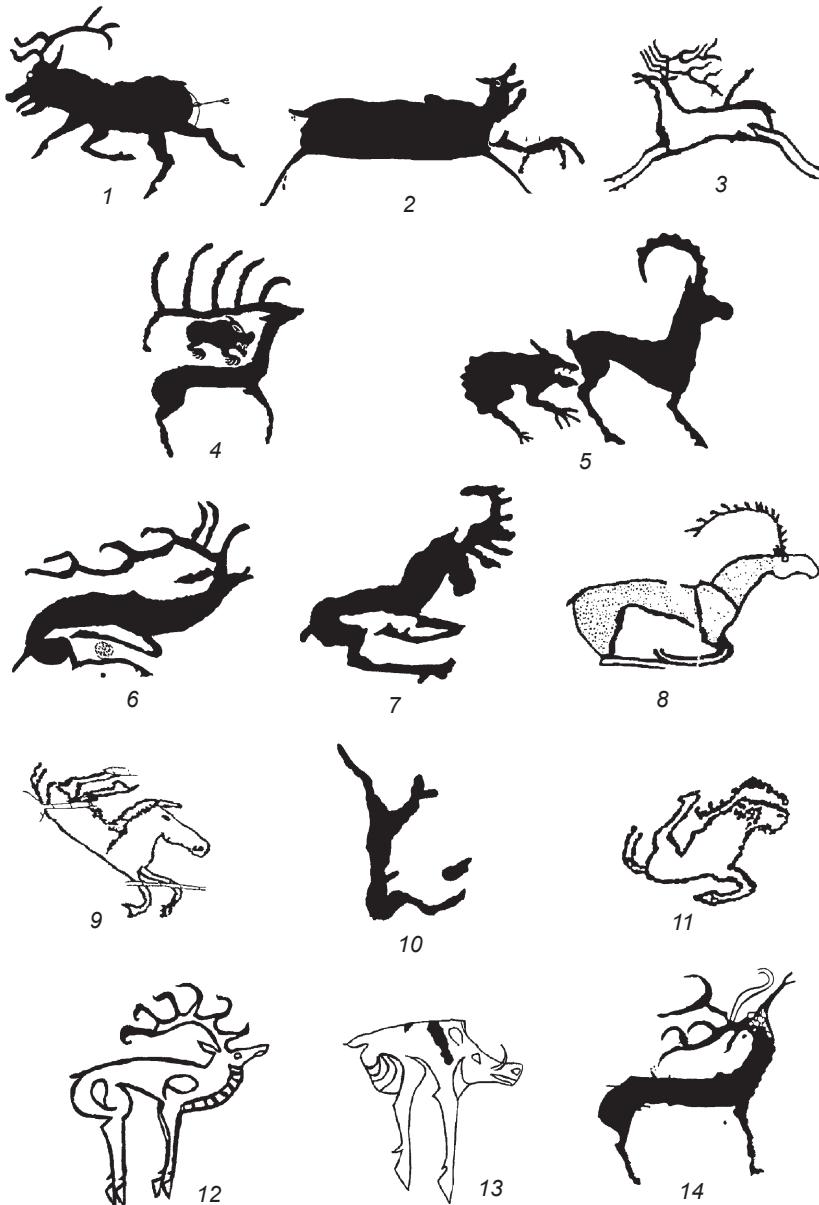

Рис. 1. Животные-жертвы в сценах преследования/нападения и в жертвенных позах.
 1 – Алды-Мозага, верхний Енисей (по: [Дэвлет М.А., 1976, табл. 37, I]); 2, 6, 14 – Монгольский Алтай (по: [Кубарев, Цэвэндорж, Якобсон, 2005, рис. 125]); 3 – Хая-Бажи, верхний Енисей (по: [Дэвлет Е.Г., Дэвлет М.А., 2005, рис. 107]); 4 – гора Кедровая (по: [Семёнов и др., 2000, табл. 8]); 5, 7 – Ешиольмес, Семиречье (по: [Байпаков и др., 2005, рис. 22, II]); 8 – Оглахты I (по: [Шер, 1980, рис. 120, 6]); 9, 11 – Абакано-Перевоз, Хакасия (по: [Русакова, Мартынов, Покровская, 1997, рис. 1]); 10 – Куня, средний Енисей; 12, 13 – Ортаа-Саргол, верхний Енисей (по: [Дэвлет М.А., 1982, табл. 14, III]).

сматриваемыми наскальными рисунками), поскольку находили в них самое непосредственное отражение.

Некоторые наскальные композиции, несмотря на скромность изобразительных средств, которыми располагал древний художник, наполнены настоящим драматизмом. Особенно наглядно это проявляется в сценах с участием животных. Преследование хищниками копытных и охота, отображенные на скалах, нередко демонстрируют животное-жертву в стра-

дальских позах: с неестественно вытянутой шеей и приоткрытым ртом, припавшими на одну или две ноги* и т.п. (рис. 1). Тем не менее создается впечатление, что художник не стремился показать страда-

*В целом такие рисунки характерны для наскального искусства разных эпох и регионов; на территории Саяно-Алтая они получили, пожалуй, наибольшее распространение в эпохи бронзы – раннего железа.

ния зверя как таковые; гораздо важнее было выразить поражение, агонию или смерть последнего исключительно ради демонстрации победы, торжества нападающего – будь то хищник или человек. Так воспевались сила, удача, превосходство победителя. Часто тема силы победителя-животного иллюстрируется в сценах нападения или преследования. Характерно, что в подобных композициях преследуемое животное остается как бы безучастным к происходящему, тогда как нападающий нередко выглядит чрезвычайно яростным [Советова, 2005, с. 57]. Великолепен хищник в сцене на горе Кедровой [Семёнов и др., 2000, табл. 8, 7.3; Советова, 2005, рис. 22, Б] или, например, на памятнике Ешкиольмес в Семиречье [Mar‘jasev, Gorgacev, Potapov, 1998, fig. 135] (рис. 1, 4, 5). Осколенные пасти и когтистые лапы выдают намерения этих озлобленных тварей; ощущается обреченность их жертв. Целую серию изображений животных можно считать “жертвенными” (“безвольными” – “усмиренными”, подчиненными силе человека). Как жертвенную трактуют позу животных с подогнутыми ногами (см., напр.: [Ермолова, 1980, с. 362]) (рис. 1, 6–8). Хорошо известны изображения оленей скифского времени, выполненные в позе “на цыпочках” (“на пунтах”), которую многие исследователи, вслед за Д.Г. Савиновым [1987, с. 112–117], определяют как жертвенную (рис. 1, 12, 13). На многих изображениях у оленей шея с головой вытянута вперед и вверх. Такая поза характерна для убитых животных, когда им попарно связывали ноги, между которыми просовывали жердь. Эту жердь несли два человека; при этом животное оказывалось вниз головой. В таком положении тело закоченевало [Там же, с. 114]. Изображения животных со свисающей головой (т.е. мертвые) встречаются в искусстве раннескифского времени Южной Сибири [Шер, 2006, рис. 6, 52].

Иногда драматизм ситуации усиливает и совершенно противоестественная поза животного с вывернутым крупом [Русакова, 2003, с. 96–99; Jacobson, Kubarev, Tseveendorj, 2001, р. 81, fig. 349, 1142; Дэвлет Е., Дэвлет М., 2005, рис. 100 и др.] (рис. 1, 6–8). По мнению исследователей, эта поза также является жертвенной, поскольку подобным образом изображалось жертвенное или мертвое животное [Руденко, 1953, с. 4–6; Акишев, 1984, с. 33; Баркова, 1984, с. 86; Русакова, 2003, с. 96–99]. Не утихают споры и относительно семантики своеобразных изображений оленей с клововидными мордами (“пигалицы”), которых чаще всего называют летящими оленями (по М.П. Грязнову), оленями-типицами (по А.П. Окладникову), трубящими самцами (по Д.В. Черемисину) и т.п. В.Д. Кубарев видит в этом образе не просто оленя в призывающей позе во время гона, а смертельно раненого зверя, ревущего от боли [2002, с. 76] (рис. 1, 14).

Не менее интересны в данном контексте и антропоморфные серии. Поскольку создатели наскальных сцен были ограничены в изобразительных средствах, выявить эмоциональные проявления показанных персонажей сложно. Тем не менее по определенным позам, запечатленным жестам и иным признакам мы все же можем реконструировать некоторые состояния участников наскальных композиций. В данном случае наиболее показательны сцены охоты, баталий (рис. 2). Реалистичные античные рельефы, росписи на вазах и иные источники наглядно передают страдания, отраженные на лицах побежденных – раненых, испуганных, плененных и пр. (рис. 3, 4). К сожалению, ничего подобного в наскальных изображениях нет; тем не менее и по рисункам на скалах можно выявить отображение подобных эмоций, например, испытываемых бойцом во время боя. Но здесь суть происходящего выдают не гримасы боли, ярости и страха, а позы, в которых запечатлены участники сражений. Так, растерянным и безвольным выглядит изображенный на памятнике Бага-Ойтур IV присевший воин с поднятыми вверх руками, сдающийся на милость победителя [Jacobson, Kubarev, Tseveendorj, 2001, fig. 1131] (см. рис. 2, 1)*. В сцене поединка, воспроизведенной в Цагаан-Салаа, один из воинов, пораженный копьем противника, потерял равновесие и опустился на землю (он показан сидящим, с вытянутыми ногами) [Кубарев, 2004, рис. 21] (см. рис. 2, 3). В других случаях наклон головы (или корпуса) свидетельствует о боли, которую испытывает боец в момент, когда противник схватил его за волосы [Mar‘jasev, Gorgacev, Potapov, 1998, fig. 97] (см. рис. 2, 7, 8). Лишившись возможности к сопротивлению, он, очевидно, ожидает решения своей судьбы. Как известно по письменным источникам и произведениям древнего искусства, за этим следует жестокая расправа – отсечение головы. В петроглифах не зафиксированы подобные акции; здесь события развиваются по другой схеме – “предполагается” нанесение удара по голове чеканом либо палицей (см. рис. 2, 9, 10). Нередко в момент оглушения человек падает на колени либо вообще оказывается распластанным на земле [Kubarev, Jacobson, 1996, fig. 453] (см. рис. 2, 8–10)**. Прием лишения противника способности к сопротивлению и следующая за ним расправа (отсечение головы, нанесение удара булавой или иным оружием) нашли яркое отражение в искусстве многих народов (см. рис. 3, 1–3). Подобные картины подчинения запечатлены на ассирийских барельефах. На одном из

* В подобной позе подчинения на ассирийских барельефах VII в. до н.э. запечатлены завоеванные мирные жители Палестины.

** Индоевропейское поэтическое клише: “пусть враг падет тебе под ноги”.

Рис. 2. Сцены поражения одного из противников.
1, 3 – Монгольский Алтай (по: [Кубарев, Цэвэндорж, Якобсон, 2005, рис. 1203, 130]); 2, 10 – Суханыха, средний Енисей; 4, 6, 7 – Ешикюльмес, Семиречье (по: [Байпаков и др., 2005, рис. 22, 11, 98]); 5, 9 – Куня, средний Енисей; 8 – Абакано-Перевоз, Хакасия (по: [Русакова, 1998, рис. 2]).

них побежденный эlamский царь изображен в позе покорности – припавшим к ногам победителя. Превосходство же ассирийского царя проявляется в его позе: одной ногой он наступил на спину поверженного врага, держа в руках оружие, направленное на пленного [Дольник, 2004, рис. на с. 103]. На скальном рельефе Зар-и Пуль царь луллубеев Анубанини также одной ногой наступил на поверженного врага, а у показанных рядом с ним пленных, стоящих на коленях, руки связаны за спиной, на шеях веревки [История Древнего Востока..., 2004, рис. 108]. Сцены триумфа победителя (фараона) были популярны и в искусстве Древнего

Египта. Символическое отображение победы Верхнего Египта над Нижним запечатлено на палетке Нармера, на которой в центре изображен царь, намеревающийся убить пленника; одной рукой он схватил поверженного врага за волосы, а другой – занес булаву [Всемирная история, 1955, рис. на с. 155] (см. рис. 3, 1).

Подобные сцены отображены и на многих других памятниках изобразительного искусства Древнего Востока [Авидиев, 1948, рис. 33, рис. 8, ил. на с. 351, 542; Мифы..., 1987, рис. на с. 310]. Их воспроизводили китайцы – изображения на бронзовом сосуде для вина из Чэнду (Сычуань) [История Древнего Восто-

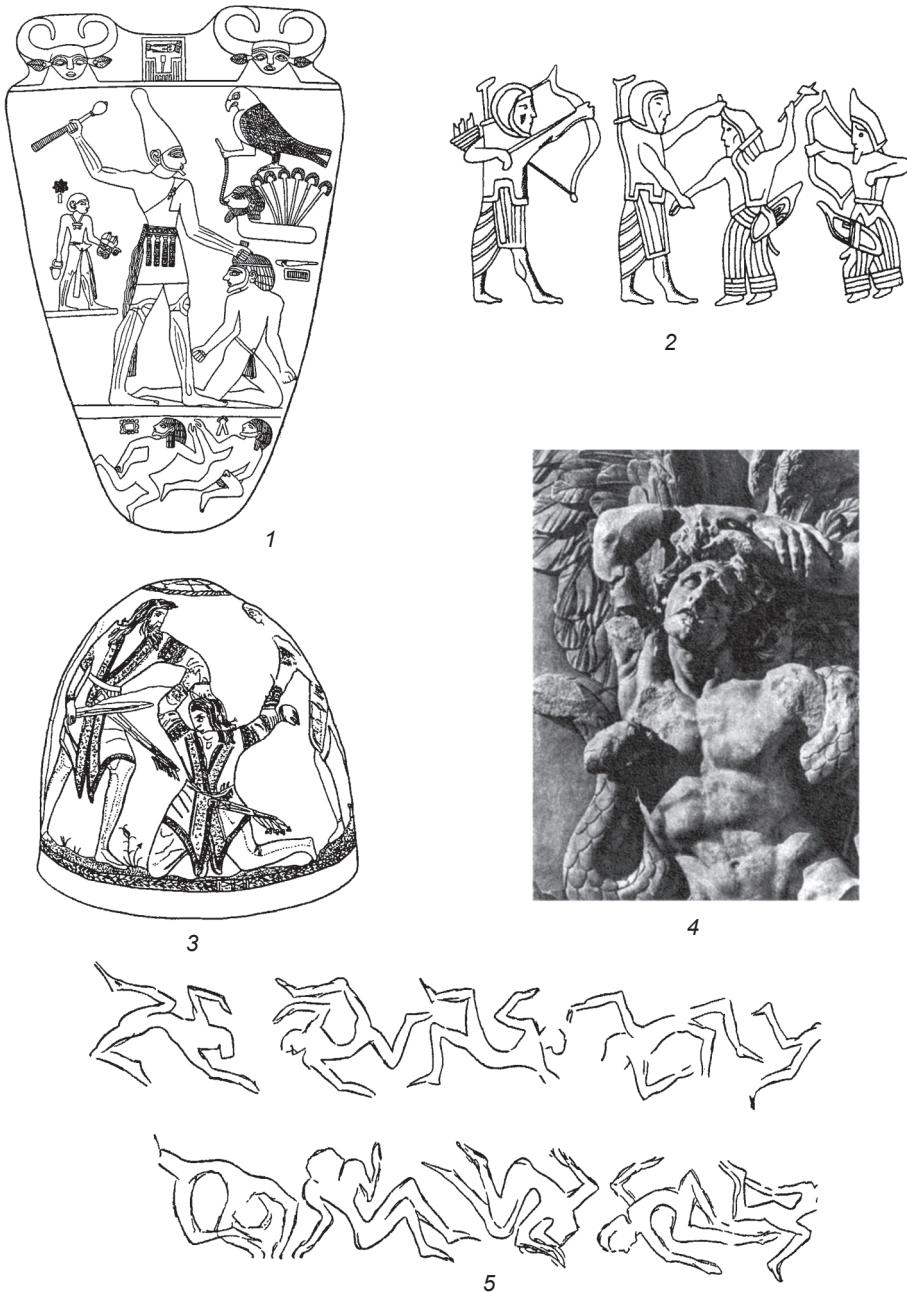

Рис. 3. Символическое изображение победы над противником в искусстве древнего мира. 1 – палетка Нармера с символическим изображением победы Верхнего Египта над Нижним, I династия (по: [Всемирная история, 1955, рис. на с. 155]); 2 – изображение на персидском цилиндрическом печати (по: [Поздняков, Полосьмак, 2000, рис. 1, 2]); 3 – изображение на колпачке из Передериевой могилы (по: [Русаяева, 1999, рис. 2 на с. 211]); 4 – Алкионей, фрагмент восточного фриза Пергамского алтаря (II в. до н.э.) (по: [Мифы..., 1987, рис. на с. 60]); 5 – изображение убитых нижнеегипетских противников царя Хасехема на подножии его статуи, Иераконполь, II династия (по: [Всемирная история, 1955, рис. на с. 156]).

ка..., 2004, рис. 27], а также скіфи – изображения на обкладке горита из кургана Солоха, золотом предметы из Передериевой могилы [Русаяева, 1999, рис. 2 на с. 211], батальные сцены на пластине из Коллекции Ф.С. Романовича [Ильинская, 1978, рис. 1] и др.

Эта тема не чужда была и средневековому искусству (см., напр.: [Абдуллоев, 1993, рис. 1]). Рисунки художников Американского континента также нередко изображают сцены жертвоприношения путем обезглавливания (опять же с предварительным захватом

волос) [Дольник, 2004, рис. на с. 63]. Особую популярность подобные сцены получили в античном искусстве [Мифы..., 1987, рис. на с. 32, 281, 626; 1988, рис. на с. 153, 261, 295, 305, 503; Соколов, 1990, рис. 121; Балонов, 1988, рис. 1]. Хотя в письменных источниках имеются сведения о том, что победитель мог и помиловать побежденного.

Итак, в наскальных сценах варианты изображения поверженного соперника различны: он может быть показан еще стоящим на ногах, но пронзенным копьем или стрелой, оглушенным булавой или пораженным другим видом оружия; упавшим и лежащим у ног противника, а также мертвым (рис. 4, 5). На древневосточных рельефах воспроизведены разнообраз-

Rис. 4. Перевернутые могилы – символ смерти.

1, 4 – Абакано-Перевоз, Хакасия (по: [Русакова, 1998, рис. 2, С; 3]); 2 – Большое Озеро VI, кург. 28, Красноярский край (по: [Семёнов и др., 2003, табл. 58, а]); 3 – Зевакино, Казахстан (по: [Самашев, 1992, рис. 155]).

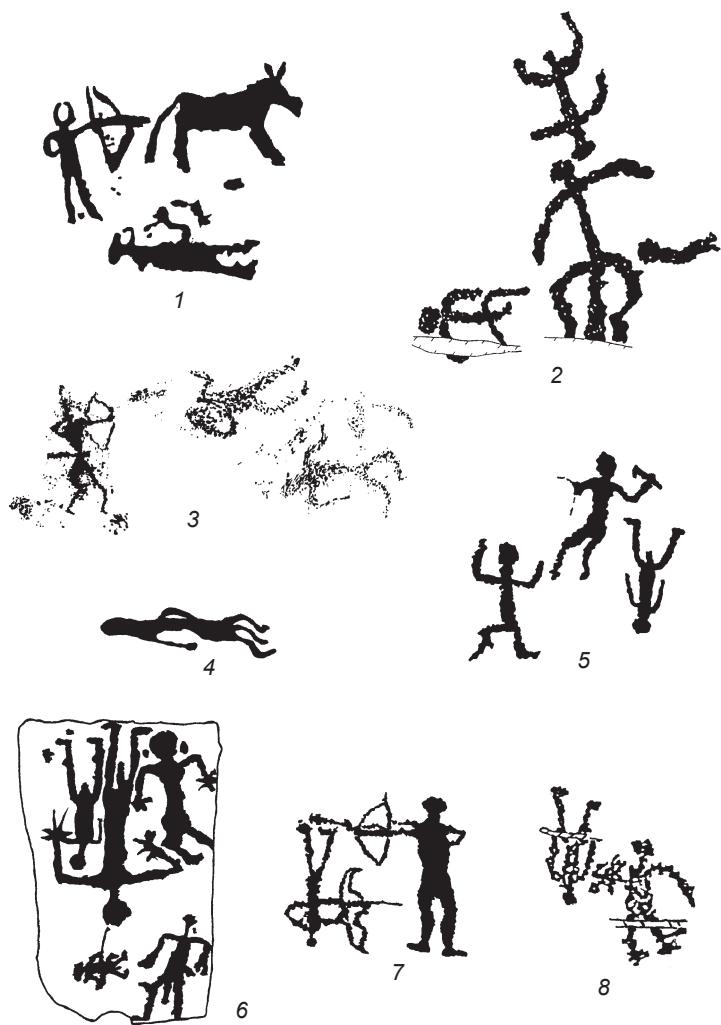

Рис. 5. Изображения мертвых персонажей.

1 – Бага-Ойгур, Монгольский Алтай (по: [Jacobson, Kubarev, Tseveendorj, 2001, fig. 1131]); 2, 8 – Абакано-Перевоз, Хакасия (по: [Русакова, 1998, рис. 1]); 3 – Четвертый Сундук, Хакасия (по: [Ларичев, 2003, рис. 17]); 4 – Ешкильмес, Семиречье (по: [Байпаков и др., 2005, рис. 37]); 5 – гора Суханиха, средний Енисей (фрагмент); 6 – Мойнак, Казахстан (по: [Самашев, 1992, рис. 86]); 7 – Оглахты I (по: [Sher et al, 1994, fig. 14.16]).

ные варианты сцен гибели воинов. Так, на палетке из Абидоса (Египет) изображено поле битвы, усеянное телами убитых людей, лежащих в невероятных позах; их клюют хищные птицы, а центральную фигуру раздирает лев [Британский музей..., 1980, рис. 2]. В причудливых позах лежат убитые нижеегипетские противники царя Хасехема, изображенные на подножии его статуи в Иераконполе [Всемирная история, 1955, рис. на с. 156] (см. рис. 3, 5) и т.п. В аналогичных позах запечатлены погибшие на поле брани и в наскальных композициях, например, в одной из сцен на памятнике Четвертый Сундук в Хакасии [Ларичев, 2003, рис. 17] (см. рис. 5, 3). Характерно, что мертвых часто показывали лежащими лицом вниз (см., напр.:

[Колобова, 1951, рис. 29]); подобные изображения имеются и в наскальных рисунках (см., напр.: [Самашев, 1992, рис. 161; Кубарев, 2006, рис. 20]).

В наскальном искусстве эпохи раннего железного века умершие часто запечатлены перевернутыми вниз головой (см. рис. 4, 1–3; 5, 2, 5–8). Перевернутые фигуры встречаются как на писаницах [Самашев, 1992, рис. 86; Ларичев, 2003, рис. 17; Советова, 2005, рис. 34, 35; табл. 25, 7–10], так и на курганных камнях [Рыгдыон, 1959; Семёнов и др., 2000, рис. 8; 61, 33, 34; табл. 58]. Эта тема не утратила популярности и в эпоху средневековья*. Изображения погибшего человека, падающего головой вниз, известны также среди средневековых петроглифов**. Как известно, в древности и перевернутое изображение, и перевернутый предмет означали кончину, смерть. Археологические материалы отражают практику ритуального переворачивания отдельных предметов – сосудов, изваяний и проч., которая находит подтверждение в этнографических сведениях [Косарев, 2001, с. 447; Ольховский, 2005, рис. 25; Усманова, 2005, с. 93–95; и др.] и в изобразительных источниках (рис. 6). В искусстве древних народов можно обнаружить параллели наскальным сценам. Перевернутыми изображали главным образом фигуры падающие – сброшенные со стен крепостей, со скалы или с корабля в воду и т.п. (рис. 6, 1–4)***. Вниз головой падают в воду убитые воины в сцене морской битвы египтян с “народами моря” при Рамесесе III, изображенной на рельефе из храма Мединет-Хабу [Всемирная история, 1955, рис. на с. 355] (см. рис. 6, 1). Так же соскальзывают со стены крепости убитые воины на ассирийских рельефах IX–VII вв. до н.э. во дворце Ашшурнасирапала II [Садаев, 1979, рис. на с. 78], на рельефе бронзовой обшивки Балаватских ворот (IX в. до н.э.)

*Например, на серебряных блюдах Анниковском и из Нильдина двое погибших изображены свешивающимися со стены крепости головами вниз [Бауло, 2004, с. 127, рис. 1].

**Д.В. Черемисиным опубликована сцена из Чаганки: пораженный копьем в грудь воин выбит из седла и падает на землю. Персонаж показан перевернутым вниз головой, его волосы неестественно свисают. Рисунок передает однозначный по семантике образ убитого воина, падающего под копыта коней вооруженных противников [Черемисин, 2004, с. 44, рис. 14].

***На рельефе, представляющем битву при Кадеше, убитые падают со стен башни головой вниз [Всемирная история, 1955, рис. на с. 351].

с изображением осады ассирийцами уартской крепости [Бауло, 2004, рис. 4] (см. рис. 6, 2); на античных памятниках показаны сцены с падающим в реку мертвым Фаэтоном [Мифологические, литературные и исторические сюжеты..., 1978, рис. на с. 134]; ритуальный прыжок со скалы в море передает идею смерти – возрождения [Колпинский, 1977, рис. 198; Соколов, 1990, рис. 69] (см. рис. 6, 4). По мнению исследователей, ныряющий, летящий строго вертикально вниз головой символизирует опрокинутый космос, а сам этот акт является частью ритуала возрождения [Акимова, Кифишин, 1994, с. 193–216].

В изобразительном искусстве убитые или жертвенные животные также часто изображены подвешенными за ноги (т.е. головой вниз) [Савинов, 1987, рис. 1, 2; Гуревич, 1989, рис. 35; Соколов, 1990, рис. 97]. Известно, что охотники традиционно подвешивают убитых животных за задние ноги для разделки. В наскальном искусстве во многих сценах охоты мертвое животное нередко также изображено перевернутым [Kubarev, Jacobson, 1996, fig. 195, 184, 303, 467, 473 и др.] (рис. 7).

Даже по этим относительно немногочисленным приведенным примерам видно, что для автора наскальных композиций передача эмоциональных состояний изображаемых персонажей не была случайной. Вместе с тем, он не самовыражался, но транслировал основные идеи, волновавшие все сообщество, для которого создавались рисунки. Анализ петроглифов свидетельствует о том, что начиная с бронзового века и на протяжении всей эпохи раннего железного века в наскальном искусстве разрабатывается несколько чрезвычайно важных тем, отражающих, очевидно, основные эпохальные идеи. Тема жертвы выражалась через отдельные образы – животные в жертвенных позах, жертвы преследования и нападения (хищник, охотник) и др., жертвы сражений (боевец, терпящий поражение или павший на поле брани и т.п.), а также “зашифровывалась” в самостоятельных смысловых композициях. Художники передавали эмоции (страх, боль, растерянность, бессилие и т.п.) конкретных персонажей главным образом через характерные позы. Тема жертвы непосредственным образом переплетается с другими генеральными темами – триумфа (славы), победы, восхваления силы, ловкости и

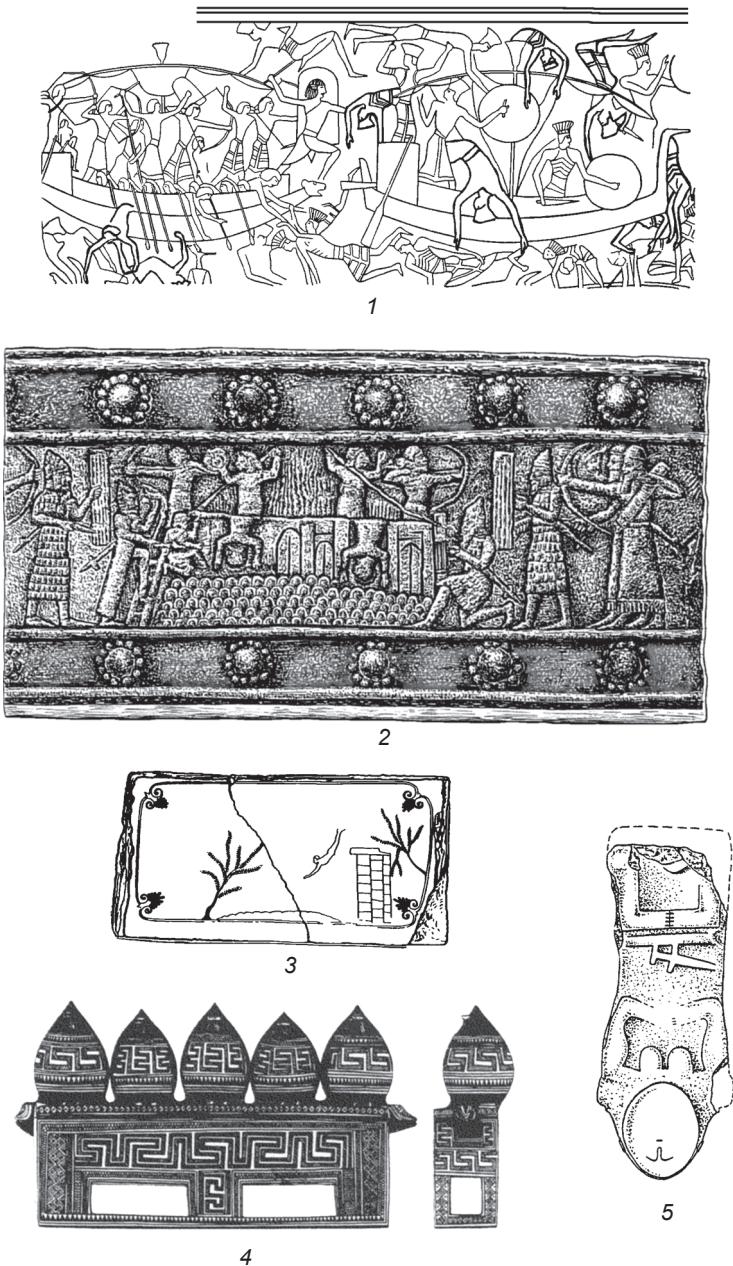

Рис. 6. Перевернутые персонажи в изобразительном искусстве древнего мира и перевернутые предметы.

1 – рельеф в храме Мединет-Хабу (по: [Всемирная история, 1955, рис. на с. 355]); 2 – фрагмент Балаватских ворот (по: [Бауло, 2004, рис. 4]); 3 – фрагмент изображения на гробнице “ныряльщика”, Пестум (по: [Колпинский, 1977, рис. 198]); 4 – инвентарь из погребения богатой женщины середины IX в. до н.э., Аттика (по: [Туманс, 2002, рис. 2, б]); 5 – скифское изваяние из с. Мескеты, Причерноморье (по: [Ольховский, 2005, рис. 25]).

удачи победителя – решительного, смелого, ловкого (человек), а также свирепого (зверь) – и смерти (посвященное умершему жертвенное животное, смерть на охоте, поле брани, сцены “перехода” в загробный мир и др.). Подобные темы характерны для героического времени; недаром уже с конца эпохи брон-

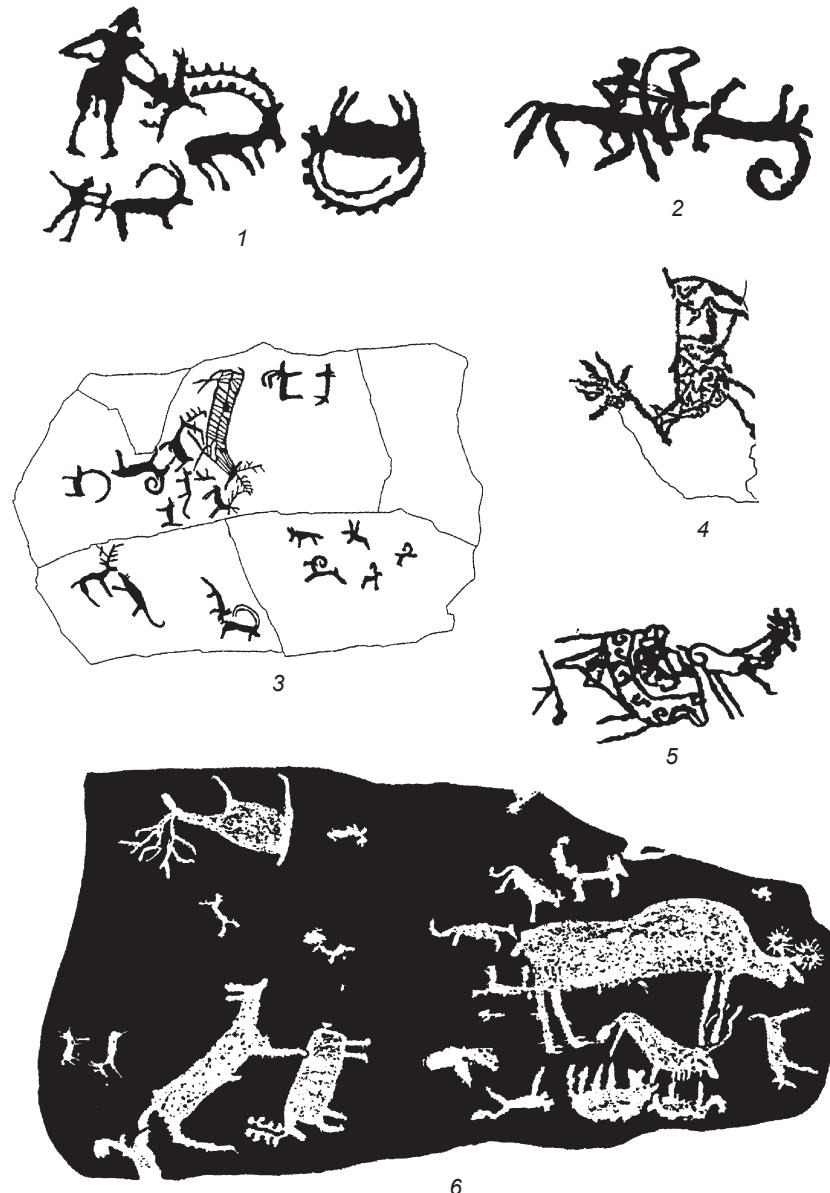

Рис. 7. Сцены с перевернутыми фигурами в наскальном искусстве.
1 – Койбагар, Южный Казахстан (по: [Mar'jasev, 1994, fig. 82]); 2 – Ортаа-Саргол, верхний Енисей (по: [Дэвлет М.А., 1982, табл. 26, 1]); 3 – Туру-Алты, Юго-Восточный Алтай (по: [Марсадолов, 2004, рис. 5, 1]); 4, 5 – Бычиха, средний Енисей; 6 – Калбак-Таш, Алтай (по: [Kubarev, Jacobson, 1996, fig. 467]).

зы в репертуар наскального искусства прочно входит изображение человека и широкое распространение получают сцены баталов. Именно в них наглядно отражаются те основные ценности, которые были столь ярко воспеты в героическом эпосе. Таким образом, в наскальных сценах явственно проявляется одна из основных мировоззренческих тем – тема смерти (как правило, насильтственной) с сопутствующими ей эмоциями: болью, страхом, страданиями, а также торжества победы над соперником. Такое “прочтение”

некоторых образов и сцен было обусловлено возможностью обращения к изобразительным памятникам развитых цивилизаций, в которых подобные темы нашли большую выразительность и их трактовка подтверждается сведениями из письменных источников. Вместе с тем, предложенная интерпретация петроглифов с использованием изобразительных параллелей (чем, собственно, и занимаются археологи), а также элементов искусствоведческого анализа является только одной, но, как мне представляется, весьма

важной составляющей полноценного исследования, предполагающего привлечение данных письменных, вещественных и этнографических источников. Следовательно, понимание важнейших эмоциональных проявлений, заложенных в основные образы и темы наскального искусства, служит в какой-то степени мостиком, связывающим материальный контекст и эстетический подтекст.

Заключение

Таким образом, чтобы свести к минимуму субъективность интерпретации, необходима максимально полная и всесторонняя оценка изобразительных памятников; только тогда они станут поистине полноценным историческим источником не только по материальной и духовной культуре, но и по истории искусства сформировавших их народов. Хочется надеяться, что при участии специалистов разных научных направлений (при действительно мультидисциплинарном подходе [Молодин, 2004, с. 56]) можно будет лучше понять конкретную эпоху и ее людей, ведь наскальные изображения позволяют не только зримо представить предметы, наполнявшие эту эпоху (комплекс вооружения и бытовые объекты, средства передвижения, жилища, одежду и др.), но и хотя бы отчасти воссоздать внутренний мир их создателей.

Список литературы

Абдуллоев Д. Согдийское наследие в культуре халифата // КСИА. – 1993. – № 209. – С. 41–44.

Авидиев В.И. Военная история Древнего Египта. – М.: Сов. наука, 1948. – 353 с.

Акимова Л.И., Кишишин А.Г. О мифоритуальном смысле зонтика // Этруски и Средиземноморье: XXIII Випперовские чтения. – М.: Изд-во Гос. музея изобраз. искусств им. А.С. Пушкина, 1994. – С. 167–244.

Акишев А.К. Искусство и мифология саков. – Алматы: Наука КазССР, 1984. – 176 с.

Байпаков К.М., Марьинов А.Н., Потапов С.А., Горячев А.А. Петроглифы в горах Ешикольмес. – Алматы: OST – XXI век, 2005. – 226 с.

Балонов Ф.Р. Семантика керамики и фарфора в греческой иконографии и мифологии // Жизнь мифа в античности. Випперовские чтения. – М.: Сов. художник, 1988. – Вып. 18, ч. 1. – С. 173–199.

Баркова Л.Л. Резные изображения животных на саркофаге из 2-го Башадарского кургана // АСГЭ. – 1984. – Вып. 25. – С. 83–89.

Бауло А.В. Связь времен и культур (серебряное блюдо из Верхнего Нильдина) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004. – № 3. – С. 127–136.

Британский музей. Лондон: Альбом / Авт.-сост. Б.И. Ривкин. – М.: Изобраз. искусство, 1980. – 256 с.: ил.

Всемирная история. – М.: Гос. изд-во полит. лит., 1955. – Т. 1. – 747 с.: карты, ил.

Гуревич А.Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников. – М.: Искусство, 1989. – 367 с.: ил.

Дольник В.Р. Непослушное дитя биосферы. – М. [Б.и.]; СПб.: ЧеРо-на-Неве, Петроглиф, 2004. – 352 с.: ил.

Дэвлет Е. Г., Дэвлет М. А. Миры в камне. Мир наскального искусства России. – М.: Алетейя, 2005. – 471 с.: ил.

Дэвлет М.А. Петроглифы Улуг-Хема. – М.: Наука, 1976. – 120 с.

Дэвлет М.А. Петроглифы на кочевой тропе. – М.: Наука, 1982. – 128 с.

Ермолова Н.М. К вопросу об интерпретации изображений животных // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. – Кемерово: Изд-во Кем. гос. ун-та, 1980. – С. 358–366.

Ильинская В.А. Золотая пластина с изображениями скифов из коллекции Романовича // СА. – 1978. – № 3. – С. 90–99.

История Древнего Востока. От ранних государственных образований до древних империй / Под ред. А.В. Седова. – М.: Вост. лит., 2004. – 895 с.: ил., карты.

Колобова К.М. Из истории раннегреческого общества. – Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1951. – 340 с.

Коллинский Ю.Д. Великое наследие античной Элады и его значение для современности. – М.: Изобраз. искусство, 1977. – 344 с.: ил.

Косарев М.Ф. Пространство и время в сибирско-языческом миропонимании // Мировоззрение древних народов Евразии. – М.: ТОО “Старый сад”, 2001. – С. 439–454.

Кубарев В.Д. Образ оленя в петроглифах Алтая // Степи Евразии в древности и средневековье: Мат-лы Междунар. науч. конф., посв. 100-летию со дня рожд. М.П. Грязнова. – СПб., 2002. – Кн. 2. – С. 70–76.

Кубарев В.Д. Вооружение древних кочевников по петроглифам Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004. – № 3. – С. 65–81.

Кубарев В.Д. Миры и ритуалы, запечатленные в петроглифах Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2006. – № 3. – С. 41–54.

Кубарев В.Д., Цэвэндорж Д., Якобсон Э. Петроглифы Цагаан-Салаа и Бага-Ойгуря (Монгольский Алтай). – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН; Улан-Батор: Юджин, 2005. – 142 с., 116 рис., 61 фото.

Ларичев В.Е. Тагарский героический эпос в образах наскального искусства Северной Хакасии // Астроархеология. Палеоинформатика. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2003. – С. 200–235.

Марсадолов Л.С. Работы Саяно-Алтайской экспедиции в 2003 г. // Археологические экспедиции за 2003 год. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2004. – С. 48–59.

Маточкин Е.П. Искусствознание и проблемы изучения первобытного искусства Сибири // Международная конференция по первобытному искусству. – Кемерово: Никалс, 2000. – Т. 1. – С. 110–117.

Мифологические, литературные и исторические сюжеты в живописи, скульптуре и шпалерах Эрмитажа. – Л.: Аврора, 1978. – 158 с.: ил.

Мифы народов мира. – М.: Сов. энцикл., 1987. – Т. 1. – 671 с.: ил.; 1988. – Т. 2. – 719 с.: ил.

- Молдин В.И.** Наскальное искусство Северной Азии: проблемы изучения // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004. – № 3. – С. 51–64.
- Ольховский В.С.** Монументальная скульптура населения западной части евразийских степей эпохи раннего железа. – М.: Наука, 2005. – 299 с., 156 ил.
- Поздняков Д.В., Полосьмак Н.В.** Всадники, натягивающие лук // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 3. – С. 75–80.
- Раевский Д.С.** Некоторые замечания об интерпретации древних изобразительных памятников // Международная конференция по первобытному искусству. – Кемерово: Никалс, 1999. – Т. 1. – С. 118–123.
- Руденко С.И.** Культура населения Горного Алтая в скифское время. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. – 404 с., 76 ил.
- Русакова И.Д.** Батальные композиции на писанице Абакано-Перевоз // Вестн. Сиб. ассоциации исследователей первобытн. искусства. – Кемерово: Никалс, 1998. – С. 21–24.
- Русакова И.Д.** К вопросу о мифологических представлениях ранних кочевников // Археология Южной Сибири: Сб. науч. трудов, посв. 70-летию со дня рожд. А.И. Мартынова. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2003. – С. 96–99.
- Русакова И.Д., Мартынов А.И., Покровская А.Ф.** Результаты работ петроглифической экспедиции музея-заповедника “Томская писаница” у д. Абакано-Перевоз в Хакасии (1996) // Наскальное искусство Азии. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. – С. 118–119.
- Русеева М.В.** Золотой предмет ритуально-культового назначения из кургана Передериева могила // Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира: Мат-лы Междунар. науч. конф. – СПб., 1999. – С. 208–215.
- Рыгдылон Э.Р.** Писаницы близ озера Шира // СА. – 1959. – № 29/30. – С. 57–72.
- Савинов Д.Г.** Изображение “висящего” оленя на ритоне из Келермеса // Скифо-сибирский мир. Искусство и идеология. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 112–117.
- Садаев Д.Ч.** История древней Ассирии. – М.: Наука, 1979. – 247 с.: ил.
- Самашев З.С.** Наскальные изображения Верхнего Прииртышья. – Алма-Ата: Гылым, 1992. – 288 с.
- Семёнов Вл. А., Килуновская М.Е., Красниенко С.В., Субботин А.В.** Петроглифы Каратаха и горы Кедровой. – СПб.: Изд-во ИИМК РАН, 2000. – 66 с., 33 табл.
- Семёнов Вл. А., Килуновская М.Е., Красниенко С.В., Субботин А.В.** Изображения на плитах тагарских курганов. – СПб.: Изд-во ИИМК РАН, 2003. – 121 с.: ил.
- Советова О.С.** Тагарские петроглифы на Енисее (сюжеты и образы). – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2005. – 140 с.
- Соколов Г.И.** Искусство этрусков. – М.: Слово/Slovo, 1990. – 207 с.
- Туманс X.** Рождение Афины: Афинский путь к демократии от Гомера до Перикла (VIII–V вв. до н.э.). – СПб.: Гуманитар. академия, 2002. – 543 с.
- Усманова Э.Р.** Могильник Лисаковский I: факты и параллели. – Караганда; Лисаковск: [Б.и.], 2005. – 232 с.
- Франкфор А.-П., Якобсон Э.** Подходы к изучению петроглифов Северной, Центральной и Средней Азии // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004. – № 2. – С. 53–78.
- Черемисин Д.В.** Результаты новейших исследований петроглифов древнетюркской эпохи на юго-востоке Российской Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004. – № 1. – С. 39–50.
- Черемисин Д.В.** К дискуссии об информативности петроглифов и методах их изучения // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2006. – № 3. – С. 89–100.
- Шер Я.А.** Петроглифы Средней и Центральной Азии. – М.: Наука, 1980. – 328 с.
- Шер Я.А.** Первобытное искусство. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2006. – 351 с.
- Jacobson E., Kubarev V., Tseevendorj D.** Mongolie du Nord-Ouest Tsagaan Salaa / Baga Oigor // Répertoire des Pétroglyphes d'Asie Centrale. – P.: Diffusion de boccard, 2001. – Fasc. – № 6. – 482 p., 1323 fig.
- Kubarev V.D., Jacobson E.** Siberit du Sud 3: Kalbak-Tash I (République de L'Altai) // Répertoire des Pétroglyphes d'Asie Centrale. – P.: Diffusion de boccard, 1996. – Fasc. № 3. – 45 p., 662 fig.
- Mar'jasev A.N.** Petroglyphs of South Kazakhstan and Semirechye. – Almaty: [S.a.], 1994. – 84 p., 236 fig.
- Mar'jasev A.N., Gorjacev A.A., Potapov S.A.** Kazakhstan 1: Choix de Petroglyphes du Semirech'e (Felsbilder im Siebenstromland) // Répertoire des Pétroglyphes d'Asie Centrale. – P.: Diffusion de boccard, 1998. – Fasc. № 5. – 56 p., 451 il.
- Sher J.A., Blednova N., Legchilo N., Smirnov D.** Siberie du sud 1: Oglakhty I–III (Russie, Khakassie). – P.: Diffusion de boccard, 1994. – Fasc. № 1 – 163 p., 9 pl.

Материал поступил в редакцию 25.01.07 г.

ЭТНОГРАФИЯ

УДК 391

О.Б. Степанова

Музей антропологии и этнографии РАН

Университетская наб., 3, Санкт-Петербург, 199034, Россия

E-mail: Olga.Stepanova@kunstkamera.ru

МИФОЛОГИЧЕСКИЙ ОБРАЗ МАТЕРИ-ДЕРЕВА В ТРАДИЦИОННОМ МИРОВОЗЗРЕНИИ СЕЛЬКУПОВ

Селькупы (устаревшие названия – остыки и остыко-самоеды) – небольшой самодийский этнос Западной Сибири. По переписи 2002 г. их численность в Российской Федерации составляет 4 242 чел., в т.ч. 1 857 чел. – в Тюменской обл., 1 787 – в Томской обл., 412 чел. – в Красноярском крае. Исконные рыболовы, охотники, собиратели и оленеводы, современные селькупы в значительной степени сохранили сложившиеся за века традиционный образ жизни, материальную культуру и мировоззрение. Культуру селькупов, воспроизводящую старые традиции по сей день, можно считать консервативной и устойчивой, что подтверждается современными данными (в частности, полевыми материалами автора), которые мы используем в исследовании наряду с материалами, собранными учеными за последние полтора столетия.

Традиционное мировоззрение селькупов сочетает самобытные и универсальные характеристики. Объектом данного исследования является мифологический образ Мирового дерева, который, как известно, воплощает концепцию мира не только у селькупов, но практически во всех традиционных культурах. Священное дерево, универсально объединяя три вертикально расположенные сферы – небо, землю и подземелье – в единое космическое пространство, служит средством связи между ними. Однако, рассматривая традиционные представления селькупов о мире, можно обнаружить, что семантика этого образа значительно шире. Задача данного исследования – выделить иную, возможно самобытную, грань селькупского образа мифического дерева.

Трудно не заметить, что у селькупов особенно ярко выражена связь разных способов захоронения умерших с деревом. Тазовские и туруханские сельку-

пы “раньше всех своих покойников хоронили на деревьях” [Прокофьева, 1977, с. 74; 1976, с. 114; Пелих, 1998, с. 78; Гемуев, Пелих, 1993, с. 305]: гроб с умершим или завернутый в оленьи шкуры труп подвешивали на ветвях либо гроб устанавливали на дереве со спиленной верхушкой. И сегодня этот способ нельзя считать безвозвратно ушедшим в прошлое: старики-селькупы рассказывают, что кто-то где-то в тайге недавно именно так похоронил своего родственника (Полевые материалы автора, далее – ПМА). Когда-то существовал обычай погребения умерших младенцев в корнях деревьев; до сих пор у селькупов практикуется их захоронение в старых пнях, в дупле дерева со спиленной верхушкой (ПМА). Как известно, каждый из способов погребального обряда соответствует определенному пласту традиционных представлений народа о мире, суть которых составляет идея непрерывности бытия. Видимо, селькупы считали, что при захоронении умершего на дереве его душа отправляется в верхний мир (на небо), а при погребении в корнях дерева – в нижний (под землю). Дерево здесь определенно выступает в качестве канала связи между мирами и играет всем уже хорошо знакомую роль мировой оси.

Но в таком случае, куда, по представлениям селькупов, отправлялась душа при захоронении умерших в стволе живого дерева? Такие погребения шаманов встречала Г.И. Пелих на р. Кеть. Они назывались *кегел-маргэ*. “Для этого выбирали крепкую толстоствольную лиственницу. Ее ствол слегка подпиливали вверху и внизу (по росту шамана) и откалывали тонкий внешний слой ствола. Старались как можно меньше повредить дереву, чтобы оно осталось живым. Выдалбливали часть сердцевины, ставили в

дерево труп шамана, закрывали его отколотым ранее пластом и забивали гвоздями. Если дерево оставалось живым, то кора заастала. И никто не мог даже догадаться, что в этом дереве стоит труп шамана (его ставили в полном шаманском облачении: парка, нагрудник, корона, пимы” [Пелих, 1998, с. 46–47]. У селькупов верхнего Таза по сей день бытует обычай захоронения выкидышей и младенцев в дупле растущего дерева. В лесу находят дерево, внутри которого есть пустота, вырубают прикрывающую ее часть ствола, помещают туда в вертикальном положении труп младенца, завернутого в тряпки, затем дупло закрывают деревянной плахой, прибивая ее к дереву деревянными гвоздями (*типы*) или привязывая (ПМА) [Гемуев, 1980, с. 127, 133–134]. Таким же способом уходит от людей, чтобы “отдохнуть и спать”, *Итте* – герой селькупского фольклора: “Когда *Итте* уснет смертным сном, душа его войдет в ствол живого дерева и будет наблюдать оттуда за тем, что происходит на его земле” [Пелих, 1998, с. 44]. По сведениям В.М. Кулемзина, иногда умершего “со всеми вещами заворачивали в бересту”, помещали в берестяной гроб, который обязательно ставили к деревцу [1990, с. 97]. В какой мир, в верхний или нижний, отправляли покойников при захоронении в стволе живого дерева или в берестяном гробу у его подножия, – определить затруднительно, да и ни к чему. Дупло дерева и берестяной гроб, в которые заключалось тело умершего, сами мыслились иным миром. Дерево считалось ипостасью матери-прародительницы, дупло – ее утробой, явившей собой иной мир, тот свет, священное “далеко”, инобытие, откуда приходили и куда возвращались души земных людей. Эта ипостась священной матери древнее ее антропоморфных и даже зооморфных образов. Значит, схема круговорота жизни, связанная с деревом (обозначим ее “дерево–земля–дерево”), относится к самым ранним.

Дерево селькупы почитали своим духом-предком и охранителем. «Народ, который нынешние селькупы считают своим предком, носил название “*квели*”, т.е. “березовые люди”, люди, “рожденные от березы” – “*кве*” у селькупов означает “береза”» [Пелих, 1972, с. 113–114]. Когда-то у селькупов существовало предание о происхождении человека из развилики березы [Прокофьева, 1976, с. 114]. Изображение дерева, в частности его развилины, является распространенной родовой тамгой у всех народов Западной Сибири [Симченко, 1965]. Палки с развиликой на верхнем конце раньше ставили на могилах шаманов; они считались духами-охранителями погребений [Третьяков, 1869, с. 392]. Ту же функцию можно приписать и деревцу, которое, согласно древней традиции, до сих пор высаживается или устанавливается селькупами на могилах (ПМА), а также селькупским надмогильным памятникам – резным столбам *порый по* (*порыг* –

пот); одно из их символических значений – Мировое дерево [Головнев, 1995, с. 249; Гемуев, Пелих, 1993].

Воплощением ипостасью матери-дерева следует рассматривать божественную старуху-прародительницу *Илынтыль кота*. Дерево – главный ее атрибут. По закону мифологии главный атрибут божества есть воплощение этого божества. Священное Мировое дерево “с солнцем на вершине” выросло из головы матери-прародительницы в образе медведицы-мамонта, т.е. было рождено ею и представляет с ней одно целое [Пелих, 1995, с. 156–157]. *Илынтыль кота* – полноправная хозяйка “семикорневого” священного дерева, у подножия которого находится ее жилище. “Из этих корней выходили человеческие души, всеявшиеся в тело матери еще до рождения ребенка” [Пелих, 1980, с. 11–12], и в корни дерева возвращались после смерти [Мифология..., 2004, с. 307–308]. В другом варианте старуха *Илынтыль кота* – хозяйка “богом рожденного” (т.е. ею же самой рожденного) дерева “с пустым нутром” [Прокофьев, 1930, с. 367] (дуплом), где хранятся души неродившихся людей, которые она посыпает по своему усмотрению на землю [Прокофьева, 1961, с. 61–62]. В фольклоре дупло дерева обладает способностью преображать: герой *Итте*, проведя ночь в дупле, где хитростью его оставила бабушка, изменился – стал храбрым [Тучкова, 2002а, с. 107]. По третьей версии души людей хранятся на ветвях (“семи сучьях”) “небесного с почками” священного дерева: “В лесу, на древесных ветвях, души, оберегающие духи. Все за солнцем вниз повернулись” [Гаген-Торн, 1992, с. 102]. Корни, ветви и дупло/“пустое нутро” матери-дерева, божественной старухи, как и все дерево целиком, здесь выступают в качестве мифического родового душехранилища и источника воспроизведения человеческого рода. Тело матери-дерева – сам иной мир.

В ряде преданий селькупов дублером старухи-прародительницы является “корневой старик” *Кандальдук*. Про него так и говорят: “Это дерево” [Пелих, 1980, с. 11].

Старуха *Илынтыль кота* в образе дерева “людей опекает”. Вся жизнь человека проходит в ее “древесных объятиях”. Она дает новорожденному лульку (= изготавливается из бересты), шаману – обечайку для бубна, умершему – кедровую колоду [Прокофьева, 1961, с. 57]. Традиционный селькупский гроб-колода, зарываемый в землю, по сути, представляет собой тот же ствол дерева с обрубленными корнями и кроной [Головнев, 1995, с. 246] – то самое древесное материнское дупло, из которого приходят и в которое возвращаются человеческие души. Грунтовое захоронение умершего в гробу-колоде мыслилось одновременно как возвращение человека в утробу матери-дерева и матери-земли. Аналогично можно интерпретировать и уже ушедшую в прошлое селькупскую традицию при-

менять для грунтового погребения берестяные гробы или оборачивать труп берестой, прежде чем опустить его в могилу [Кулемзин, 1990, с. 89; Кривошапкин, 1865, с. 143; и др.]. Любой тип погребального обряда, как правило, несет отпечаток совмещения нескольких различных представлений об устройстве мира [Кулемзин, 1990, с. 89]. Изображения умерших, которые селькупы в каких-то случаях вырезали на стволе живого дерева [Прокофьев, 1977, с. 67], служат доказательством существования представлений о воплощении в дерево уже не тела, а бестелесной души. “Возвращение” в дерево осуществлялось, вероятно, в надежде на новое рождение.

В легендах кетских селькупов сохранился образ богатырши – защитницы своего народа, размахивающей вырванной с корнем сосной [Пелих, 1972, с. 219–220]. Главный атрибут богатырши – сосна – является ее воплощением. Вероятно, селькупская богатырша-дерево может быть названа также матерью-предком-деревом, деревом-божеством, опекающим и защищающим селькупов. В фольклоре роль духа-охранителя-помощника героя часто играет береста. Например, *Йомта* оборачивает берестой суставы рук, нос и корму своей лодки, что помогает ему в бою с покойниками [Прокофьев, 1935, с. 104]. Тот же прием использует другой герой в сражении со злым лозом (духом): *Итче* «коры набрал и вокруг себя к поясу и всюду натыкал, весь завернулся. *Люневальде* давай *Итче* молотить на ладошках: “У-ху-ху”. Он думает: кости у *Итче* трещат, а это *каза* там ломается» [Пелих, 1972, с. 344–345]. *Иче* с помощью берестяной малицы, сшитой ему бабушкой, обманывает черта и обзаводится медвежьей малицией, которая помогает ему выжить зимой [К родным истокам..., 2000, с. 29].

Как указывает Г.Н. Прокофьев, байшенские селькупы в прошлом обязательно устанавливали рядом с чумом березовую лесину – *мураль мы*, имевший “своим назначением предохранить то место, на котором стоят, от всякого зла” и представлявший собой “еще один вид шайтанов”. На вершину привязывали белый лоскуток. “Если кругом обойдешь такой *мураль мы* – худо будет... заболеешь... два года проживешь, а потом умрешь... Другой человек не знает, пойдет – заболеет... шайтан есть его будет” (АМАЭ РАН. Ф. 6 (Прокофьев), оп. 1, ед. хр. 5, л. 46). В данном случае дерево не только играло роль духа-охранителя, но и выполняло карающие функции. У тазовских селькупов это дерево называлось *кассыль по* и считалось жертвенным, его также нельзя было обходить кругом [Прокофьев, 1977, с. 69]. Каждую весну на празднике *порый апсэ* дереву приносили жертвы и обновляли его [Головнев, 1995, с. 245].

По данным Г.И. Пелих, у южных селькупов в центре каждого селения в прошлом ставили аналогичный *мураль мы* священный столб – *по-парге*.

К верхней его части прикреплялись круглые металлические пластины или тарелки – символы солнца и месяца. На столбе вырезалось или прибивалось к нему изображение духа этого дерева: *по-парге* был воплощением духа, главным духом-охранителем селения [Пелих, 1964, с. 138–139].

Жертвенные деревья имелись не только в селькупских селениях. Большая их часть находилась в тайге, в “земле духов”, “на святых местах”. Считалось, что по жертвенному дереву к духам доходили жертвы и просьбы людей. Но оно не было лишь каналом связи с духами, а само представлялось духом; ему приносили жертвы, к нему самому обращались с просьбами. И лицо у этого духа женское.

“В тайге дерево было колдовское, священное. Дань на эту лесину вешали – платки кашемировые. С лесины ничего снимать нельзя; тряпки сами истлевали. Возьмешь – худо будет. Боялись даже мимо этого дерева ходить. Сосна в Ласкино стояла. Во время войны иноземец (русский или хохол из приезжих) свалил ее. Леса ему не хватило. Она, говорят, так визжала, будто человеческим голосом, да так, что в деревне всем слышно было. А с ним стало – заболел, руки, ноги отнялись” [Тучкова, 2002б, с. 202].

Таким образом, дерево являлось не только символом мировой оси, связывающей сферы мироздания, но и воплощением главного родового духа, матери-предка, защитника и охранителя.

Как мы уже указывали, образ матери-прародительницы был дуальным и разделялся на две противоположные половины – светлую, связанную с жизнью, и темную, соотносящуюся со смертью. Так исторически сложилось, что у северных селькупов береза и лиственница почитались светлыми, небесными деревьями, связанными с солнцем и рождением, с дарением жизни [Прокофьев, 1961, с. 56]. В то время как кедр считался деревом мертвых. Кедровая роща, мыс, поросший кедрами, тундра, окаймленная этими деревьями, в фольклоре служат образом мира мертвых. В сказках, если захоронение героя находится на лиственнице, значит, он может быть еще оживлен; а если на кедре – “то смерть унесла человека безвозвратно” [Прокофьев, 1976, с. 115]. По легенде, дух-кедр вмешивался в жизнь людей, неся смерть и страх смерти:

Рядом с необычайно громадным старым кедром, росшим на высоком яру, поселились люди. В десять чумов высотой было дерево. Но не плодоносил кедр, и птицы не садились на его ветви. Вскоре стали замечать люди, что кедр влияет на жизнь людей стойбища, приносит им беды и несчастья. “Обломается маленькая веточка – беззубый младенец умирает. Ветка побольше отсохнет – юношу или девушку уносит смерть. Старая ветка отпадет – жди несчастья среди стариков. И оно не задерживалось – умирает кто-нибудь”. Когда молнией расщепило верхушку кедра, умерли на стойбище все олени. Когда кедр наклонился

к реке, не вернулись из тундры охотники. Тогда ушли люди с этого места, а кедр стал считаться деревом мертвых. С тех пор умершим в изголовье могилы стали сажать маленький кедр [Сморгунова, 1997].

Однако распределение “доброй” и “злой” ролей между березой/лиственницей и кедром довольно условно. В сказке, записанной Г.Н. Прокофьевым у северных селькупов, лиственница создает смертельную угрозу для героя *Йомпы*, зажимая его руку в своем расщепленном стволе [1935, с. 105]. Еще раз подчеркнем, что дерево-дух могло как давать жизнь, так и отнимать ее, в частности, наказывая человека за нарушение каких-то правил. Например, согласно поверью, если человек пройдет под деревом, согнутым над дорогой, он умрет: его душа-жизнь повиснет на дереве и там останется [Мифология..., 2004, с. 267].

У южных селькупов священными считались сосна и кедр, реже береза, очень редко – ель и черемуха; лиственница как культовое дерево у них не отмечена ни разу [Там же, с. 285, 311].

Согласно представлениям селькупов, отдельные древесные породы могут наделять человека силой: для этого надо прислониться к дереву спиной и почувствовать, как течет в нем жизнь; у каждого человека есть свое дерево [Там же, с. 241]. Другие породы, например осина, не дают силу, а забирают ее. Это дерево ассоциируется со вдовством. Осиновый кол считался единственным средством, которым можно лишить силы злого духа, нападающего на людей и пьющего из них кровь [Там же, с. 240]. По данным фольклора, осиновые поленья, разложенные вокруг дома, – лучшая защита от чертей [Пелих, 1972, с. 326]. Селькупы полагали, что черемуха “давала духам силу”. В сказках по черемуховому “венку” на голове можно опознать духа [Прокофьева, 1976, с. 115; Мифология..., 2004, с. 311]. По селькупским поверьям, рябину, наоборот, духи “не любили и боялись” [Прокофьева, 1976, с. 115].

Итак, в мировоззрении селькупов человеческая жизнь находилась в зависимости от дерева, являвшего собой не только канал связи с иным миром, но и образ самого иного мира, утробу матери-дерева-духа – прародительницы и предка селькупов. Мы добавляем к слову “утроба” два эпитета – дающая жизнь и жизнь забирающая.

Список литературы

Гаген-Торн Н.И. Прокофьевы в Яновом Стане // Этногр. обозрение. – 1992. – № 4. – С. 91–110.

Гемуев И.Н. К истории семьи и семейной обрядности селькупов // Этнография Северной Азии. – Новосибирск: Наука, 1980. – С. 86–139.

Гемуев И.Н., Пелих Г.И. О погребальной обрядности селькупов // Acta Ethnographica Hungarica. – 1993. – № 38(1–3). – Р. 287–308.

Головинев А.В. Говорящие культуры: Традиции самоедцев и угров. – Екатеринбург: УрО РАН, 1995. – 605 с.

К родным истокам: Загадки. Пословицы. Поговорки. Сказки. – [Б.м.]: Красноселькуп, 2000. – 35 с.

Кривошапкин М.Ф. Енисейский округ и его жизнь. – СПб.: Имп. Рус. геогр. об-во, 1865. – 188 с.

Кулемзин В.М. Методические аспекты изучения погребального обряда // Обряды народов Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1990. – С. 87–105.

Мифология селькупов. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2004. – 380 с. – (Энцикл. уральских мифологий).

Пелих Г.И. К истории селькупского шаманства (по материалам солярного культа) // Тр. Том. гос. ун-та. – 1964. – Т. 167. – С. 132–144.

Пелих Г.И. Происхождение селькупов. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1972. – 421 с.

Пелих Г.И. Материалы по селькупскому шаманству // Этнография Северной Азии. – Новосибирск: Наука, 1980. – С. 5–70.

Пелих Г.И. К вопросу о нганасанском культе медведицы *нгарка* // Моя избранница наука, наука, без которой мне не жить. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1995. – С. 152–160.

Пелих Г.И. Селькупская мифология. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1998. – 79 с.

Прокофьев Г.Н. Церемония оживления бубна у остыко-самоедов // Изв. Ленингр. гос. ун-та. – 1930. – Т. 2. – С. 365–373.

Прокофьев Г.Н. Селькупский (остыко-самоедский) язык: Селькупская грамматика. – Л.: Ин-т народов Севера ЦИК СССР. – 1935. – Ч. 1. – 131 с.

Прокофьева Е.Д. Представления селькупских шamanов о мире (по рисункам и акварелям селькупов) // Сб. МАЭ. – 1961. – Т. 20. – С. 54–74.

Прокофьева Е.Д. Старые представления селькупов о мире // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. – Л.: Наука. – 1976. – С. 106–128.

Прокофьева Е.Д. Некоторые религиозные культуры тазовских селькупов // Сб. МАЭ. – 1977. – Т. 33. – С. 66–79.

Симченко Ю.Б. Тамги народов Сибири XVII в. – М.: Наука, 1965. – 227 с.

Сморгунова Е. Легенда о кедре // Ямал – сокровищаца России. – 1997. – № 7. – С. 20–21.

Третьяков П. Туруханский край // Зап. Имп. Рус. геогр. об-ва по общей географии. – СПб., 1869. – Т. 2. – С. 215–531.

Тучкова Н.А. “Эпос об Итте” в южноселькупском архе // Музейные фонды и экспозиции в научно-образовательном процессе. – Томск: Том. гос. ун-т; Том. обл. краевед. музей, 2002а. – С. 93–108.

Тучкова Н.А. К вопросу о педагогических традициях селькупов (воспоминания селькупки М.Н. Тагаевой о жизни, семейных нравах и воспитании) // Образование в Сибири: актуальные проблемы истории и современность: Мат-лы регион. науч. конф. (Томск, 22–24 ноября 2001 г.). – Томск: Изд-во Том. ЦНТИ, 2002б. – Ч. 1. – С. 195–204.

УДК 391

А.В. Бауло

*Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: baulo@archaeology.nsc.ru*

“МУНДИР” ОСТЯЦКОГО БОЖЕСТВА

О божествах и духах-покровителях манси и хантов написано немало. Внимание уделялось и оформлению их фигур, причем исследователи в основном подчеркивали “богатырский” облик божеств. Согласно традиционным представлениям манси и хантов, в ранний период их истории землю населяли богатыри, после смерти ставшие духами-покровителями селений или целых территорий [Гондатти, 1888, с. 36–37]. Постепенно в этнографической литературе синонимом определения “богатырский” стало слово “военный”. “Военный” облик божеств подчеркивался, в частности, присутствием на святилищах образцов холодного оружия.

Как известно, в традиционных обществах важное значение в системе распознавания образа играл не сам портрет с его индивидуальной характеристикой, а сопровождавшие это изображение регалии, которые отражали социальный статус [Гемуев, Сагалаев, Соловьев, 1989, с. 78]. В мировой истории подобных примеров немало: в IV в. в Северном Ираке статуя древнего бога Ашур-бела была одета в римский военный плащ; голова статуи местной богини Аллат украшена военным шлемом [Луконин, 1969, с. 71].

Данная статья является попыткой доказать тот факт, что в XVI–XX вв. ханты и манси при изготовлении фигур божеств (в меньшей степени это характерно для семейных духов-покровителей) наделяли их атрибутами и символами власти, характерной в России для конкретного хронологического периода.

Первоначальный этап освоения русскими Сибири был связан с продвижением военных отрядов. В этих условиях власть Российского государства остыки и vogулы воспринимали в большей степени как военную. Социальный (властный) статус местных божеств, соответственно, выражался в “богатырском”, “военном” облике.

В XVII в. vogулы и березовские остыки покупали у русских торговцев “шлемы, пансыри и доспехи” [Бахрушин, 1935, с. 13, 16]. Довольно скоро защитное снаряжение стало использоваться в обрядовой практике. “Белогорскому шайтану” в дар был послан панцирь, снятый с Ермака [Там же, с. 70]; в начале XVIII в. рядом с известным божеством Стариком Обским “з золотою грудью” лежали копье и панцирь [Новицкий, 1941, с. 59]; в панцирь были нередко облачены “мужские кумиры” обдорских остыков [Кастрен, 1860, с. 186]. У хантов р. Полуй в священной нарте на таежном святилище хранится средневековый железный шлем, преподнесенный семейству духу-покровителю [Бауло, 2004а, с. 99].

Военная форма из сукна и ее элементы также неоднократно фиксировались в обрядовой практике. По информации К. Карьялайнена, в одном из святых амбарчиков остыков среди одежд, принесенных духу, находился длинный “солдатский сюртук прошлого столетия” с блестящими пуговицами и галунами [1995, с. 61]. В доме П.Е. Шешкина в пос. Ломбовож (р. Ляпин) в святом сундуке *Mir-susne-хума* находился кафтан из сукна коричневого цвета (предположительно начала XVIII в., не обязательно военный, возможно, австрийский) (рис. 1). В пос. Ямгорт (р. Сыня) семейный дух-покровитель был наряжен в камзол XVIII в. из сукна красного цвета с медными пуговицами (рис. 2). В пос. Тугияны (р. Обь) сердцевину изображения *Вэрт-поха* составляет жестяной киверный герб русского пехотинца 1833–1843 гг. Серебряные эполеты 1860-х гг. хранились в составе святых вещей П.С. Таратова в пос. Верхне-Нильдино (р. Сев. Сосьва) [Бауло, 2004а, с. 110]. В пос. Ишвары (р. Мал. Обь) семейству божеству были преподнесены погоны старшего офицера Вооруженных Сил

*Рис. 1. Кафтан XVIII в. – подношение
Мир-сусне-хуму. Поселок Ломбовож.*

*Рис. 2. Камзол XVIII в. – “мундир”
семейному духу-покровителю. Поселок Ямгорт.*

СССР и офицерский парадный суконный ремень (Половые материалы автора (далее – ПМА), 2005).

Практика использования военной формы описана и у ближайших соседей северных хантов – ненцев. В 1830-х гг. А. Шренк побывал в архангельской тундре на жертвенном месте самоедов, преданном сожжению православными миссионерами. Здесь он обнаружил солдатские медные пуговицы – остатки солдатского мундира, пожертвованного самоедами своим богам (цит. по: [Шмидт, 1932, с. 21]).

В начале XVIII в. предметы вооружения отмечены на сибирских святынях [Бахрушин, 1935, с. 26; Новицкий, 1941, с. 80–81]. В дар духам-покровителям ханты и манси преподносили наконечники копий, бердыши [Шульц, 1924, с. 194; Бауло, 2004а, с. 100], бронзовый клевец [Источники..., 1987, с. 241], мечи, сабли, палаши, кинжалы, боевые топоры [Кастрен, 1860, с. 186; Финш, Брэм, 1882, с. 415, 436–437; Шульц, 1924, с. 193; Гемуев, Сагалаев, 1986, с. 20–23; Источники..., 1987, с. 200, 205; Гемуев, 1990, с. 84–86; Грачева, 1990, с. 22–23; Гемуев, Бауло, 1999, с. 30–31; Успенская, 2002, с. 46; Федорова, 2002, с. 114; Бауло, 2004а, с. 103–109]. На панно 1840-х гг.

сибирским художником Н. Шаховым изображены два помоста с фигурами двух идолов северных осяков, вооруженных саблями [Чернцов, 1949, с. 15].

Воинская атрибутика божеств нашла свое отражение и в мифологии. У манси известен *Кер хонгра хум* “Человек с железными подколенками” [Источники..., 1987, с. 268]; одет в кольчугу и вооружен саблей *Taxt-котиль-ойка* “Старик середины Сосьвы”; *Пайтынг-ойка*, по преданию, носил панцирь, сшитый из вываренной бересты; на медвежьем празднике “Семь богатырей с притока Лоззы” выступали в кольчугах [Ромбандеева, 1993, с. 53, 61, 75]. В начале XX в. казымские ханты почитали духа-покровителя в образе железной женщины с саблей в руке [Лехтисало, 1998, с. 79]. В 1930-х гг. на медвежьем празднике в поселках Вежакары, Ильпи-пауль и Сури-пауль (р. Обь) приходящие божества изображались с саблей. Дух-покровитель Самбиндаловых в пос. Яны-пауль, по легенде, имел такую тяжелую саблю, что ее могли поднять только три человека [Источники..., 1987, с. 200, 217, 229, 247].

Манси и ханты при отсутствии реальных предметов воинской амуниции и вооружения в обрядовой практике нередко их имитировали. Исследователи

обращали внимание на деревянные изваяния духов с остроконечной головой, которые встречаются на святилищах обских угров. С точки зрения К. Карьялайнена, остроконечные головы духов-покровителей копировали шапки русских казаков [1995, с. 49]. В.Н. Чернецов рассматривал подобные головы идолов как попытку стилизованного изображения воинских шлемов [Чернецов, Мошинская, 1954, с. 183]. По мнению И.Н. Гемуева, А.М. Сагалаева и А.И. Соловьева, жителям тайги были издавна знакомы боевые шлемы, поэтому их изображали в виде головных уборов деревянных изваяний [1989, с. 81, 88]. Манси не только придавали головам деревянных изваяний остроконечную форму, но и часто обматывали эти головы кусками белой ткани [Дмитриев-Садовников, 2000, с. 42; Народы..., 1986, с. 135–141; Гемуев, Сагалаев, 1986, с. 33, 82]. Такая обмотка, по мнению И.Н. Гемуева и А.М. Сагалаева, символизировала воинский шлем [1986, с. 33]. В шлеме предстает личина богатыря-предка, вырубленная на стволе продолжающего рости дерева [Там же, с. 94].

В современной обрядовой практике обязательность показа духа-покровителя в шлеме приобретает разные формы. В пос. Зеленый Яр хранится изображение семейного божества, вырезанное из дерева; верхняя часть головы имеет форму шлема. У войкарских хантов на святилище *Най ими* “Огненной женщины” установлена фигура богатыря – Сына богини. Его голова покрыта большой жестяной крышкой от стеклянной банки; возможно, таким образом имитируется средневековый шлем с плоским верхом [Бауло, 2004а, с. 99]. Копируют металлические шлемы и с помощью суконных изделий. В доме П.Е. Шешкина в Ломбовоже был обнаружен суконный шлем с забралом и бармицей; покрой этого головного убора соответствует конструкции шлема-ерихонки [Гемуев, 1990, с. 91].

На святилище *Ворсик-ойки* (р. Манья) грудь деревянной фигуры духа-покровителя была закрыта куском металлической фольги, имитирующей кольчугу [Гемуев, Сагалаев, 1986, с. 18–19]. В домашнем святилище манси Хозумовых в пос. Ясунт хранилось изображение семейного духа-покровителя конца XVIII в. На переднюю сторону одного из халатов были положены три жестяные пластинки в виде пятиугольников, имитирующие, ескорее всего, детали панциря. Поверх туловища фигуры духа-покровителя из пос. Яны-пауль (р. Сев. Сосьва) был надет двусторонний “панцирь” из куска золотого позумента. В доме И. Сайнахова в пос. Щекурия в сундуке лежало лезвие косы, имитирующее саблю богатыря-предка. У войкарских хантов на святилище *Най ими* в священной нарте богини хранятся два миниатюрных кинжала, выструганных из дерева [Бауло, 2004а, с. 98–99, 104].

Имитация ритуального одеяния и снаряжения богатыря у обских угров неоднократно описана на примере жертвенных суконных атрибутов *Мир-сусне-хума*.

“*Мир-хума* – “седла”, пояса, шлема и колчана [Гемуев, Бауло, 2001].

В качестве примера обозначения богатырского характера божеств с помощью военной символики можно упомянуть бытующие в религиозно-обрядовом комплексе хантов и манси статуэтки кавалеристов XIX в. из папье-маше. Игрушки-всадники отмечены в составе культовой атрибутики манси (пос. Ломбовож) [Гемуев, 1990, с. 74] и хантов (пос. Тутлейм, 5 экз.; Пашторы; Нимвожорт, 2 экз.) [Бауло, 2004а, с. 111]. Все они почитались как изображение *Мир-сусне-хума/Мир-ваннты-хэ* (рис. 3). Вероятно, один из таких всадников описан у казымских хантов: в июле 1934 г. в окружной газете шла речь о том, что у ханта П.К. Молданова в святом ящике хранился маленький конь, на спине его верхом сидел маленький мужичок [Ерныхова, 2003, с. 84]. Бронзовая фигурка кавалериста XIX в. являлась семейным охранителем у манси Т.И. Номина [Гемуев, Бауло, 1999, с. 72]. Металлический всадник в военной форме был обнаружен на чердаке дома в пос. Суеват-пауль Свердловской обл. [Окно..., 2003, с. 81].

С конца XVII в. остыки и vogулы начинают больше зависеть от гражданской, нежели военной, государственной власти. В изображении божеств “инородцы” стараются копировать внешний вид собственных кня-

Рис. 3. Всадник из папье-маше – олицетворение *Мир-сусне-хума*. Поселок Пашторы.

зей и обращают внимание на вещи, которыми российские цари подчеркивали свое высокое положение.

В XVII–XVIII вв. население поселков, расположенных в нижнем течении Оби, входило в состав Обдорской, Куноватской и Ляпинской волостей Березовского уезда, во главе которого стояли князцы Тайшины, Артанзеевы и Шешкины. В апреле 1679 г. князец Гында Моликов получил от государя кафтан с серебряными завязками, шапку соболью и сапоги. В 1704 г. Ляпинский князец Шеша Кушкireев был пожалован однорядкой красной, собольей шапкой и сапогами. В январе 1768 г. Обдорскому князю Матвею Тайшину вместе с жалованной грамотой на владение землями прислали из столицы кортик с изображением на рукоятке орлиной головы, парадную одежду (кафтан, камзол, шапку) и “красные золотом шитые сафьянные сапоги”. Последнему обдорскому князю И.М. Тайшину Николай I пожаловал серебряный кортик с портупеей [Перевалова, 2004, с. 55, 59, 86].

Со временем некоторые из знаков власти оказались в составе культовой атрибутики. Так, на чердаках двух домов пос. Ямгорт, в которых проживают потомки князей Артанзеевых, хранились два комплекта шпаг и палашей второй половины XVIII в. На лезвии одного палаша выгравированы княжеская корона и вензель. На лезвии шпаги с двух сторон имеются надписи: “Вивать Анна Великая” и “Богъ и отечество” [Бауло, 2004а, с. 108].

Соответствующая символика и атрибутика постепенно стали необходимым элементом в изображении обско-угорских божеств. В середине XIX в. Ю. Кушелевский описал у осяков в Эндерских юртах идола, одетого в старый заседательский мундир и при шпаге [1868, с. 113]. Впрочем, не только мундиры, но даже металлические пуговицы с них, по мнению О.А. Мурашко и Н.А. Кренке, рассматривались в XIX в. осяками как элементы одежды высокого статуса, поэтому отношение к ним было особое. В 1909 г. проводник О.О. Баклунда, глядя на сотрудников экспедиции, одетых в костюмы цвета хаки, усомнился в том, что они “большие чиновники, приехали из Петербурга”, т.к. на них не было блестящих металлических пуговиц. И.Н. Шухов, посетивший р. Щучью в 1913 г., писал: “...осяки меня рассматривали, показывали на пуговицы” [Мурашко, Кренке, 2001, с. 52]. Как курьезный факт можно упомянуть присутствие в святых сундуках хантов пуговиц офицеров подводного флота Германии времен Второй мировой войны. Они были поднесены духам-покровителям (ПМА, 2000, 2001, 2005).

Шпага гражданского чиновника образца 1855 г. хранилась у хантов в пос. Шурышки (р. Мал. Обь) (ПМА, 2003); жандармская сабля до сих пор обозначает одно из идолов тегинских хантов [Бауло, 2002, с. 36–37].

Божествам подносили и кожаные сапоги, в основном ремесленные образцы детской обуви, пошитой

на рубеже XIX–XX вв. Подобные случаи отмечены у манси в Цыгарских юртах, на святилище *Хонт-Торума* [Гемуев, Сагалаев, 1986, с. 74], в поселках Хурумпауль (р. Ляпин) [Гемуев, 1990, с. 42, 51, 76], Кимкъясуи (р. Сев. Сосьва) [Гемуев, Бауло, 1999, с. 156], у хантов Казыма [Легенды Казыма..., 2005, с. 40], в поселках Тугияны, Ванзеват (2 пары) [Бауло, 2002, с. 41–42], Зеленый Яр (р. Полуй) [Бауло, 2005, с. 351] (рис. 4), Анжигорт (р. Мал. Обь) (ПМА, 2005), Овагорт (р. Мал. Обь) (ПМА, 2006).

На одном из жертвенных покрывал, хранящихся в пос. Ломбовож, все четыре фигуры *Mir-susne-huma* запечатлены в нашитых миниатюрных суконных сажожках (ПМА, 2006) (рис. 5). В одном из сказаний повествуется о том, как vogul послал в Троицкие юрты в жертву *Mir-susne-humu* старые голенища своих сапог [Kannisto, 1958, с. 262].

Фуражки, которые дарили божествам ханты и манси чаще всего относятся к служебным головным уборам с козырьком и эмблемой. Только в последние годы фуражки и их имитации были зафиксированы в домашних святилищах: у манси в поселках Ломбовож, Хурумпауль, Ясунт (по 2 экз.) ([Гемуев, 1990, с. 50–51, 72]; ПМА, 1999, 2006), у хантов р. Полуй (3 экз.) [Бауло, 2005, с. 350] (рис. 6). В данном случае головной убор также подчеркивал “властный” статус божества.

Дважды – у хантов Молдановых в пос. Ванзеват [Бауло, 2002, с. 42] и у Артанзеевых в пос. Ямгорт (ПМА, 2005) – в святых сундуках встречены старые очки, которые, скорее всего, были призваны подчеркнуть “чиновничий” образ божества.

Спросом в обрядовой практике пользовались элементы государственной символики. Основой фигуры семейного духа-покровителя в пос. Мувгорт (р. Сыня) являлся жестяной герб Российской империи конца XIX в. Такой же герб пришил в верхней части фигуры божества сынских хантов *Хоран-ур-ики* [Сынские ханты, 2005, с. 169].

Божествам делали подношения и в виде различных знаков. В пос. Верхне-Нильдино в святом сундуке хранился медный жетон деревенского старосты XIX в. (ПМА, 1985); семейному божеству на святилище на р. Полуй были подарены значки “Ворошиловский стрелок” и “Отличнику охотничьего промысла” (ПМА, 2002). На одну из рубашек *иттермы* (временное святилище души умершего) в пос. Хурумпауль была приколота медаль “Материнская слава” (ПМА, 2005).

“Чиновничьи” функции божеств упоминаются и в мифологии манси и хантов. Духи-покровители vogulов, как и лесные духи *менквы*, платят небесному богу налоги мехами; сборщиками налогов являются определенные духи-покровители, в их числе – *Чохрынь-ойка* [Kannisto, 1958, с. 142–143; Источники..., 1987, с. 37]. В одном из мифов описан суд духов-покровителей над лесным духом, укравшим у vogula

Рис. 4. Сапоги – подношение семейному духу-покровителю. Поселок Зеленый Яр.

Рис. 5. Жертвенное покрывало с изображением *Мир-сусне-хума* в сапогах. Поселок Ломбовож.

собаку; суд поручил вынесение приговора Чохрынь-ойке; лесного духа приговорили к наказанию розгами и заточению в темницу, кроме того, он должен был вернуть вогулу украденное имущество и вдобавок поднести подарок. Высшей инстанцией в этом случае был Пельмский бог – “княжеский судья, взимавший подати” [Kannisto, 1958, с. 144]. Старшиной у лесных духов, когда они собираются для взимания налогов, является Тулям-уройка, проживающий недалеко от Няксимволя [Ibid, s. 148]. Богиня Калтась после рождения ребенка срок его будущей жизни записывает в специальную книгу [Ibid, s. 121]. Согласно сказаниям кондинских манси, Йивэр-най “богиня Евра” надевала очки, чтобы проверять работу птиц-посланцев: она видела в очках за 40 верст, а без очков – как обычный человек [Ibid, 185].

Скорее всего, к чиновничим (по крайней мере, по форме) можно отнести ритуальные штаны, преподнесенные *Мир-сусне-хуму* [Бауло, 2004б, с. 95]

Примеры использования церковной одежды в обрядовой практике осятков и вогулов единичны; это вполне естественно, ведь она противопоставлялась собственным религиозным атрибутам “инородцев”. Интересен случай, произошедший в 1723 г. Священник

Рис. 6. Фуражки – подношения семейным божествам.
а – пос. Ясунт; б – пос. Зеленый Яр.

Белогорской Троицкой церкви Дорофей Скосырев называл осятского шайтана “своим братом большим того ради, что он, поп, брал всякое приношение с ним, шайтаном, пополам. <...> А братался он с ним, шайтаном, рясою своею черною, конфовою, которая ряса обретается на нем, шайтане, и по днесъ...” [Очерки..., 2000, с. 232]. В середине XIX в. русские промышленники заказывали делать для идолов серебряные короны, вроде епископских митр, и в Обдорске тайно продавали их крещеным инородцам [Кушелевский, 1868, с. 113]. Фрагмент куска парчи с вышитой церковной символикой

кой – крестами – хранился в домашнем святилище в пос. Тильтим (р. Сыня) (ПМА, 2003).

Полагаю, что приведенный материал подтверждает выраженный социальный (властный) статус божеств и духов-покровителей, который в XVII–XX вв. демонстрировался манси и хантами с помощью военной, гражданской (реже церковной) формы и символики. Представляется, что большой смысловой разницы между военным и чиновничим мундиром в обрядовой практике, скорее всего, не было.

Список литературы

Бауло А.В. Культовая атрибутика березовских хантов. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2002. – 92 с.

Бауло А.В. Атрибутика и миф: металл в обрядах обских угров. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2004а. – 160 с.

Бауло А.В. Домашние (семейные) святилища северных хантов // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004б. – № 1. – С. 89–101.

Бауло А.В. Культовая атрибутика коренного населения реки Полуй // Зеленый Яр: археологический комплекс эпохи средневековья в Северном Приобье. – Екатеринбург; Салехард: УрО РАН, 2005. – С. 347–361.

Бахрушин С.В. Остяцкие и vogульские княжества в XVI–XVII вв. – Л.: Изд-во Ин-та народов Севера, 1935. – 92 с.

Гемуев И.Н. Мировоззрение манси: Дом и Космос. – Новосибирск: Наука, 1990. – 232 с.

Гемуев И.Н., Бауло А.В. Святилища манси верховьев Северной Сосьвы. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 1999. – 240 с.

Гемуев И.Н., Бауло А.В. Небесный всадник. Жертвенные покрывала манси и хантов. – Новосибирск: ИАЭт СО РАН, 2001. – 160 с.

Гемуев И.Н., Сагалаев А.М. Религия народа манси. Культовые места XIX – начало XX в. – Новосибирск: Наука, 1986. – 190 с.

Гемуев И.Н., Сагалаев А.М., Соловьев А.И. Легенды и были таежного края. – Новосибирск: Наука, 1989. – 175 с.

Гондатти Н.Л. Следы языческих верований у инородцев Северо-Западной Сибири. – М., 1888. – 91 с.

Гречева Г.Н. Палеоэтнографические исследования в Арктике // КСИА. – 1990. – Вып. 200. – С. 21–26.

Дмитриев-Садовников Гр. Экскурсия по р. Сосве и др. в 1919 г. Дневник экспедиции // Лукич. – Тюмень, 2000. – № 4. – С. 6–60.

Ерныхова О.Д. Казымский мятеж: Об истории Казымского восстания 1933–1934 гг. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2003. – 160 с.

Источники по этнографии Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1987. – 280 с.

Карьядайнен К.Ф. Религия югорских народов / Пер. с нем. и публикация Н.В. Лукиной. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1995. – Т. 2. – 282 с.

Кастрен М.А. Путешествие по Лапландии, Северной России и Сибири (1838–1844, 1845–1849) // Магазин землеведения и путешествий. – М., 1860. – Т. 6, ч. 2. – 436 с.

Кушелевский Ю.И. Северный полюс и земля Ямал. – СПб.: [Тип. МВД], 1868. – 156 с.

Легенды Казыма. Культовая атрибутика казымских хантов в фондах Гос. музея природы и Человека / А.В. Бауло, С.В. Лазарева, Н.В. Федорова. – Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2005. – 58 с.

Лехтисало Т. Мифология юрако-самоедов (ненцев) / Пер. с нем. и публикация Н.В. Лукиной. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1998. – 136 с.

Луконин В.Г. Культура сасанидского Ирана. – М.: Наука, 1969. – 218 с.

Мурашко О.А., Кренке Н.А. Культура аборигенов Обдорского Севера в XIX веке. По археолого-этнографическим коллекциям Музея антропологии МГУ. – М.: Наука, 2001. – 155 с.

Народы севера Сибири в коллекциях Омского государственного объединенного исторического и литературного музея. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1986. – 225 с.

Новицкий Гр. Краткое описание о народе остыаком. – Новосибирск: Новосибгиз, 1941. – 107 с.

Окно в мифологическое время. Сибирский шаманизм XIX–XXI вв.: Каталог выставки. – Москва: Трилистник, 2003. – 128 с.

Очерки истории Югры. – Екатеринбург: Волот, 2000. – 408 с.

Перевалова Е.В. Северные ханты: этническая история. – Екатеринбург: УрО РАН, 2004. – 414 с.

Ромбандеева Е.И. История народа манси (вогулов) и его духовная культура. – Сургут: Северный дом, 1993. – 208 с.

Сынские ханты / Г.А. Аксянова, А.В. Бауло, Е.В. Перевалова, Э. Рутткаи, З.П. Соколова, Г.Е. Солдатова, Н.М. Талигина, Е.И. Тыликова, Н.В. Федорова. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2005. – 352 с.

Успенская С.С. Образ Ем воши ики в фольклоре и верованиях казымских хантов // Мат-лы V Югорских чтений. – Ханты-Мансийск: ГУИПП “Полиграфист”, 2002. – С. 39–55.

Федорова Н.В. Блюдо со львами: пять жизней за тысячу лет // Вест. УрО РАН. – Екатеринбург, 2002. – Вып. 2. – С. 107–115.

Финиш О., Брэм А. Путешествие в Западную Сибирь. – М., 1882. – 540 с.

Чернецов В.Н. Быт хантов и манси по рисункам 19 века // Сб. МАЭ. – 1949. – Т. 10. – С. 7–33.

Чернецов В.Н., Мошинская В.И. В поисках древней родины угорских народов // По следам древних культур. От Волги до Тихого океана. – М., 1954. – С. 163–192.

Шмидт А.В. Жертвенные места камско-уральского края. – Л.: Гос. Академия истории материальной культуры, 1932. – 48 с. – (Изв. Государственной Академии истории материальной культуры; т. 13, вып. 1/2).

Шульц Л. Салымские остыяки (из материалов к этнографии южных остыяков) // Зап. Тюмен. об-ва науч. изучения местного края. – Тюмень: Гостилография, 1924. – Вып. 1. – С. 166–200.

Kannisto A. Materialien zur Mythologie der Wogulen // MSFOu. – Helsinki, 1958. – Vol. 113. – 444 s.

УДК 391

О.В. Голубкова

*Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: Camil@ngs.ru*

ОРНИТОМОРФНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ДУШЕ У КОМИ-ЗЫРЯН*

Введение

Представления о зоо- и орнитоморфном облике души универсальны: они характерны для многих народов, в т.ч. славянских и финно-угорских. С птицами, “уносящими” душу, связаны воззрения о ином мире. О душе говорят, что она “отлетает”. У многих народов мира бытовали представления о том, что душа умершего, принимая птичий облик, могла навещать родных, напоминать о себе, объявлять свою волю, оказывать покровительство [Афанасьев, 1868, с. 137–139; Зеленин, 1994, с. 245–246; Еремина, 1991, с. 102–116; Никитина, 2002, с. 125]. Согласно традиционным воззрениям, орнитоморфный облик имели украинские и южнославянские *navi* – души некрещеных младенцев [Рыбаков, 1981, с. 35–36, 277; Никитина, 2002, с. 138–162]. Птица считалась и проводником души на тот свет [Пропп, 1996, с. 167–170], и символом воплощения духа умерших [Велецкая, 2003, с. 31].

По мнению некоторых исследователей, образ птицы-души возник из представлений о том, что при сжигании трупов душа уходила в дым. Этот переход души приближается к превращению ее в быстро движущихся животных, особенно птиц и других летающих существ, а первоисточником такой метаморфозы был огонь [Вундт, 2002, с. 382; Пропп, 1996, с. 176–177, 208–209]. В фольклоре ряда народов, в т.ч. коми, сохранились следы представлений о связи

птиц со стихией огня. В загадках коми огонь сравнивается с птицей, бегущей по жердочке и роняющей красные яйца. Известны былички о птицах, которые за разорение гнезд отомстили людям пожаром [Мифология коми..., 1999, с. 88, 184]. Рассказ, записанный в Полесье, повествует о висельнике, “встающем из земли в огне и вынимающем душу-птицу из горла людей в полночь” [Седакова, 2004, с. 40]. Лужичане в образе горящей птицы видели душу самоубийцы [Гура, 1997, с. 41].

Представления о соотнесенности души и птицы характерны для мифологических воззрений народа коми. Но у различных групп имеют свои особенности. Однако общей остается направленность обрядов, ритуалов и поверий, связанных с некоторыми видами птиц.

Птица-душа: поминальный обряд у южных коми-зырян

У южных коми-зырян маленькие птички ассоциируются с миром мертвых. В ряде селений Прилужского р-на Республики Коми отмечено особое к ним отношение. Летско-лужские зыряне на кладбищах сопрежают кормушки для птиц (рис. 1–3). Их вешают на деревьях, устанавливают на шестах около могил, крепят к намогильным сооружениям или родовой ограде. Некоторые кормушки (кладбища с. Объячево и прилегающих деревень) представляют собой небольшие домики с двускатными крышами, с обозначенными окошками и дверцами. На некоторых таких домиках изображены четырех- или шестиконечные кресты [Сорвачева, Федюнев, 2006, с. 118–119]. Поминая умерших, родственники обязательно

*Работа выполнена в рамках проекта 21.4 “Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям”: проект 21.4.3 “Мифоритуальный комплекс славянских и финно-угорских народов: Этнические традиции и межэтнические связи в Приуралье и Западной Сибири”.

Рис. 1. Кормушка для птиц на кладбище с. Летка (Республика Коми).
Фото автора, 2006 г.

Рис. 2. Птичья кормушка с надписью “Дедушке от внуков” на кладбище с. Летка (Республика Коми).
Фото автора, 2006 г.

Рис. 3. Кормушка с изображением бабочки на кладбище с. Летка (Республика Коми). Фото автора,
2006 г.

оставляют в кормушках угощение. Считается, что часть хлеба птицы уносят на небо, где он достается покинувшим этот свет душам (Полевые материалы автора (далее – ПМА), Республика Коми, Прилужский р-н, с. Летка, 2006).

У большинства этнографических групп коми-зырян сохранились представления о существовании у человека двух душ: внутренней души-дыхания (*лов*), с уходом которой прекращается земная жизнь, и душитени (*орт*) – двойника человека. Находясь вне тела и

оставаясь невидимой, душа *орт* всю жизнь сопровождает человека и дает знак о приближении смерти родственникам того, кому суждено умереть в скором времени, или ему самому. Оставаясь невидимым, *орт* может обнаруживать свое присутствие, издавая звуки, передвигая ироняя домашнюю утварь, отворяя окна и двери, разбивая посуду, оставляя на теле синяки. Считается, что смерть дает знак, делая *орт* видимым: чаще он появляется в облике человека, душой-тенью которого являлся, залетевшей в дом птицы или забежавшей в него белки [Налимов, 1907, с. 1–23]. Зоо- и орнитоморфные ипостаси более характерны для *урэс* – души-двойника в традиции северных коми-зырян. После смерти человека его душа-двойник обретает видимость и полностью отождествляется сличностью усопшего (умерший “слушает” ушами *орт*). В течение 40 дней *орт* должен обойти те места, где при жизни бывал покойный. После этого *орт* уходит в могилу (по другим сведениям – превращается в камень или исчезает неведомо куда) [Мифология коми..., 1999, с. 55, 268–269].

Поскольку орнитоморфный – один из основных обликов души *орт*, можно предположить, что сохранявшаяся у летско-лузских зырян традиция устанавливать птичьи домики и кормушки около могил отражает верования о переходе души человека после смерти в птицу. Подобные воззрения встречаются у родственных представителей финно-угорской языковой группы. Например, у хантов и манси бытовало представление о том, что одна из (четырех или пяти) душ в облике птицы покидает тело человека во время сна и в момент смерти [Чернецов, 1959, с. 116–156].

Этнографические данные по культуре финно-угорских народов прямо свидетельствуют о связи зооморфных изображений, в т.ч. птичьих, с тотемами [Соколова, 1972, с. 32–40]. Реликты верований о перевоплощении души в птицу широко распространены у славянских народов [Рыбаков, 1981, с. 277; Седакова, 2004, с. 36, 179, 254]. С древними представлениями о душах как о малых птичках соотносится характерное уменьшительно-ласкательное название души – “дүшечка” [Никитина, 2002, с. 81]. “...Образы животных

и птиц в русской традиционной культуре (жилище, одежде, утвари) – трансформация тотемных образов” [Бернштам, 1982, с. 32]. Отголоски этих архаичных представлений сохраняются, например, в традиции изготовления “щепных птиц” на Русском Севере: их привешивают к потолку, считая домашними оберегами [Дмитриева, 1988, с. 155–158]. До начала XX в. у коми существовал обычай водружать на шестах около домов изображения птиц [Сыропятов, 1924, с. 6–7; Дмитриева, 1988, с. 144–145]. Старообрядцы Русского Севера устанавливали на надгробиях деревянных птичек, посаженных на шесты [Велецкая, 2003, ил. 16]. Д.Н. Анучин, изучая искусство и верования приуральской чуди, отметил сходство фигурок чудских “летящих птиц” с орнитоморфными изображениями на столбах, к которым привязывали жертвенных животных остыки, вогулы, самоеды, алтайские алеуты, а также с резными деревянными птицами, подвешиваемыми в юртах для обеспечения благополучия в доме и охраны от болезней [1899, с. 133–145]. Это сходство объясняется общечеловеческими представлениями о птицах “как существах, способных быть носителями человеческих желаний... а с другой стороны, – возвестителями воли богов” [Там же, с. 128]. Таким образом, в культуре ряда народов птицы наделялись апотропейными функциями, присущими духам-покровителям, что соответствовало их роли быть олицетворением души.

Символично изображение бабочки на одной из кормушек на кладбище с. Летка (см. рис. 3). Это насекомое в традиционных представлениях многих народов связывается с потусторонним миром [Порчинский, 1915, с. 3–24; Иванов, Топоров, 1974, с. 108]. Бабочка считается воплощением души умершего, поэтому к ней относятся как к предвестнице смерти, а иногда как к образу самой смерти [Гура, 1997, с. 486–492; Терновская, 1989, с. 155–159]. В ряде мест России мотылька называли душечкой [Порчинский, 1915, с. 9; Власова, 1998, с. 120], а в Орловской губ. ночную бабочку – смерточкой [Седакова, 2004, с. 231]. Согласно верованиям коми, душа умирающего человека обычно имеет вид облачка или пара, но может “отлететь” в облике бабочки или птицы [Мифология коми..., 1999, с. 226]. У обских угров в середине XX в. было распространено представление о превращении “могильной души” в насекомое; одна из ее ипостасей представляла бабочка [Чернецов, 1959, с. 116–156].

Классическими исследованиями по орнаменту коми [Белицер, 1958; Климова, 1994] изображения бабочки в декоративно-прикладном искусстве не выявлены. В устной традиции коми-зырян и коми-пермяков распространены представления о том, что в облике бабочки (ящерицы, мышонка, червячка, личинки, волоса) в человеческий организм проника-

ют зловредные духи *шева*, вызывающие болезни и истерические состояния [Мифология коми..., 1999, с. 109, 382]. Не исключено, что именно поэтому изображение бабочки табуировалось.

Во второй половине XIX в. мифологами и собирателями устного народного творчества были записаны былички, приметы и поверья, связанные с бабочками, которые в тот период бытовали у народов Европы, в т.ч. у славян. Наряду с воззрениями о бабочке как о душе, покинувшей (или покидающей) тело человека [Афанасьев, 1865, с. 120; Котляревский, 1868, с. 189; Коринфский, 1901, с. 702], существовали представления о демонической природе этих существ. Жители Олонецкого края, Орловской губ. считали, что в виде белой бабочки летает весенняя лихорадка (ворогуша): белым ночным мотыльком она садится на губы сонного человека и приносит болезнь [Власова, 1998, с. 120]. По представлениям белорусов, в бабочек (птиц или жаб) превращаются ведьмы [Шейн, 1902, с. 265]. У южных славян были распространены поверья о том, что в образе мотылька мог выступать “злой дух” ведьмы, вылетавший из ее тела после смерти или во время сна. Согласно народным верованиям, такие бабочки, подобно самим ведьмам и упырям, могут высасывать кровь, отнимать молоко у коров, поражать людей и скот смертельными болезнями [Порчинский, 1915, с. 16–17; Терновская, 1989, с. 151–160; Гура, 1997, с. 486–492]. Иными словами, в южно-славянских мифологических представлениях бабочка во многом совпадает с образами *навей* и *стриг* – орнитоморфных демонов, воплощающих неприкаянные души (подробнее см.: [Афанасьев, 1869, с. 228–229; Зеленин, 1994, с. 231–245; Рыбаков, 1988, с. 462–463; Никитина, 2002, с. 139–142]). Очевидно, образ бабочки как символ души на позднем этапе мифотворчества стал дублировать аналогичный образ птицы-души, который был известен славянским и финно-угорским народам со времен язычества и не утратил своей актуальности до наших дней.

Возникновение представлений о душе-бабочке у коми (как и у ряда славянских народов) было связано, вероятно, с распространением древнегреческой и римской мифологии и ее популяризацией в Европе в XVIII–XIX вв. Этнографы и мифологи XIX – начала XX в. в своих сочинениях сопоставляли языческие верования европейских народов с античными и проводили аналогии с персонажами греко-римского пантеона. Бабочка у древних греков и римлян считалась воплощением и символом души; душу и бабочку они называли одним и тем же словом (*psyche, anima*) [Порчинский, 1915, с. 8]. Очевидно, что образ бабочки-души у ряда европейских народов (в частности, у коми) сформировался не ранее середины XIX в. (а на периферии еще позже) и отражает развитие литературно-поэтического творчества, черпавшего

вдохновение в сюжетах античности. Скорее всего, до этого времени в простонародной среде бабочку не выделяли из сонма летающих насекомых. Вероятно, по этой же причине отсутствовало ее изображение в орнаментах и декорах финно-угров и восточных славян.

Таким образом, вербальный ряд включает традиционное представление о бабочке в контексте мифологических воззрений славянских и финно-угорских народов; вместе с тем ее изображение в орнаментах и росписях отсутствует. Скорее всего, образ бабочки-души отражает тенденции нового времени в сакральном изобразительном искусстве. То есть представления об эфемериде являются традиционными, а ее изображение стало инновационным. Возможно, в изображении бабочки на кладбищенской кормушке воплощены следы архаичных представлений коми о перевоплощении души в летающее существо.

Согласно народным верованиям, человек даже после смерти (в любом перевоплощении) нуждается в жилище, пище и пр. Поэтому у многих народов практикуются обряды кормления умерших, приглашения их в баню и т.п. Тема дома проходит через большинство разнообразных намогильных памятников [Орфинский, 1998, с. 49–83; Фризин, 2001, с. 199–235; Седакова, 2004, с. 73–75, 209]. Возможно, эта идея также присутствует в традиции зырян Прилузья сооружать домики для птиц. Предполагая, что душа (или одна из душ) покойного может перевоплотиться в птицу, зыряне таким способом пытаются обеспечить для нее пристанище.

Однако есть разные мнения о реинкарнации души. Например, зафиксированы рассуждения информантов о том, что птицы – это посредники между живыми людьми и их умершими родственниками: *Птички на небо улетают. А там души светлые живут. На кладбище еду оставляем. Птички поедят, а родителям нашим на том свете “спасибо” скажут. Им (душам умерших) это приятно* (ПМА, с. Летка, 2006).

У летско-лужских коми распространено типичное для христиан представление о пребывании душ усопших на небесах. Соответственно, птицы могут встречаться с ними и приносить угощение, приготовленное родственниками. *Птички уносят на верх пищу, предназначенную для покойников* (ПМА, с. Летка, 2006).

Существует и обратная связь: птицы передают послания с неба на землю. По поведению птиц судят о знаках, подаваемых умершими. *Птичек у нас угощают на кладбище. Если хорошо помянули, птички все съедят. А если не довольны родители чем-то, то птички от той могилы не будут клевать. Значит надо прощение у родителей просить, поминать чаще* (ПМА, с. Летка, 2006).

Летские зыряне приносят на кладбище большое количество разнообразной еды: яйца, выпечку (рыб-

ник), кутью (в современном варианте – отварной рис с изюмом), конфеты, спиртное. Они поминают родственников, устраивая трапезы на месте их захоронения. На могильный холм кладут доски или специально сделанную столешницу (хранится на кладбище, прислоненная к дереву), сооружая таким образом стол. Часть пищи съедают и раздают тем, кого встречают во время поминок. Появление незнакомых людей на кладбище в это время считается добрым знаком. Угощение чужака обрядовым кушаньем приравнивается к кормлению самого умершего предка (неизвестный, первый встречный, таинственный гость – постоянный адресат обрядовых жертв на похоронах – является “заместителем” усопшего [Седакова, 2004, с. 110, 136]). Немного еды оставляют на могилах и кладут в птичьи кормушки.

“Угощение” умерших посредством кормления птиц – практика, известная многим народам. В классической литературе по этнографии есть прямые указания на то, что с птицами, прилетающими к могилам, ассоциировались души похороненных в них людей. Украинцы, белорусы, русские, оставляя на могиле раскрошенный хлеб или блин для птичек, в течение сорока дней после смерти родственника ждали его душу [Афанасьев, 1869, с. 219–220].

На кладбище с. Летка живут прикормленные местными жителями, бездомные собаки, которые регулярно “навещают” покойных. У финно-угорских народов собака нередко выступала в роли духов-покровителя, охраняющего человека от враждебных потусторонних сил. Такая защита связывалась со сверхъестественными способностями собаки [Налимов, 1907, с. 9, 18–21]. У обских угров это животное рассматривалось как “заместитель” человека в обрядах, в т.ч. жертвоприношениях [Перевалова, 2004, с. 289–291]. Коми-зыряне остатки поминального обеда отдавали собакам; если те охотно ели, это означало, что покойник доволен [Налимов, 1907, с. 3]. Поедание пищи птицами и собаками на кладбище летские коми и сегодня расценивают как благой знак для поминовения усопших. Считается, что именно птицы, поднимая еду вверх, доставляют ее покойным на тот свет (ПМА, с. Летка, 2006). Таким образом, посредством обитающих на кладбище собак и птиц летско-лужские зыряне осуществляют древний обряд – “кормление” умерших.

Часть еды, принесенной на кладбище, летские коми уносят обратно домой. Дома в кругу семьи и близких родственников они устраивают поминальный обед, во время которого каждый должен отведать кушанье, побывавшее на могиле родича (ПМА, с. Летка, 2006). Очевидно, таким образом выражается сопричастность живых и мертвых, их символическое приобщение через трапезу. В разрывании, разделении, растаскивании на куски предметов,

бывших в соприкосновении с умершим, а также в поминальной трапезе проявляются пережитки архаического каннибализма (подробнее см.: [Велецкая, 2003, с. 72–73]). Принесенная с могилы пища может рассматриваться как часть умершего, проникшая в мир живых. Само разделение и коллективное поедание поминальной трапезы соответствует представлениям о необходимости “растворения” тела в общине, чтобы душа, освободившись от всего бренного, могла заново прийти в этот мир.

Кормление птиц и собак на кладбище можно также рассматривать как реликтовый след древнего похоронного обряда, требовавшего выставлять тела умерших на растерзание животным. У славян роль такого животного отводилась медведю [Воронин, 1960, с. 28–29, 41–42]; у ряда народов, включая оседлые иранские племена, – собакам и птицам. «Семантический ряд, объединяющий животных-падальщиков – зверей и птиц, – также архаичен, как и представления о смерти как “пожирание души” злыми духами» [Черемисин, 1997, с. 32].

Итак, мифологические представления коми-зырян допускают противоречие в суждениях о роли птицы: она одновременно является и посредником между мирами, и воплощением души усопшего. С одной стороны, это противоречие можно объяснить контаминацией языческих и христианских символов. Придерживаясь православной традиции, люди верят, что праведные души их умерших родственников пребывают на небесах. Соответственно, в этой мировоззренческой картине птица может быть только посредником между мирами живых и мертвых. Вместе с тем народное толкование христианства допускает рассуждения об орнитоморфном облике душ, но такое перевоплощение происходит лишь в раю. Согласно представлениям коми-старообрядцев, безгрешные души умерших младенцев становятся райскими птицами. При этом нередко детализируется их эклектичный облик: “как у птиц крылья и ноги, а туловище, лицо и рот как у человека” [Шарапов, 2004, с. 148].

С другой стороны, двоякое объяснение роли птицы в мифоритуальной традиции коми-зырян может быть вызвано архаичными представлениями о наличии у человека нескольких (как минимум, двух) душ. Таким образом сглаживаются противоречия, основанные на стереотипическом восприятии души как некоей единой субстанции. Представления коми о двоедушии, вероятно, являются отголосками верований о том, что после смерти человека продолжают существовать обе его души. Одна из них отправляется на небеса, а вторая, обретая облик птицы или в ином образе, остается на земле, в непосредственной близости от могилы. Не исключено, что воплощением одной из душ умершего (души, связанной с нижним миром) могла считаться собака.

Рис. 4. Скульптурное изображение собаки на селькупской могиле. Кладбище пос. Красноселькуп (Ямало-Ненецкий автономный округ (ЯНАО)). Фото А.В. Бауло, 1979 г.

Архаичные представления о собаке у славянских, финно-угорских и самодийских народов связывают это животное с подводным (подземным) миром [Рыбаков, 1981, с. 206–207; Перевалова, 2004, с. 287–293]. Обские угры приносили собак в жертву духу воды. У войкарских хантов существовал обряд, в ходе которого молодую собаку наряжали как девушку и, посадив в лодку,топили в священном озере [Перевалова, 2004, с. 291]. Ханты, живущие по р. Полуй, на могиле при похоронах обязательно забивали собаку, считая, что она человеку дорогу показывает. Аналогичный обычай существовал у казымских и юганских хантов [Кулемзин, 1984, с. 142]. На одной из могил селькупов (пос. Красноселькуп, ЯНАО) было обнаружено вырезанное из дерева скульптурное изображение воющей собаки с поднятой вверх мордой [Гемуев, Пелих, 1993, с. 292] (рис. 4). Все это соответствует роли собаки как проводника в нижний (подземный, подводный) мир или сторожа загробного царства, характерной для индоевропейской мифологии в целом.

Семантическая связь “собака–вода”, которая прослеживается в славянской, финно-угорской, тюркской мифологии, восходит к образу иранского божества Сэнмурва [Черемисин, 1997, с. 31–39]. Сэнмурв (или пес Симаргл – у восточных славян) изображался в облике крылатой собаки и почитался как посредник

между божествами неба и землей, а также – как страж семян и молодых растений; его кульп был связан с русалиями – празднествами в честь вилл-русалок [Рыбаков, 1981, с. 207–208, 329, 432–435; 1988, с. 624–627, 718–741]. Все это указывает на принадлежность Сэнмурва (Симаргла) к миру мертвых (о русалках как о покойниках см.: [Зеленин, 1994, с. 230–300; Виноградова, 1986, с. 88–130]). Семантический ряд “собака–змея–вода” [Черемисин, 1997, с. 39] логично продолжается тождественностью “змея–птицы” [Цивьян, 1984, с. 48–55]. И эта мифологическая линия наиболее ярко отображена в ипостасно-разделенном сущности едином образе Сэнмурва. Возможно, что кормление собак и птиц на кладбище может являться реликтом отдаленного во времени культа небесного пса, образ которого распался на части, некогда составлявшие его эклектичный облик.

В поминальной обрядности южных зырян могли отразиться следы представлений коми о переходе душ умершего человека в разные миры. Душа, связанная с верхним миром, принимала облик птицы (или могла перевоплощаться в нее на некоторое время, спускаясь с небес на землю). Вторая душа, вероятно, соотносилась с нижним миром, в который попадала в сопровождении собаки или, превратившись в хтоническое существо. Возможно считалось, что и эта душа – в образе собаки – могла встречаться на кладбище с родственниками, принимать от них угощение. Достоверных сведений о существовании таких представлений у коми нет, однако некоторые ритуалы и обряды могут таить следы древнейших верований. Может быть, обряд кормления собак и птиц на кладбище у южных зырян является одним из таких реликтов.

Птичка *вычкан* – предвестница смерти в верованиях обских коми

У обских коми (этноареальная группа ижемских зырян, живущих в Нижнем Приобье) существуют представления о некоем мифическом существе *вычкан*, которое предвещает смерть. Сведений об этом персонаже у других групп коми не зафиксировано.

Считается, что *вычкан* невидимо, с голым телом (без “шерсти”), маленьского размера, не умеет летать, но громко кричит. Это существо называют птичкой, однако отличающие его признаки не соответствуют птицам (за исключением голоса). Есть птица такая *вычкан*. *Вещунья недоброго*. Кричит так: “выч”, “выч”. Прямо так ярко. Сильно громкая птица. Это тоже урэс. Если кричит вечером, значит, кто-то умрет. Я ее не видела, а говорят, она маленькая птичка. Шерсти на ней нету, голая вся. Живет, может быть, в лесу, а может, и в поселке. Днем ее нет,

только ночью. Она не летает, а ходит, раз шерсти на ней нету. Кому она “провычкает”, у того беда случится, умрет кто-нибудь в доме (ПМА, ЯНАО, пос. Овгорт, 2004). Птичка у нас водится. Маленькая и вся голая. Нет на ней ни пера, ни шерсти. Юркая очень, не успеешь разглядеть. А голос у ней громкий. Вичкан называется, потому что кричит: “вич”, “вич”. Говорят, она беду чувствует и предсказывает, и все правда (ПМА, ЯНАО, пос. Вояхово, 2006). Папа мой видел птичку вычкана. Маленький, голый, у дома бегает и кричит: “выч”, “выч”, “выч”. Его обычно слышат. А так не видно, людям не показывается. Около какого дома прокричит – там горе будет. Он покойника чует и предвещает (ПМА, ЯНАО, пос. Овгорт, 2004). Урэс перед смертью в дом приходит. Его не видно, а слышно только. Вычкан у нас зовут. Говорят, он птичка. “Провычкает” так: “выч”, “выч”, значит все, умрет человек. Видеть его нельзя. Если покажется тебе, – значит, ты умрешь. Его кто видел, все уже умерли. А мы только слышали. Услышишь – кто-то из родни на том свет уйдет, жди уже (ПМА, ЯНАО, пос. Вояхово, 2006).

Способы предотвратить предсказание птицы *вычкан* соответствуют методам противостояния нечистой силе. Используется магия переворачивания, защищающая от “заложных” покойников (умерших прежде временно или неестественной смертью, души которых не нашли успокоения), вторгающихся в мир людей [Толстой, 1988, с. 19–22; 1990, с. 119–127]. Когда услышишь вычкана, надо переодеть одежду задом наперед, чтобы предотвратить несчастье. Одежду наизнанку вывернуть и перевернуться: встать лицом, где был затылок (ПМА, ЯНАО, пос. Ямгорт, 2004). Чтобы лишить вычкана возможности прокричать дурную весть, границу жилого пространства условно огораживают – “крестят” углы, окна, двери. Вычкан – птичка. Ее не видать, а услышать можно. Она свистит в темноте. Бегает под окнами, не летает. Сама вся голая. Плохая птичка, беду предвещает. Кричит: “вжстить”, “вжстить” неприятным голосом. К беде, к покойнику. У меня за домом все углы перекрещены. А все равно беду накликала: сын умер (ПМА, ЯНАО, пос. Овгорт, 2004). Вычкан ассоциируется не только с нижним миром, но и с душами умерших (очевидно, теми, которые не обрели покой, т.е. “заложных” покойников).

То, что *вычкан* невидим, подтверждает его особое положение – между миром живых и миром мертвых; подчеркивает и усиливает функциональные характеристики образа как символа смерти. Скорее всего, в рассказах о *вычкане* соединились черты различных мифологических персонажей, связанных с душой и смертью. Прежде всего это урэс: его появление в доме в облике мелкого лесного зверька или птицы считается знаком смерти. С урэс связывают различ-

ные виды птиц. Ключевым моментом трагического предзнаменования является их “неадекватное” поведение, прежде всего проникновение в жилое пространство. *Птица о стекло стукнется – в течение недели кто-то умрет из родственников или знакомых* (ПМА, ЯНАО, с. Мужи, 2004). *Если птица из леса прилетит и на дом сядет, будет кричать – это урэс. Значит, умрет кто-то* (ПМА, ЯНАО, пос. Воссяхово, 2006). *Дятел в стену дома с улицы стучит – к покойнику. Это уже точно проверено. Задолбит в стену, на третий день кто-нибудь умрет* (ПМА, ЯНАО, пос. Овгорт, 2004). *Перед смертью в дом птица весть приносит. Летом и зимой. Летом – летние птицы, зимой – зимние. Мне ночью не спалось, пошла на кухню, посмотрела в окно. На снегу перед окошком сидит куропатка и на меня смотрит. А потом муж умер* (ПМА, ЯНАО, с. Мужи, 2006). Птичку *вычкан* могли “слышать” не только около, но и внутри дома. *Вычкан пищит, если кто-то умрет должен. Его никто не видел, а слышали, как пищит. Дочь у меня умерла. А перед этим, за три дня, слышим вечером: пищит в доме. Как будто на диване или под диваном. Искали, нигде не видно. Утром-то дочка говорит: “Всю ночь что-то слышала, пищал кто-то”. А сын ничего не слышал, с ней в одной комнате спал. А потом дочка умерла, и сразу птичка исчезла, больше не слышали* (ПМА, пос. Овгорт, ЯНАО, 2004). *Птичка вичкан мучила целый год перед смертью мужа. Летом под окном вичкала: “вич”, “вич”. А зимой дома ходит – пол скрипит, жутко! Урэс – это жуткое чувство. Вот, если просто что-то послышалось, – ничего не почувствуешь, а если жутко, – значит, урэс по дому ходит* (ПМА, ЯНАО, пос. Воссяхово, 2006).

Представления о том, что птицы – вестники смерти, широко распространены у разных народов. Одной из наиболее мифологизированных птиц у славян и финно-угров является кукушка. Этому персонажу посвящен обширный пласт исследований [Разумовская, 1984; Гура, 1997, с. 682–709; Никитина, 2002]. В народных поверьях особое внимание уделяется голосу птиц: его необычные проявления служат знаками, по которым определяют – случится беда или радостное событие. Но чаще всего приметы, связанные с нетипичным поведением птиц, ориентированы на ожидание смерти: пение курицы петухом, крик совы, карканье ворона или кукование кукушки вблизи жилья (аналогичные представления связаны также с воем собаки). Считается, что “кулик, бродя по берегам рек, скликает утопленников”, а “сойка своим криком выкликает, выманивает душу из тяжело больного человека” [Гура, 1998, с. 97]. Именно голос *вычкана* является тем признаком, который соотносит его с птицами. Остальные характеристики данного персонажа не указывают на орнитоморфность его облика.

Глагол “вычать” (фонетически соотносимый с персонажем *вычкан*) был распространен в северо-западных областях России в XIX – начале XX в.; он употреблялся в значении “скучать, выражая это всхлипыванием и стонами” [Словарь..., 1970, с. 358]. В Симбирской губ. слово “вичать” означало “кричать, визжать, как ребенок или как щенок” [Даль, 1994, с. 209]. Из этого следует, что наименование персонажа *вычкан* может происходить не только от слова “выч”, которое якобы слышат в его крике. Не исключено, что глагол “вычать” (“вичать”) в значении “кричать”, “стонать” мог быть известен зырянам. Это слово перестало использоваться в бытовой речи (как и в русском языке), но, очевидно, сохранилось в качестве обозначения голоса мифического существа, крик которого напоминает стон или плач и призывает к контакту с иным миром.

Вычкой в Средней России ласково называли овцу [Там же], а слово “вычвыч” было призывной кличкой овец [Там же, с. 326]. В описаниях птицы *вычкан* обращается внимание на то, что персонаж не имеет именно шерсти, а не перьев. Это свидетельствует о наличии в образе *вычкана* как орнито-, так и зооморфных элементов. Сложно сказать, является ли созвучие слов “овечка” (“вычка”) и “вычкан” простым фонетическим совпадением, а может быть, за ним кроется что-то, объединяющее эти персонажи в мифологии. Известны же сюжеты, связывающие демонических птиц с овечками. Сойка (выманивающая душу) “может подражать голосу овцы, ягненка, козленка” [Гура, 1998, с. 97]. В Средней России верили в безобразную птицу *стригу*, которая “живет в хлевах и состригает у нелюбимых овец всю шерсть догона” [Максимов, 1994, с. 57].

Представление о “наготе” птицы *вычкан* обостряет восприятие ее хтонической сущности, подчеркивает принадлежность персонажа к “змеиной породе” [Иванов, Топоров, 1974, с. 31, 152–159; Цивьян, 1984, с. 49–55; Никитина, 2002, с. 139–150]. “Птица и змей – самые обычные, самые распространенные животные, представляющие душу” [Пропп, 1996, с. 247]. Признак “наготы” присущ некоторым орнитоморфным персонажам славянской демонологии, которые считались воплощениями душ некрещенных младенцев или неприкаянных мертвцев. Болгары описывали *навей* так: “Птенцы голые, без перьев, размером с орла” [Никитина, 2002, с. 143]. Русские представляли *стригу* “в виде птицы сыча с крыльями из мягкой кожи, не покрытой перьями” [Максимов, 1994, с. 57]. *Вычкан* является одним из ярких мифических образов, в котором соединились орнито- и змееподобные черты.

В мифологических воззрениях коми-зырян Европейской России известен персонаж *пастыём ур*, или *кулем ур*, (“белка без одежды”) – заколдован-

ный зверек без шерсти. Считалось, что “ободранную белку” выпускает леший или колдун, чтобы навести порчу на охотника [Мифология коми..., 1999, с. 290]. Очевидно, устойчивый признак персонажа *вычкан* – “голый” – мог относиться к *пасьтём ур*. Рассказы о последнем у обских зырян не зафиксированы. Современные коми-ижемцы Северного Приобья могли слышать былички про “ободранную белку” от своих родителей, дедов, бабушек, живших в крае Коми. Со временем этот персонаж забылся, но его отличительный признак – нагота – стал характеризовать другие мифические существа. К тому же *вычкан* не умеет летать. Он быстро бегает и проворно прячется, поэтому его почти невозможно увидеть. Слияние мифологических персонажей *вычкан* и *пасьтём ур*, возможно, связано с тем, что оба они соотносятся с представлениями об *урэс*, принимающем облик как птицы, так и белки.

Появление персонажа *вычкан* у зырян Сибирского Севера может быть связано и с представлениями обских угров о трясогузке (*ворсик*). Святилище *Ворсик-ойки* на берегу р. Маны продолжало функционировать во второй половине XX в. [Гемуев, Сагалаев, 1986, с. 16–25; Гемуев, Бауло, 1999, с. 38–39]. Манси, живущие на реках Ляпин и Северная Сосьва, а также казымские ханты на плече татуировали изображение трясогузки, которое “сторожило душу человека при жизни и сопровождало ее после смерти в нижний мир” [Чернецов, 1959, с. 128–129]. Таким образом, у обских угров четко прослеживается связь трясогузки с душой и миром мертвых; обозначена ее роль проводника душ. Это перекликается с представлениями коми о маленьких лесных птичках, которых прикармливают на кладбище. Ареал манси, почитающих трясогузку, совпадает с одним из районов проживания зырян Западного Урала (реки Ляпин и Северная Сосьва). К тому же некоторые коми – жители селений, расположенных по рекам Сыня и Малая Обь, где были зафиксированы рассказы о *вычкане*, являются уроженцами поселков Саранпауль и Ломбовож. Их родители, контактируя с манси, могли перенять некоторые элементы культа трясогузки. Вероятно, былички о птице-горевестнице со временем распространились, охватив значительную часть коми населения Северного Приобья.

Сходство мифоритуального комплекса коми и обских угров, проживающих на одной территории, объясняется тем, что процессы взаимовлияния на культурно-мировоззренческом уровне происходят довольно быстро. Мифологические представления этнической группы под влиянием религиозных взглядов доминирующего иноэтнического окружения могут подвергаться модификации лишь в том случае, если новый, видоизмененный мифический образ созвучен со старыми, традиционными представлениями и не противоречит им.

Мансийский *Ворсик-ойка* в одном образе сочетает орнито- и антропоморфное начало. Он мог изображаться человеком, хотя осознавался как человек-птица. *Ворсик-эква* представляла в облике ящерицы или бобра [Гемуев, Сагалаев, 1986, с. 19–20]. Перетекаемость образов, способность персонажа к перевоплощению подчеркивают его “бестелесную” сущность и свидетельствуют о том, что данный персонаж, очевидно, был родовым тотемом. Эквивалентами аморфности являются способность быть невидимым, а также соединение функций и черт разных животных в одном образе [Пропп, 1996, с. 166–167, 195–203]. Эклектичность образа характерна и для существа *вычкан*. У *вычкана* тело голое, поэтому на глаза не показывается. У него клюв, как у птицы, ноги, а крыльев нету. Он бегает, не летает. Может плавать по воде. Дает знак перед несчастьем: шипит как змея (ПМА, ЯНАО, пос. Ямгорт, 2004).

Сочетание признаков разных животных в персонаже *вычкан* стало, возможно, результатом или соединения ряда характеристик различных образов мифологии коми, или взаимодействия коми с обскими уграми. Зыряне относительно давно проживают в Нижнем Приобье (с середины XIX в.), но считают эту территорию хантыйской и мансийской. Мифические “хозяева земли” у обских коми нередко относятся с духами-хранителями vogulов и остыков. Такое утверждение отчасти относится и к птице *вычкан*. Птичка невидимая бегает, кричит к покойнику. Вычкан называется. Ханты в нее тоже верят. Мы на хантыйской земле живем, поэтому их духи на нас влияют (ПМА, ЯНАО, пос. Ямгорт, 2004).

Образ трясогузки (*сырчик*) в верованиях коми связан с приходом весны [Мифология коми..., 1999, с. 349–350] и, на первый взгляд, далек от представлений о *вычкане* у обских зырян. Однако фаза праздника “встреча трясогузки” у зырян Европейской России представляет собой символические похороны этой птички: трясогузку “угощают” пивом, вливая его в выкопанную в земле ямку [Там же, с. 350]. Похожий обряд похорон (крещения) кукушки был распространен у русских, украинцев, белорусов. Суть обрядов данного типа заключается в поминании умерших (обычно тех, кто не нашел приют в ином мире – “зложных” покойников) [Елеонская, 1912, с. 146–154; Кедрина, 1912, с. 101–139; Виноградова, 1986, с. 101–105; Никитина, 2002, с. 156–160].

В образе птички *вычкан*, вероятно, проецируются представления о неприкаянных, блуждающих душах. Они подают знак о скорой кончине человека: приходят за его душой, “зовут” уйти из этого мира. Орнитоморфность является типичным признаком персонажа, забирающего или сопровождающего душу на тот свет. Поэтому, несмотря на отсутствие птичьих черт в облике *вычкана*, его называют птицей и “уз-

нают” по птичьему крику. Остальные характеристики “голой птицы”, очевидно, сложились в результате влияния других мифических персонажей. Эти черты усиливают сакральность восприятия образа, делают его более загадочным и мифологизированным.

Заключение

Мифологические представления различных этнографических групп коми отражают идею перехода души в птицу, которую можно было бы назвать универсальной. Однако углубленное исследование региональной специфики раскрывает новые аспекты мифоритуальной практики коми-зырян и дает возможность реконструировать архаичные религиозные воззрения.

Традиция летско-лузских зырян сооружать домики и кормушки для птиц на кладбищах, а также их обычай прикармливать собак и птиц около могил восходят, очевидно, к представлениям коми о наличии у человека двух (а, может быть, и большего числа) душ. И эти души, вероятно, могли воплощаться в представителей земного мира – обитающих на кладбище животных, птиц. Угощая их, люди осуществляют древний обряд – “кормление предков”. Христианство, несколько изменив роль птиц, внесло корректизы в традиционные для коми представления о пребывании душ на том свете. Их стали рассматривать не как воплощение душ, а как посредников между мирами. Однако бытующие сегодня у южных коми обряды поминания умерших сохранили реликтовые представления о зоо- и орнитоморфных обликах душ предков.

Рассказы о мифической птичке *вычкан* у обских коми связаны с представлениями о том, что души умерших, появляясь в зоо- или орнитоморфном облике, “зовут” на тот свет души живых. Этот персонаж, очевидно, вобрал черты различных мифических существ (возможно, не только у коми). Рассказы о *вычкане* появились, скорее всего, у северных зырян Нижнего Приобья. Этот образ возник сравнительно недавно, вероятно, в результате мифотворчества двух-трех последних поколений. Сохранение представлений о птичке *вычкан* свидетельствует о том, что современное мифотворчество соответствует традиционному мировоззрению и, обретая новые черты, возвращается к его основам и сущности.

Список литературы

Анучин Д.Н. К истории искусства и верований у приуральской чуди: Чудесные изображения летящих птиц и мифических крылатых существ // Материалы по археологии восточных губерний. – 1899. – Т. 3. – С. 87–160.

Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов. – М., 1865. – Т. 1. – 800 с.; 1868. – Т. 2. – 784 с.; 1869. – Т. 3. – 840 с.

Белицер В.Н. Очерки по этнографии народов коми. XIX – начало XX в. – М.: Изд-во АН СССР, 1958. – 394 с. – (Тр. Ин-та этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Нов. сер.; т. 45).

Бернштам Т.А. Орнитоморфная символика у восточных славян // СЭ. – 1982. – № 1. – С. 32–33.

Велецкая Н.Н. Языческая символика славянских археологических ритуалов. – М.: София, 2003. – 240 с.

Виноградова Л.Н. Мифологический аспект полесской “русальной” традиции // Славянский и балканский фольклор. Духовная культура Полесья на общеславянском фоне. – М.: Наука, 1986. – С. 88–133.

Власова М.Н. Русские суеверия: Энциклопедический словарь. – СПб.: Азбука, 1998. – 672 с.

Воронин Н.Н. Медвежий культ в Верхнем Поволжье в XI веке // Краеведческие записки. – Ярославль: Ярослав. обл. краевед. музей, 1960. – Вып. 4. – С. 25–89.

Вундт В. Миф и религия // Мюллер М., Вундт В. От слова к вере. Миф и религия. – М.: Эксмо; СПб.: Terra Fantastica, 2002. – С. 245–824.

Гемуев И.Н., Сагалаев А.М. Религия народа манси. Культовые места XIX – начало XX в. – Новосибирск: Наука, 1986. – 190 с.

Гемуев И.Н., Пелих Г.И. О погребальной обрядности у селькупов // Acta Ethnographica Hungarica. – Budapest: Akademiai Kiado, 1993. – № 38 (1/3). – Р. 287–308.

Гемуев И.Н., Бауло А.В. Святилища манси верховьев Северной Сосьвы. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 1999. – 240 с.

Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. – М.: Индрик, 1997. – 910 с.

Гура А.В. Звуки и голоса животных в традиционных народных представлениях // Слово и культура. Памяти Н.И. Толстого. – М.: Индрик, 1998. – Т. 2. – С. 95–101.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М.: Терра, 1994. – Т. 1. – 800 с.

Дмитриева С.И. Фольклор и народное искусство русских Европейского Севера. – М.: Наука, 1988. – 240 с.

Елеонская Е.Н. Крещение и похороны кукшки в Тульской губернии // Этногр. обозрение. – 1912. – № 1/2. – С. 146–154.

Еремина В.И. Ритуал и фольклор. – Л.: Наука, 1991. – 208 с.

Зеленин Д.К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре. 1901–1913. – М.: Индрик, 1994. – 400 с.

Иванов В.И., Топоров В.Н. Исследования в области славянских древностей. Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов. – М.: Наука, 1974. – 344 с.

Кедрина Р.Е. Обряд крещения и похорон кукшки в связи с кумовством // Этногр. обозрение. – 1912. – № 1/2. – С. 101–139.

Климова Г.Н. Текстильный орнамент коми. – Изд. 2-е, дополн. – Кудымкар: Коми-Пермяц. кн. изд-во, 1994. – 144 с.

Коринфский А.А. Народная Русь: Круглый год сказаний, поверий, обычаев и пословиц русского народа. – М.: Клюкин, 1901. – 723 с.

- Котляревский А.А.** О погребальных обычаях языческих славян. – М., 1868. – 252 с.
- Кулемзин В.М.** Человек и природа в верованиях хантов. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1984. – 191 с.
- Максимов С.В.** Нечистая, неведомая и крестная сила. – СПб.: ТОО “ПОЛИСЕТ”, 1994. – 448 с.
- Мифология коми:** Энциклопедия уральских мифологий. – М.; Сыктывкар: ДИК, 1999. – Т. 1. – 480 с.
- Налимов В.П.** Загробный мир по верованиям зырян // Этногр. обозрение. – 1907. – № 1/2. – С. 1–23.
- Никитина А.В.** Кукушка в славянском фольклоре. – СПб.: Изд-во СПб. гос. ун-та, 2002. – 176 с.
- Орфинский В.П.** Некрокультовые сооружения Российского Севера в контексте христианско-языческого синкретизма // Народное зодчество. – Петрозаводск: Изд-во Петрозаводск. гос. ун-та, 1998. – С. 49–83.
- Перевалова Е.В.** Северные ханты: этническая история. – Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 2004. – 414 с.
- Порчинский Л.А.** Бабочка в представлении народов в связи с народным суеверием // Любитель природы. – Петроград, 1915. – № 11/12. – С. 3–24.
- Пропп В.Я.** Исторические корни волшебной сказки. – СПб.: Изд-во СПб. гос. ун-та, 1996. – 366 с.
- Разумовская Е.Н.** Плач с “кукушкой”. Традиционное необрядовое гоношение русско-белорусского пограничья // Славянский и балканский фольклор. Этногенетическая общность и типологические параллели – М.: Наука, 1984. – С. 160–178.
- Рыбаков Б.А.** Язычество древних славян. – М.: Наука, 1981. – 608 с.
- Рыбаков Б.А.** Язычество Древней Руси. – М.: Наука, 1988. – 784 с.
- Седакова О.А.** Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. – М.: Индрик, 2004. – 320 с.
- Словарь** русских народных говоров. – Л.: Наука, 1970. – Вып. 6. – 358 с.
- Соколова З.П.** Пережитки религиозных верований у обских угров. – Л.: Наука, 1971. – С. 211–238. – (Сб. МАЭ; т. 27).
- Соколова З.П.** Культ животных в религиях. – М.: Наука, 1972. – 213 с.
- Сорвачева Ю.И., Федюнев С.П.** Особенности намогильных сооружений Прилузского района // Геолого-археологические исследования в Тимано-Североуральском регионе. – Сыктывкар: Изд-во Коми НЦ УрО РАН, 2006. – Т. 9. – С. 115–120.
- Сыропятов А.** Отражение чудовищного стиля в архитектуре крестьянских построек Пермского края. – Пермь [Тип. райпотребсоюза], 1924. – 28 с.
- Терновская О.А.** Бабочка в народной демонологии славян: “душа-предок” и “демон” // Мат-лы к VI Междунар. конгрессу по изуч. стран Юго-Восточной Европы. София, 30.III.89 – 6.IV.89. Проблемы культуры. – М., 1989. – С. 151–160.
- Толстой Н.И.** Переворачивание предметов в славянских народных ритуалах // Семиотика культуры: Тез. докл. Всесоюз. школы-семинара по семиотике культуры. – Архангельск, 1988. – С. 19–22.
- Толстой Н.И.** Переворачивание предметов в славянском погребальном обряде // Исследования в области балтославянской духовной культуры (Погребальный обряд). – М.: Наука, 1990. – С. 119–127.
- Фризин Н.Н.** Деревянные надгробья Русского Севера: некоторые варианты развития пространственной структуры // Ставрографический сборник. – М.: Древлехранилище, 2001. – Кн. 1. – С. 199–235.
- Цивьян Т.В.** Змея-птица: к истолкованию тождества (румынская фольклорная традиция) // Фольклор и этнография. У этнических истоков фольклорных сюжетов и образов. – Л.: Наука, 1984. – С. 47–57.
- Черемисин Д.В.** К ирано-турецким связям в области мифологии. Богиня Умай и мифическая птица // Народы Сибири: История и культура. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. – С. 31–43.
- Чернецов В.Н.** Представления о душе у обских угров. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. – С. 116–156. – (ТИЭ, Нов. сер., т. 51).
- Шарапов В.Э.** Символы Рая в фольклоре коми-старообрядцев // Арт. – Сыктывкар, 2004. – № 4. – С. 145–148.
- Шейн П.В.** Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. – СПб.: СПб. имп. акад. наук, 1902. – Т. 3. – 535 с.

Материал поступил в редакцию 19.02.2007 г.

УДК 391

А.В. Черных

Пермский филиал Института истории и археологии УрО РАН
 ул. Пушкина, 44, оф. 1, Пермь, 614000, Россия
 E-mail: atschernych@yandex.ru

ОБЫЧАИ, СВЯЗАННЫЕ С ДОМАШНИМ СКОТОМ, В КАЛЕНДАРНОЙ ОБРЯДНОСТИ РУССКИХ ПРИКАМЬЯ

В традиционных хозяйственных занятиях русских, как и других восточно-славянских народов, на большей части территории их расселения животноводство занимало второе по значимости место после земледелия. Этим и обусловлена широта комплекса представлений и животноводческих обрядов в народном календаре русских. Апотропейные и продуцирующие обряды приурочивались почти ко всем календарным циклам. Животноводческие ритуалы традиционно рассматриваются этнографами в контексте того или иного празднично-обрядового цикла, в то время как народный календарь представляет собой сложную структуру, в которой отдельные компоненты часто существуют относительно автономно. В первую очередь это относится к ритуалам, связанным с производственными циклами – обработкой льна, прядением и ткачеством, земледелием, а также животноводством. В настоящей работе предпринята попытка охарактеризовать животноводческие ритуалы народного календаря как единый годовой цикл, проанализировать их внутреннюю организацию и структуру. Исследование проводится на примере русских традиций Пермского Прикамья.

Как известно, многообразие русской традиционной культуры обусловлено расселением русского этноса на огромных пространствах Евразии, которое сопровождалось формированием локальных особенностей. Культура русских Прикамья складывалась на основе традиций переселенцев с Европейского Севера России XVII–XVIII вв. Этим объясняется близость прикамского культурного комплекса северно-русскому. В результате адаптации к особенностям природно-климатической среды и сложившимся особенностям хозяйствования традиции пе-

реселенцев приобрели в Прикамье специфические черты. Кроме того, особенностью Прикамья является многочисленность старообрядческого населения, что также не могло не повлиять на судьбы традиционной культуры, прежде всего сохранения некоторых ее архаичных комплексов. В целом общность северно-русской основы населения определила относительную однородность традиционной культуры русских Пермского края.

Основными источниками для написания статьи послужили полевые материалы автора, собранные в ходе этнографических экспедиций 1992–2005 гг. у русских в Пермской обл. и Коми-Пермяцком АО. Данные источники позволяют охарактеризовать состояние традиции в конце XIX – первой половине XX в., а также ее трансформацию в более поздний период – 1950-е – 2000-е гг. Большая часть сведений о животноводческих обрядах собрана от информаторов 1890–1920-х гг. рождения, которые были участниками или исполнителями обрядов.

Основные разделы статьи определены структурой производственного животноводческого цикла, в котором кульминационными точками являются первый весенний выгон скота и осеннее завершение полевого выпаса. В период, предшествовавший началу пастбищного сезона, выполнялся целый комплекс ритуальных действий, чтобы обеспечить благополучие скота в пастбищный сезон. Эти действия соотносились, как правило, с ранневесенними праздниками.

Многочисленные ритуалы животноводческой магии составляют несколько комплексов: продуцирующие, призванные обеспечить “вод” и плодовитость скота; апотропейные, направленные на защиту скота,

а также на его возвращение с паскотины на усадьбу в пастбищный сезон; отдельная группа магических действий связана с приготовлением ритуальных предметов, необходимых для первого выгона и защиты скота в течение года. В календарном цикле наиболее многочисленные комплексы животноводческой обрядности приурочивались к двум периодам – святочному и ранневесеннему (пасхальному), которые осмыслились в народной традиции как “новогодние” [Толстая, 2005, с. 13]. Зимнее начало нового года связывалось с началом нового солнечного цикла, с днями зимнего солнцестояния, а весенне – с началом нового хозяйственного земледельческого года. Оба начальных периода в народном календаре сохраняют прогностическое значение в течение года [Там же]. Одну из групп ритуалов, приуроченных к святочным и весенним праздникам, составляют действия животноводческой магии.

В *святочный период* ритуалы со скотом имели в основном прогностическую и апотропейную направленность; у русских Прикамья их исполнение чаще всего приурочивалось к Рождеству (07.01 по новому стилю), Васильеву вечеру (13.01) и Крещению (19.01). С животноводческой магией можно связывать известный в некоторых районах Прикамья обычай печь на Рождество особое обрядовое печенье. В южном Куединском р-не оно получило название *коледа*. В д. Дубовая Гора, например, коляду стряпали из круглого сочня, в котором делали разрезы, чтобы загнуть ножки и головку. Коляду скармливали скотине; дети играли печеньем, подбрасывая его вверх: «На Рождество каляда есть, пекут ее, печенье [приговаривая]: “Коледа, Коледа, накануне Рождества!”. Мать наскет их, а мы их в снег кидаем, вверх кидаешь, она упадет, опять подымешь. Первым делом скотине ее даешь, овечкам» (Полевые материалы автора (далее – ПМА), Куединский р-н, д. Искильда, от Булыгиной Е.И., 1911 г.р.). В северных Красновишерском и Чердынском районах, как и во многих местах Европейского Севера, обрядовое печенье было известно под названием *козульки*, *козочки*. Его делали в форме фигурок животных: “Вот что в хозяйстве есть, кака скотина, вот ее и стряпают. Вот у нас мать месит тесто, ржаное тесто, на воде, там не яички, никого не кладут. Перво дело – лошадь, одна-две сделают. Коров, овец, куриц, ну у ково еще поросятки имелися, ну всех. Потом на завтра утром мать в печь их, чем-то помажет и в печь посадит. Ну это просто так было заведено” (ПМА, Красновишерский р-н, д. Акчим, от Филиппович (Горшковой) Т.Е., 1921 г.р.). Традиция печь обрядовое рождественское печенье известна во многих регионах России. Изготовление из теста фигурок животных, а также кормление козульками скота напрямую связаны с продуцирующей магией [Пропп, 2000, с. 34] и отвечали стремлению

в первую очередь обеспечить приплод скота. Прогностическую направленность имели и обычаи, соотносимые с рождественским славлением. Для обеспечения приплода скота (“чтоб овечки водились”, “чтоб овечки пуще велись”) славельщиков сажали на подушку или овчинную шубу. “Славить ходили, хозяева тулул расстелют на скамеечку, посадят их, чтобы, мол, овечки пуще велись” (ПМА, Куединский р-н, д. Искильда, от Пименовой П.И., 1911 г.р.). С целью обеспечить благополучие скота выполнялись ритуалы на Васильев вечер, отмеченные в северо-западных районах Прикамья. Так, в д. Дубровке Юрлинского р-на к Васильеву вечеру готовили студень из овечьих голов и ножек, “чтобы овечки лучше велись”. После вечерней трапезы остатки от холодца “потом в навоз закапывают, чтобы скот велся” (ПМА, Юрлинский р-н, д. Дубровка, от Бахматовой М.Д., 1927 г.р.).

Очистительные и апотропейные действия со скотом в святочный период приурочивались и к Крещению. Накануне Крещения к скотине вечером старались зайти до захода солнца, иначе можно было запустить в хлевы святочных духов – шуликанов: “К корове в Крещенье ходят при солнышке, не то шуликана в хлев пустишь” (ПМА, Красновишерский р-н, с. Губдор, от Вакориной Т.С., 1912 г.р.). С целью защиты скота от святочных духов, нечистой силы накануне праздника “закрещивали” окна и двери хлевов и конюшен, а также других жилых и хозяйственных построек, на косяках или дверных полотнах рисовали мелом или углем кресты. Подобный обычай был известен в Прикамье повсеместно. Крещенской водой окропляли конюшни, хлевы и скот, “чтоб скотина хорошо жила” (ПМА, Куединский р-н, д. Пантелеевка, от Салминой Т.А., 1920 г.р.), поили животных как в праздник, так и в случае болезни скота.

Схожие действия животноводческой магии, приуроченные к Святым и зимним праздникам, были известны русским во многих регионах России. Комплекс животноводческой обрядности святочного периода немногочислен; он, как отмечалось, включает в основном апотропейные и прогностические ритуалы, призванные обеспечить благополучие скота в течение последующего года. В святочный период не проводились животноводческие ритуалы, связанные с пастбищным выпасом скота, что актуально в ранневесенний период.

Комплекс животноводческой обрядности в *ранневесенний период* у русских Прикамья соотносился со многими весенними праздниками. Многочисленные ритуалы с домашним скотом приурочивалось к весеннем Вербному воскресенью, Благовещению (07.04), Егорьеву (06.05) и Николину (22.05) дням либо ко дню первого выгона. Однако наибольшее число обрядовых действий, совершаемых со скотом, приурочи-

валось к Великому четвергу. В Прикамье неизвестны животноводческие обрядовые комплексы, связанные с такими весенними праздниками, как Средокрестье, Сороки и т.д., здесь в целом не были развиты обрядовые комплексы этих праздников [Черных, 2006, с. 90–92, 161–171].

Одна из наиболее распространенных групп ритуальных действий ранневесеннего периода – приготовление ритуальных предметов, необходимых в дальнейшем для первого выгона. В северных районах Прикамья для первого выгона готовили *просфоры*, *просвирки*, *алябашки*, *караваши* для скота; их приготовление приурочивали чаще всего к Великому четвергу, но в некоторых деревнях – к Благовещенью или Егорьеву дню, либо непосредственно к первому выгону скота: “Скоту у нас хлеб пекли в Великий четверг, вот, алябашек такой кругленький. И крестик поставят из этого же из теста, испекется – и на божничку. А потом корову провожать пойдут на волю весной, этим хлебушком провожают, перекрестят, скормят. Засохнет, как размочат” (ПМА, Красновишерский р-н, д. Арефа, от Усаниной Л.Ф., 1932 г.р.); “Скотине опять хлеб специальный пекли в Благовещеньё, 7 апреля, скоту в этот же день скоту давали” (ПМА, Красновишерский р-н, д. Романиха, от Зыряновой З.П., 1925 г.р.). Хлебцы пекли для первого выгона, иногда их скармливали скоту в день приготовления, в Великий четверг, на Благовещенье, в Егорьев день либо в день приготовления и при выгоне. “Пекли просвирки в этот день из своего теста, большие такие, в церкви-то маленькие делают, – отмечает информант, – эту просвирку кормили коровам. Это в Егорьев день, а потом, когда на волю еще начнут таскать, тоже дают, дескать не будет урочиться (Усольский район, с. Романово)” (Цит. по: [Подюков и др., 2004, с. 169]).

Часто в животноводческих обрядах использовались не специально приготовленные хлебцы, а обычный хлеб: “В Великий четверг-от до солнышку кусок хлеба отрежешь, заткнешь за матку, потом скотину выпускать – его им кормить. Весь кусок разделят всем” (ПМА, Чайковский р-н, д. Ольховка, от Гусевой А.А., 1913 г.р.). В обрядах первого выгона использовался хлеб с Великого четверга: “А хлеб и соль в Великий четверг до захода солнца надо положить. А потом солью и этим куском хлеба вот скотину первый раз провожаешь. Солью скотину [нужно было] посыпать, а хлеб размочить и ей скормить” (ПМА, Соликамский р-н, с. Вильва, от Волеговой В.В., 1944 г.р.); “А скотину выгоняешь в первый раз, хлебушка дают с солью, его перед Пасхой, в четверг с утра, отложишь” (ПМА, Куединский р-н, д. Трегубовка, от Решетовой А.А., 1920 г.р.). Необходимость обрядового кормления информаторы, как правило, объяснить не могут. Использование хлеба

в этом случае связано с такими его традиционными функциями, как обеспечение богатства, достатка, удачи в хозяйствовании, разведении скота [Плотникова, 1995, с. 133]. Как сообщил информатор: “На Благовещенье и Великий четверг ко скотине с хлебом ходят, чтобы скотина велась” (ПМА, Бардымский р-н, с. Печмень, от Баяндинои Н.А., 1918 г.р.). Выпекание в весенние праздники специальных хлебцов для скота, использование их в ритуалах первого выгона было характерно для русских, проживавших на территории преимущественно Европейского Севера России [Соколова, 1979, с. 156–158].

В весенние праздники готовили и другие считавшиеся необходимыми при первом выгоне ритуальные предметы, которые способствовали сохранению скота. В Ординском р-не в Великий четверг “пряли наотмашь нитку”, которую при первом выгоне привязывали скоту “от глаза”: “В Великоденный четверг кому надо – дак пряли до солнца, потом нитку корове вплетали, чтобы не урочилась, не хворала. На шулепу пряли, скручивали в обратную сторону” (ПМА, Ординский р-н, с. Медянка, от Курмановой А.Ф., 1918 г.р.). К предметам, приготовленным в Вербное воскресенье и Великий четверг, можно отнести веточки вербы и можжевельника, которыми при первом выгоне провожали скот.

Целая группа магических действий была предназначена обеспечить плодовитость и “воду” скота. С “водом” скота связывали необходимость приносить на Великий четверг вереск: “Чтобы скот имелся, до солнышка еще бегали за вереском в лес” (ПМА, Соликамский р-н, д. Лызеб, от Корпенко А.С., 1927 г.р.). Для обеспечения “воды” скота кричали в трубу: «Скота гарают, чтобы скот водился: корову – “тпрут-тпрут”, овечку – “баль-баль”, поросенка – “рюшка-рюшка”, курочку – “кутию-кутию”, гусей – “тиги-тиги”» (ПМА, Юрлинский р-н, д. Осинка, от Сакулиной К.Г., 1926 г.р.). “Чтоб скотина велась”, на Великий четверг полагалось пересчитывать скот: “Выди в ограду и считай. Насчитай хоть десять, чтобы велись” (ПМА, Ильинский р-н, д. Усть-Егва, от Куликовой Т.В., 1918 г.р.). Традиция предписывала для “воды” “бросить в конюшню горсть с муравейником” (ПМА, Бардымский р-н, д. Асюл, от Чемерных М.П., 1927 г.р.). Использование муравьев в ритуалах, “обеспечивающих” прирост скота, было очень распространено у восточно-славянских народов [Журавлев, 1994, с. 15–17]. С продуцирующей символикой связывался и обычай приносить навоз из чужого хлева: “Еще собирали три навоза в горсть у одиноких женщин и ложили их в гнездышко, чтобы скотинушка велась” (ПМА, Соликамский р-н, с. Касиб, от Журавлевой М.К., 1935 г.р.).

Обеспечение плодовитости – основная задача ритуалов со скотом в Вербное воскресенье. Почти пов-

семестно был распространен обычай кормить скот ветками или почками вербы: “Чтобы была Божья благодать, вербу святили, потом ее давали корове пожевывать” (ПМА, Куединский р-н, д. Тапья, от Косьвинцевой П.В., 1917 г.р.); “Вербу в субботу наломать надо, а в воскресенье овечек кормят, чтоб они весились” (ПМА, Куединский р-н, д. Кашка, от Мерзлякова А.Т., 1917 г.р.); “Вербу тоже скоту, чтобы коровы, овцы бралися” (ПМА, Кишертский р-н, с. Спас-Барда, от Поповой А.С., 1913 г.р.). В некоторых селениях в праздник было принято хлестать вербой домашний скот и птицу (ПМА, Юрлинский р-н, с. Юм, от Мазиной А.Ф., 1928 г.р.). Верба использовалась в животноводческих обрядах не только в Вербное воскресенье, но и в Великий четверг: “Овечек хлёшешь имя. В этот четверг утром рано встаёшь, вербу берёшь и овечек... хлёшешь. Чтобы овцы жили и никуда не отбегали” (ПМА, Соликамский р-н, с. Касиб, от Журавлевой М.К., 1935 г.р.).

Действия, “обеспечивающие” возвращение скота домой с пастбища, составляют одну из основных групп ранневесенних обрядов со скотом, связываемых чаще всего с Великим четвергом, реже – с Благовещением, Вербным воскресеньем, другими календарными датами. Чтобы обеспечить возвращение скота с пастбища, в Великий четверг устраивали ритуальный диалог: «Под окошком бегали, кричат: “Коровы те дома, нет!?” – “Дома!” – “Ну пусть будут дома”. Ну, вот с наулицы кричит в избу. А из избы ему отвечают» (ПМА, Добрянский р-н, с. Голубята, от Балдиной Н.П., 1921 г.р.); «На Великий четверг перед окном ходят: “Дома ли овечки? Коровы?” Отвечают: “Дома, дома!”» (ПМА, Юрлинский р-н, д. Кукольная, от Чеклецовой З.И., 1926 г.р.). В ряде случаев ритуальный диалог подкреплялся другими действиями: “На кочерге вокруг дома скакали” (ПМА, Чайковский р-н, с. Сосново, от Поварницыной О.И., 1925 г.р.). В селениях Ординского р-на, чтобы скот возвращался домой, было принято усадьбу облезжать на телеге: «Мужик на телеге вокруг дома облезжал. Жену в окно спрашивал: “Где наши коровы?!?”» (ПМА, с. В. Ключики, от Теплых А.М., 1917 г.р.). С этой же целью обходили и вокруг кола: “Два раза с колоколом заставят бегать вокруг кола, корову домой кричат, что да, вот чтобы летом корова домой шла” (ПМА, Юрлинский р-н, д. Черная, от Черемных З.С., 1935 г.р.). Эти действия находят параллели и в пастушеской обрядности: пастуху также предписывалось совершить обход скота или кола перед началом пастьбы [Левкиевская, 2002, с. 117–118]. Произнесение ритуального диалога подкреплялось охранительными действиями, с которыми следует связывать обход усадьбы.

Почти повсеместно в Великий четверг, чтобы скот возвращался домой, было принято звать его в печ-

ную трубу: “Кричали скотину, чтобы корова домой ходила, кричали – как корову зовут в трубу” (ПМА, Ильинский р-н, д. Меречата, от Постаноговой А.А., 1918 г.р.); «Печку рано до солнышка топят, скотину по дыму кричат: “Баленьки, баль, баль, баль” – овец, “туко, туко” – корову» (ПМА, Октябрьский р-н, с. Петропавловск, от Резановой Т.Я., 1910 г.р.). “Гарканье” скота в печную трубу часто сопровождалось заговорными текстами: “Пар Божия скотинушка, коровушка, пеструшка, в чистом поле – обед, дома –nochлег, не ночуй по бору – ходи ко двору”; «Печка-дымоводка, дома живет, чело пирожником бьет, черну овечку домой ждет: “Мась, мась, мась! Иди домой!”» (ПМА, Куединский р-н, д. Ключики, от Судневой В.Г., 1922 г.р.); “Егорий Храбрый, загоняй в мой двор!” (ПМА, Юрлинский р-н, д. Лопва, от Верхоланцевой Е.П., 1927 г.р.). Некоторые действия, в т.ч. зазывание скота, выполнялись на крыше: «В Велик четверг надо де на крыше на трубу сесть и кричать скотину, чтобы домой заходила. Утром ее кричи: “К нам, к нам, к нам!”, – никогда скотина мимо двора не пройдет» (ПМА, Куединский р-н, с. Старый Шагирт, от Глуховой М.Я., 1912 г.р.). Ритуальное использование печи, печной трубы основывается на ее связи с пространством дома, ее роли медиатора между тем и этим мирами [Подюков, 2001, с. 37–38]. Заслонка в печи также довольно часто используется в обрядности Великого четверга: «Еще на заслонку клали хлебушко и соль и кормили скот, чтобы ходили домой сами. Говорили: “Ешь, да домой иди”» (ПМА, Юрлинский р-н, д. Кукольная, от Чеклецовой З.И., 1926 г.р.). Магические действия с шерстью домашнего скота также были направлены на возвращение скота домой: “Чтобы скот ходил домой, шерсть у скота вырывают и кладут под птицу в Великий четверг” (ПМА, Юрлинский р-н, д. Бадья, от Суворовой Т.Р., 1920 г.р.). В Великий четверг подрезали скоту хвосты и эти волосы клали над воротами усадьбы, “чтобы все лето скотина ходила домой” (ПМА, Юрлинский р-н, д. Шестино, от Полудницыной Е.С., 1922 г.р.). Многочисленность и вариативность действий, направленных на возвращение скота в усадьбу, связана, возможно, с особенностями выпаса скота без пастуха на большей части территории региона.

К охранительным и профилактическим обрядам защиты скота от лесных зверей можно отнести широко распространенный в юго-восточных районах Прикамья, в Сылвенско-Иренском поречье (Кунгурский, Кишертский, Октябрьский, Суксунский районы, поречье р. Сылва и р. Ирень) обычай гонять волков. Его проводили в Егорьев день либо в день первого выгона скота: “В Егорьев день волков гоняли. Взправду гоняли. Такое было поверье. Вся деревня шла с ботагами, с колокольчиками, орали, кричали.

Эти были... трешотки... Молодежь балуется, взрослые по-настоящему верят. Да кто че вздумат, то и кричит. Лишь бы крик, лишь бы волки уходили” (ПМА, Суксунский р-н, д. Журавли, от Сартакова Г.В., 1918 г.р.); “В Егорьев день волков гоняли. По лесам ходили – кто с ведром, кто с колотушкой. Днем идут, кричат, волков выганивали” (ПМА, Суксунский р-н, с. Ключи, от Некрасовой Л.Г., 1931 г.р.); “Бегали в лес, зажигали пихтовые сучки. С гармонью, бубном. Мы во всю матушку поем” (ПМА, Октябрьский р-н, с. Русский Сарс, от Трясцыной М.В., 1919 г.р.). Необходимость совершения ритуала повсеместно связывалась с защитой скота от волков: “Считалось, что, если не гонять, будет в деревне логово...” (ПМА, Суксунский р-н, д. Журавли, от Сартакова Г.В., 1918 г.р.), “чтобы волки летом овец не резали (Кишертский р-н, д. Макарята)” (Цит. по: [Подюков, 2001, с. 49]). Иногда этот обряд был связан с защитой домашних животных от медведя: “Перед тем, как скотину выгонять, угланов созывали со всей деревни, им надевали на шею коровы ботала и велели по лесу бегать, медведей пугать (Лысьвенский р-н, с. Кын)” (Цит. по: [Там же]). Приуроченность обычая к Егорьеву дню отражает, видимо, представления о св. Егории Храбром – покровителе скота и “распорядителе” волков. Считалось, что именно Егорий определяет, сколько скота в течение пастищного сезона может быть отдано на съедение волкам [Федорова, 1995, с. 187–189].

Схожий обычай *пугать зверя* известен в Северном Прикамье, где он совершился в Петров день: «Существует здесь обычай пугать зверя в празднование Петрова дня. Собираются крестьяне гурьбой в этот день, забирают с собой ружья и патроны. Идут за деревню... Выйдя за деревню, мужики развертываются кольцом и сразу начинают палить в пространство холостыми зарядами... заслышиав стрельбу, сбегаются ребятишки и бабы поглядеть на охотников, как они зверя пугают. Закончилась стрельба, мужики начинают меж собой рассуждать: “...звирь-то больно охочь до скотины-то, тово и гляди, может ополовинить скота-то. А вот попугали ево, смотришь. Он и остепенится, зверь-то” (Чердынский район)» (Цит. по: **Попов В.** Записки врача (рукопись). – Чердынский краеведческий музей, научно-вспомогательный фонд, № 983, с. 145).

Защита скота от зверей была известна в других обрядовых формах или приурочивалась к другим календарным срокам. В Великий четверг также принято было “гонять волков”: “Мы ранехонько по насту с палками, колотушками по насту бежим в лес, угоняем волков, якобы, чтобы волки не ходили, овец не задирали” (ПМА, Юрлинский р-н, д. Дубровка, от Бахматовой М.Д., 1927 г.р.). С этой же целью на Великий четверг прибегали к следующим действиям: «Такое тесто делали сдобное, на этом сдобном тесте

стряпали медведя, чтобы он не ходил, коров наших не давил, просили его. Стряпали это на Великий четверг и носили всё в лес, медведя большого настрыпашь и ташишь его, там поставишь его на елочку или на берёзку и говори: “Не трогай нашу скотину, медведь, ты медведь, медведя жри. Три еминь!” Это утром тоже до солнышка относили» (ПМА, Соликамский р-н, д. Лызиб, от Корпенко А.С., 1927 г.р.). Среди ритуалов Великого четверга, направленных на защиту скота от хищников, следует отметить обрядовый прием, основанный на магии невозможного: «Бегали за речку, берег царапали: “Как берег с берегом не сходятся, так и скотина с медведем не сходись”» (ПМА, Добрянский р-н, д. Голубята, от Балдиной Н.П., 1921 г.р.). В Усольском р-не при первом выгоне скота проводили молебен, “приезжало духовенство, окропляли стадо, чтобы волки да медведи не напали (Усольский район, д. Поселье)” (Цит. по: [Подюков и др., 2004, с. 169]).

Один из самых развитых комплексов животноводческой обрядности годового цикла, приходящийся на ранневесенние праздники и содержащий апотропейные и продуцирующие обрядовые действия, имел целью обеспечить благополучие и сохранность животных в период летнего выпаса. Исполнение этих действий в Великий четверг, а в некоторых случаях в Благовещенье и Егорьев день связано с тем, что к данным праздникам приурочивался комплекс разнообразных прогностических ритуалов, одну из групп которых и составляли действия животноводческой магии. С такой же целью совершались некоторые ритуалы и во время первого выгона скота.

Первый выгон скота наряду с ранневесенними ритуалами со скотом был одним из самых развернутых животноводческих обрядовых комплексов в русских традициях Прикамья. Обычно обряды ограничивались домашними ритуалами выгона скота из хлева и усадьбы. Такая особенность обусловлена сложившейся системой выпаса скота. На большей части территории Прикамья скот чаще выпасался без пастуха на огороженном выгоне, паровом поле, озимом поле после жатвы, на неогороженных лесных поскотинах [На путях..., 1989, с. 83; Гусев, 1889, с. 355–357, 379–381; Черных, 2001, с. 84–92]. На значительной части региона сроки начала пастьбы связывались исключительно с погодными условиями: “Как сгонит с полей снег, так и выгоняешь скотину” (ПМА, Красновишерский р-н, д. Щугор, от Горшковой Р.А., 1931 г.р.). При выборе времени в этом случае предпочтение отдавали “легким” дням, чаще всего вторнику или четвергу, реже – субботе или воскресенью. Только в северных районах Прикамья первый выгон старались приурочить к Егорьеву дню. В народных представлениях

Егорий Храбрый выступал покровителем и защитником скота: “У скота Егорий Храбрый – бог” (ПМА, Юрлинский р-н, д. Лопва, от Верхоланцевой Е.П., 1927 г.р.). Одной из составляющих “егорьевского” выгона было обращение к св. Егорию: “Егорей, батюшко, Храбрый, спаси мою коровушку-буренушку от всякого зверя” (ПМА, Гайнский р-н, д. Тиуново, от Тиуновой А.С., 1928 г.р.); “Егорий Храбрый, не оставляй скотину нашу на воле, веди домой!” (ПМА, Юрлинский р-н, д. Лопва, от Верхоланцевой Е.П., 1927 г.р.); “Иди, матушка-коровушка, на волюшку. Храбрый, батюшка, Егорушка, проводи коровушку у меня” (ПМА, Юрлинский р-н, д. Черная, от Сакулиной А.И., 1936 г.р.). Необходимость первого выгона именно в Егорьев день, как и обращения к святому с просьбой сохранить скот, связывались с передачей скота “на поруки” св. Егорию: “Шестого мая живет Егорьев день. И вот тогда первый раз должна скотину пустить и сказать, что сдаем тебя на поруки Егору Храброму” (ПМА, Юрлинский р-н, д. Черная, от Черемных З.С., 1935 г.р.).

Первый выгон в Егорьев день часто носил лишь символический характер: “В Егорьев день, чтобы скотина велась, ее выпускают, если холодно, все равно хоть ненадолго выпускают” (ПМА, Красновишерский р-н, д. Колчим, от Усаниной Л.Ф., 1932 г.р.); “На Егоры скотину выгоняли в первый раз, а если снег лежит, то хоть снежной водой поливали” (ПМА, Красновишерский р-н, д. Акчим, от Горшковой А.И., 1932 г.р.). В Северном Прикамье часто в день первого выгона совершались и общественные молебны о скоте: “В Егорьев день первый раз скотину выгоняли, там улица была, колидор такой, еще столб, а на столбе икона, вот туда-то скотину и водили. Батюшка приезжал, ходил, кропил. Еще иконы выносили из часовни, Победоносца, Николая угодника… Это чтобы скотину сберечь (Усольский район, д. Поселье)” (Цит. по: [Подюков и др., 2004, с. 169]). Такие же молебны проходили и в других деревнях: “Раньше церковь была, так скота все выгоняли. Гоняли против церкви, поп брызгал, всё на-каз говорил. В Егорьев день, когда скот выгоняют” (ПМА, Чердынский р-н, с. Лекмартово, от Кирьяновой Т.А., 1922 г.р.).

Выгон скота из хлева и усадьбы сопровождался многочисленными действиями, от выполнения которых зависело благополучие стада в пастбищный сезон; они часто исполнялись с той же целью и повторяли ритуалы, совершаемые в ранневесенние праздники. Скот с первых дней старались приручить к дому; не случайно, что значительное число ритуальных действий было также направлено “на возвращение скота домой”: “Которой вичкой выгоняешь в поле, ее надо хранить до осени, чтобы скотина дом не забывала. Ею всегда и загонять, и выгонять” (ПМА,

Куединский р-н, д. Степановка, от Александрой А.Л., 1931 г.р.). Чтобы обеспечить возвращение скота с пастбища, предписывалось во время первого выгона “как [животное] в загон выйдет, с правого переднего копыта взять след и в конюшню бросить” (ПМА, Красновишерский р-н, д. Романиха, от Зыряновой З.П., 1925 г.р.), а также хранить в конюшне волос, оставшийся со времени подрезания хвостов: “Когда корову выпускают – хвост обрезают, а обрезок затыкают в паз, чтобы скотина домой возвращалась” (ПМА, Красновишерский р-н, д. Писаное, от Ильиных К.А., 1926 г.р.).

Следующая группа обрядовых действий имеет ярко выраженную апотропейную нагрузку. При первом выгоне, чтобы защитить скот, часто использовали соль и хлеб, приготовленные в Великий четверг; кормили скот хлебом, а солью посыпали скотину. С той же целью привязывали на шею, к рогам, хвосту разноцветные тряпочки: “Это когда первый раз отпускали, вот вязки, бывает, вяжем, красим. Привязать надо скотине на хвост или на рога тряпочку, чтобы не так порча брала, не так урочилась скотина” (ПМА, Юрлинский р-н, д. Елога, от Овчинниковой А.П., 1939 г.р.). Со стремлением защитить скот следует связывать использование можжевельника: “Скота выгоняют на волю вереском с Великого четверга” (ПМА, Юрлинский р-н, д. Лопва, от Верхоланцевой Е.П., 1927 г.р.), а также золы: «Первый раз выпускаешь скотину, набери в руку золы и соли и бросаешь на скотину: “Сам не изурочишься, золу не съешь”» (ПМА, Куединский р-н, с. Старый Шагирт, от Глуховой Т.Д., 1905 г.р.).

Одним из атрибутов обряда первого выгона было яйцо: “Брали яйцо. На поле выкидывают, на поле скота выгоняют, там и выбросят” (ПМА, Юрлинский р-н, д. Черная, от Сакулиной А.И., 1936 г.р.). Использование яйца, которому приписывались магические свойства, прежде всего продуцирующие и апотропейные [Плотникова, 1995, с. 127], в обрядах первого выгона скота известно на многих территориях проживания русских. Устойчиво использование связанных с печью сажи, заслонок: «Первый раз скота выпускаешь, с заслонки кормили, чтобы домой ходил: “Как заслонка от печи не отходит, так пусть скотина от дома не отходит”» (ПМА, Октябрьский р-н, с. Русский Сарс, от Трясцыной М.В., 1919 г.р.); “Первый раз погонишь скота, хлеб сажей с заслонки вымажут и корове дадут, чтоб дом знала” (ПМА, Чернушинский р-н, д. Есаул, от Чалиной М.Ф., 1931 г.р.). Почти во всех случаях эти действия совершались для того, чтобы скот возвращался домой. Заслонка, сажа, печь выступают устойчивыми символами дома. Однако их использование следует, видимо, рассматривать в более широком контексте: в славянской культуре печь и ее атрибуты

выступают и как одни из распространенных апотропеев. Почти повсеместно был распространен обычай расстилать в воротах пояс или фартук хозяйки и прогонять через них домашний скот: «Ты провожаешь в поле, на себе, на тебе, чтобы был пояс или запон, когда провожаешь её. Постели в ворота и, вот когда скотина станет проходить в ворота, ты уж приговоришь такое: «Как этот пояс-запон от меня не отходит, от хозяйки, так чтобы матушка-скотинка не отходила от дома»» (ПМА, Чернушинский р-н, д. Ореховая Гора, от Колчановой В.С., 1928 г.р.). Пояс и фартук в этом контексте выступают символами дома, хозяина, а также оберегами.

В обрядах первого выгона скота часто задействованы многие предметы, связанные с пасхальными праздниками. Использование вербы, четверговой соли, пасхальной или четверговой свечи в ритуалах выгона скота отмечено на материалах не только славянских, но и многих других народов [Соколова, 1979, с. 161]. В Прикамье повсеместно был распространен обычай провожать скот ветками вербы, оставленной с Вербного воскресенья: «Выгоняли ее вербой, чтоб домой ходила» (ПМА, Куединский р-н, д. Кибай, от Александровой А.Л., 1931 г.р.); «Вербой провожали, чтобы скот не болел» (ПМА, Чернушинский р-н, д. Ореховая Гора, от Колчановой В.С., 1928 г.р.); «Скот ветками вербы хлещут, Иисуса Христа тоже хлестали, чтоб вернулся, и скотину этим хлещут» (ПМА, Куединский р-н, д. Пильва, от Патрушевой П.Е., 1912 г.р.). Использование веток вербы при первом выгоне, как мы видим, многофункционально и связывалось как с необходимостью защиты скота, так и со стремлением обеспечить его плодовитость, приручить скот к дому. В ритуале первого выгона были задействованы и другие атрибуты – соль и хлеб с Великого четверга, специально приготовленные просвирки, алябушки, хлеб с Благовещенья. При выгоне скота зажигали пасхальную свечу, «чтобы скот домой шел» (ПМА, Куединский р-н, д. Тапья, от Косьвинцевой П.В., 1917 г.р.). Включение атрибутов других праздников в обрядность первого выгона обусловлено особой сакральностью предметов, уже использовавшихся в ритуале [Толстой, 1994, с. 238–255].

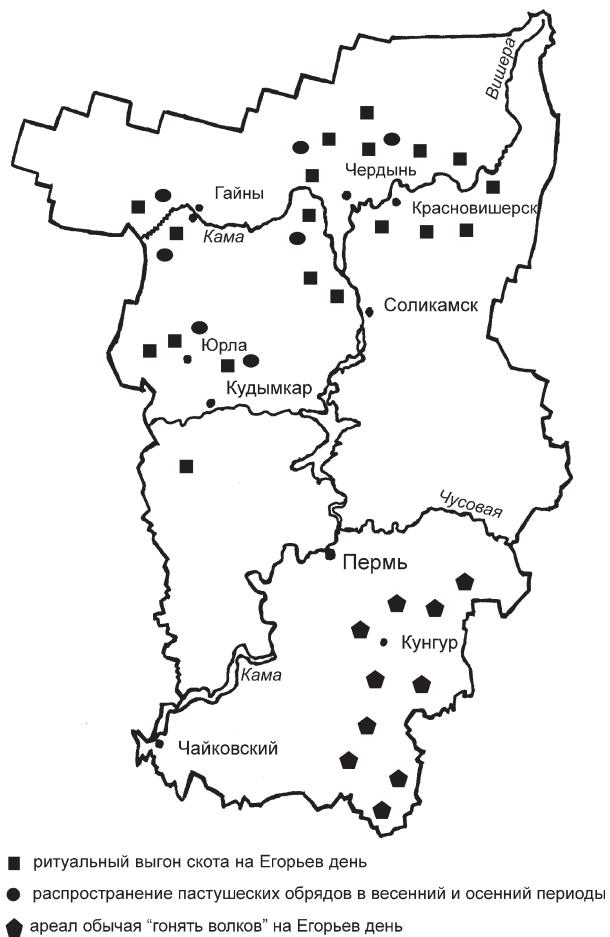
Небольшие приговоры и заговорные тексты, которые произносились при первом выгоне, были известны почти в каждом районе Прикамья. Они также были направлены на защиту и сохранение скота и в этом сближаются с другими обрядовыми действиями, выполнявшимися с этой же целью. Часто в таких текстах имеются обращения к святым, считавшимся покровителями скота, – Егорию, Гурьяну, Власию и Модесту, Анастасии. «Когда корову первый раз в поле выгоняют. Приговаривают: «Батюшка Гурьян, веди мою коровушку по этим же следам, по этим же

тропам, веди назад домой»» (ПМА, Еловский р-н, с. Крюково, от Сальниковой А.С., 1911 г.р.); «Господня скотинка, шагай с Христом с Богом, на Божью благодать, Егорию Храброму. Спаси мою скотинку от зверя лютого, от дерева подучего, от удара, от потравы, от ушиба. Дай ей, господи, силу-моготу, чтобы сама себя сохранила и силы набрала» (ПМА, Юрлинский р-н, с. Юм, от Голубчиковой М.Н., 1921 г.р.); «Благослови, Господи, Власий, святый, Анастасия, святые, Спаси Господь Бог, сохрани скотинушку и в поле все стадо» (ПМА, Куединский р-н, д. Иссильда, от Пименовой П.И., 1911 г.р.). Иногда вместо развернутых текстов использовались более короткие приговоры: ««Откуда идёшь, туда и приходи» (Усольский р-н, пос. Орёл, от Молоковых С.Д., 1918 г.р.)» (Цит. по: [Подюков и др., 2004, с. 169]); «Идите с богушком!» (ПМА, Куединский р-н, д. Китрюм, от Красноперовой А.А., 1929 г.р.).

Комплекс представлений, связываемых с пастухом и пастушеским промыслом, как и пастушеская обрядность первого выгона скота, в Прикамье не были развиты. Зафиксированы лишь отдельные элементы обрядов пастушеского комплекса в некоторых северных районах Прикамья. В деревнях Юрлинского района отмечали, что «Скота передают пастуху-де в Игорев день» (ПМА, д. Келич, от Деткиной А.И., 1914 г.р.). Известно обрядовое угощение пастуха: «на Егорьев день делали кашу пастуху. Собирались у кого-нибудь, приносили еду, пиво, брагу и кормили пастуха (Гайнский р-н, пос. Чуртан)» (Цит. по: [Деревня Монастырь..., 2003, с. 23]); «на первый выгон носили масло и сметану пастуху» (ПМА, Чердынский р-н, с. Пянтег, от Вилисовой А.И., 1926 г.р.). О бытованиях в северных районах Прикамья пастушеского промысла косвенно свидетельствуют и некоторые фольклорные материалы [Альбинский, 1985; Шумов, Белева, 1989, с. 41–42; Былички..., 1991]. Однако развернутого комплекса пастушеской обрядности, характерного для некоторых традиций Русского Севера [Максимов, 1903, с. 193–195; Щепанская, 1986, с. 165–171; Гуляева, 1986, с. 172–180; Криничная, 1986, с. 181–189; Дурасов, 1989, с. 265–282; Бернштам, 1983, с. 167], в Прикамье не сложилось.

Весенний комплекс животноводческих обрядов был самым развернутым в годовом цикле. Приуроченность к первому выгону и предшествующему ему времени многочисленных апотропейных и продуцирующих обрядовых действий обоснована стремлением произвести их перед началом нового пастбищного сезона и обеспечить благополучие и сохранность скота в течение всего периода выпаса.

В период летних праздников в Прикамье почти не совершались отмечаемые в других регионах России животноводческие обряды, например, угощение пастухов в Петров день, петровский обход

Карта распространения ритуалов с домашним скотом в Пермском Прикамье в конце XIX – первой половине XX в.

скота [Журавлев, 1994, с. 109; Винокурова, 1994, с. 89–93; Зеленин, 1914, с. 258]. Комплекс обрядов, выполнявшихся осенью, был приурочен к **завершению выпаса скота**. Однако представлений, примет, ритуальных действий, связанных с этим событием, бытовало немного. Они характерны прежде всего для северных районов (Юрлинский, Гайнский, Чердынский, Усольский). В южных районах Прикамья, где скот пасся без пастуха на огороженных паскотинах, а после жатвы – на выжатом поле, время загона скота определяли “по погоде”, “как снег нападет”. В этих районах, как отмечалось, редко встречаются и фиксированные весенние сроки выгона скота. В Северном Прикамье комплекс представлений, связанных с завершением выпаса скота, соотносился с осенними праздниками – Воздвижение (27.09) и Покров (14.10). В Усольском и Чердынском районах на Воздвижение и в “Сдвиженску неделю” запрещалось выпускать скот в поле: “Сдвиженская неделя была, так там волки ходили по деревне, стая-

то, тогда овечек-то в избу прибавляли, всю Сдвиженску неделю овечек дома держали, чтобы волки-то не трогали их” (ПМА, Усольский р-н, д. Лысьва, от Чесноковой Е.А., 1912 г.р.); “Был такой праздник – Воздвижение. Вот тогда и нельзя было в лес коповпускать и ходить в этот день в лес нельзя, в этот день леший хозяиничает в лесу” (ПМА, г. Усолье, от Мазихиной Н.Н., 1921 г.р.). В Юрлинском р-не в праздник выгоняли скот на поле, однако следили “чтобы в этот день скотина обязательно дома спала”: “В Сдвижение на поле страшная ночь, зверь бродит, может скотину задрать. В эту ночь обязательно нужно, чтоб скотина дома спала” (ПМА, д. Елога, от Овчинниковой А.П., 1939 г.р.). Предписание не выпускать скот в день Воздвижения известно у русских и в других регионах [Вятский фольклор..., 1995, с. 117]. Представления о разгуле нечистой силы и неистовстве зверей, характерные для поверий о Воздвижение, в других русских традициях связываются с более продолжительным периодом – концом осени – началом зимы [Чичеров, 1957, с. 35–36]. В некоторых северных районах завершение пастбищного периода приурочивали к Покрову. Так, в Усольском р-не известна поговорка: “Не жди Покров – запирай коров (с. Березовка)” [Подюков и др., 2004, с. 182]. В Гайнском р-не к Покрову приурочивали угощение пастухов: “На Покров все село к пастуху на кашу ходило, благодарили (Гайнский район, д. Сёйва)” (Цит. по: [Деревня Монастырь..., 2003, с. 21]). “Пастушью кашу” – угощение пастуха – проводили и в других деревнях Гайнского р-на: “В Покров опять была пастушья каша. Идем к пастуху, стряпню всякую несем, пирог, шаньги, целу корзину несешь, бражку обязательно с пенкой. Все идут, у кого коровы, там гуляем (Гайнский р-н, д. Пальник)” (Цит. по: [Словарь..., 2006, с. 117]). Однако часто и после Покрова выпас скота продолжался до снега: “На Покров к пастуху с угождением ходили, если хорошо угостят и погода стоит, еще маленько после Покрова попасет” (ПМА, Гайнский р-н, д. Тиуново, от Тиуновой А.С., 1928 г.р.). Осенние обряды с домашним скотом, связанные прежде всего с завершением выпаса скота в поле, с одной стороны, маркировали завершение животноводческого цикла летнего выпаса скота, а с другой – имели продуктирующую направленность, были призваны обеспечить сохранность и “вод” скота.

Комплекс животноводческой обрядности конца XIX – первой половины XX в., реконструируемый нами, существенно трансформировался в середине XX – второй половине XX в., хотя некоторые его элементы продолжают бытовать и в настоящее время. Изменения в этом комплексе были вызваны преобразованиями в хозяйственном и общественном укладе в деревне, повлекшими разрушение в

целом многих составляющих традиционной культуры. Информаторы указывают на 1950-е гг. как последнее время бытования коллективных ритуалов, например, праздника по случаю завершения выпаса скота (“пастушья каша”), обычая “гонять волков” на Егорьев день и др. С середины прошлого века постепенно перестают бытовать также многие обычаи и обряды прогностической и апотропейной магии, приуроченные к ранневесенним праздникам: приготовление козулек, обрядовых хлебцов в Великий четверг и Благовещенье и т.д. Наибольшую устойчивость демонстрируют ритуалы, непосредственно связанные с первым выгоном скота. Сохранению этого комплекса способствовал преимущественно семейный или индивидуальный характер исполнения ритуалов, а также непосредственная связь с выгоном скота на пастбище. Ритуалы, сопровождающие выгон скота из конюшни, продолжают исполняться и в настоящее время.

Анализ животноводческих обрядов в Пермском Прикамье выявил их многообразие и вариативность. Картографирование распространения того или иного обычая на территории Прикамья позволяет выделить два комплекса животноводческой обрядности – северный и южный. Для северного комплекса (Юрлинский, Гайнский, Красновишерский, Чердынский, Соликамский и Усольский районы) характерны развернутые представления о Егории Храбром как покровителе скота, приуроченность первого выгона к Егорьеву дню и некоторые элементы пастушеской обрядности. Северный комплекс животноводческих обрядов находит параллели в русских традициях Европейского севера России, откуда и шел основной поток переселенцев в эти районы Прикамья. На большей части территории Прикамья, преимущественно в южных районах Пермского края, выделяемых нами условно в южный комплекс представлений о пастушестве, Егории Храбром как покровителе скота и Егорьевом дне как дне первого выгона не было неизвестно (см. карту). Южный комплекс отличается большей вариативностью традиций, что связано с более сложным составом русского населения этих территорий, в формировании которого принимали участие выходцы как с Русского Севера, так и из средней полосы России.

Животноводческие ритуалы были связаны со многими датами народного календаря почти всего года, однако они группируются в основном вокруг первого выгона скота на пастбище и завершения его полевого выпаса; вторую группу составляют ритуалы, исполнявшиеся в святочный или ранневесенний период, имеющие прогностическую направленность. Животноводческий комплекс обрядности, реконструируемый на основе разнообразных элементов, которые соотносятся со многими календар-

ными датами, предстает как единый годовой цикл, кульминационным моментом которого является выгон скота на пастбища, обусловивший значительное развитие именно весеннего комплекса обрядности со скотом.

Список литературы

- Альбинский В.А.** “Рожечный” промысел и пастушья “трубля” в Прикамье // Изучение народного творчества на современном этапе: Тез. докл. обл. науч.-практ. конф. – Пермь: Перм. обл. краевед. музей, 1985. – С. 28–29.
- Бернштам Т.А.** Русская народная культура Поморья в XIX – начале XX в.: Этнографические очерки. – Л.: Наука, 1983. – 332 с.
- Былички и бывальщины:** Старозаветные рассказы, записанные в Прикамье / Сост. К.Э. Шумов. – Пермь: Перм. кн. изд-во, 1991. – 410 с.
- Винокурова И.Ю.** Календарные обычаи, обряды и праздники вепсов (конец XIX – начало XX в.). – СПб.: Наука, 1994. – 124 с.
- Вятский фольклор:** Народный календарь. – Котельнич: Моск. гос. ун-т; Вят. регион. центр русской культуры, 1995. – 166 с.
- Гуляева Л.П.** Пастушеская обрядность на р. Паше (традиции и современность) // Русский Север: Проблемы этнокультурной истории, этнографии, фольклористики. – Л.: Наука, 1986. – С. 172–180.
- Гусев В.** Деревня Дубовая Гора Аряжской волости // Сборник Пермского земства за 1888 г. – Пермь: [Тип. Перм. земства], 1889. – № 12/13. – С. 355–357, 379–381.
- Деревня Монастырь** на Каме-реке: Сборник фольклорно-этнолингвистических материалов по Гайнскому району / Сост. И.А. Подюков. Пермь: Перм. обл. ин-т повышения квалификации работников образования, 2003. – 60 с.
- Дурасов Г.П.** Обряды, связанные с обиходом скота, в сельской общине Каргополья в XIX – начале XX в. // Русские: семейный и общественный быт. – М.: Наука, 1989. – С. 265–282.
- Журавлев А.Ф.** Домашний скот в поверьях и магии восточных славян: Этнографические и этнолингвистические очерки. – М.: Индрик, 1994. – 256 с.
- Зеленин Д.К.** Описание рукописей Ученого архива Русского географического общества. – СПб., 1914. – Вып. 1. – 483 с.
- Криничная Н.А.** О сакральной функции пастушьей трубы (по материалам северных пастушеских обрядов) // Русский Север: Проблемы этнокультурной истории, этнографии, фольклористики. – Л.: Наука, 1986. – С. 181–189.
- Левкиевская Е.Е.** Славянский оберег: Семантика и структура. – М., Индрик, 2002. – 336 с.
- Максимов С.В.** Нечистая, неведомая и крестная сила. – СПб.: Тов-во Р. Голике и А. Вильборг, 1903. – 526 с.
- На путях из земли Пермской в Сибирь:** Очерки этнографии северно-уральского крестьянства XVII–XX вв. – М.: Наука, 1989. – 352 с.
- Плотникова А.А.** Первый выгон скота в Полесье // Славянский и балканский фольклор: Этнолингвистическое изучение Полесья. – М.: Индрик, 1995. – С. 108–141.

Подюков И.А. Круговорот жизни: Народный календарь Прикамья. – Пермь: Перм. обл. науч.-исслед. центр авитальной активности, 2001. – 100 с.

Подюков И.А., Белавин А.М., Крыласова Н.Б., Хоробрых С.В., Антипов Д.А. Усольские древности: Традиционная культура русских конца XIX – XX в. – Усолье: Перм. кн. изд-во, 2004. – 240 с.

Пропп В.Я. Русские аграрные праздники: Опыт историко-этнографического исследования. – М.: Лабиринт, 2000. – 192 с.

Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого округа. – Пермь: Перм. обл. науч.-исслед. центр авитальной активности, 2006. – 272 с.

Соколова В.К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. XIX – начало XX в. – М.: Наука, 1979. – 285 с.

Толстая С.М. Полесский народный календарь. – М.: Индрик, 2005. – 600 с.

Толстой Н.И. О вторичной функции обрядового символа (на материале славянской народной традиции) // Историко-этнографические исследования по фольклору: Сб. памяти С.А. Токарева. – М.: Вост. лит., 1994. – С. 238–255.

Федорова В.П. Народные святыни старообрядческого села // Летопись уральских деревень. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 1995. – С. 187–189.

Черных А.В. Особенности системы землепользования русских крестьян Сылвенско-Иренского поречья // Традиционная культура Урала: Альманах. – Екатеринбург: Свердлов. обл. дом фольклора, 2001. – Вып. 1. – С. 84–92.

Черных А.В. Русский народный календарь в Прикамье: Праздники и обряды конца XIX – середины XX в. – Пермь: Пушка, 2006. – Ч. 1: Весна, лето, осень. – 368 с.

Чичеров В.И. Зимний период русского народного земледельческого календаря XVI–XIX вв.: Очерки по истории народных верований // Тр. Ин-та этнографии им. Н.Н. Милюхина-Маклая. – 1957. – Т. 40. – С. 35–36.

Шумов К.Э., Белева О.Б. Особенности представления о пастушеском промысле в зависимости от природно-климатических условий и местных традиций Северного Прикамья // Научно-технические и социальные проблемы развития Уральского Нечерноземья: Тез. докл. обл. науч.-практич. конф. молодых ученых и студентов вузов г. Перми, 28–29 марта 1989 г. – Пермь: Перм. обл. краевед. музей, 1989. – С. 41–42.

Щепанская Т.Б. “Знание” пастуха в связи с его статусом (северо-русская традиция XIX – начала XX в.) // Русский Север: Проблемы этнокультурной истории, этнографии, фольклористики. – Л.: Наука, 1986. – С. 165–171.

Материал поступил в редакцию 28.08.06 г.

АНТРОПОЛОГИЯ

УДК 572

М.Б. Медникова

Институт археологии РАН
ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия
E-mail: medma_pa@mail.ru

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ЮНОШЕСКОЙ СТАДИИ ОНТОГЕНЕЗА У ЕВРОПЕЙСКИХ НЕАНДЕРТАЛЬЦЕВ

Особый интерес представляет исследование организма современного ребенка с точки зрения влияния гормонального статуса на темпы полового созревания. Ключевыми являются период второго детства и подростковый возраст, на протяжении которых в ходе гормональной регуляции происходит интенсивное соматическое и половое созревание. Обсуждаемые в научной литературе последних лет данные об особенностях индивидуального развития представителей среднего палеолита могут способствовать решению актуальных проблем изучения финальной стадии антропогенеза.

Эволюционные тенденции в развитии *Homo sapiens*

Исследователи эволюционных аспектов онтогенеза подчеркивали, что для индивидуального развития человека по сравнению с негоминидными приматами характерны большая продолжительность периода детства и отсрочка пубертатного спурта гормона тестостерона, приведшая к “растягиванию” во времени полового созревания [Хрисанфова, 2004, с. 24]. Удлинение периода детства можно рассматривать как селективно выгодный процесс с позиций социальной адаптации гоминидов. В ходе эволюции увеличивалось время обучения, необходимое для передачи сложных навыков, к тому же, инфантильные особи вызывали меньшую агрессию со стороны взрослых членов сообщества и в перспективе имели больше шансов выжить, оставив в наследство потомкам свой генофонд [Bogin, 1997].

В недавнем исследовании М. Гэрвена и Р. Уокера [Gurven, Walker, 2006] обсуждаются энергетические аспекты феномена “медленного человеческого роста”.

Авторы анализируют гипотезу, согласно которой медленный рост ребенка *Homo sapiens* в промежутке между отнятием его от груди и до пубертата помогает снизить энергетические затраты родителей по содержанию несамостоятельного потомства. Если бы человеческий ребенок в раннем возрасте рос быстрее, то это, по мнению М. Гэрвена и Р. Уокера, привело бы к драматическому расходу энергии взрослых охотников и собирателей. Медленное увеличение размеров в детстве, сменяемое быстрым подростковым спуртом, могло способствовать увеличению рождаемости и социализации.

По классификации Б. Богина [Bogin, 1997], онтогенез *Homo sapiens* подразделяется на пять основных периодов – младенческий, детский, подростковый, юношеский и взрослый. Подробная характеристика каждой из них помогает оценить сложность реализации уникальной программы роста и развития, свойственной современному человеку. Достижения схемы Б. Богина, на наш взгляд, заключаются в попытке связать важнейшие периоды в жизни каждого человека с объективными поведенческими, физиологическими и морфологическими особенностями, формирование которых имело несомненно эволюционное значение.

Младенчество – период, когда очень молодое человеческое существо неразрывно связано со своей матерью и нуждается в грудном кормлении. Темпы роста организма, особенно увеличение объема головного мозга, на этом этапе человеческой жизни являются самыми высокими. Детство – это стадия, на которой молодой индивидум получает от взрослых питание и защиту. На этой стадии не достигнута половая зрелость, хотя продолжается достаточно быстрый рост головного мозга. Юношеский, или подростковый, период, по Б. Богину, предшествует времени полового

созревания и характеризуется медленным ростом головного мозга, достигающего к концу стадий размеров взрослого человека. Юношеский, или адолесцентный, период начинается с ростового пубертатного спурта и заканчивается с остановкой лонгитудинального увеличения размеров тела после прирастания эпифизов длинных костей. Главная поведенческая особенность этого периода диктуется достижением половозрелости и адаптацией к “взрослому” образу действий.

Особенности роста и созревания современных детей: роль половых гормонов

Процесс участия в темпах роста стероидных гормонов, по-видимому, чрезвычайно важен, хотя до конца не изучен. В ходе обследований современных детей и подростков активно изучаются уровни концентрации половых гормонов – эстрадиола (Э), тестостерона (Т) и их соотношения (Э/Т). Так, на примере урбанизированного населения рассматривалась связь выработки андрогенов с соматическими признаками у детей и подростков в разные моменты полового созревания (см., напр.: [Бец, Юнес, 2006]).

У мальчиков с возрастом, особенно в подростковый период, статистически значимо поднимается уровень “мужского” гормона Т. Пик увеличения концентрации “женского” гормона Э у них также приходится на подростковый период; соотношение Э/Т с течением времени достоверно уменьшается [Там же, с. 212].

У девочек к концу второго детства уровень Э практически не увеличивается, хотя тенденция роста в этом направлении есть. Активность Э достоверно возрастает только к 15 годам. Уровень Т статистически значимо увеличивается у 11-летних девочек по сравнению с 8-летними и у 15-летних по сравнению с 11-летними. Индекс Э/Т возрастает к концу этого периода. Кроме того, уже у 8-летних современных девочек наблюдается достоверная связь между уровнем секреции обоих половых гормонов и длиной тела. Показатели массивности костяка и развития мускулатуры у представительниц женского пола также определяются концентрацией обоих половых гормонов.

У мальчиков 8 лет достоверной связи соматических признаков ни с одним половым гормоном еще нет. В этом возрасте определяющим для них является количество вырабатываемого Э. К 11 годам у девочек и к 12 годам у мальчиков связь секреции половых гормонов и соматических признаков становится более выраженной. Это относится, в частности, к размерам грудной клетки, которые во многом определяют форму туловища и у современного человека прежде всего отражают половой диморфизм. У мальчиков отчетливо выражены корреляции по этому признаку, осо-

бенно связи сагittalного диаметра и обхвата груди с уровнем насыщенности организма андрогенами. Повышенная концентрация обладающего анаболическим действием Т стимулирует белковый синтез в мышечной ткани и “наращивание” объема мускулатуры начиная с периода второго детства, и особенно в подростковом возрасте.

Другой важный показатель полового диморфизма – относительная и абсолютная ширина таза. Как показывают многие исследования, ширина таза у девочек несколько увеличивается уже в 8 лет и заметно – в 11 лет. По данным Л.В. Бец [1970], уровень суммарных эстрогенов у 15-летних девочек и молодых женщин демонстрирует высокую корреляцию с гребневой шириной таза.

Связь конституции с гормональным статусом

В контексте проблем эволюционной антропологии особое внимание следует уделить данным антропологии, описывающим характеристики мускульного конституционального типа, который, судя по сохранившимся скелетным останкам, может быть признан доминировавшим среди взрослых “классических” неандертальцев.

Современные дети мускульного типа демонстрируют большую длину и массу тела, больший обхват грудной клетки (последняя имеет цилиндрическую форму), повышенное жироотложение и развитие мускулатуры, мощный костяк. Антагонистом мускульного выступает астенический тип, представители которого, помимо всего прочего, характеризуются долихоморфным телосложением. Напомним, что линейная обозначенность пропорций, которая сопровождает долихоморфию, – отличительная черта раннего кроманьонского населения Европы.

В современных городских группах астеноидному типу в возрасте 8 лет соответствуют самые низкие концентрации половых гормонов в сочетании с повышенным Э/Т индексом. Их ровесники-мальчики мускульного типа обладают очень высоким уровнем секреции Т, самым высоким уровнем секреции Э и относительно высоким Э/Т соотношением. Эта тенденция сохраняется и в 12, и в 15 лет. Девочки мускульного типа в 8 лет отличаются значимым уровнем повышения секреции Э, самым высоким уровнем Т и “оптимальным” соотношением Э/Т. Таким образом, на современных материалах можно считать доказанной связь между уровнем секреции андрогенов и формированием определенного типа конституции [Бец, Юнес, 2006]. При этом подростки мускульного типа (и мужского, и женского пола) благодаря высокой концентрации половых гормонов попадают в категорию быстросозревающих.

Е.Н. Хрисанфова стояла у истоков палеоэндокринологических исследований, первой поставила вопрос о соотношении особенностей скелетной конституции и гормонального статуса ископаемых гоминидов. Этой теме посвящена и одна из ее последних публикаций. Исследовательница [Хрисанфова, 2004, с. 27] подчеркивала, что биологическая природа архайческого человека сформировалась, по крайней мере, несколько сотен тысяч лет назад как природа первого бытного охотника-собирателя, унаследовавшего и развившего многие черты древнейшего гоминидного комплекса. По мнению Е.Н. Хрисанфовой, морфотип мужчины-неандертальца – классический пример палеолитического охотника, сформировавшегося на путях силовой адаптации, которую обычно связывают с экстремальными условиями существования (климатом, экономической стратегией и др.). Предполагается, что неандертальский вариант существования по сравнению с мустерьским (имеется в виду Ближневосточный регион) требовал больших физических усилий и был менее выгоден энергетически. В масштабе современных значений признаков неандертальские мужчины были подчеркнуто андроморфны: у них низкий рост сочетался с большой шириной плеч, сильная мускулатура – с предположительно укоренным созреванием. Скелет неандертальца был матуризован. Строение относительно плотное, брахиморфное, что у современных европейцев сопряжено с повышенным уровнем мужских половых гормонов в пубертатном периоде [Там же, с. 28].

Индивидуальное развитие неандертальских детей изучалось целым рядом специалистов. Обычно учёные фокусировали внимание на определении зубного возраста отдельных индивидуумов или на сопоставлении размерных показателей, характеристик формы и массивности с современными стандартами, а также на определении возраста появления взрослых морфологических особенностей. Выделяются работы А.-М. Тилье [Tillier, 1986], в которых сопоставляется уровень развития неполовозрелых неандертальцев и архайических гоминид и привлекаются первичные морфологические описания. В некоторых исследованиях применялись морфометрический и качественный анализы краинофациальных признаков у не достигших взрослого возраста представителей среднего – верхнего плеистоцене [Minugh-Purvis, 1995].

Подробностей о детстве неандертальцев известно немного. Высказывалось мнение о совпадении этого периода по своим особенностям в жизни палеоантропов и современного человека [Mann et al., 1996]. Однако о подростковой и юношеской фазах неандертальского развития до самого недавнего времени сведения вообще отсутствовали. Лишь недавно были опубликованы данные исследований, которые могут способствовать выяснению палеоауксологических

аспектов. Эти материалы должны быть сопоставлены с характеристиками кроманьонского населения Европы, изученного более подробно.

Рассмотрим имеющиеся данные об особых периопубертатного возраста в эпохи среднего и верхнего палеолита.

Ле Мустье-1: проблема определения биологического возраста

Уникальное открытие неандертальского подростка, сделанное швейцарским археологом О. Хаузером в нижнем гроте Ле Мустье (департамент Дордонь, Франция) почти 100 л.н., в последние годы вновь привлекло внимание специалистов. Останки, хранившиеся в Берлине, были разрознены и частично разрушены во время Второй мировой войны. Только в 1990-е гг. стало возможно совокупное хранение и изучение черепа и костей посткраниального скелета. Современные взгляды на археологические и антропологические особенности мустерьской находки были изложены в коллективной монографии, подготовленной интернациональным коллективом авторов [The Neandertal..., 2005].

По нашему мнению, одним из важнейших итогов повторного рассмотрения скелета из Ле Мустье-1 явилось появление новой оценки биологического возраста данного индивидуума. Установлением биологического возраста этого “классического” неандертальца занимались многие известные учёные, которых трудно упрекнуть в недостаточной квалификации. Тем не менее результаты диагностики слишком заметно отличались друг от друга (хотя большинство определений основывалось на описании степени кальцификации зубов и развитии нижней челюсти)*. Последней по времени публикации предшествовали 25 работ, авторы которых обсуждали возраст смерти индивидуума из Ле Мустье-1. Суждения специалистов варьировали от достаточно неопределенных: “юный возраст” (Б. Квенштедт) или “юношеский” (Ж. Пивето, К. Стингер, К. Гэмбл, Э. Тринкаус, П. Шипман) до конкретных: назывался возраст 20 (Г.Х.Р. фон Кенигсварльд), 18 (Дж.М. Коулс, Э. Хиггс, Г. Хеберер, А.-В. Валлуа, Х.Л. Мовиус), 16–18 (О. Хаузер), 15–18 (К.П. Окли и др.), 16,5 (Н. Минью-Пурвис), 16 (А. Кизз и А. Грдличка), 15–16 (В. Гизлер) лет. Наиболее многочисленную группу составили специалисты, оценившие возраст индивидуума из Ле Мустье-1 в 15 лет (Б. Вандермеерш, Х. Клаач, К. Шухардт, Х. Вайнерт, Р. Граманн, Х. Мюллер-Бек, а также М. Буль и А.-В. Валлуа). По мнению герман-

*Определение пола, хотя и здесь существуют методические проблемы, для находки из Ле Мустье-1 вопросов не вызывало. Он единогласно признан мужским.

ского антрополога В. Дика, неандертальцу 14–15 лет. М. Вольпоф, К. Стингер с соавторами считали, что ему 13 лет. И, наконец, были учёные, осторожно относившие индивидуума к более широкой возрастной категории, среди них Х. Хессе и Х. Ульрих – 12–18 лет, М.Ф. Скиннер – 13,9–19,9 лет (сводки данных см.: [Hermann, 1977; Nelson, Thompson, 2005]).

Интересно, какие определения западных специалистов были восприняты российскими учёными. Так, Ю.А. Смирнов, опираясь на мнение Дж.-Л. Хайм [Heim, 1981], указывает возраст 16–18 лет [Смирнов, 1991, с. 243]. А.А. Зубов называет возраст 16–17 лет [2004, с. 253].

Э. Нельсон и Д. Томпсон использовали новые данные для всесторонней характеристики особенностей неандертальского онтогенеза [Nelson, Thompson, 2005]. Было установлено, что останки из Ле Мустье-1 принадлежат не ребенку, а представителю более старшей возрастной категории. Для этой находки стало возможным совокупное рассмотрение элементов черепа и посткраниального скелета, в то время как другие неандертальские индивидуумы юношеского возраста известны нам по более фрагментарным останкам. Возраст неандертальца из Ле Мустье-1 подвергся повторному рассмотрению с учетом степени изношенности зубного ряда, прорезания зубов и их квалификации, прирастания эпифизов трубчатых костей, параметров посткраниального скелета.

В итоге был получен парадоксальный результат: зубной возраст индивидуума из Ле Мустье-1 был $15,5 \pm 1,25$ лет. Однако ветви седалищной и лобковой костей еще не срослись (у современного человека процесс прирастания этих элементов обычно завершается к 9 годам, хотя есть исключения). Кроме того, размеры тела индивидуума соответствуют параметрам 10-летнего ребенка *Homo sapiens**.

Как подчёркивают Э. Нельсон и Д. Томпсон [Thompson, Nelson, 2005, р. 216], у современного человека возраст эпифизарного прирастания обычно коррелирует с пубертатом и подростковым ростовым скачком. Действительно, у современных мальчиков-подростков ростовой спурт начинается в 14–16 и завершается в 15,5–19,5 лет благодаря прирастанию эпифизов трубчатых костей. У неандертальца из Ле Мустье-1 эпифизы не приросли, следовательно, он не достиг пубертата или находился в начальной стадии процесса роста. В любом случае, юношеский ростовой скачок он не преодолел, если предположить, что в онтогенезе европейских неандертальцев была такая стадия.

*Результаты гистологического рассмотрения возраста неандертальца из Ле Мустье-1 настолько специфичны, что заслуживают отдельного анализа. Мы обратимся к ним позже.

На основании полученных данных авторы сделали вывод о принципиальном различии ростовой кривой европейских неандертальцев и параметров развития, характерных для *Homo sapiens*. Это важный вывод, который, на наш взгляд, нуждается во всестороннем обсуждении и обосновании, прежде всего в контексте сведений о кроманьонских детях и подростках.

Сравнительные аспекты темпов достижения взрослой формы: неандертальцы и кроманьонцы

Для сравнения особенностей процессов роста у населения Европы эпох среднего и раннего верхнего палеолита мы использовали различные показатели. Э. Нельсон и Д. Томпсон, обсуждая проблему реконструкции длины тела неандертальца из Ле Мустье-1, обратились к методу пропорций, предложенному М. Фельдесманом для изучения индивидуумов 12–18 лет [Feldesman, 1992]. По мнению М. Фельдесмана, данный метод является более корректным по сравнению с известным способом Троттер, Глезер, хотя и существенно занижает результаты. Мы использовали формулу Фельдесмана для вычисления длины тела сунгирского подростка, а также привлекли данные о длине тела индивидуума юношеского возраста, стоявшего на гораздо более ранней стадии эволюционного развития. Как можно заметить, индивидуум из Ле Мустье-1 уступает по длине тела и древнейшему 15-летнему питекантропу (*Homo erectus* из Нариокотоме), и даже более молодому представителю верхнепалеолитического кроманьонского населения (мальчик из Сунгиря-2) (рис. 1).

Д. Томпсон и Э. Нельсон использовали длину тела по Фельдесману для соотнесения со средней длиной тела у неандертальских мужчин (162,8 см). Согласно этой реконструкции, размеры индивидуума Ле Мустье-1 составляют 85,1 % от размеров тела взрослого неандертальского мужчины.

На наш взгляд, при оценке степени достижения размеров взрослой формы важно учитывать соотношение абсолютных продольных размеров бедренной кости и индивидуальных данных по взрослым неандертальцам мужского пола. Такой подход, с одной стороны, позволяет минимизировать статистическую погрешность, неизбежно возникающую при использовании реконструированных при помощи средних значений показателей, подобных длине тела, с другой – помогает учитывать индивидуальную и территориальную вариабельность неандертальского населения Европы. Ведь при сравнении с “германским” Неандерталь-1 “французские” мужчины Спи-2 и Ля-Шапель-о-Сен более миниатюрны. Если брать во

внимание территориальную близость подростка (или юноши?) из Ле Мустье-1 к последним, то, возможно, правильнее говорить о более полной реализации программы достижения размеров взрослой формы (см. таблицу). Впрочем, среди неандертальцев на территории Франции встречались и более крупные экземпляры, подобные мужчине из Ля Ферраси-1. Не исключено, что именно в таком морфотипе была более полно реализована генетическая программа “неандертальского роста”.

Как же соотносятся с возрастом аналогичные показатели у кроманьонцев? Уникальным сравнительным материалом служат сунгирские находки, в т.ч. детская, подростковая и взрослая формы. Замечательная сохранность позволяет сопоставить размеры разных сегментов посткраниального скелета сунгирских детей с размерами взрослого мужчины из Сунгиря-1 и получить представление о темпах роста в конкретной группе верхнепалеолитического населения [Медникова, 2000, с. 371–372].

Анализ рентгенограмм длинных костей и стандартных остеологических измерений показал, что 12–14-летний мальчик из Сунгиря-2 находился в процессе активного начала пубертатного ростового скачка. У неандертальца из Ле Мустье-1, судя по степени дифференцировки посткраниального скелета (к сожалению, разрушенного во время Второй мировой войны), интенсификации темпов роста, характерных для подросткового спурта, не наблюдается. Однако взрослые размеры сунгирца сопоставимы с соответствующими показателями юного мустерьера, полученными при соотнесении с наиболее миниатюрными взрослыми особями неандертальцев (см. таблицу).

Верхнепалеолитические юноши из Дольни Вестонице демонстрируют достижение ими размеров взрослой формы к 16–17 годам. Таким образом, мы можем предположить, что наиболее интенсивный продольный рост в длину происходил у мужчин верхнего палеолита в 14–15 лет (в принципе, это соответствует стандартам развития современных мальчиков).

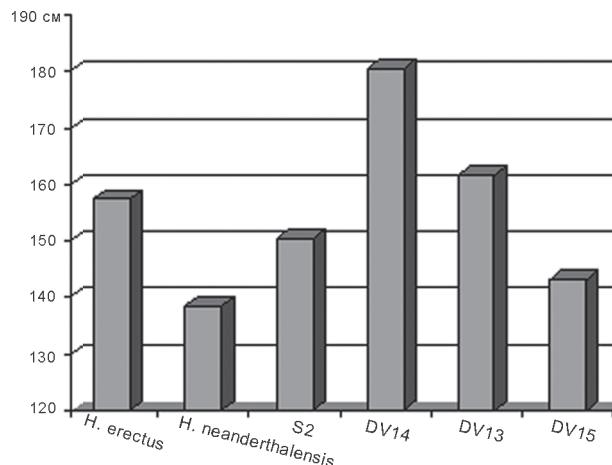

Рис. 1. Сравнительная характеристика длины тела ископаемых гоминидов подросткового и юношеского возраста, определенная по методу Фельдесмана.

Homo erectus: WT-15000 – 15 лет (по: [Feldesman, 1992]).

Homo neandertalensis: Ле Мустье-1 – 15,25 лет (по: [Thompson, Nelson, 2005]);

Homo sapiens: Сунгирь-2 – 12–14 лет, Дольни Вестонице-14 – 16–17 лет, Дольни Вестонице-13 – 17–19 лет, Дольни Вестонице-15 – 20 лет (наши вычисления).

У “классического” неандертальца из Ле Мустье-1 пубертатное увеличение размеров тела в 15 с лишним лет еще не наступило.

Э. Нельсон, Д. Томпсон подчеркивают, что особенности соматического роста у неандертальцев и анатомически современного человека в значительной степени совпадают. Но некоторые черты развития были уникальны и характерны только для этой группы гоминидов. Наиболее фундаментальное отличие заключается в характерном для мустерьера значительном расхождении в уровне зрелости зубной системы и посткраниального скелета. Развитие зубов опережало рост тела в длину на годы. (Заметим, что опережающее формирование зубной системы в свете данных об исключительной плотоядности неандертальского населения было селективно выгодным феноменом.)

Сравнительная характеристика темпов достижения размеров взрослой формы у неандертальцев и кроманьонцев (длина бедра), %

Ле Мустье-1 (зубной возраст 15,25 лет)	Сунгирь-2 (12–14 лет)	Дольни Вестонице-14 (16–17 лет)	Дольни Вестонице-13 (17–19 лет)
89,31*	84,03 ^{*4} (с эпифизами)	102,27 ^{*5}	91,73 ^{*5}
92,23**	75,85 (без эпифизов)	110,74 ^{*6}	99,33 ^{*6}
85,97***			

Примечание. В качестве “взрослой формы” использованы данные по: *Спи-2, **Ля-Шапель-о-Сен, ***Неандерталь-1, ^{*4}Сунгирь-1 (введена поправка, устраняющая последствия искажения продольных размеров рентгеновского изображения), ^{*5}наиболее высокорослому взрослому представителю моравских кроманьонцев Пшедмости-3, ^{*6}наиболее низкорослому – Пшедмости-9.

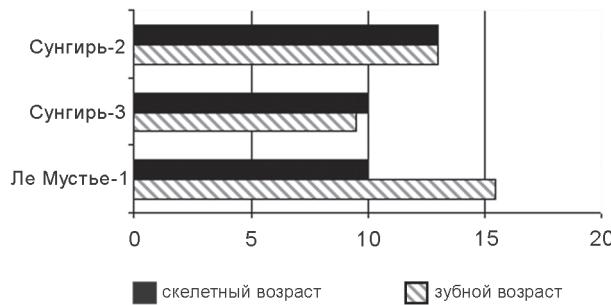

Рис. 2. Соотношение определений биологического возраста у неандертальца из Ле Мустье-1 и кроманьонских детей из Сунгиря.

ном* (подробный обзор о пищевой специализации неандертальцев см.: [Добровольская, 2005]).

Этот тезис находит подтверждение, когда мы сравниваем определения биологического возраста, произведенные по зубам и посткраниальному скелету мус্�тэйрцев и сунгирских детей (рис. 2). В отличие от неандертальского юноши у сунгирских детей определения признаков по зубам и костям скелета в значительной степени совпадают. Причем по размерам сунгирские дети заметно опережают детей сходного возраста из разных палеопопуляций современного человека [Медникова, 2000]. Размеры костяка из Сунгиря-3 соответствуют таковым у 14–16-летних современных подростков, а параметры костяка из Сунгиря-2 совпадают со скелетным развитием 15–20-летних молодых людей. Таким образом, можно предположить, что темпы роста сунгирских детей, скорее, соответствуют тенденциям, характерным для процесса акселерации, подробно изученного на материалах обследований детей и подростков последних 100 лет. Примечательно, что по морфологии самыми близкими сунгирцам оказались их ровесники (по критериям зубного возраста) – урбанизированные и акселерированные дети ХХ в. европеоидного происхождения. Именно благодаря этому совпадению мы можем говорить о точном соответствии степени развития

*Согласно данным Х. Бочерена и соавторов, поздний неандертальец из пещеры Мариллак по степени плотоядности напоминал гиену [Bocherens et al., 2001]. Исследователи отмечали, что уже в 4 года структура питания неандертальского ребенка соответствовала рациону взрослого [Thompson, Nelson, 2000]. Как подчеркивает М.В. Добровольская [2005], энергетические затраты занятых тяжелым физическим трудом неандертальцев были выше, чем у эскимосов – людей с наибольшими энергетическими затратами среди современного человечества. Поэтому неандертальцы с малых лет нуждались в высококалорийной мясной пище. Как можно предположить, своевременное или даже несколько опережающее формирование элементов зубного ряда становилось, таким образом, одним из важнейших факторов успешного выживания неандертальских особей.

зубной и посткраниальной систем у сунгирцев темпами роста современных представителей нашего вида, выделяющихся крупными размерами тела. Кроме того, в отличие от европейского мус্�тэйрца дети *Homo sapiens* эпохи верхнего палеолита демонстрировали, скорее, обратную тенденцию: рост тела в длину опережал развитие зубной системы.

Материал для соотнесения зубного и скелетного возраста у подростков *Homo sapiens*, живших в эпоху палеолита, невелик, поэтому интерес могут представлять сведения, раскрывающие особенности гораздо более позднего, неолитического, населения. Детская выборка из германского могильника Вандерслебен была описана П. Карли-Тиле [Carli-Thiele, 1996, S. 149–150, Abb. 7]. Рассматривая эту серию в целом, исследовательница обращает внимание на опережающие характеристики соматического развития по сравнению с зубным возрастом (т.е. имеет место тенденция, ранее отмеченная нами для кроманьонских детей). Эта закономерность наиболее отчетливо выражена у детей 5–12 лет эпохи неолита. Но отметим также, что, согласно некоторым индивидуальным данным, приводимым П. Карли-Тиле, в 13 и 14 лет степень зубного развития могла слегка опережать развитие посткраниального скелета. Однако эта разница не была такой большой, как у неандертальца из Ле Мустье-1. Впрочем, данных о продолжительности юношеского возраста у европейских неандертальцев пока нет и неизвестно, как быстро могло быть преодолено подобное отставание скелетного от зубного возраста. Очевидно лишь, что увеличение длины тела у индивидуума из Ле Мустье-1 происходило в более позднем возрасте, чем у кроманьонцев.

Итак, воссоздаваемая картина соматического развития неандертальского юноши (судя по зубной зрелости) 15 лет выглядит достаточно противоречивой. Однако, как нам кажется, миниатюрные размеры скелета из Ле Мустье-1 напрасно смущают исследователей. Выше отмечалось, что длина его бедренной кости составляет 92,23 % от размеров взрослого неандертальца Ля-Шапель-о-Сен, так что отставание в темпах увеличения размеров тела индивидуума из Ле Мустье-1, возможно, преувеличено (см. таблицу). Однако отсутствие следов синостозирования, пристания эпифизов, задержка срастания элементов тазового пояса необычны для такого возраста.

Ранее, опираясь на морфологические особенности взрослых неандертальцев с выраженным признаками андроморфии, исследователи предполагали, что у палеоантропов по сравнению с кроманьонцами быстрее происходило созревание, в т.ч. половое. Но такой набор показателей, как у неандертальца из Ле Мустье-1, означает совершенно особый гормональный статус.

Мы упоминали данные о современных мальчиках мускульного конституционального варианта, облада-

ющих в 15 лет высоким уровнем мужского полового гормона Т и максимально высоким уровнем Э. Эти маскулинизированные подростки относятся к быстросозревающей категории мальчиков. Юный индивидуум из Ле Мустье-1, несмотря на некоторые андроморфные черты (широкие, как и у всех неандертальцев, плечи), по состоянию посткраниальной системы был еще слишком далек от полового созревания.

Если бы приходилось опираться только на определения биологического возраста по визуальным описаниям его скелета, неандертальцы выступали бы как гиперсапиентная группа, у которой очень долго сохранялись детские морфологические признаки. Ведь, вопреки ожиданиям, половое созревание неандертальского индивида оказалось отложенным, а не ускоренным.

Но, учитывая возможность исследовать череп, биологический возраст неандертальца из Ле Мустье-1 может быть оценен значительно выше. Мало того, даже у авторов последней коллективной монографии [The Neandertal..., 2005] нет единой точки зрения на возраст, определяемый по черепу. Особое мнение высказали Й. Тэттерсoll, Дж. Шварц [Tattersall, Schwartz, 2005, p. 350]; они считают, что останки из Ле Мустье-1 принадлежат не юноше, а взрослой особи в возрасте ок. 20 лет. Как полагают эти специалисты, определяющим следует принимать закрытие швов, а не зубную зрелость. Хочется добавить, что современный сапиенс в этом возрасте готов к репродукции, но индивидуум из Ле Мустье-1, по-видимому, не достиг этого состояния.

Что же могло вызвать столь сильную разбалансировку разных систем и частей организма, очевидное замедление темпов полового созревания? Ответ на этот вопрос кроется, возможно, в ошеломляющих результатах гистологического исследования, выполненного Х. Рэмси, Д. Вивером и Х. Зайдлером [Ramsay, Weaver, Seidler, 2005].

Гистологические срезы были взяты из трубчатых костей (плечевой и бедренной). Средний возраст для среза № 4 плечевой кости был получен по формуле регрессии Йошино и составил 41,58 лет (!) по числу остеонов и 10,02 по числу фрагментов остеонов. Близкие результаты дало применение уравнения регрессии по Старту – 42,24 года (!), возраст для среза № 3 плечевой кости соответственно 52,27 и 10,47 лет (по Старту 49,63 – число интактных остеонов). На срезе диафиза бедренной кости количество остеонов соответствует 14,64 годам, фрагментов остеонов – 6,08 годам.

Итак, число интактных остеонов в плечевой кости почти в 4 раза увеличивает возраст неандертальца из Ле Мустье-1, превращая его из ребенка в настоящего старца (применительно к эпохе камня, разумеется). Получив столь необычные данные, авторы уделили особое внимание проверке методических основ

своего исследования и тафономическому состоянию образцов. Они последовательно исключили эти факторы из числа причин редкого явления.

В качестве вероятных объяснений остались факты болезней и биомеханического стресса. Вторичный гиперпаратиреоидизм, или гипertiреоидизм, теоретически может быть ответственным за ускоренную перестройку остеонов. Однако, если индивидуум из Ле Мустье-1 страдал системным заболеванием, следы последнего должны были распределиться на скелете равномерно, затронув и верхнюю, и нижнюю конечность. Таким образом, в качестве основной причины перестроек костной ткани выступает биомеханический стресс. Увеличенное число неразрушенных остеонов могло быть результатом запредельной физической нагрузки, приходившейся на плечевую кость. Гистологи предполагают, что имело место постоянно повторявшееся движение, затрагивавшее верхнюю часть туловища. Еще первый исследователь находки из Ле Мустье-1 Х. Клаач обращал внимание на сильное развитие дельтовидной бугристости плечевой кости [Klaatsch, 1909], поэтому мы можем допустить, что речь идет об интенсивных элеваторных нагрузках.

Нижняя конечность таких нагрузок не испытывала, поэтому ее “биологический возраст” ближе к большинству определений. То же можно сказать и о подсчетах большинства разрушенных остеонов – остатках перестроенных старых клеток, вытесненных новыми структурными единицами. Возраст 10,2–10,47 лет очень близок к макроскопически определяемому по морфологическим критериям посткраниального скелета.

Особенности юношеского периода у европейского неандертальца: таксономические отличия или влияние среды

Данные об особенностях скелета неандертальца из Ле Мустье-1 мы можем соотнести со схемой Б. Богина. Анализ позволяет сделать следующие выводы:

1) рост головного мозга, как и дифференцировка зубов (соответствие юношескому, илиadolесцентному, периоду современного человека), по-видимому, закончены;

2) ростовой пубертатный скачок еще не начат (соответствие ювенильной или, судя по дифференцировке скелета, даже детской стадии современного человека);

3) гипертрофия костно-мышечного рельефа и “изношенность” скелета, выявленная гистологическим методом, свидетельствуют о том, что индивидуум сам добывал себе пропитание (отличие от “современного” детства, ювенильная, или адолосцентная, характеристика);

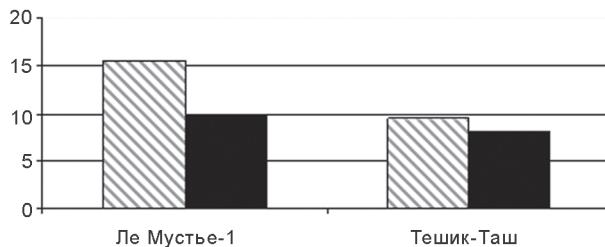

Рис. 3. Соотношение определений биологического возраста у неандертальцев из Ле Мустье-1 и Тешик-Таша.
Усл. обозн. см. на рис. 2.

4) интенсивность биомеханических нагрузок могла способствовать преждевременному развитию процессов старения(!) костной ткани (отличие от современного периода детства?).

Насколько подобная картина специфична для неандертальцев? Будет ли представитель современного *Homo sapiens*, оказавшись в неблагоприятных условиях, требующих от него долговременного напряжения физических сил, демонстрировать сходную противоречивость темпов возрастных изменений разных систем организма?

Ответить на этот вопрос отчасти помогает обращение к характеристикам ребенка из Тешик-Таша. Физиологический костный возраст этого юного неандертальца был подробнейшим образом изучен таким крупным специалистом, как Д.Г. Рохлин [1949, с. 109–111]. Его наблюдения не утратили научной значимости и по прошествии полувека.

Принадлежность тешик-ташского скелета ребенку была установлена по размерам костей, состоянию окостенения скелета и характеру зубной системы. Д.Г. Рохлин изначально предполагал, что нормы для определения возраста, разработанные по отношению к современному человеку, не могут быть безоговорочно применены к неандертальцу. Темп развития скелета и зубной системы, а также характер дифференцировки и соотношения отдельных элементов могли существенно отличаться от современных.

По состоянию окостенения атланта, в соответствии с современными критериями, тешик-ташцу было 7–9 лет (передняя и задняя дуги незадолго срослись с боковыми массами). Рассмотрение костного кольца вокруг запирательного отверстия, точнее, места схождения лонной и седалищной костей, позволило установить, что синостоз здесь завершился примерно за год до смерти ребенка. Д.Г. Рохлин описал микроструктуру в области синостоза, характеризуемую большим количеством костных пластинок. Подобная фаза “физиологической костной мозоли” типична для нормальных современных детей 7–9 лет. (Примечательно, что у неандертальца из Ле Мустье-1 синостозирование элементов таза еще не произошло.)

У ребенка из Тешик-Таша уже имелась точка окостенения для малого бугра бедренной кости (часть малого бугра, окостеневающая за счет диафиза, отличается фестончатостью); эта фаза окостенения начинается с 8 лет. Пневматизация лобной пазухи и системы височной кости также соответствует современному возрасту 7–9 лет.

Тешик-ташский ребенок находился в фазе замены молочных зубов постоянными. Из постоянных зубов на нижней челюсти вышли оба первых моляра и все четыре резца. Корни первого молочного моляра резорбированы под давлением растущего зуба новой генерации, как и корни молочных клыков. Аналогичны изменения на верхней челюсти.

Д.Г. Рохлин заключил, что состояние зубов соответствует современному возрасту 9 лет или чуть старше. По его словам, состояние уже прорезавшихся постоянных зубов соответствует костному возрасту, а состояние еще непрорезавшихся зубов указывает на то, что в следующем возрастном периоде выпадение молочных зубов и появление постоянных должно было происходить раньше, чем у современных подростков. По состоянию непрорезавшихся постоянных зубов тешик-ташский ребенок соответствовал современному ребенку 9–10 лет. Главный вывод Д.Г. Рохлина: у неандертальского индивидуума из грота Тешик-Таш между костным и зубным возрастом наблюдался тот же параллелизм, что и у современных детей соответствующего возраста.

Таким образом, сопоставление показателей биологического возраста двух неполовозрелых неандертальских форм позволяет убедиться в том, что неравномерность развития, характерная для индивидуума из Ле Мустье-1, скорее всего, не является отражением его таксономического ранга (рис. 3). Дисгармоничность созревания этого европейского неандертальца могла быть обусловлена спецификой его образа жизни, крайне жестким давлением внешних условий. Впрочем, слабое опережение темпов развития зубов наблюдается и у тешик-ташца, что не исключает наличия у неандертальцев некоторых общих генетических предпосылок для реализации подобной закономерности развития (см. рис. 2).

Заключение

Суммарное рассмотрение результатов обследования наиболее полного юношеского неандертальского скелета из Ле Мустье-1 позволяет сделать предположение о его весьма специфическом гормональном профиле, по сравнению с современными подростками того же возраста. Отмеченная задержка ростового спурта и полового созревания, а также несогласованность оценок биологического возраста по разным отделам скелета свидетельствуют об интенсивном

воздействии на организм внешней среды, которое тормозило реализацию генетической программы укоренного соматического развития, в целом характерной для мускульных конституциональных вариантов, к которым, по оценкам специалистов, принадлежали европейские неандертальцы.

Без всякого преувеличения “классические” неандертальцы в поздний период своего существования в Европе (в данном случае ок. 40 тыс. л.н.) выживали на пределе своих физических возможностей. Их дети старели (если понимать под началом старения ускоренную перестройку остеонов под действием колосальной биомеханической нагрузки), не успев достичь стадии полового созревания. В этом отношении они, по-видимому, отличались от представителей азиатских неандертальцев (Тешик-Таш), демонстрирующих вполне современные темпы дифференциации зубной и скелетной системы.

Нам представляется вероятным, и это предположение не столь гипотетично, что именно интенсивный способ существования поздних европейских неандертальцев, неблагоприятно влиявший на свойственные этой группе особенности роста и развития подростков и юношей, мог послужить основной причиной их исчезновения.

Список литературы

Бец Л.В. Эстрогенная активность организма и состояние некоторых морфологических признаков у детей в норме и патологии: Дис. ... канд. биол. наук. – М., 1970. – 187 с.

Бец Л.В., Юнес В.В. Морфогормональные соотношения в перипубертатном периоде онтогенеза человека // Вестник антропологии: Альманах. – М.: Оргсервис2000, 2006. – Вып. 14. – С. 211–216.

Добровольская М.В. Человек и его пища. – М.: Науч. мир, 2005. – 368 с.

Зубов А.А. Палеоантропологическая родословная человека. – М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2004. – 551 с.

Медникова М.Б. Сравнительный анализ рентгеноструктурных особенностей сунгирцев: палеоэкологические аспекты // *Homo sungirensis*. Верхнепалеолитический человек: экологические и эволюционные аспекты исследования / Отв. ред. Т.И. Алексеева, Н.О. Бадер. – М.: Науч. мир, 2000. – С. 259–386.

Рохлин Д.Г. Некоторые данные рентгенологического исследования детского скелета из грота Тешик-Таш, Южный Узбекистан // Тешик-Таш: палеолитический человек / Отв. ред. М.А. Гремяцкий, М.Ф. Нестурх. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1949. – С. 109–121.

Смирнов Ю.А. Мустерские погребения Евразии: Возникновение погребальной практики и основы тафологии. – М.: Наука, 1991. – 341 с.

Хрисанфова Е.Н. Антрополого-эндокринологические исследования как способ познания биосоциальной природы человека (историческая филогения) // Проблемы современной антропологии. – М.: Флинта; Наука, 2004. – С. 23–39.

Bogin B. Evolutionary hypothesis for human childhood // Yearbook of Physical Anthropology. – 1997. – Vol. 40. – P. 63–89.

Bocherens H., Billiou D., Mariotti A., Toussant M. New isotopic evidence of dietary habits of Neandertals from Belgium // J. of Human Evolution. – 2001. – Vol. 40. – P. 497–505.

Carli-Thiele P. Spuren von Mangelkrankungen an steinzeitlichen Kinderskeletten. – Goettingen: Verlag Erich Goltze, 1996. – 267 S.

Feldesman M.R. Femur/stature ratio and estimates of stature in children // American J. of Physical Anthropology. – 1992. – Vol. 87. – P. 447–459.

Gurven M., Walker R. Energetic demand of multiple dependents and the evolution of slow human growth // Proceedings of the Royal Society. Ser. B. – 2006. – Vol. 273. – P. 835–841.

Heim J.-L. Le dimorphisme sexuel du crâne des hommes de Neandertal // L'Anthropologie (Paris). – 1981. – Vol. 85, N 2. – P. 193–218; 1982. – Vol. 85/86, N 3. – P. 451–469.

Hermann B. Über die Reste des postcranialen Skeletes des Neandertalers von Le Moustier // Zeitschrift für Morphologie und Anthropologie. – 1977. – Vol. 68. – P. 129–149.

Klaatsch H. Diagnose des Skellets // Archiv für Anthropologie. – 1909. – Vol. 35. – S. 293–297.

Mann A., Lampl M., Monge J.M. The evolution of childhood: dental evidence for the appearance of human maturation patterns (abstract) // American J. of Physical Anthropology. – 1996. – Suppl. 21. – P. 156.

Minugh-Purvis N. Odontogenetic patterning through childhood and adolescence in the mandible of the late Pleistocene *Homo sapiens* (abstract) // American J. of Physical Anthropology. – 1995. – Suppl. 20. – P. 55.

Nelson A.J., Thompson J.L. Le Moustier 1 and the interpretation of stages in Neandertal growths and development // The Neandertal Adolescent Le Moustier 1. New Aspects, New Results / Ed. H. Ullrich. – Berlin: [s.l.], 2005. – P. 328–338. – (Berliner Beiträge zur Vor- und Frühgeschichte, N.F.; Bd. 12).

Ramsay H.L., Weaver D.S., Seidler H. Bone histology in the Le Moustier Neandertal child // The Neandertal Adolescent Le Moustier 1. New Aspects, New Results / Ed. H. Ullrich. – Berlin: [s.l.], 2005. – P. 282–292. – (Berliner Beiträge zur Vor- und Frühgeschichte, N.F.; Bd. 12).

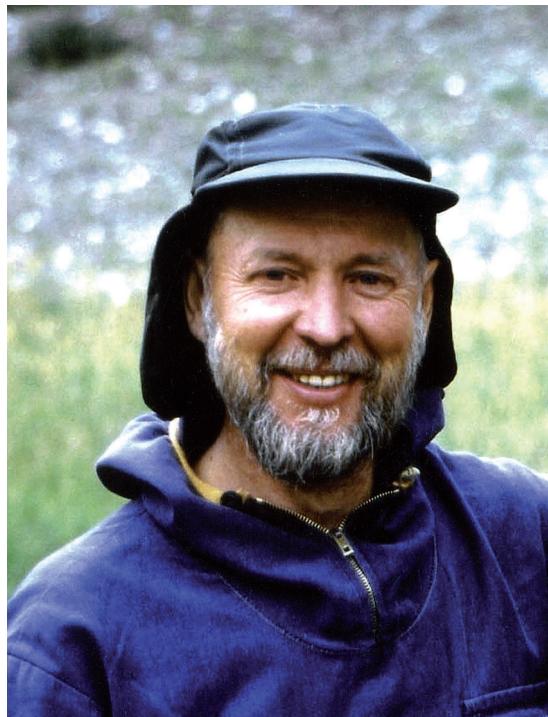
Tattersall I., Schwartz J. Le Moustier and *Homo neanderthalensis* // The Neandertal Adolescent Le Moustier 1. New Aspects, New Results / Ed. H. Ullrich. – Berlin: [s.l.], 2005. – P. 349–355. – (Berliner Beiträge zur Vor- und Frühgeschichte, N.F.; Bd. 12).

Thompson J.L., Nelson A.L. Estimated age at death and sex of Le Moustier 1 // The Neandertal Adolescent Le Moustier 1. New Aspects, New Results / Ed. H. Ullrich. – Berlin: [s.l.], 2005. – P. 208–222. – (Berliner Beiträge zur Vor- und Frühgeschichte, N.F.; Bd. 12).

Tillier A.-M. Quelques aspects de l'ontogenèse du squelette crânien des Néandertaliens // Anthropos. – Brno, 1986. – Vol. 23. – P. 207–216.

The Neandertal Adolescent Le Moustier-1. New Aspects, New Results / Ed. H. Ullrich. – Berlin: [s.l.], 2005. – 354 p. – (Berliner Beiträge zur Vor- und Frühgeschichte, N.F.; Bd. 12).

ВЛАДИМИР ДМИТРИЕВИЧ КУБАРЕВ

14 августа 2006 г. исполнилось 60 лет Владимиру Дмитриевичу Кубареву, доктору исторических наук, главному научному сотруднику ИАЭт СО РАН.

Он родился в глухом селе Боровлянка Алтайского края, в крестьянской семье. Владимир Дмитриевич принадлежит к тому редкому сорту людей-самородков, которые, не имея специального образования, раньше или позже “находят” себя, полностью отдаются своему любимому делу и достигают в нем больших успехов. В 1963 г. 17-летним юношей он, досрочно окончив училище, впервые попадает на Горный Алтай в качестве со-трудника высокогорной метеостанции Бертек. Затем была работа на живописном Ак-Кеме, где из окна метеостанции каждое утро можно было видеть Белуху – самую высокую и красивейшую гору Алтая. Здесь Владимир Дмитриевич познакомился с многочисленными памятниками древности и “заболел” ими на всю последующую жизнь.

На Алтае произошла первая встреча с акад. А.П. Окладниковым, который не мог не за-

метить в пытливом молодом человеке ум, талант и огромный интерес к археологии. Вскоре (в 1970 г.) В.Д. Кубарев поступает на должность лаборанта в возглавляемый А.П. Окладниковым Институт истории, философии и филологии СО АН СССР и уже с 1973 г. начинает вести самостоятельные работы в качестве начальника Восточно-Алтайского отряда Северо-Азиатской археологической экспедиции, которым руководит и поныне.

В.Д. Кубарев принадлежит к тем редким сейчас научным работникам, которых мало волнует их формальный статус. До 1989 г. у него не было диплома о высшем образовании. Заочно он окончил пединститут и затем аспирантуру. В 1998 г. не без доброжелательного нажима со стороны его научного руководителя и директора ИАЭт СО РАН акад. А.П. Деревянко В.Д. Кубарев представил к защите кандидатскую диссертацию на тему “Древние кочевники Восточного Алтая”. Однако Совет по защитам, учитывая объем и качество проделанной научной работы, счел возможным присудить соискателю степень доктора исторических наук, минуя кандидатскую.

После этого Владимир Дмитриевич не только не почил на лаврах, а с удвоенной энергией продолжил свои исследования в достаточно трудных условиях Горного Алтая (в России и Монголии). Диапазон его интересов очень широк. Раскопки В.Д. Кубарев ведет с филигранной методичностью. Фотографии его раскопов и вся полевая, графическая и текстовая документация просто просятся на страницы учебников полевой археологии.

Результаты научной деятельности В.Д. Кубарева отражены в 17 книгах и более чем в 300 статьях, широко цитируемых в отечественной и зарубежной литературе. Без преувеличения можно сказать, что значительная часть работ В.Д. Кубарева вызывает огромный интерес у специалистов. Он раскопал ок. 300 погребений пазырыкской культуры, впервые опубликовал свод оленных камней и средневековых изваяний алтайских тюрок. Сенсационные открытия были сделаны им при изучении хуннских керамических печей в долине р. Юстыд и в ходе раскопок древнетюркских погребально-поминальных сооружений на Алтае и в Монголии. Им открыты и исследованы выдающиеся памятники древнего искусства: ранее

неизвестные в Сибири каменные плиты с полихромными росписями в могильнике Каракол. Его книга “Древние росписи Каракола”, вышедшая 18 лет назад, стала библиографической редкостью. Каракол, несомненно, – памятник мирового значения; некоторые каракольские росписи помещены в антологию памятников мировой наскальной живописи, изданной Э. Анати в 1997 г.

Значителен вклад В.Д. Кубарева и в изучение наскальных изображений. Уже первая сводная его работа включала ок. 200 местонахождений петроглифов Алтая. Одной из его самых ярких творческих удач было открытие и исследование петроглифов в урочище Калбак-Таш. Итогом многолетней работы В.Д. Кубарева на Калбак-Таше стала фундаментальная публикация в известной серии “Свод петроглифов Центральной Азии” (Париж, 1996).

В настоящее время объектом научных изысканий В.Д. Кубарева являются петроглифы Монгольского Алтая. По этой тематике им была организована международная экспедиция в составе Э. Якобсон (США) и Д. Цэвэндоржа (Монголия). По результатам исследований последних десяти лет В.Д. Кубаревым и его иностранными соавторами опубликовано более 100 работ (часть статей напечатана в археологических журналах в США, Франции, Германии, Японии и Корее). В 2001 г. в серии “Свод петроглифов Центральной Азии” издана двухтомная монография. Она посвящена древним наскальным изображениям, открытим Российско-Монгольско-Американской экспедицией в Баян-Улэгейском аймаке Монголии. Расширенный, полностью русскоязычный вариант этой фундаментальной работы вышел в свет в 2005 г.

Научные заслуги юбиляра признаны и за пределами России. В.Д. Кубарев избран членом-корреспондентом Германского археологического института в Берлине, членом-корреспондентом Института изучения кочевнических цивилизаций в Улан-Баторе, членом Сибирской ассоциации исследователей первобытного искусства в Кемерове. В 2002 г. за вклад в изучение наскальных изображений Монголии

В.Д. Кубареву присвоено звание профессора Института археологии Монгольской академии наук. Много лет проф. В.Д. Кубарев руководит дипломными работами выпускников гуманитарного факультета НГУ.

Талантливый фотохудожник В.Д. Кубарев по итогам полевых работ создал несколько научно-популярных экспозиций. Одна из них, посвященная 20-летию археологических исследований на Алтае и приуроченная к юбилею ИАЭт СО РАН, экспонировалась в различных учреждениях Новосибирска и Горно-Алтайска. В 2005 г. была организована его персональнаяотовыставка (более 100 работ) в музее им. Н.К. Рериха (Новосибирск); работы выставлялись в Республиканском музее им. Анохина в Горно-Алтайске и в Государственном музее истории литературы, искусства и культуры Алтая в Барнауле. Юбиляр принимает активное участие в подготовке международных выставок, проводимых ИАЭт СО РАН, в США, Австралии, Южной Корее, Японии и других странах. Многие издания научных трудов, буклеты и путеводители также иллюстрированы слайдами и фотографиями В.Д. Кубарева. Постоянная экспозиция цветных фотографий Владимира Дмитриевича уже много лет украшает фойе и конференц-зал института. Еще одна страсть юбиляра – горные лыжи, которыми он увлекся задолго до того, как этот спорт стал модным в нашей стране.

Свой юбилей Владимир Дмитриевич встречает в расцвете своего научного творчества. Символично, что его день рождения почти совпадает с нашим праздником – Днем археолога. Чествование юбиляра не состоялось, поскольку в этот день он, как всегда, работал на Алтае.

Дорогой Владимир Дмитриевич, друзья и коллеги сердечно поздравляют Вас с юбилеем, желают Вам крепкого здоровья, новых открытий, семейных радостей и удачных спусков на горнолыжных трассах.

Я.А. Шер

**МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
ПО АРХЕОЛОГИИ СКИФОВ И АЛТАЙСКИХ ГОР,
Гент, Панд, 4–6 декабря 2006 года**

4–6 декабря 2006 г. в г. Генте (Бельгия) состоялась Международная научная конференция, организованная Гентским университетом при поддержке ЮНЕСКО и Фламандского трастового фонда, на которой обсуждались проблемы археологии скифской эпохи Алтая и природного контекста древних памятников, сохраненных в мерзлоте. Участников международного форума, собравшего более 50 человек из девяти стран (Англия, Бельгия, Германия, Голландия, Казахстан, Россия, США, Франция, Швейцария), приветствовали руководство Гентского университета и представитель ЮНЕСКО Ю. Хан, отметившая важность обсуждаемых вопросов в условиях глобального изменения климата. (Это уже второй международный научный форум, состоявшийся в 2006 г.; научная конференция с аналогичной программой прошла весной в г. Горно-Алтайске.)

Работу секции “Культурный ландшафт Алтая” открыл доклад В. Гейле (Университет г. Гента, Бельгия), посвященный археологическим изысканиям Университета г. Гента на территории Российского (1995–1997, 1999–2000, 2003–2006) и Казахстанского (2006) Алтая. В качестве основного результата докладчик назвал создание базы данных, включающей сведения о более чем 5 тыс. археологических памятниках. Сотрудники Университета г. Гента, как показал докладчик, занимались картографированием разнообразных археологических объектов в Горном Алтае с помощью современных навигационных средств и совместно с экспедицией Горно-Алтайского государственного университета участвовали в раскопках.

Э. Якобсон (Орегонский университет, США) сделала сообщение об инвентаризации археологических памятников на территории Монгольского Алтая и о подходах к интерпретации локальных “культурных ландшафтов” данного региона. По ее мнению, объем данных, полученных в результате совместных работ с коллегами из Сибирского отделения Российской академии наук (сведения о нескольких тысячах памятников разных эпох, в т.ч. петроглифах, оленных камнях, древнетюркских изваяниях, херексурах, т.н. виртуальных жилищах и др.), уже превысил “критическую массу” для гипотез и требует осмыс-

ления. Для разных локусов Монгольского Алтая Э. Якобсон предложила гипотезы, касающиеся культурного и социального содержания, заключенного в структуре комплексов археологических памятников на открытых ландшафтах. Продолжением рассуждений Э. Якобсон о “ландшафтной археологии” Монгольского Алтая стало выступление ее аспирантки М. Бэард (Орегонский университет, США); она сделала экскурс в историю формирования термина “культурный ландшафт”, высказалась в пользу необходимости “комплексного подхода” к изучению и выдвинула собственные версии трактовки содержания, заключенного в разнообразных памятниках населения высокогорных долин Монгольского Алтая.

Л. Ван Хофф (Университет г. Лейдена, Нидерланды) информировал собравшихся о совместном с Университетом Улан-Батора проекте исследований в Центральной Монголии, о сходстве и различиях между разновременными археологическими объектами данного района и Алтая (соавтор доклада – Х. Хинцлер). В.Г. Бабин (Горно-Алтайский государственный университет) зачитал тезисы сотрудника Горно-Алтайского государственного университета В.И. Соенова, не приехавшего на форум. В них определялись факторы, угрожающие сохранности археологических памятников Алтая, среди которых первое место занимает антропогенное воздействие (развитие инфраструктуры региона, в т.ч. индустрии туризма и т.п.). А.В. Шитов представил совместный с А.В. Карапаниным (Горно-Алтайский государственный университет) доклад, в котором изложил геолого-геофизические и ландшафтные характеристики ряда археологических комплексов Кош-Агачского р-на Республики Алтай и предложил считать некоторые из этих особенностей отражением археоастрономических закономерностей.

В первый день работы конференции был проведен мини-симинар по современной картографии и использованию ее достижений в археологии. К. Якобсен (Институт фотограмметрии и геоинформации, Университет г. Ганновера, Германия) продемонстрировал возможности построения точных карт с помощью данных космической спутниковой

съемки. Р. Гооссенс (Университет г. Гента, Бельгия) указал на то, что инвентаризация археологических объектов Алтая невозможна без подробного картографирования, и информировал о технологии создания археологических карт долин ряда рек в Чуйской степи (Кош-Агачский р-н Республики Алтай), а также о работах по проекту Университета г. Гента в 2006 г. в истоках р. Бухтармы (Восточный Казахстан). А. де Вулф (Университет г. Гента, Бельгия) охарактеризовал возможности современного геодезического оборудования и методик GIS для получения точных определений местоположения археологических объектов. Он предложил путь интеграции различных методов (фотограмметрия, аэрофотосъемка, картография, геодезия, GIS-технологии) для получения максимально точных результатов.

Работу секции “Археология скифов” открыл доклад А.-П. Франкфора “Размышления о пазырыкской культуре и искусстве в свете новейших открытий”, подготовленный совместно с К. Дебэн-Франкфором. Исследователи предложили перспективные подходы к решению комплекса проблем определения западных заимствований в искусстве населения Алтая скифской эпохи. Поставлена задача выделить элементы культуры, привнесенные в Китай при посредстве пазырыкцев или без участия носителей пазырыкской культуры, минуя Горный Алтай. Чрезвычайно интересны выводы авторов об ахеменидском влиянии на пазырыкское искусство, о бактрийском перифразе искусства ахеменидского Ирана как источнике заимствований, о процессе адаптации стилистических изобразительных приемов пазырыкскими мастерами, а также об обратном степном влиянии на искусство Бактрии. Авторами доклада убедительно показаны возможности раскрытия механизмов межкультурных взаимодействий на основе анализа изобразительных материалов.

Г. Джумабекова представила доклад, подготовленный в соавторстве с З. Самашевым, А. Онгар, Г. Киясбек, А. Чотбаевым и Г. Базарбаевой (Институт археологии им. Маргулана, Алматы, Казахстан), посвященный результатам новейших исследований Берельского могильника. В 2006 г. здесь раскопан пазырыкский курган с парным человеческим захоронением в сопровождении пяти коней. Большой интерес представляют прекрасно сохранившиеся наборы парадной конской узды с изображениями в зверином стиле. Докладчица предложила интерпретацию сюжетов зооморфных изображений в ансамблях конского убранства. К. Алтынбеков (Реставрационная лаборатория “Остров Крым”, Алматы) подробно осветил принципы и методы консервации и реставрации разнообразных артефактов из мерзлотных памятников Казахстанского Алтая, продемонстрировал ряд впечатляющих авторских реконструкций, в т.ч. модели

конского убранства и масок-наголовников с рогами горного козла из могильника Берель.

Д.В. Черемисин (Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск) обратился к анализу семантики одного из персонажей искусства звериного стиля пазырыкской культуры – “клювоголового” оленя, представленного на татуировках пазырыкцев (могильники Пазырык, Ак-Алаха, Верх-Кальджин). Докладчик продемонстрировал представительную серию иконографических параллелей татуированым изображениям этого персонажа в произведениях торевтики и деревянной резьбы населения Южной Сибири и Центральной Азии скифской эпохи, а также предложил версию прочтения семантики данного фантастического образа. Х. Пьеонка (Германский археологический институт, Берлин) представила совместный доклад (соавторы – В.И. Молодин, М.И. Эпов, Д. Цевэндорж и Й. Шнеевайс) о картографировании и геофизических исследованиях памятников Монгольского Алтая, выполненных в рамках международного проекта в 2005–2006 гг. В ходе междисциплинарных исследований и мониторинга на памятниках скифской эпохи геофизиками СО РАН была обнаружена подкурганная мерзлота, определены археологические объекты, последующие раскопки которых позволили открыть “замерзшие” пазырыкские памятники на территории Монголии.

Г. Парцингер (Германский археологический институт, Берлин) представил совместный доклад с участниками данного проекта В.И. Молодиным (Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск) и Д. Цевэндоржем (Академия наук МНР, Улан-Батор), в котором продемонстрировал результаты работ в Монгольском Алтае, в т.ч. материалы раскопок могильника Олон Курин-Гол – самого южного из известных на сегодняшний день пазырыкских памятников. Международной экспедицией здесь исследовано пазырыкское погребение с типичным погребальным инвентарем, хорошо сохранившимся в условиях подкурганной мерзлоты. И.Ю. Слюсаренко (Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск) ознакомил участников конференции с результатами, полученными в ходе совместного с К.-У. Хойслером (Германский археологический институт, Берлин) изучения образцов древней древесины из пазырыкских памятников на территории Российского и Монгольского Алтая. Наибольший интерес вызвали результаты совмещения дендрохронологических шкал, построенных для Тибета по образцам можжевельника (К.-У. Хойслер), для Алтая и Монголии – по образцам древних лиственниц (И.Ю. Слюсаренко), а также дендрохронологические индикаторы продолжительности пазырыкской культуры Алтая.

На секции “Изучение феномена мерзлоты Горного Алтая” прозвучали доклады, посвященные при-

родному контексту археологических памятников, обсуждались также угроза исчезновения и возможность сохранения мерзлоты в условиях глобального изменения климата. Н.Н. Михайлов (Белгородский государственный университет) подробно охарактеризовал условия формирования и современное состояние многолетней мерзлоты на Алтае. По мнению докладчика, процесс деградации мерзлоты на Алтае прогрессирует, но при этом не имеет катастрофического характера. В другом, совместном с Л.А. Михайловой и Н.Ф. Харламовой, докладе Н.Н. Михайлов остановился на региональных проявлениях глобального потепления (смещение границ природных зон, опустынивание, аридизация). Вследствие климатических изменений на высокогорном Алтае, по заключению авторов доклада, будут сокращаться многолетняя мерзлота и размеры ледников.

А.П. Горбунов (Казахстанская высокогорная геокриологическая лаборатория Института мерзлотоведения СО РАН) в совместном докладе с заведующим данной лаборатории Э.В. Северским ознакомил присутствующих с результатами новейших исследований мерзлотных памятников на территории Казахстанского Алтая, охарактеризовал разные типы мерзлоты. Э.В. Северский в совместном докладе с З.С. Самашевым (Институт археологии им. Маргулана, Алматы, Казахстан) информировал о работах в рамках проекта ЮНЕСКО “Алтайские курганы с мерзлотой: стратегии и перспективы”, продемонстрировал зависимость мощности линз подкурганной мерзлоты в долине р. Берель от высоты и диаметра каменной насыпи кургана, возведенного над захоронениями скифской эпохи.

С.С. Марченко (Международная ассоциация вечной мерзлоты, Университет Аляски, г. Фэрбенкс, США) в своем докладе, а также в совместном с В. Романовским сообщении продемонстрировал изменение состояния мерзлоты в Центральной Азии, представил результаты исследования мерзлоты под пазырыкскими курганами Берели. По его мнению, изменение климата в условиях глобального потепления может угрожать мерзлоте под курганами, диаметр которых менее 18 м и высота менее 1–2 м. Докладчик рассказал о методах, препятствующих деградации мерзлых пород, в т.ч. о промышленных опытах создания специальных сифонов для намораживания льда и предотвращения размораживания мерзлых грунтов в тех районах, где они включены в индустриальный контекст. Р. Гооссенс сделал сообщение об опыте изучения мерзлоты на территории Российской Алтая с использованием спутниковой съемки.

Ю.П. Баденков (Институт географии РАН, Москва) перечислил факторы (глобализация, развитие экономики и инфраструктуры), с которыми связанны наибольшие опасности для природного и куль-

турного наследия; с их влиянием Алтай обречен столкнуться в ближайшем будущем. Ю.П. Баденков развел предложенную им на конференции в Горно-Алтайске идею создания горных биосферных заповедников в приграничной зоне в пределах России, Китая, Монголии и Казахстана. По его мнению, именно в таком резервате можно совместить решение задачи сохранения природного и культурного наследия и успешно реализовать стратегию развития в приграничных районах на основе введения здесь особого кодекса экономики. Автор также представил виртуальный проект музея под открытым небом для демонстрации пазырыкских древностей на территории плоскогорья Укок.

Ж. Буржуа (Университет г. Гента, Бельгия) в своем выступлении подвел некоторые итоги проекта по сохранению археологических памятников в мерзлоте на Алтае, в осуществлении которого принимали участие сотрудники Университета г. Гента, а также Горно-Алтайского государственного университета (Россия) и Института археологии им. Маргулана (Казахстан), и анонсировал программу дальнейших действий. К важнейшим результатам экспедиции на Алтай он отнес организацию мониторинга археологических памятников с природной мерзлотой, создание детальных археологических карт Кош-Агачского р-на Республики Алтай. Проект предусматривает дальнейший мониторинг подкурганной мерзлоты, сохранение и изучение археологических памятников с мерзлотой, в т.ч. раскопки мерзлотных захоронений.

Ю. Хан (ЮНЕСКО) осветила политику международного комитета, который она представляет, в отношении сохранения культурного и природного наследия Алтайского региона, часть которого на территории Российского Алтая включена в список объектов мирового наследия. По ее мнению, настало время привлечь правительственные структуры России для того, чтобы выработать и осуществить меры по управлению этим богатством в соответствии с государственными законами России и Конвенцией по охране памятников Мирового культурного наследия. По мнению Ю. Хан, Казахстан также мог бы начать подготовку к представлению части Казахстанского Алтая как претендента на включение в список этих памятников.

Организаторы конференции подготовили и открыли в Генте выставку “Замороженные захоронения в Алтайских горах”. На ней были представлены разнообразные материалы об исследованиях археологических памятников скифской культуры в степях Евразии (постеры с текстами, фотографиями и графиками, в т.ч. копии артефактов из могильника Берель), комплексов пазырыкской культуры, сохранившихся в мерзлоте на территориях России, Казахстана и Монголии. Среди наиболее интересных материа-

лов – предоставленные немецкой стороной фотографии новейших раскопок Российско-Германско-Монгольской экспедиции 2006 г. в Монгольском Алтае. Некоторые участники Французско-Казахстанского и Российско-Германско-Монгольского проектов (А.-П. Франкфор, Г. Парцингер, Г. Базарбаева, К. Алтынбеков, И.Ю. Слюсаренко) были приглашены в Гент и выступили с докладами. На выставке демонстрировались реплики-реконструкции археологических артефактов из могильника Берель, выполненные художником-реставратором К. Алтынбековым.

В заключительной дискуссии обсуждались рекомендации, касающиеся реальных действий, которые предлагалось предпринять для сотрудничества различных научных, культурных и государственных институтов России, Китая, Казахстана и Монголии в деле изучения и защиты природного и культурного наследия Алтая. Участники дискуссии подчеркнули необходимость участия региональных научных и образовательных организаций, местных правительственные и неправительственные структур разных стран в развитии законодательства, которое защищало бы природное и культурное достояние Алтая. Участники дискуссии единодушно признали необходимым максимально информировать местные органы власти, призванные контролировать соблюдение законодательства в каждой из стран, граничащих на Алтае, об археологических памятниках, обладающих статусом культурного достояния. В качестве начальных шагов предлагалось выставку, впервые представленную в Генте, последовательно развернуть в Кош-

Агаче (Российский Алтай), Баян-Ульгийском аймаке (Монголия), а также в одном из центров Восточного Казахстана. Для обсуждения стандартов инвентаризации объектов культурного наследия региона было предложено создать группу экспертов.

Участники дискуссии единодушно согласились с тем, что максимальный эффект в изучении и сохранении памятников могут дать усилия представителей разных научных дисциплин, развитие исследований, носящих междисциплинарный характер, особенно в условиях развертывания на Алтае широкомасштабных инфраструктурных и экономических проектов, а также глобального изменения климата. Заключая данный отчет, хотелось бы еще раз выразить надежду на продуктивность обсуждения комплекса экологических проблем и вопросов, относящихся к “экологии культуры”, в ходе дискуссий, проходивших в 2006 г. под эгидой ЮНЕСКО на форумах в Горно-Алтайске и Генте. Участники состоявшихся конференций выразили полную готовность приложить свои усилия к тому, чтобы способствовать практическому разрешению сложных проблем по сохранению природного и культурного достояния Алтая.

Д.В. Черемисин

*Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090
Россия*

E-mail: cheremis@archaeology.nsc.ru

- АМАЭ – Архив Музея антропологии и этнографии РАН
АО – Археологические открытия
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа
ВДИ – Вестник древней истории
ИА НАН Украины – Институт археологии Национальной академии наук Украины
ИА РАН – Институт археологии РАН
ИАЭт СО РАН – Институт археологии и этнографии СО РАН
ИИА УрО РАН – Институт истории и археологии УрО РАН
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры РАН
ИНИОН РАН – Институт научной информатики по общественным наукам РАН
КСИА – Краткие сообщения Института археологии РАН
МАЭ – Музей антропологии и этнографии РАН
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
ПНИАЛ УрГУ – Проблемная научно-исследовательская лаборатория Уральского государственного университета
РА – Российская археология
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников
СГЭ – Сборник Государственного Эрмитажа
ТИЭ – Труды Института этнографии РАН
УрО РАН – Уральское отделение РАН